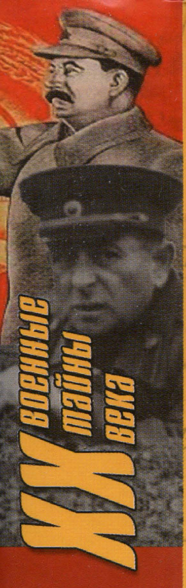


МЕХЛИС. ТЕНЬ ВОЖДЯ

МЕХЛИС. ТЕНЬ ВОЖДЯ

XX военные тайны века

Ю.В. РУБЦОВ

Ю.В. РУБЦОВ

МЕХЛИС
Тень вождя

Москва
«Вече»

УДК 355/359
ББК 63.3(2)615
Р82

Рубцов, Ю.В.

Р82 Мехлис. Тень вождя / Ю.В. Рубцов. — М.: Вече, 2011. — 384 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-9533-5781-4

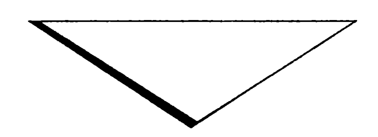
Книга посвящена деятельности одного из ближайших и многолетних сподвижников Сталина — Льва Мехлиса, бывшего подлинным *alter ego* — вторым «я» вождя.

На ее страницах читатель встретится со Сталиным и Молотовым, Ворошиловым и Берией, Жуковым и Тимошенко, Горьким и Фадеевым, десятками других знаменитых и рядовых персонажей советской истории 20—50-х годов XX века. Действие происходит то в кремлевском кабинете вождя, то на поле боя где-то под Керчью; картина пленума ЦК ВКП(б) сменяется сценой бессудного расстрела генералов осенью 1941 года; трагедия народа, сполна хватившего лиха войны и голода, соседствует с роскошью, которую позволяла себе советская знать.

Был ли Мехлис воплощением зла или просто олицетворял свое противоречивое время? На эти вопросы отвечает книга доктора исторических наук Юрия Рубцова, созданная на основе архивных документов, которые еще недавно находились на секретном хранении.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)615

ISBN 978-5-9533-5781-4



ВВЕДЕНИЕ

КТО ОН — «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК»?

На снимках, запечатлевших партийно-государственную элиту СССР 30—40-х годов прошлого столетия, этого человека на первом плане почти не увидишь. Сколько прошло за это время партийных съездов, сессий Верховного Совета СССР, встреч со стахановцами и папанинцами, испанскими добровольцами и героями сверхдальних авиаперелетов! Сколько было возможностей принародно зафиксировать свою близость к главным большевистским лидерам! Ан, нет. Характерный профиль Мехлиса, его полувоенный френч почти неизменно перекрываются другими фигурами.

Лев Захарович в таких случаях действительно предпочитал тень. Особенно желательную, если отбрасывал ее Сталин, раз и навсегда ставший для него кумиром, недосягаемым образцом. Так он держался не только при фотосъемке, но и в жизни: словно выглядывал из-за плеча вождя и никогда явно не демонстрировал намерений выдвинуться вперед на заметную политическую роль. Он избрал удел *alter ego* Сталина, его второго «я». И очевидно, потому, что всегда держал в уме мудрость древних о молниях, чаще всего бьющих по вершинам. И, безусловно, понимая, что власть скрытая, из-за политических кулис, бывает ничуть не меньше публичной, а подчас даже более изощренной и сладостной.

Воистину собачья верность хозяину, житейская хитрость и отменное знание всех пружин кремлевского механизма власти дали желаемый результат: Мехлис, пережив умеренные взлеты и не очень болезненные падения, сумел продержаться в обойме руководителей СССР четверть века и — в отличие от многих из коллег — умер не от пули палача, не на лагерных нарах, а в своей постели.

Так кто же он — Лев Мехлис? Получить ответ на этот вопрос до сих пор трудно не только рядовому читателю. Провозглашая тезис о том, что историю творят люди, конкретные личности, отечественная историческая наука, многие десятилетия находившаяся под особым надзором идеологических цензоров, вынужденно отдавала предпочтение обезличенному показу роли народных масс, анализу проявлений законов общественного развития. В период сталинизма из научного оборота, из народной памяти были изъяты десятки, а то и сотни исторических персонажей. Позднее к ним, хотя частично и реабилитированным, но по-прежнему ханжески замалчиваемым, добавились личности, по разным причинам неудобные для очередного политического руководителя. В результате сложилась явно ненормальная, абсурдная ситуация, когда, по известному выражению, отечественная история стала выглядеть обезлюдевшей, словно полуночная улица.

Современный этап развития России отмечен невиданным ранее интересом наших соотечественников к прошлому страны, к тем, кто творил ее историю и культуру — политикам и полководцам, ученым и меценатам. Подтверждается давно подмеченное: именно тогда, когда общество находится на историческом переломе, люди испытывают особую потребность обратиться к наследию предшествующих поколений. В их опыте и деяниях ищут они духовные и нравственные опоры, стремятся извлечь уроки из ошибок и промахов.

Интерес к новейшей истории нашей страны фокусируется на периоде сталинизма, что постоянно подтверждают результаты соцопросов, проводимых крупнейшими центрами изучения общественного мнения — ВЦИОМ, «Левада-Центр» и другими. Это представляется неудивительным. Именно там, в сталинизме, коренятся многие и многие явления, наблюдаемые в сегодняшнем обществе. Именно тогда сложился механизм власти, который характеризовался почти полным отчуждением народа от этой власти, господством элиты, «нового класса» (термин югославского ученого и диссидента М. Джиласа) — слоя партийно-государственных чиновников, окружавших вождя и благодаря монополии на управление получивших особые привилегии и материальные преимущества. Механизм этот складывался и отрабатывался исподволь, на базе все более масштабных репрессий. Последние Сталин использовал, с одной стороны, как средство устранения всякого инакомыслия, а с другой — как

метод селекции лично ему преданных кадров, взращенных в атмосфере не революционной романтики, а аппаратной, «подковерной» борьбы.

Процесс, однако, был двусторонним. Не только Сталин формировал свою «преторианскую гвардию». Его свита тоже играла своего короля, прокладывая дорогу единовластию, деспотизму вождя, выгодному и ей самой. Л.З. Мехлис сыграл в этом процессе весьма заметную роль. В новейшей истории нашей страны его имя неотделимо от имени Сталина (хотя, понятно, эти фигуры не равновелики) и ассоциируется с процессом утверждения в СССР тоталитарной системы власти, с пропагандистским обоснованием и освещением в нужном для сталинского руководства духе всевозможных кампаний — от форсированной сверх всяких норм индустриализации и насильственной коллективизации до позорных судилищ над идейными противниками вождя, с массовыми репрессиями военных кадров накануне и в годы Великой Отечественной войны. Верным сталинским опричником остался Мехлис в памяти людей.

Достаточно взять любую его статью, речь, проанализировать любой его поступок — и ясно видна в этом человеке незамутненная никакими сомнениями уверенность в том, что он — из когорты «новых людей». А значит, вправе решать за других — «прежних», «старорежимных» — куда идти, в каком обществе жить, и соответственно, вершить скорый суд и расправу над мыслящими иначе. Невольно напрашиваются строки из Бориса Пастернака: «...Телегою проекта / Нас переехал новый человек... А сильными обещано изжитье / Последних язв, одолевавших нас».

О Мехлисе писать довольно сложно. Сразу приходит на ум Жан-Жак Руссо с его постулатом — человек по природе добр. И в самом деле, не палачом, не инквизитором же родился и наш герой. Ведь были же у него и росистая тропинка, по которой сделал первые неуверенные шаги, и синяк, полученный в мальчишеском поединке чести, и первое чувство, делающее любого хоть чуть выше, благороднее.

Но что случилось потом? Откуда столь мрачная, прямо-таки палаческая слава? И случайно ли широкая прижизненная известность Мехлиса обернулась практически полным забвением после смерти? Отнюдь нет. Он сам стал заложником той политико-идеологической системы, формированию которой отдал столько сил.

В среду партийных функционеров он попал как раз в то время, когда с руководящих постов устранялись активные участники Октябрьской революции, члены партии с дореволюционным стажем, авторитетные хранители традиций большевизма, одним своим существованием напоминавшие Сталину о безосновательности его претензий на абсолютную власть. У приходивших им на смену аппаратчиков прежние минусы — мизерный партийный стаж, отсутствие связей с «ленинской гвардией» — оборачивались в глазах первого генсека большими плюсами. Представляется, что именно в этот период окончательно сложилась и личность Мехлиса. Если некогда он, возможно, и исповедовал романтически-революционные идеалы, то теперь счел за благо с ними расстаться, став законченным функционером. Нормы партийного товарищества окончательно уступили место верноподданничеству и лести в отношении «первого лица», а руководящую силу приобрели не решения партийных органов, а указания все более узурпировавшего власть хозяина — Сталина.

Как никогда востребованными оказались отличавшие его качества — бестрепетная жестокость, умение переложить ответственность с себя на других, страсть к аппаратным играм, а с другой стороны — беспредельная преданность, ревностная исполнительность и умение предугадать желания своего кумира.

Формально принадлежа к кругу руководителей «второго эшелона», не занимая высших партийных и государственных постов, Мехлис, тем не менее, вошел в ближайшее сталинское окружение и умудрился на протяжении по меньшей мере двух десятков лет обладать властными возможностями, несоизмеримыми по масштабу с теми, которые вытекали из статуса его должностей. Этот феномен характеризует один из важнейших особенностей механизма сталинской власти — существование в политической элите такой группы функционеров, которую автор, исходя из способов рекрутирования и особенностей ее функционирования, определяет как «теневую» субэлиту. Она включала в себя номенклатурных деятелей, чья реальная власть определялась не столько постами в партии и государстве, которые они занимали, сколько неформальной, нерегламентированной близостью к Сталину, доверительными отношениями с ним.

В этом контексте личность Мехлиса вызывает особый интерес, как личность типичная, знаковая в плане выявления внутренних,

скрытых пружин механизма власти, уяснения сути теневых, словно из-за политических кулис, методов и форм осуществления властных полномочий.

Любой, кто возьмется утверждать, что все содеянное Мехлисом принадлежит исключительно прошлому и сегодня удовлетворяет разве что досужее любопытство, встретит принципиальное возражение автора. Мы многое знаем о 20—50-х годах, о той страшной кровавой жатве, которую снял молох сталинизма. Но получили ли мы исчерпывающие ответы на все вопросы, волнующие российское общество? Например: каким образом большевистской верхушке удавалось так долго выдавать за подлинное народовластие его культовые суррогаты? Почему магия социально притягательных лозунгов обернулась для народных масс властью правителей, которые сами же провозглашаемые ими принципы и попирали с цинизмом? Что за злые силы таились в головах и душах тех, кто счастьем будущих поколений оправдывал насилие над современниками, через стройки коммунизма загоняя их в «светлое царство свободы»?

В мучительном поиске ответов мы ведь размышляем не только и не столько о прошлом, сколько о судьбах российской демократии, о разумном балансе в нашей жизни политики и нравственности, социально-классовых интересов и общечеловеческих ценностей, силы и права, интересов государства и интересов личности. Словом, о том, что важно для любого общества во все времена.

Поиски в этом направлении тем более актуальны для современной России, что прошлое цепко хватает день сегодняшний. Подчас трудно отрешиться от мысли, что иные политики XXI века буквально копируют нравы и действия сталинского окружения. Разве нет у нас во власти людей, подобных Мехлису, — мастеров политической интриги, некомпетентных, с деформированными моральными устоями, занявших руководящие посты благодаря закулисному влиянию на лидера страны и при этом игнорирующих интересы общества?

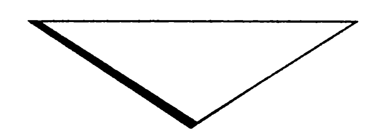
Выход здесь один: опираясь на уроки прошлого, вырабатывать такой механизм формирования власти, который бы закрыл в нее путь для «серых кардиналов».

За последние годы опубликовано немало статей, очерков, книг о тех, кто, как и Мехлис, находился в ближайшем сталинском окружении и проводил в жизнь установки вождя — Л.П. Берии, К.Е. Ворошилове, Н.И. Ежове, С.М. Кирове, Г.М. Маленкове, А.И. Микоя-

не, В.М. Молотове, Н.С. Хрущеве и других. В этом ряду не лишней будет и книга о Льве Мехлисе. Ибо ее герой символизируют то, что пережило наше общество в недалеком прошлом и от чего во многом не освободилось еще и сей день. А освободиться должно. Нелегкий, внутренне противоречивый, но столь нужный процесс расставания с наследием сталинизма требует, наконец, стереть и это «белое пятно». А без объективного анализа сталинской элиты решить эту задачу сложно.

Основной массив документов, на основе которых написана книга, почерпнут из фондов Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), Центрального архива ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ).

Особо оговоримся: книга не претендует на исчерпывающее изложение жизненного пути и многосторонней партийно-государственной деятельности Л.З. Мехлиса. Это лишь страницы политической биографии крупного функционера ВКП(б) на историческом фоне 20—50-х годов. Автор старался быть объективным и непредвзятым, хотя назвать себя беспристрастным не берется.



Глава 1

В КОЖАНОЙ КУРТКЕ КОМИССАРА

В ТУМАНЕ СКРЫЛАСЬ МИЛАЯ ОДЕССА...

Сохранилось несколько юношеских фотоснимков Льва Мехлиса, и каждый из них — удар по позднее сложившемуся стереотипу. Это уже потом, в 30-е, со страниц «Правды», «Красной звезды» и газет калибром помельче время от времени будет смотреть носатый трибун с шапкой смоляных волос, жесткими глазами, в униформе сталинских чиновников — полувоенном френче, застегнутом наглухо. А пока по родной Одессе идет в фотографию Малкуса, что на Ришельевской улице в доме Фельдмана, молодой человек в косоворотке и кургузом пиджачке, обладатель пышной шевелюры с аккуратным посередине, как у приказчика, пробором.

Он и есть приказчик, точнее — конторщик. «2,5 года служил по найму в конторе Каца в Одессе», — указывал Мехлис в анкете, заполненной в ноябре 1921 года при поступлении в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. «Работать начал с 14—15 лет — около 3 лет работал в конторе, потом давал уроки», — уточнил он в автобиографии в 1927 году[1].

Бросается в глаза, что архивные материалы весьма скупы на информацию о происхождении Льва Захаровича, его семье, занятиях до революции, партийной принадлежности. Более того, в ряде собственноручно исполненных документов он сам себе противоречил. Случайно ли? Так, в «Основной карте коммуниста», составленной в апреле 1919 года, в качестве родного языка он называет русский, указывая при этом, что говорит и на «еврейском». В военном же

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 2, л. 8; д. 11, л. 1.

билете, выданном 11 марта 1926 года, со слов его владельца записано: национальность — еврей, однако национальным языком не владеет, родным языком считает русский. Не потому ли затушевывалась национальность, что Мехлис к тому времени уже трудился в ЦК РКП(б) у Сталина, антисемитизм которого не был секретом для окружавших его.

Лишь косвенным образом можно судить о семье, в которой рос Лев. В той же «Основной карте коммуниста» он указывает, что получил домашнее образование «по полному курсу реального училища». Вряд ли такое могла позволить себе бедная еврейская семья. Сомнительно, однако, что была она и зажиточной, коль скоро подросток прирабатывал в конторе и частными уроками.

В бумагах Мехлиса встречается еще одно — и тоже не прямое — указание на родителей. Уже по окончании войны в 1945 году он, будучи членом Военного совета Прикарпатского военного округа, написал жене из Станислава: «Здесь нашлись какие-то родственники по матери — по фамилии Держанко... Старушка, бедно-нищенски живет. Дал ей немного денег».

Одесса была тем котлом, в котором кипело варево из «двунадесяти» языков. Русские, украинцы, евреи, греки, молдаване — их мирное соседство обеспечивалось совпадением производственных, торговых да и просто житейских интересов. Однако время от времени равновесие нарушалось погромами еврейских домов и лавок. Тут взрослеть, мужать — хочешь не хочешь — приходилось быстрее. На заре нового века Мехлис вступил в отряд рабочей еврейской самообороны, отбивавшийся от черносотенцев в районе Молдаванки.

Город с традиционным бунтарским настроем стал одним из центров первой российской революции. Ее события не миновали, конечно, и Льва, но в чем это выразилось конкретно, архивные документы сказать не позволяют. Много позднее в различных пропагандистских материалах в связи с выборами в Верховные Советы СССР и РСФСР, в газетных публикациях 30—40-х годов настойчиво повторялось, что с приходом 1905 года юноша активно посещал митинги, участвовал в вооруженных столкновениях с полицией. Он вроде бы был даже арестован по обвинению в хранении оружия и осужден к тюремному заключению, но потом, как несовершеннолетний, амнистирован. Обращает, однако, внимание, что этот, явно выигрышный для всякого революционера, факт Мехлис в своих автобиографиях

не указывал. Не плод ли это воображения услужливых биографов, позаботившихся о том, чтобы у высокого партийного функционера послужной список выглядел посолиднее? Так или иначе, но в 1919 году, отвечая на вопрос анкеты, подвергался ли преследованиям за революционную деятельность, Лев Захарович упоминал куда более скромный эпизод: «В 1907 году в г. Одессе арестован и избит в Херсонском участке».

Здесь же и еще одна запись, относящаяся к событиям того же 1907 года, — вступление Мехлиса в Еврейскую социал-демократическую рабочую партию «Поалей-Цион» и работа в ее одесской организации[1]. Надо сказать, что об этой странице в собственной биографии Лев Захарович нигде, кроме двух—трех анкет, написанных на заре политического ученичества, не упоминал. И полагаем, тоже не случайно.

В советской литературе «Поалей-Цион» (в переводе с иврита — «Рабочие Сиона») рассматривалась как одна из организаций, созданных в России главарями международного сионизма наряду с Бундом («Всеобщим еврейским рабочим союзом в Литве, Польше и России»), «Независимой еврейской рабочей партией» («НЕРП») и им подобными. Более того, имелся замысел впоследствии объединить эти организации именно вокруг «Поалей-Цион», оформившейся в 1905 году[2].

Поалейционисты отстаивали внеклассовое и потому вызывавшее острое противодействие большевистской партии требование территориальной автономии «для всего еврейского народа» в Палестине[3]. Именно этот, сионистский, характер движения бундовцев, ционистов и других сторонников партий «еврейского пролетариата» ставился им в вину Лениным и объяснял остроту идеологических разногласий с ними. В утвержденном в 1921 году циркуляре ЦК РКП(б) об отношении к Еврейской коммунистической партии «Поалей-Цион» — наследнице ЕСДРП содержалось прямое требование: «По отношению к ЕКП должна проводиться решительная идейная борьба»[4].

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 2, л. 1.

[2] См.: *Романенко А.З.* О классовой сущности сионизма. Л., 1986. С. 89—90.

[3] Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.). М., 1996. С. 92—93.

[4] РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 234, л. 18.

Поэтому после Октября 1917 года совсем не в интересах Льва Мехлиса было свидетельствовать против себя, напоминать, что состоял в «Поалей-Цион» и, стало быть, находился с большевиками по разные стороны баррикад. Наоборот, как только представилась возможность вступить в коммунистическую партию, он не замедлил ею воспользоваться. К слову, расхожим стало ошибочное утверждение, будто до вступления в РКП(б) он состоял в меньшевистской партии.

Дооктябрьская биография Мехлиса, как революционера, жидковата. Кроме эпизода в полицейском участке, и вспомнить, похоже, нечего. Уж как позднее ни старались биографы, ретушируя прошлое видного партийного функционера, успехи их оказались весьма скромными по одной простой причине: ни в Феврале, ни даже в Октябре 1917 года Мехлис ничем особенным себя не проявил.

В 1911 году его призвали на срочную службу во 2-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду. Лямку тянул, как писал сам, в «пункте лошадей». «Сначала прослужил год в караульной службе, затем присвоили звание бомбардира (соответствует современному ефрейтору. — *Ю.Р.*)», — неожиданно вспомнил о том времени Мехлис в 1942 году на одном из заседаний Совета военно-политической пропаганды при Главном политуправлении РККА. При этом, сравнивая работу с младшими командирами в царской и Красной армиях, сделал вывод не в пользу последней.

С началом Первой мировой войны он оказался на Юго-Западном фронте, в 11-й армии. Но тоже был занят все больше по части содержания конского состава. Сведений об участии Льва Захаровича в боях нет. Разумеется, это не повод для иронии или упреков: человек служил там, куда начальство определило. Но вот о чем мысль не оставляет: именно в эти годы военной службы у Мехлиса костенел характер, закалялась воля, складывалась властная, резкая, категоричная натура. Здесь легли первые камни в основание скорого уже «комиссарства», беспощадности не только к чужим, но и к своим. Под влиянием кого и чего шел этот процесс?

Февральская революция застала Льва в Белой Церкви. Сохранилась фотокарточка: в морской форменке, усы а-ля Буденный, крупные, уверенно смотрящие глаза. Весь какой-то крепко сбитый, словно пружина, готовая распрямиться. Не мальчик — муж. Да и лета уже не юношеские — 28.

А за плечами — ничего особенного: ни чинов, ни орденов. Впрочем, оно и к лучшему, ибо «их благородия» теперь оказались не в почете. Тут иной путь надо было выбирать. Мехлис для своего времени неплохо образован, за ним репутация фронтовика. И вот первый шаг — он избран в солдатский комитет части. Когда в Белой Церкви формировался совет рабочих и социалистических депутатов, его делегировали туда, в комитет по охране порядка, который он вскоре и возглавил.

Наш герой не случайно проявил рвение к политике. Он быстро осознал, какой шанс ему, еврею, обреченному при старом режиме всю жизнь обретаться где-нибудь за чертой оседлости, предоставляет революция. Достаточно сказать, что в офицерском корпусе императорской армии к началу XX века насчитывалось всего три офицера-еврея в чине не выше капитана. Забегая вперед, скажем, что, по крайней мере, по военной линии свой шанс Лев Захарович использовал сполна: в Красной Армии он стал одним из пяти армейских комиссаров 1-го ранга (кроме него — Я.Б. Гамарник, А.И. Запорожец, П.А. Смирнов, Е.А. Щаденко) — это высшее военно-политическое звание соответствовало общевойсковому званию генерал армии.

Но вот незадача: только почувствовал вкус к борьбе, к общественной работе, — и на тебе, воинскую часть расформировали. «Домой!» — решает Лев, уверенный, что уж там ему дело найдется.

В Одессу он приехал в январе 1918 года. Сразу определился в секретариат «Румчерода» — так сокращенно называли ЦИК советов солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа. Правда, пробыть в родном городе довелось недолго: 14 марта Одессу оккупировали германские и австрийские войска. Мехлис вместе с сотрудниками «Румчерода» на военном транспорте уходит в Крым, затем попадает в Ейск, где участвует в установлении советской власти.

Здесь же его приняли в РКП(б). Лев Захарович примкнул к победившей партии — и не ошибся. Карьеру, конечно, это еще не гарантировало, но, как выяснилось со временем, был сделан первый шаг к восхождению на политический олимп. Многое зависело теперь от того, как быстро вчерашний поалейционист воспримет идеологию

большевизма, насколько хватит у него готовности без колебаний претворять ее в жизнь. Мехлис оказался способным учеником.

В мае того же 1918 года он впервые приехал в Москву. Правда, ненадолго. В Первопрестольную Лев Захарович окончательно вернется через три года делать политическую карьеру. Пока же он — незаметный рядовой партии, один из миллиона.

По партийной мобилизации его направили на Украину. В январе следующего года он участвовал в освобождении Харькова — тогдашней столицы — от австрийцев и немцев. Был оставлен в городе на хозяйственной работе, занимался восстановлением местного железнодорожного узла. Когда же Харьковский губком партии в связи с наступлением войск генерала А.И. Деникина объявил мобилизацию коммунистов на фронт, пришла пора встать в строй и Мехлису.

В 46-Й СТРЕЛКОВОЙ

3 апреля 1919 года политический секретарь реввоенсовета Украинского фронта направил его в распоряжение РВС оперативной группы Харьковского направления. А уже через семь дней вновь прибывший был назначен политическим комиссаром запасной маршевой бригады. Заметим: не простым красноармейцем попал Лев Захарович на фронт, а через непродолжительное время и вовсе стал комиссаром дивизии.

Комиссары Гражданской войны... Как долго партийные пропагандисты и политизированные ученые рисовали их образ в идеальных тонах! Отвечая на вопрос молодежи, делать жизнь с кого, называли имена Клима Ворошилова, Дмитрия Фурманова, Николая Маркина, Розалии Землячки, Константина Юренева... С падением КПСС историки и публицисты смогли пристальнее присмотреться к этой знаменитой генерации «кожаных курток»: часто боевого опыта — самый минимум, зато есть кое-какое общее образование, способность внедрять в сознание масс актуальные политические лозунги, крайний революционный максимализм. И — что немаловажно — партбилет «у сердца». Как знак высшего доверия правящей партии. Как пропуск к далеко не рядовым постам в армии.

Ясно, что среди этой категории работников партии были разные люди: как подвижники идеи строительства новой жизни, так и обыкновенные приспособленцы. Потому однозначно говорить о них в превосходных тонах, как это делалось на протяжении десятилетий, не позволяет элементарная справедливость. Начальник Политуправления Красной Армии в начале 20-х годов, член Реввоенсовета Республики С.И. Гусев вынужден был, говоря о Гражданской войне, признать: «Функции комиссара всеобъемлющи, полномочия огромны, права почти не ограничены...»

Такой взгляд практика разделяли и историки 20-х годов. Н.Н. Харитонов писал: «Оказывалось совершенно невозможным охватить и точно сформулировать всю многогранную деятельность военного комиссара с его неограниченными полномочиями и всеобъемлющими функциями»[1].

Поэтому основные функции военных комиссаров формулировались лишь в самом общем виде: контроль над командиром, очень часто бывшим офицером; непосредственная работа по строительству и организации воинских частей; борьба за суровую дисциплину, против трусости, дезертирства, расхлябанности, малодушия; личное участие в боях, примерность в исполнении воинского и партийного долга; руководство всей партийной и политико-просветительной работой.

Серьезные трудности с четким определением полномочий, объема своей деятельности, естественно, испытывали и сами военные комиссары. Далеко не каждый из тех, кто получал в руки это страшное по силе оружие, умел и стремился разумно им распорядиться.

Судя по первым шагам Мехлиса на новом поприще, он ясно понял: авансы, выданные партией, надо оплачивать не за страх, а за совесть. Закроют глаза на жестокость, легко списываемую на священную ненависть к классовому врагу, лишь слегка пожурят за перегибы, но не простят пассивности, мягкотелости, утраты политического лица. В новом деле он, несомненно, увидел также и долгожданный шанс выдвинуться, обратить на себя внимание. Как-никак, ему уже тридцать, возраст для тех бурных времен более чем зрелый, а он все

---

[1] *Харитонов Н.Н.* Политический аппарат Красной Армии. М., 1929. С. 39.

ходит в начинающих. И вот наконец-то ему доверен ответственный участок.

В запасной бригаде новый комиссар не задержался. Плавный ход событий нарушил служивший ранее Центральной Раде, а затем гетману Скоропадскому Н.А. Григорьев, начальник 6-й советской стрелковой дивизии. Отказавшись выступать с вверенной дивизией на фронт, он поднял вооруженный мятеж, который охватил Киевскую, Полтавскую, Харьковскую и Екатеринославскую губернии. 10 мая 1919 года Григорьев был объявлен вне закона, но прежде чем были приняты решительные меры по разгрому мятежа, повстанцы успели захватить Екатеринослав, где вместе с бригадой находился Мехлис. В городе у григорьевцев нашлась «пятая колонна», у красных же сил оказалось немного — инструкторская школа да запасная маршевая бригада.

Видя перевес противника, комиссар бригады отобрал два десятка бойцов и с боем прорвался к Днепру. Там встретил прибывшее пополнение и вновь бросился в полымя боя. Через два дня григорьевцы были отброшены от города, восстание подавлено.

Судя по дальнейшим событиям, роль военкома при этом не осталась незамеченной. Тем более что ход боевых действий потребовал мобилизации всех возможных сил. Авантюрой Григорьева воспользовался генерал Деникин, перехвативший инициативу в районе Донбасса. В связи с резко обострившейся обстановкой РВС Южного фронта приказал откомандировать на передовую всех политических работников.

Из запасной бригады Мехлиса с группой коммунистов направили в 14-ю армию, укрепив созданной им партийной организацией 2-й интернациональный полк, который в это время вел бои с деникинцами. На имя начальника политотдела армии скоро ушло донесение: Мехлис определил коммунистов «в наиболее слабую роту интернационального полка в качестве рядовых, а сам... находился в цепи и в разведках»[1].

В его первых шагах на военно-политической стезе уже видны черты того стиля, который в предвоенные и военные годы принесет будущему начальнику Главного политуправления РККА даже в далеко не сентиментальном военно-партийном истеблишменте мрач-

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 36, л. 29.

ную славу. Конфликтовал с командирами, с подозрением относясь к военспецам (позднее это выразится в неприятии самого принципа единоначалия). Где только можно, создавал партийные ячейки, безжалостно перетряхивал кадры, предпочитая насаждать преданных лично ему работников. Не гнушался рукоприкладства. Правда, в экстремальных ситуациях проявлял большую энергию, решительность. Командование и это заметило.

В начале июля 1919 года Мехлиса командируют в Полтавскую группу войск и назначают политкомиссаром 3-го боевого участка и 46-й дивизии, в которой он воевал потом до конца Гражданской войны. В его мандате появляются ласкающие честолюбие слова: «Все революционные, военные, гражданские и железнодорожные власти и администрации обязаны оказывать тов. Мехлису всяческое содействие при исполнении возложенных на него обязанностей».

На этой должности Мехлис сменил ушедшего на повышение заведующим политотделом резервных частей 14-й армии И.И. Минца, будущего академика, присяжного историка Великого Октября. Хозяйство, надо признать, досталось новому комиссару плохо отлаженное. В наследство от Минца получены «разгильдяйство и вольница», читаем в телеграмме, направленной из дивизии в политотдел штаба армии. Не лучшим было и положение в дивизии в целом. «Общее состояние частей, в смысле их боеспособности, за исключением 406 полка, было весьма низким, — докладывали в политотдел армии Мехлис и начальник дивизии А.Н. Ленговский, получившие одновременное назначение. — Дивизия отличалась своим партизанским видом, с партизанским в большинстве командным составом и с партизанскими традициями. Политическое состояние частей было ниже всякой критики. В некоторых частях, например, в 410 полку... коммунистом называть себя было рискованно. Большинство военполиткомов частей дивизии, как полков, так и бригад, не на местах». Политотделы и комиссары «влияния на массы не имели и проявить себя в смысле политвоспитания не могли»[1].

Зная о том, как Мехлис действовал в последующем, можно предположить, что в этой оценке не обошлось без стремления свалить какую-то часть ответственности на предшественника. Но, как по-

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 36, л. 31—32.

казывают документы, низкими боеспособностью и моральным состоянием грешили многие части всей 14-й армии (командующий — А.И. Егоров). Политический комиссар инспекции пехоты при РВС Южного фронта докладывал 17 сентября 1919 года: «Громкие названия бригад и дивизий скрывают за собой низкий мизерный численный состав частей, потерявших в последнее время много убитыми и ранеными, а большею частью дезертировавшими... Немало в рядах армии также разного рода авантюристов, людей без роду и племени, любителей легкой наживы и проч. В боевом отношении все они материал пригодный, но, к сожалению, нравственный облик оставляет желать много лучшего».

Если с высшего комсостава армии, сетовал инспектор, еще както взыскивают, то низший не несет никакой ответственности. Командиров среднего звена красноармейцы не уважают, им не повинуются, о каком-либо намеке на дисциплину и речи нет. Аналогично и в боевой обстановке: бойцы приказаний не исполняют, и каждый действует на свой страх и риск. Кто похрабрее — стреляет без конца и куда попало, другие же бросают оружие и стараются скрыться.

«По моему глубокому убеждению, — делал вывод инспектор, — части 14-й армии не представляют собою боеспособной единицы, и потому лучшей мерой был бы вывод всех частей в тыл с заменой их свежими и крепкими частями. В политическом отношении необходимо принятие мер борьбы с дезертирством политработников и с претензиями представителей “советской буржуазии” на привилегированное положение».

Представитель РВС фронта особо коснулся хозяйства Мехлиса: «Немалый процент этой категории (46-я дивизия) — типичные бандиты, громилы, среди них процветает картежная игра на весьма крупные суммы, нередки случаи краж, грабежей, разговаривают они между собой на своем “блатном” жаргоне и проч. (410-й полк). Политическая и просветительная работа среди них крайне затруднительна. По словам заведующего политотделом дивизии, отношение к коммунистам враждебное, и назначаемые в эти части комиссары иногда для спасения жизни принуждены обращаться в бегство»[1].

---

[1] *Ходаков И.* Моя хата с краю, ничего не знаю... // Независимое военное обозрение, 2005, 14 октября.

Зная такое положение дел, стоит ли удивляться, что 46-я дивизия, отступавшая вместе со всей армией, сдала Полтаву. «Причиной постыдного отступления, — заявлял Мехлис в первом же написанном им по прибытии в дивизию приказе, — является наша неорганизованность, подверженность панике, распространяемой провокаторами и трусами... Мы должны подтянуться все, как командиры, так и красноармейцы. Надо безропотно взять на себя всю тяжесть самой суровой дисциплины».

Тяжесть руки нового комиссара в дивизии почувствовали тут же. Прежде всего, были укреплены политотдел, особый отдел и ревтрибунал, отстранены от должностей командиры и политработники, относительно которых появилось сомнение. Вместо них Лев Захарович назначил проверенных людей. По отношению к «изменникам, шкурникам и трусам» действовал жестко, о чем не преминула напомнить военная печать даже спустя двадцать лет. Автор опубликованной в 1939 году статье под характерным заголовком «Боевые революционные традиции военных комиссаров — великая сила» предложил читателям рассказ воистину в стиле вестерна.

В 406-м полку орудовала «шайка бандитов» во главе с комбатом С. Тот убил командира полка и занял его место. Вмешательство комбрига результата не дало. Тогда в полк приехал Мехлис. В халупе у С. он обнаружил настоящий бандитский притон — пьянка, разгул, полуобнаженные женщины... Не терпящим возражения голосом предложив всем покинуть помещение, политком остался с глазу на глаз с С. Стрельбы не было, уверяет Мехлис. Но за оружие, конечно, хватались, друг другу угрожали. Отдадим должное Льву Захаровичу: прояви он слабость — головы бы ему не сносить. А так С., отступив перед волевым напором комиссара, сдался и даже без конвоя был препровожден в штаб, где его и арестовали.

Сохранившийся в архиве документ — телеграмма Мехлиса в политотдел 14-й армии — позволяет судить, как положение в 406-м полку он видел не в 1939-м, а в 1919 году, и что предпринимал, чтобы срочно поправить дело. В связи с понесенными потерями положение в полку «весьма серьезное», доносил он. Десять политработников «выбиты», командир части в таком моральном состоянии, что руководить не может. Это передается красноармейской массе, в результате один из батальонов отказался занимать боевую позицию. В числе предпринятых срочных мер Мехлис перечислял пополне-

ние маршевой ротой, присылку нескольких лиц комсостава и политработников, а также «подарки папиросами». Спасти положение, настаивал комиссар дивизии, может только направление дополнительного числа политработников специально в этот полк.

С «элементами разложения» он не церемонился — разогнал прежний штаб, отфильтровал парторганизацию. Готовности тут же, на месте, разрешить любой вопрос ему было не занимать. Но оставался ли он при этом комиссаром, умел ли действовать не столько приказом, сколько силой убеждения? Об этом вынуждены были задумываться его начальники. «Мехлис — человек храбрый, способный во время боя внести воодушевление, стремится в опасные места фронта, — так характеризовал его в августе 1919 года политотдел 14-й армии. — Но как политком не имеет политического такта и не знает своих прав и обязанностей»[1].

Архив донес до нас и еще одну такую аттестацию. Она тем более многозначительна, что, скажем, поощрение Мехлисом телесных наказаний красноармейцев рассматривается в ней отнюдь не как ЧП, а всего лишь как «ненормальность». Хватило нескольких месяцев работы, чтобы в глазах заместителя начальника политотдела армии А.Н. Войтова заработать следующую репутацию: «Тов. Мехлис прежде всего боевой "солдат" и энергичный работник. Отсутствие такта и упрямство значительно уменьшают его достоинства как комиссара, ввиду чего работать с ним тяжело. Политического, "комиссарского" опыта, необходимого комиссару дивизии, у него нет, почему в работе его наблюдаются некоторые ненормальности (культ шомпольной расправы самих красноармейцев над провинившимися товарищами). Тем не менее при всех своих недостатках, можно сказать, что Мехлис по сравнению с комиссарами других дивизий, насколько я их знаю,— удовлетворителен благодаря общему уровню своего развития, энергии и знанию военного дела, а потому, со своей стороны, считаю возможным замену Мехлиса только вполне соответствующим своему назначению комиссаром»[2].

Упомянутый выше политический комиссар инспекции пехоты при РВС Южного фронта тоже удостоил своим вниманием Льва За-

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 31, л. 4.

[2] РГВА, коллекция личных дел, д. 37, л. 17.

харовича: «Комиссар 46-й дивизии тов. Мехлис — молодой энергичный работник, но слишком горяч. Замечались трения между ним и начдивом, и для разрешения возникшего конфликта в дивизию выезжал член реввоенсовета 14-й армии тов. Кизельштейн. В 46-й дивизии тов. Мехлис работает недавно, поэтому судить о его работе по состоянию дивизии нельзя. Как отрицательную сторону необходимо отметить применение товарищем Мехлисом наказание красноармейцев битьем шомполами».

Безусловно, такие оценки отражали специфику времени: атмосферу Гражданской войны с ее крайней ожесточенностью и ориентацией не на нормы права, а на «революционное сознание», отсутствие добротно подготовленных кадров, низкий моральный уровень не только рядового, но и командно-комиссарского состава. Свидетельствовали они и о неоднозначном процессе становления Льва Мехлиса в должности политического комиссара, сочетавшем как успехи и достижения, так и очевидные провалы. Нельзя не отметить и проницательность заместителя начальника политотдела армии Войтова, сумевшего за первыми шагами подчиненного разглядеть зачатки того стиля, который принес будущему начальнику ГлавПУ РККА недобрую славу.

Со второй половины мая 1919 года соединения Южного фронта вели тяжелые оборонительные бои, постепенно отходя в глубь страны. В начале июля ЦК РКП(б) признал фронт борьбы с Деникиным главным в Советской республике, поставив перед комиссарами задачу настойчиво проводить политработу в войсках, направляя ее на искоренение расхлябанности, укрепление строя и духа армии.

Соответственно этим установкам Мехлис и действовал. В работе напирал на создание новых партийных организаций, всеми силами расширял свой актив. По докладу политотдела армии, на 3 октября в 46-й стрелковой дивизии функционировало, увеличившись за три месяца в 4 раза, 19 парторганизаций, которые объединяли 109 членов партии и 203 сочувствующих. Были открыты школа политграмоты, клуб, избраны почти три десятка контрольно-хозяйственных комиссий. Такую активность оценили. Приказом по политическому отделу РВС 14-й армии Мехлису была объявлена благодарность «за преданность делу и отличную работу».

Вероятно, комиссар 46-й дивизии не игнорировал напрочь критику вышестоящего политоргана, пытался осваивать не только чи-

сто командные, но и политические методы работы. Однако суровые условия гражданской войны, разношерстность как командно-политических кадров, так и рядового состава, приходившего на пополнение и нередко несшего с собой настроения партизанской вольницы, необходимость подчас самыми суровыми методами наводить порядок в частях делали нашего героя еще более жестоким и негибким. В затруднительных случаях он не искал компромиссных путей, предпочитая идти на открытый конфликт.

Так, в телеграмме, направленной в политотдел армии, Мехлис ставит резонный вопрос: если он наравне с начдивом отвечает за состояние дивизии, почему общая сводка в вышестоящий штаб отправляется без его подписи? Почему политотдел выведен из его подчинения? Он также протестовал против приукрашивания в сводке настроения частей, потребовал не скрывать случай, что городок Ромны подвергся налету не каких-то сторонних грабителей, а красноармейцев дивизии.

Этот документ интересен тем, что воочию дает представление о комиссарской практике Мехлиса. Во-первых, узнав, что отправленная «наверх» сводка необъективна, он не боится, что называется, вынести сор из избы. Во-вторых, ясно, что о положении в частях Лев Захарович предпочитает судить лично, а не только по докладам. И наконец, решения, чаще всего весьма крутые, не перекладывает на чужие плечи. За низкую боеготовность сводного полка первой бригады комбат и замполитком были разжалованы в красноармейцы и отправлены на передовую. Что касается грабежа, то он был остановлен военкомдивом-46 путем расстрела зачинщика.

А вот еще одно документальное свидетельство крепнущей уверенности Мехлиса в том, что действует он так, как должно. История связана с назначением в октябре 1919 года начальника агентурной разведки дивизии. Комиссар разведотдела штаба армии Ефремов настаивал на кандидатуре некоего Малышева. Мехлис, имея на того компромат, категорически возражал. Тогда Ефремов, заручившись согласием члена РВС армии С.П. Нацаренуса, предложил Мехлису до назначения начальника агентурной разведки дивизии взять обязанности последнего на себя.

Это невозможно, следует ответ. Мало того, что загруженность собственно комиссарской работой предельная («с раннего утра до 4—5 часов ночи, без всяких перерывов на обед и пр.»), так еще «во-

прос поставлен именно в такую плоскость, что я должен принять кандидатуру человека, которого совершенно не знаю, — заостряет вопрос Мехлис. И прибегает к ультиматуму: — Создавшаяся обстановка... властно требует моего отчисления из дивизии, т[ак] к[ак] я становлюсь неработоспособным. Вопрос о моем отозвании из дивизии поднимаю не с целью получить начальственную поблажку, а вполне серьезно и прошу к нему отнестись внимательно».

В конце концов коллизия благополучно разрешилась, и Мехлис остался в дивизии. Тем не менее, в подобных ультиматумах несложно заметить ту самую партизанщину, на которую он так ополчался, стоило ей проявиться у других.

11 октября войска Южного фронта перешли в контрнаступление. Разгорелось знаменитое Орловско-Кромское сражение. Вперед медленно двинулась и 46-я стрелковая дивизия, которую возглавил Р.П. Эйдеман. Тяжелые бои шли с переменным успехом, сопровождались ощутимыми потерями. И все же к 10 января 1920 года войска Красной Армии вышли на рубеж Жмеринка, Знаменка, Екатеринослав, Александровск, Бердянск, северное побережье Азовского моря, Ростов-на-Дону. Южный фронт был переименован в Юго-Западный, 46-я стрелковая дивизия перешла в состав 13-й армии, весьма ослабленной в предыдущих боях. Центральные власти позаботились о том, чтобы накануне решающих, как тогда хотелось верить, боев фронт получил необходимое пополнение.

На армию возлагалась задача не допустить отход армейского корпуса генерала Я.А. Слащева в Крым и разгромить его в Северной Таврии. Но перехватить белых не удалось. К 24 января только одна 46-я дивизия вышла к Перекопскому и Чонгарскому перешейкам. Вначале она смогла даже взять Перекоп и Армянский базар (Армянск). Правда, за это пришлось заплатить очень большую цену: только 407-й стрелковый полк потерял убитыми, ранеными и пленными до 70 процентов личного состава.

О роли Мехлиса в этих событиях в ноябре 1937 года, в дни выдвижения его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, с неумеренным восторгом рассказала «Литературная газета» устами некоего Ф.А. Олешко. В дни боев с Врангелем комиссар батальона, входившего в состав 46-й дивизии, он поведал, как благодаря Льву Захаровичу белым оказалось неуютно за чонгарскими укреплениями и Сивашом: «Тов. Мехлис нашел речушку Чонгар, впадавшую

в Сиваш. Речушка была замерзшей, через нее он переправил часть 137 бригады. Часть зашла в тыл врага, захватила штаб белых с генералами, 18 орудий, несколько десятков пулеметов, огромное количество винтовок и боеприпасов...»

Нарисована картина совершенно невероятная, учитывая, что в ходе боев под Перекопом 22—24 января 1920 года в распоряжении Слащева было всего 1800—2000 штыков, 1000 сабель и 32 орудия[1]. Правда, командование 46-й дивизии смогло выставить еще меньше — 1210 штыков и 8 орудий. Поэтому продвинуться в глубь Крыма на плечах противника не удалось. Слащев, собрав все резервы, оттеснил красных за перешеек. После дополнительной перегруппировки части 13-й армии в начале марта попытались предпринять новое наступление, даже прорвали оборону на Перекопском перешейке, но были вновь отброшены.

О драматизме тех давних событий Льву Захаровичу неожиданно напомнил почти четверть века спустя его сослуживец капитан И. Бахтин. В феврале 1943 года он рискнул написать члену Военного совета Волховского фронта Мехлису: «Помните ли вы, дорогой генерал, такой же тающий февраль между Юшунем и Армянским базаром в 1920 г. и наши две одинокие фигуры, ведущие огонь по слащевской коннице, пока наши отступавшие части не опомнились и не залегли в цепь вместе с нами».

На действиях 46-й стрелковой дивизии и армии в целом отрицательно сказывались острая нехватка боеспособных частей и крайне неудовлетворительное снабжение боеприпасами и продовольствием. И это в то время, когда личный состав дивизии не выходил из боев. К февралю 1920 года ее численность уменьшилась до 3 тысяч человек. Мехлис буквально бомбил политотдел и реввоенсовет армии требовательными телеграммами. 21 февраля он, в очередной раз подробно докладывая о тяжелом положении дивизии, настаивал, чтобы политотдел довел «до сведения предреввоенсовет[а] республики для привлечения всех виновных к ответственности за полное ослабление боевой мощи частей дивизии».

Благоприятный момент для разгрома сосредоточившихся в Крыму войск генерала П.Н. Врангеля в начале 1920 года был, таким образом, упущен. Белые не замедлили этим воспользоваться. Накопив

---

[1] *Голубев А.* Гражданская война 1918—1920 гг. М., 1932. С. 123.

к весне силы, в середине апреля они нанесли удар по соединениям 13-й армии. 14 апреля южнее Мелитополя, в районе Кирилловки, с моря был высажен десант в составе Алексеевского пехотного полка и Корниловской артбатареи. Противник стремился перерезать железную дорогу Мелитополь — Большой Утлюк, по которой шло снабжение всей 13-й армии. Все это происходило в непосредственном тылу 46-й дивизии.

Ее новый начальник Ю.В. Саблин возглавил уничтожение десанта. Ему удачно ассистировал Мехлис. Сформированный комиссаром отряд из частей Мелитопольского гарнизона и вооруженных рабочих остановил десант, а затем отрезал ему пути отхода. Спешно переброшенный 409-й полк защитил железную дорогу. Лишь ценой больших потерь остаткам врангелевского десанта удалось вдоль побережья прорваться со стороны Арабатской стрелки к Геническу, в тыл 411-го полка. На улицах города оставшаяся часть десантников была ликвидирована.

Некоторые подробности того боя привел «Правдист» — малотиражка полиграфического комбината газеты «Правда» в номере от 21 сентября 1933 года (будем иметь в виду возможность того, что авторы публикации несколько льстили своему шефу: Лев Захарович к тому времени был уже главным редактором). Итак, еще накануне комиссар дивизии разоружил под Геническом партизанский, с «анархистским душком» отряд «Запорожская сечь», отобрал лучших бойцов себе, а «худшие охотятся за “золотозубым комиссаром”». Не растерялся Мехлис и при наступлении алексеевцев. Узнав, что 411-й полк, которому белые вышли в тыл, отступает, он скачет навстречу бегущим, «приводит полк в чувство» и ведет его в контратаку. У противника явный перевес — броневики, сильная конница, теснящая красную пехоту в открытой степи. И все же белые не устояли.

Комиссар дивизии, как докладывал начдив Саблин в Москву, «все время находился в передовых цепях, увлекая вперед в атаку красноармейцев своим личным примером». Чему-чему, а пулям Мехлис действительно не кланялся. В цепи, бывало, ходил он и через двадцать лет, кстати, тоже в Крыму, неся на шинели знаки различия армейского комиссара 1-го ранга.

Еще в разгар боя комиссар почувствовал резкий удар в левое плечо. Обездвижела, налилась болью рука. Но Мехлис из боя не вы-

шел, пока Геническ не оказался в руках своих. В госпитале потом определили — сквозное ранение левого плеча ружейной пулей со значительным раздроблением кости.

18 апреля, на следующий день после боя, Саблин и Мехлис получили из Реввоенсовета армии телеграмму о том, что они представлены к награждению орденами Красного Знамени. Тогда, правда, представление реализовано не было. Первый орден Красного Знамени появился у Льва Захаровича только в 1928 году, в связи с 10-летием Красной Армии.

Лечили комиссара 46-й дивизии около двух недель, после чего он был направлен в распоряжение реввоенсовета Юго-Западного фронта, где около трех месяцев состоял «для особых поручений». Не суть важно, в чем состояли эти поручения. Главное, что здесь впервые так близко встретились и общались два человека, имена которых в течение тридцати последующих лет будут частенько упоминаться вместе, — Сталин и Мехлис. Не всегда рядом, поскольку И.В. Сталин — а именно он являлся членом РВС Юго-Западного фронта — по партийному и служебному положению был всегда неизмеримо выше, но вместе. Не будет преувеличением сказать, что эта встреча во многом предопределила дальнейшую политическую судьбу Льва Захаровича. Судя по тому, что будущий вождь, вернувшись с фронта в Москву, не забыл о нем и приблизил к себе вначале в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции, а затем в ЦК партии, Мехлис уже при первой встрече сумел понравиться Сталину. А почему — нет? Как и Иосиф Виссарионович, он крайне недоверчиво относился к военспецам. Честолюбивый, волевой. Не склонен к дискуссиям по поводу и без оного, напорист, к цели идет напрямик. И вместе с тем — пунктуален, исполнителен, не задает лишних вопросов.

Сам же Мехлис, общаясь с членом Политбюро ЦК партии, наркомом, человеком, наделенным чрезвычайными полномочиями и не боявшимся эти полномочия пускать в ход, вероятно, быстро понял, что они — родственные души. Позднее это помогло сориентироваться, как занять идеальную позицию в окружении вождя — преданно и беспрекословно служить хозяину, стать его тенью, вторым «я». Сталин по достоинству оценил преданность такого рода.

Все это будет несколько позже. Пока же в результате успешных июньских боев войска Врангеля, словно горящий бензин, стали вы-

ливаться из горлышка крымских перешейков и пожаром растекаться по южноукраинским степям. К концу месяца они контролировали левый берег Днепра от устья до Каховки, а на северо-востоке дошли почти до Александровска (Запорожья). 13-я армия с боями отходила. Днепром она была разделена на две части — Правобережную группу, занимавшую оборону на рубеже от Херсона до Никополя, и Левобережную.

Наспех предпринятое в конце июня — начале июля наступление красных провалилось. Стало ясно, что снисходительность в отношении Врангеля — плохой помощник. Главное командование Красной Армии взялось укреплять крымский участок Юго-Западного фронта. В командование 13-й армией вступил И.П. Уборевич, Правобережную группу войск, включавшую четыре дивизии, возглавил бывший начдив-46 Эйдеман. К нему и был направлен Мехлис. 22 июля 1920 года Сталин подписал документ, гласивший: «Состоявшему для поручений при РВС ЮЗ тов. Мехлису. С получением сего предписывается Вам отправиться в Ударную группу Правобережной Украины на должность комиссара означенной группы»[1].

НА КАХОВСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

Этой группе в готовящемся контрнаступлении отводилась важная роль. Она должна была наносить главный удар с правого берега Днепра на Перекоп. Поэтому командование позаботилось о значительном пополнении ее силами и средствами. Накануне боев войска группы насчитывали свыше 14 тысяч штыков и 600 сабель при 44 орудиях, получив тройное преимущество над противником. Расширился, таким образом, и масштаб деятельности Мехлиса: никогда еще ему не приходилось руководить такой массой людей.

Форсирование Днепра началось в ночь на 7 августа. Как описывал один из биографов Мехлиса (свидетельских или документальных подтверждений этому нет), именно Лев Захарович возглавил передовой отряд. Уже в первой половине дня форсирование было успешно осуществлено, и в районе Каховки захвачен плацдарм. Здесь под руководством известного военного инженера Д.М. Карбышева сразу же началось строительство оборонительных соору-

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 1, л. 3.

жений. Это оказалось тем более важным, что через пять дней противник вынудил Правобережную группу начать общий отход к Каховке. Здесь, опираясь на оборонительные укрепления и постоянно совершенствуя их, красные сумели остановить врага. Каховский плацдарм стал тем камнем преткновения, о который разбились все усилия Врангеля на этом оперативном направлении.

Но это стало ясно потом, а пока бои развернулись здесь упорные. Чтобы враг не сбросил красных в Днепр, предстояло намертво зарыться в землю, построить мощные инженерные сооружения. Командующий группой Эйдеман (позднее его сменил начальник прибывшей с Восточного фронта 51-й стрелковой дивизии В.К. Блюхер) поручил Мехлису тылы. И комиссар никому не давал покоя. Он буквально засыпал начальника инженерной службы группы, начдивов, председателя реввоенкомата Каховки указаниями о необходимости присылать людей и материалы для скорейшего возведения укреплений. Нередко сам вмешивался в ход работ, подгоняя ленивых и неповоротливых.

В 1933 году Эйдеман, ставший к тому времени председателем центрального совета Осоавиахима, в статье, опубликованной 23 февраля газетой «Правда» (напомним: ее в это время редактировал как раз Лев Захарович), вспоминал: «День и ночь идет напряженная работа... Член РВС группы т. Мехлис, еще не совсем оправившийся от недавнего ранения, — дни и ночи на участках. Организует и расставляет людей».

В эти дни на плацдарме побывал член РВС Юго-Западного фронта Сталин. Встреча с ним Мехлиса нашла отражение в беллетристике начала 50-х годов — панегирическом и художественно слабом романе С. Голубова «Когда крепости не сдаются». Фамилия «врага народа» Блюхера здесь, естественно, не звучит, есть лишь какой-то безымянный и морально «угнетенный» командующий Правобережной группой, ставящий под сомнение реальность тех темпов работ, которые задал Сталин. Зато Мехлис инициативен. Оттеснив безмолвствующего командующего, он сам докладывает члену РВС фронта.

...5 сентября врангелевцы перешли в наступление, предприняв попытку овладеть каховским плацдармом. Они ввели в бой Корниловскую пехотную дивизию, поддержанную танками и артиллерией. Благодаря хорошо организованной в артиллерийском отношении

обороне враг не прошел. В отражении атаки участвовал и Мехлис: «Как опытный артиллерист, он стал у одного орудия сам и приказал батарее открыть беглый огонь по остальным танкам». Позднейшие биографы в писаниях 30—40-х годов утверждали, что участие комиссара группы даже решило исход боя. К сожалению, и в данном случае нет надежного документального подтверждения. С другой стороны, нельзя не заметить, как авторы подобных агиток в полном соответствии с утверждавшейся в стране в те годы культовой традицией настойчиво лепили образ «верного ученика тов. Сталина».

В сентябре на базе Правобережной группы войск и других частей была сформирована 6-я армия. Около двух недель Мехлис временно исполнял обязанности члена РВС армии, после чего последовало его возвращение на прежнюю должность военкома в 46-ю стрелковую дивизию. Понижение? Явное, но с чем оно было связано? Вероятно, не считаться с самолюбием Льва Захаровича командование заставила обстановка. Находившаяся на левобережном направлении 46-я дивизия, отражая прорыв Дроздовской дивизии белых, в середине сентября понесла настолько серьезные потери, что ее пришлось вывести в резерв на доукомплектование. Чтобы обеспечить его, потребовался прежний политкомиссар, знающий людей и обстановку.

Лев Захарович вновь оказывается в Екатеринославе. В городе, как вспоминал в 1937 году И.И. Федько, командующий войсками Киевского военного округа, а в дни описываемых событий начдив-46, царило беспокойство в связи с появлением вблизи врангелевских войск, власти готовились к эвакуации. Требовалось внести успокоение и заставить поверить в надежность обороны города. Эту миссию взял на себя комиссар. На организацию обороны подняли местных пролетариев, дивизию пополнили добровольцами. «Душой и организатором этой работы был комиссар дивизии тов. Мехлис, — вновь и вновь подчеркивает Федько. — Результаты этой работы сказались в первых же боях с отборными частями белых — Марковской и Корниловской дивизиями. Части 46 стрелковой дивизии, введенные в бой у Екатеринослава, с пением “Интернационала” атаковывали в штыки белых, которые в панике вынуждены были откатиться к Запорожью».

Зная, что эти строки рождались в обстановке тридцать седьмого года, трудно отрешиться от мысли, что крупный военачальник

времен Гражданской войны руководствовался только обычным желанием предаться воспоминаниям о боях и походах рядом с Львом Захаровичем. Не ощущал ли он при этом некий политический заказ? К слову, в 1935 году другой, не менее известный военачальник, Блюхер, несмотря на весьма прозрачные намеки Мехлиса, отказался свидетельствовать о какой-то его особой роли в боях с Врангелем (о чем речь будет ниже). Но, возможно, потому отказался, что шел пока 1935 год, а не 1937-й?

Ведя оборонительные бои в сентябре — начале октября 1920 года, 13-я армия стремилась не допустить прорыва врангелевцев в Донбасс. Цель была достигнута, хотя и огромной ценой. К середине октября в положении на фронте обозначился явный перелом. М.В. Фрунзе, поставленный во главе вновь созданного Южного фронта, в приказе от 18 октября особо отметил «доблестное поведение частей 46-й дивизии», которая «расстроила план врага, смяв дружным ударом Марковскую дивизию, создав этим угрозу александровским переправам противника и отвлекая на себя часть сил, предназначенных противником для дальнейшего развития успеха в решающем Никопольско-Грушевском направлении». Вместе с личным составом дивизии благодарности командующего фронтом удостоился и ее комиссар.

«ДАЕШЬ КРЫМ!»

Командование Красной Армии понимало, какую опасность несет сохранение в «мягком подбрюшье» Советской республики столь мощного вражеского кулака. Перед Фрунзе была поставлена задача до наступления зимы покончить с «черным бароном», отошедшим в Крым. Утром 28 октября главные силы фронта перешли в наступление. В составе 4-й армии, в ее третьем эшелоне на вспомогательном чонгарском направлении наступала 46-я дивизия.

Основная линия обороны белых проходила по Турецкому валу — сооружению, воздвигнутому еще крымскими ханами, длиной в 11 км и высотой 8 м. Флангами вал упирался в Черное море и Сиваш и был усилен мощной и сложной системой долговременных сооружений. Перед валом был вырыт ров глубиной до 10 м и шириной более 20 м, и построены две линии проволочных заграждений. Третья линия заграждений была скрыта во рву. С запада Перекоп

прикрывался огнем корабельной артиллерии, а с востока — незамерзающим Сивашским заливом.

Штурм позиций врангелевцев в лоб был чреват большими потерями и ставил выполнение боевой задачи под угрозу. Замысел Фрунзе, выработанный не без подсказки местных жителей, — обойти укрепления на Чонгарском перешейке по мелководному Сивашу — был замечателен своей внешней простотой. Появлялась возможность для удара во фланг и тыл врага. Но воплотить его в жизнь оказалось очень непросто.

5 ноября Фрунзе отдал приказ: «Армиям фронта ставлю задачу: по Крымским перешейкам немедленно ворваться в Крым и энергичным наступлением на юг овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции». Наиболее трудная задача выпала Перекопской ударной группе Блюхера. Две бригады штурмовали Турецкий вал в лоб, остальные две бригады 51-й дивизии совместно с 15-й и 52-й дивизиями должны были форсировать Сивашский залив, занять Литовский полуостров и нанести удар в направлении Караджаная и далее на Армянск во фланг и тыл противнику, оборонявшему Турецкий вал.

Операция началась в ночь с 7 на 8 ноября. Пользуясь тем, что из-за сильного ветра уровень воды в Сиваше упал, красные части за три часа сумели преодолеть десятикилометровый залив и неожиданно для врага выйти к Литовскому полуострову. Более тяжелая обстановка сложилась у тех, кто штурмовал Турецкий вал в лоб. Шквальный артиллерийский и пулеметный огонь врангелевцев не позволял подойти к проволочным заграждениям. Отдельные части потеряли в атаках более половины состава, но успеха не добились.

Положение сложилось критическое. «Ночью меня вызвал к аппарату М.В. Фрунзе, — вспоминал Блюхер, — и сказал: “Сиваш заливает водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало”». Потребовалось еще два отчаянных штурма, прежде чем блюхеровцам удалось уже на рассвете 10 ноября захватить укрепления Турецкого вала.

По признанию Фрунзе, по получении донесения об успехе у него словно гора с плеч свалилась. В тот же день части, наступавшие на белых с фронта от Перекопа и наносившие удар во фланг со стороны Караджаная, соединились в районе Армянска. Серьезных укреплений у противника больше не было, лучшие силы Врангеля под-

верглись разгрому и бежали к побережью. 15 ноября части 51-й дивизии вступили в Севастополь и Ялту. А 16 ноября, по достижении полной победы, Южный фронт был ликвидирован.

В финальных боях за Крым 46-я стрелковая дивизия сколько-нибудь заметной роли не играла. Соответственно упоминаний о каком-либо участии Мехлиса в них не найти не только в исторических хрониках, но даже в пропагандистских материалах. С ним мы вновь встречаемся только во второй половине ноября — декабре 1920 года, когда дивизия ликвидировала банды махновцев, очищала южное побережье полуострова от белых, не сумевших бежать за границу или оставшихся на родине, доверившись успокоительным заверениям местных органов советской власти.

Крым, увы, оказался весьма подходящим местом для реализации красными «святого чувства классовой ненависти», очень быстро превратившись в часть «Всероссийского кладбища». Крайняя жестокость Гражданской войны набросила кровавую пелену на глаза воевавших по обе стороны, напрочь застила им взор. В Крыму, как нигде, были отброшены даже самые элементарные, прошедшие через века нормы ведения войны — не воевать с пленными, гуманно относиться к мирному населению. Жестокая реальность состояла в том, что многие комиссары, воспитатели по своей основной функции, не только не сдерживали звериные инстинкты у части командного и рядового состава красных частей, но, наоборот, подстегивали их.

10 ноября 1920 года РВС Южного фронта гарантировал сдающимся в плен «полное прощение». Узнав об этом, Ленин выразил крайнее недоумение. После вмешательства центральных властей и регистрации бывших офицеров последовали массовые аресты и бессудные расправы над ними. По разным оценкам, в Крыму были расстреляны от 25 до 120 тысяч человек. Особой жестокостью прославились член РВС Южного фронта, председатель Крымского областного ревкома Бела Кун и секретарь обкома, член РВС 13-й армии Розалия Землячка (Залкинд). По их приказам было расстреляно около 7 тысяч арестованных офицеров и чиновников[1].

Террор приобрел такие масштабы, что слухи о нем сразу же распространились за границей. Известный историк С.П. Мельгунов

---

[1] *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. Казань, 1995. С. 82.

писал по горячим следам событий, что «крымская резня 1920—1921 гг. вызвала даже особую ревизию со стороны ВЦИКа. Были допрошены коменданты городов и... все они в оправдание предъявляли телеграмму Бела Куна и его секретаря Землячки... с приказанием немедленно расстрелять всех зарегистрированных офицеров и военных чиновников».

Судя по всему, Мехлис, находившийся в прямом подчинении Землячки, не видел в этом чего-то из ряда вон выходящего. Характерно: они будут позднее тесно общаться по службе в руководящих советских органах, дружить семьями. О смерти «кровавой комиссарши» в 1947 году Лев Захарович узнает в карлсбадском санатории, откуда напишет жене: «Огорчен... Ушла светлая личность, прямой и правдивый человек, большевистски непоколебимый и верный. Большая потеря!»

Не занятые боями части, опьяненные победой и воистину плебейским торжеством над побежденными, стали быстро разлагаться. Невиданными темпами плодились дезертиры, барахольщики, бандиты, войска были охвачены повальным пьянством и грабежами. Это уже грозило самим основам существования дивизии как боевой единицы. «Сверху» последовала команда — пресечь. Мехлис не миндальничал. Его поведение логично: те, кто мародерствовал и оттачивал шашки на безоружных, понимали только язык грубой силы. Вовсю заработал ревтрибунал. Комиссар дивизии дал указание устраивать в полках открытые судебные заседания. В профилактических целях проводились инсценировки суда с выступлением «свидетелей», «прокурора», с вынесением «приговора». Лев Захарович очень гордился этим изобретением, полагая, что оно позволяет «пополнить пробелы в нашей партийной, культурно-просветительской работе в частях».

В начале декабря Мехлиса избрали делегатом на партконференцию 4-й армии, в состав которой теперь входила 46-я стрелковая дивизия. Армейская конференция в свою очередь делегировала его на 2-й Всероссийский съезд партработников Красной Армии и Флота. Одновременно он был избран делегатом VIII Всероссийского съезда Советов. Впереди забрезжили новые горизонты в политике.

Если попытаться оценить участие нашего героя в Гражданской войне, обратившись к советской исторической литературе, сделать это весьма непросто. Буквально через считаные годы после окончания боев подлинная история войны стала грубо искажаться. Из литературы исчезают имена Василия Блюхера, Августа Корка, Фи-

липпа Миронова, Виталия Примакова, Иеронима Уборевича, Ивана Федько, десятков других истинных организаторов победы в Крыму. На их место пропагандистской машиной подставлялись во многом дутые, но «нужные» фигурки.

Вот — Мехлис. Его биография, как видим, была вполне боевой. Но синдромом «Малой земли» страдали идеологи не только времен Л.И. Брежнева, но и их предшественники. К действительным событиям в жизни руководителей для вящей убедительности обильно добавлялся вымысел. Уже приводилось несколько «былей» из боевого пути Льва Захаровича, не подтверждаемых документально, но явно призванных возложить на него нимб героя Гражданской войны. И если по горячим следам событий лгунов могли бы уличить их участники, то в 30-е годы многим правдолюбцам уже основательно запечатали уста, а то и жизни лишили.

Симптоматично, что с одобрения Сталина заслуги Мехлиса в Гражданской войне были особо отмечены в каноническом издании «История ВКП(б). Краткий курс»[1]. Этой чести удостоились лишь немногие политические деятели, их кандидатуры, как теперь хорошо известно историкам, отбирал сам вождь.

Следуя «Краткому курсу», авторы исторических работ и пропагандисты шли на прямые передержки, называя Мехлиса применительно к Гражданской войне в числе «виднейших деятелей партии и Советского государства», «выдающихся большевиков-ленинцев»[2]. Уборевича и Эйдемана, Блюхера и Корка отправляли на эшафот, а в это же время слушатели военных академий с благоговением посещали места, связанные с комиссарской молодостью Льва Мехлиса. «Оказывается», не Эйдеман, не Блюхер, не другие командиры, а именно он — «боевой комиссар группы войск каховского плацдарма» чуть ли не единолично руководил укреплением и обороной плацдарма от белых, о чем в специальном путеводителе 1940 года настоятельно рекомендовалось сообщать туристам, совершающим экскурсии по местам боев гражданской войны[3]. Надо ли говорить, что при этом

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс. М., 1937. С. 234.

[2] *Ангарский М.С.* Второй поход Антанты и его разгром. М., 1940. С. 41; *Коротков И.С.* Разгром Врангеля. М., 1955. С. 282; *Петров Ю.П.* Военные комиссары в годы гражданской войны. М., 1956. С. 91.

[3] *Караев Г.Н.* По следам гражданской войны в СССР. М.—Л., 1940. С. 178.

даже не упоминались имена подлинных руководителей боев на плацдарме, к тому времени уже сгинувших в пучине репрессий. Подобная практика фальсификаций, искажая реальный вклад Мехлиса в победу Красной Армии, оборачивалась, в конце концов, против него самого.

Участие в Гражданской войне стало важным этапом в его становлении как политика. Он приобрел большой опыт массово-политической работы и вполне солидную репутацию, показал себя волевым, настойчивым в достижении цели. Служба свела его с рядом деятелей, пребывавших на крупных партийных и военных постах или вскоре выдвинутых на такие посты, он стал лично известен Сталину, что сыграло существенную роль в его дальнейшей судьбе в большой политике.

Нельзя, однако, не видеть внутренне противоречивого характера, который носила деятельность Льва Захаровича. Его политический и нравственный облик, готовность идти на любые средства во имя достижения цели сформировались в особых условиях братоубийственной войны с ее обостренным классовым антагонизмом, массовыми нарушениями общепризнанных норм ведения военных действий, настроениями партизанщины и при наличии у политических комиссаров огромных властных полномочий. Отсюда он вынес приверженность военным, авторитарным формам работы и управления людьми, веру в насилие как универсальное средство достижения крупных социальных целей.

В чрезвычайных условиях Гражданской войны, как и последовавшего за ней восстановительного периода, такие качества позволяли ему считаться не только вполне приемлемым, но и перспективным партийным работником, открыли путь к солидному служебному росту.

Глава 2

«ОТКОМАНДИРОВАТЬ В РАСПОРЯЖЕНИЕ ЦК»

ПОКА У ПОДНОЖИЯ

Из Москвы в родную 46-ю дивизию Мехлис уже не возвратился. 22 декабря 1920 года в РВС Южного фронта от начальника политуправления Реввоенсовета республики И.Т. Смилги поступила короткая телеграмма о том, что военкомдив-46 оставлен в его распоряже-

нии. 31 декабря Льва Захаровича спешно уволили из армии в запас и откомандировали в распоряжение ЦК РКП(б). 1 января 1921 года для него открылась дверь не в новый год, но в новый мир: он ступил на скользкую лестницу партийной иерархии.

Какие же влиятельные силы придали служебному росту скромного комиссара дивизии, каких немало в армии, такое ускорение? Если учесть, что всего через десять месяцев он будет трудиться в Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции, во главе которого стоял Сталин, предположение об участии последнего в судьбе Мехлиса кажется более чем вероятным. Раньше других осознавший силу партийного аппарата, будущий генеральный секретарь ЦК приступил к его формированию. Льву Захаровичу, очевидно, отводилось в нем свое место.

Взбираться по карьерной лестнице Лев Захарович будет с завидной настойчивостью, отрабатывая выданные ему авансы не за страх, а за совесть, дабы оправдать надежды человека, подсадившего его на нижнюю ступень и внимательно следившего за дальнейшим подъемом. Но не стоит сбрасывать со счетов и личное — как показала жизнь, немалое — честолюбие самого Мехлиса, его способность на лету схватывать законы, по которым формировалась и жила новая советская элита.

3 января управляющий делами СНК РСФСР Н.П. Горбунов подписал приказ о назначении его на должность начальника канцелярии Совета народных комиссаров. К слову, они были знакомы по фронту: Мехлис находился в подчинении у Горбунова, бывшего заведующим политотделом 14-й армии.

Только для непосвященного тот пост мог показаться малозначительным, а занимавший его человек — эдаким щедринским письмоводителем, ходячим скоросшивателем. В условиях обострившейся в связи с болезнью В.И. Ленина борьбы за первенство в руководстве партией и страной эта должность быстро становилась все менее канцелярской и все более политической, ибо через руки Мехлиса проходила почта председателя СНК. Это как в системе орошения: сечение канала может быть хоть большим, хоть малым, но воды в нем течет ровно столько, насколько позволяет задвижка на распределительном узле. Канцелярия СНК во многом и была таким «узлом», и от ее начальника зависели как напор поступающей «воды» — корреспонденции, так и ее фильтрация.

Достоянием ученых давно стали факты, говорящие о том, что Сталин по мере обострения болезни Ленина проявлял все больший интерес к исходящей от него самой конфиденциальной информации и, что самое главное, получал ее от личных секретарей вождя. Именно таким образом генеральный секретарь ЦК РКП(б) узнал, например, о том, что Ленин начал диктовать совершенно секретные, как он был убежден, записи — будущее «Письмо к съезду»[1]. И узнал он об этом от секретаря М.А. Володичевой в первый же день диктовки — 23 декабря 1922 года. Как убедительно показал известный петербургский историк В.И. Старцев, не остались в тайне от генсека и последующие диктовки, содержавшие в том числе нелицеприятную критику «чудесного грузина»[2].

Что в таком случае мешает предположить, не искал ли Сталин подходы к ленинскому окружению из работников технического аппарата и до того? Включение в их число Мехлиса, о котором у генсека еще на фронте сформировалось вполне определенное представление, как о лично преданном ему человеке, было в этом смысле сильным ходом будущего кремлевского владыки.

На фоне информации, сообщаемой В.И. Старцевым, уже ни в малейшей степени не выглядит правдоподобной версия, которая излагалась в парижской эмигрантской печати и в соответствии с которой «к сокрытию истинного завещания Ленина, направленного против Сталина... причастны проворные и ловкие руки Мехлиса»[3]. Есть все основания считать, что источником этой версии выступал Л.Д. Троцкий, который в одной из своих книг, позднее изданной на Западе, написал, что пакет с секретным «Письмом к съезду» незаконно попал к Сталину еще до XIII съезда, на котором оно в соответствии с волей умершего вождя должно было быть оглашено. Этот пакет генеральный секретарь получил раньше других членов Политбюро и вскрыл его в присутствии Мехлиса и еще одного работника своего секретариата С.И. Сырцова[4]. Не спасает Троцкого ссылка и на неких

---

[1] Известия ЦК КПСС, 1990, № 1. С. 157.

[2] *Старцев В.И.* Мог ли быть Сталин смещен с поста генерального секретаря в 1923 г.? // Клио, 2007, № 1 (36). С. 128.

[3] Часовой, 1938, № 217—218. С. 6.

[4] См.: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1990. С. 262.

очевидцев. Если таковые и были, они просто-напросто не знали, что пакет содержал бумаги, давным-давно известные Сталину.

Хотя бы задним числом Троцкому, пребывавшему в изгнании, очень хотелось верить, что, если бы не манипуляции с политическим завещанием Ленина, Сталин был бы в соответствии с этим завещанием отстранен от власти. Увы, какими бы утешительными ни были мифы, они рассыпаются под напором неопровержимых фактов. А именно: не только на XIII съезде в 1924 году, но даже и на XII съезде в апреле 1923 года (то есть еще при жизни Ленина) перемещение Сталина с поста генсека было уже невозможно, настолько прочными оказались позиции последнего.

А такая прочность обеспечивалась, в том числе, умелой расстановкой на всех этажах власти своих людей, среди которых был и Мехлис. При этом, как работник, Лев Захарович устраивал и Ленина, поскольку мог заставить заработать подчиненный ему аппарат более четко и организованно, чего так добивался председатель Совнаркома. Из его бумаг видно, в какое отчаяние приходил он от быстро расплодившейся советской бюрократии, как пытался наладить хоть мало-мальски работоспособный госаппарат. «Волокита эта особенно в московских и центральных учреждениях самая обычная», — писал вождь в сентябре 1921 года наркому юстиции Д.И. Курскому, требуя устраивать над волокитчиками показательные суды.

То, что председатель Совнаркома требовал от наркома юстиции, он, конечно, пытался реализовать, прежде всего, в собственном аппарате. В рамках канцелярии УД СНК Мехлис подходил для этого вполне. Его методы в работе с людьми, отточенные в Гражданскую войну, оказались как нельзя кстати. Прежде всего, он добился через ЦК укомплектования канцелярии «политически проверенными» работниками. Излишне самостоятельных, как и ленивых, неаккуратных, не терпел. Выполняя требование Ленина, добился, чтобы письма, адресованные председателю СНК, докладывали ему как можно быстрее.

«Сотрудникам нижней приемной вменяется в обязанность, — гласил его приказ, — секрет-пакеты, адресованные Владимиру Ильичу Ленину, передавать непосредственно (минуя общую регистратуру) дежурной секретарше Большого Совнаркома или тов. Фотиевой (личный секретарь главы правительства. — *Ю.Р.*). Все при-

бывающие секретные пакеты на имя Владимира Ильича Ленина заносить в особую книгу № 1, указывая месяц, число и час приема»[1]. Нарушители держали ответ немедленно.

Во весь рост встала еще одна проблема. Совнарком и Совет труда и обороны плодили массу документов. Что-то устаревало, что-то противоречило ранее принятому, а что-то дублировало друг друга — во всем этом бумажном море разобраться было почти невозможно. Когда председатель СНК или кто-то из наркомов запрашивал справку по любому вопросу, на поиски уходили долгие часы, а то и дни. Мехлис железной рукой попытался навести элементарный порядок и здесь, введя четкую регистрацию входящих-исходящих, отладив работу справочного бюро. Малейшая задержка рассматривалась как чрезвычайное происшествие.

Возможно, на канцелярском поприще талант Льва Захаровича развился бы с необычайной силой. В конце концов, с такого же поста в Президиуме Верховного Совета СССР начал К.У. Черненко, а стал в итоге — страшно сказать — генеральным секретарем ЦК КПСС! Но бывшего политкомиссара ждала иная стезя: в ноябре 1921 года он вновь был откомандирован в распоряжение ЦК, а там последовало новое назначение — в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Сталин — нарком Рабкрина формировал свою команду во вверенном ему ведомстве.

Мехлис участвовал в поисках той оптимальной схемы надведомственного контроля, которая могла бы обеспечить успешную борьбу с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях, действительное наблюдение за проведением в жизнь всех декретов и постановлений центральных государственных органов, подготовку предложений об упрощении и улучшении системы государственного управления. Именно такие задачи были поставлены перед Народным комиссариатом Рабоче-крестьянской инспекции «Положением», утвержденным декретом ВЦИК от 7 февраля 1920 года.

Советские историки давали высокую оценку деятельности наркомата в первый год его существования, отмечая заметный рост его авторитета по сравнению с предшественником — Наркоматом государственного контроля и массовость рядов добровольных помощ-

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 36, л. 107.

ников из числа рабочих и крестьян[1]. Однако к моменту перехода Мехлиса на работу в НК РКИ обстановка там усложнилась. Придание РКИ статуса «ведомства над ведомствами», чего так добивался Сталин, вызвало резкие возражения даже некоторых руководящих деятелей партии. Такого «чудища», как советская система контроля, писал Л.Б. Красин, нигде в мире нет. «Главная наша беда заключается в том, — подчеркивал он, — что мы не можем, не умеем организовать именно производство. В этом самое слабое, а вовсе не в том, что у нас нет достаточно хорошо построенного контролирующего аппарата»[2].

Недостатков в работе в самом деле накопилось так много, и они преодолевались руководством настолько медленно, что фракция РКП(б) при наркомате вынуждена была весной 1921 года обратиться в Центральный комитет с докладной запиской, в которой констатировались слабость и несогласованность в работе коллегии, отсутствие координации в деятельности отдельных центральных инспекций, очень слабая связь с местными органами, запущенность в обучении широких масс рабочих и крестьян контролерской работе и вообще низкий авторитет РКИ.

Критика, звучавшая изнутри наркомата, смыкалась с резкими оценками политического руководства страны. Наркомат РКИ подвергался Лениным острой критике за раздутость штатов, рыхлость и громоздкость. Рабкрин должен, подчеркивал предсовнаркома в письме Сталину от 21 сентября 1921 года, не ловить и изобличать, а вовремя поправлять, предупреждать нарушения путем жесткого контроля. В ответной записке, направленной Ленину в тот же день, Сталин, по сути дела, отверг все замечания[3]. В октябре он пошел еще дальше, поставив перед Оргбюро ЦК РКП(б) вопрос о перераспределении работников-коммунистов в наркоматах, причем с таким расчетом, чтобы лучших сосредоточить у себя. Потребность РКИ Иосиф Виссарионович исчислял в 1000—1200 человек, в

---

[1] *Иконников С.Н.* Организация и деятельность РКИ в 1920—1925 гг. М., 1960. С. 64; *Краснов А.В.* ЦКК—РКИ в борьбе за социализм (1923—1934 гг.). Иркутск, 1973. С. 83.

[2] Цит. по: *Солдатенков В.Д.* Политические и нравственные последствия усиления власти ВКП(б). СПб., 1994. С. 15.

[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С.130, 549.

крайнем случае — 250 человек. «Расчет мне кажется преувеличенным», — лаконично констатировал Ленин, давая понять, что специалисты не пекутся, как блины, и нужны не одному Сталину. Тем не менее перераспределение коммунистов в госаппарате произвели, и именно в его рамках Мехлис попал в Рабкрин на должность заместителя начальника общего управления.

25 ноября коллегия РКИ назначила его председателем комиссии по улучшению структуры центральных и местных органов наркомата. Одновременно по поручению заместителя наркома В.А. Аванесова он также изучал правильность использования в аппарате рабочих и крестьян, специально делегированных с мест. Эта проблема по мере перехода страны к новой экономической политике приобретала очень острый характер. Введение хозрасчета поглотило почти все кадры ранее привлеченных к работе в РКИ рабочих и крестьян: руководители, не желая содержать за счет своих предприятий контролеров, отзывали их на места. В результате число делегированных в 1922 году уменьшилось по сравнению с предыдущим годом почти в 10 раз. До 12 тысяч человек, то есть в три раза, сократилось и общее число штатных сотрудников.

На этом фоне рациональное использование наличных сил приобретало особое значение. Свои соображения Мехлис вместе с проектом доклада в Политбюро ЦК РКП(б) доложил коллегии. Они заключались в предложении при производстве инспекций и ревизий во всероссийском масштабе отказаться от сплошных обследований и перейти к выборочным. Когда снизу доверху обследуются административный аппарат или хозяйственная отрасль, резонно писал автор доклада, то отвлекаются чуть ли не целиком все силы в центре и в местных РКИ, остальные же дела и участки работы вынужденно забываются[1].

Сберечь силы и при этом повысить качество проверок, сосредоточить основное внимание на чисто ревизионной работе, в чем ощущалась особая нужда, на взгляд заместителя начальника общего управления, позволили бы следующие меры: переход к обследованию лишь отдельных, наиболее существенных для РКИ объектов; четкое формулирование цели и задач обследования; заблаговременное составление программы работ.

[1] Известия Рабоче-крестьянской инспекции, 1922, № 11—12. С. 5—6.

Более живая, напрямую смыкающаяся с практическими ревизиями и проверками работа началась, когда Лев Захарович возглавил центральную административную инспекцию Рабкрина — одну из основных в наркомате. По положению она ревизовала деятельность центральных учреждений: наркоматов внутренних дел, юстиции, почт и телеграфов, национальностей, Государственного политического управления, Центрального статистического управления, а также ведала хозяйственной деятельностью учреждений СНК РСФСР и ВЦИК. Иначе говоря, Мехлис-аппаратчик приобретал своеобразный опыт: ему довелось контролировать не производственный сектор, а главным образом аппарат, и общаться приходилось в основном с управленцами центральных ведомств.

Сохранившиеся от тех дней архивные документы дают представление об объеме и разнообразии работы, осуществленной коллективом инспекции с приходом Мехлиса: тут и ревизии войсковых частей ГПУ, и проверка соблюдения норм хранения вещественных доказательств в судебных учреждениях, и проверки хода передачи мест заключения в ведение НКВД, и контроль секретных расходов ГПУ[1].

Благодаря проведенной работе Рабкрин смог «прижать» кое-кого из высокопоставленных аппаратчиков:

— сэкономить валюту в аппарате уполномоченного Центральной эвакуационной комиссии. После вмешательства инспекции была запрещена перевозка в Варшаву 300 тыс. рублей (по ценам 1922 года), якобы предназначенных для отправки из Польши на родину русских военнопленных, поскольку подобные расходы по обоюдному соглашению должна была нести польская сторона;

— предупредить непроизводительные расходы в Наркомате юстиции. После вмешательства административной инспекции сумма, намеченная на ремонт зданий, снизилась с более чем 5 млн рублей до 2,7 млн. Более чем в 2 раза была сокращена заявка НКЮ на средства, предназначавшиеся для проведения выездных сессий нарсудов и ревтрибуналов;

— не допустить хищения и разбазаривания средств сразу в нескольких учреждениях. Был установлен факт растранжиривания в системе Центроэвака крупных денежных сумм, выделенных для

[1] ГАРФ, ф. 4085, оп. 11, д. 382, л. 148 об.—149.

голодающих; выявлена переплата более 270 млн рублей за сверхурочные работы, выполненные ремонтно-строительным бюро при НКВД; обнаружено незаконное удержание более 300 млн рублей МОГЭСом с управления уполномоченного ВЦИК по делам венгерских эмигрантов-коммунистов;

— своевременно исправить последствия халатности при исполнении должностных обязанностей. В Российском бюро филателии Наркомата почт и телеграфа был выявлен факт неоприходования знаков почтовой оплаты на 1 трлн рублей в ценах 1921 года.

Надо отдать должное Льву Захаровичу: он не был лишь механическим исполнителем указаний «сверху», но задумывался и над тем, как с пользой для дела распорядиться имеющимися возможностями. К примеру, в качестве одного из главных условий успешной работы Рабкрина он рассматривал независимость ведомства, решительно возражая против установившейся практики, когда инспекторы РКИ участвовали в ревизионных комиссиях, назначаемых подконтрольными органами для ведомственной проверки. По его мнению, это обезличивало роль представителей РКИ, измельчало масштаб их работы, затрудняло применение судебных мер к провинившимся в случае, если ведомственные проверки завершались административными взысканиями, как бы освященными одним лишь участием инспекторов Рабкрина.

Ко времени работы в Наркомате РКИ относятся первые активные выступления Мехлиса в печати. Многие его предложения, прозвучавшие со страниц ведомственного издания «Известия Рабоче-крестьянской инспекции», весьма здравы и рациональны. Так, отказ от участия представителей РКИ в ведомственных проверках он предлагал дополнить отменой постоянных представительств наркомата в подведомственных учреждениях. Таковое представительство он называл пережитком, который отвлекает значительные кадры от непосредственного проведения ревизий и создает возможность излишнего сближения с проверяемыми лицами на корыстной основе. Резонны также его доводы в пользу предложения публиковать в газетах фамилии тех лиц, которые были освобождены от должности по материалам проверок, чтобы нерадивые работники не могли устроиться на «теплые» места в других госучреждениях. Сделанное лет на десять позднее, такое предложение вряд ли встретило бы понимание, поскольку подрывало сложившуюся к 30-м годам

номенклатурную систему подбора и расстановки кадров. Но в 20-х подобное вольнодумство поощрялось, хотя в жизни воплощалось не часто.

Вместе с тем в работе возглавляемой Мехлисом инспекции все более проявлялся недостаток, вообще характерный для деятельности Рабкрина, а именно — увлечение чисто контрольно-ревизионными функциями и пренебрежение работой, которая способствовала бы совершенствованию государственного аппарата. Эта позиция нашла отражение в тезисах, утвержденных коллегией НК РКИ в августе 1922 года, где констатировалось, что переход к новой экономической политике придал лозунгам учета и контроля особо важное значение. Однако, отводя ведущую роль инспекционной работе, руководители наркомата при этом напрочь упускали из виду вопросы совершенствования системы управления, сокращения и удешевления госаппарата[1].

В письме членам коллегии Наркомата РКИ от 21 августа 1922 года Ленин писал по этому поводу: «Тип работы — *отдельные обследования* и доклады. Старина. А *переделки* аппарата и улучшения его нет» (курсив В.И. Ленина.— *Ю.Р.*)[2].

Справедливости ради следует заметить, что Мехлис видел эту проблему, хотя и в локальном масштабе, без ощутимых последствий для аппарата хотя бы одного из центральных ведомств. Тем не менее благодаря усилиям именно административной инспекции был поставлен вопрос о создании при НКВД центрального регистрационного бюро взамен трех органов, выполнявших одни и те же функции учета преступников — статистического отдела НКЮ, отдела моральной статистики ЦСУ и учетно-статистической части Вертриба (верховного трибунала). Были также упразднены кассы при автобазе и конной базе СНК, при санитарном управлении Кремля, за ненадобностью закрыто строительное бюро в хозяйственном отделе НКВД и прочее.

Именно в РКИ Мехлис почувствовал себя настоящим аппаратчиком. Отвечая на вопрос анкеты, какую работу по линии Рабкрина он

---

[1] Роль и задачи РКИ в связи с новой экономической политикой (Тезисы, принятые коллегией НК РКИ в заседании 2 сентября 1921 года). М., 1921.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.54. С. 274.

считает для себя наиболее подходящей, написал: «По налаживанию аппарата». И причину указал: «Имею опыт».

Работа в РКИ сделала частым и регулярным общение Мехлиса со Сталиным. Им было что вспомнить общего по Гражданской войне, но, раз и навсегда избрав линию поведения по отношению к своему руководителю — бывшему члену РВС Юго-Западного фронта, ныне — наркому, а очень скоро генеральному секретарю ЦК, Лев Захарович никогда не переступал незримую черту. Всегда собран, деловит, готов откликнуться на своеобразный юмор Сталина, но — упаси Бог — сбиться на фронтовое панибратство.

ВЫРАСТАЕТ ДОБРЫЙ КОММУНАР

Когда 10 октября 1922 года у Льва Захаровича родился сын, счастливый отец решил, по его словам, «дать возможность будущему человеку изучать свое детство, знать условия, в которых жил и воспитывался». А потому взял толстую, в картонной — чтобы износа не было — обложке тетрадь и стал записывать в нее всякую чепуху о своем чаде, милую сердцу любого родителя.

На обложке дневника молодой папаша вывел слова: «Новый человек». Надо понимать, имел в виду сына, «юного коммунара, полезного члена семьи нашего будущего социалистического общества». Но, безусловно, таковым «новым человеком» — членом когорты новаторов, революционеров, призванных по только им одним известным схемам строить общество будущего, — в первую очередь считал себя.

И сегодня, спустя восемьдесят с лишним лет, по-своему интересны эти записки, к сожалению, нерегулярные и оборванные в 1930 году. Ибо в них не столько сын Леонид, «Леничка», сколько его отец — быстро поднимавшийся по служебной лестнице функционер. Образ мыслей Льва Захаровича, отличавшийся крайней ортодоксальностью, его мечты и планы, его быт.

Но перед этим несколько слов о жене Мехлиса — Елизавете Абрамовне Млынарчик. Они повстречались еще в Гражданскую. Сохранилось семейное предание: во время мятежа григорьевцев в Екатеринославе Мехлис был тяжело контужен (документально это, правда, не подтверждено). Подобрала его и оказала медицинскую помощь молодой врач Млынарчик. К утру, когда стало лучше, ко-

миссар из медпункта сбежал, но военврача не забыл. В 1919 году они поженились. Забегая вперед, скажем: пережившая мужа на два десятка лет Елизавета Абрамовна до конца дней преданно заботилась об увековечении его памяти. Ее усилиями на ноги были подняты Главное политуправление Советской Армии и Военно-Морского Флота, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, многие архивы, музеи — везде шло выявление документов, связанных с деятельностью Мехлиса, создавались его личные фонды...

Но вернемся к «Новому человеку». Когда жену увезли в роддом, Лев Захарович был на службе. Вернулся в густо населенную жильцами коммунальную квартиру — и тут такая новость! «Денег ни гроша, — пишет молодой отец. — Взял в НК РКИ аванс в 300 миллионов. Будущий человек поразится величине этой цифры, не зная ее фактической ценности в революционный период. Купил необходимое».

И вот «новый человек у себя на квартире в кругу любимых его родителей». Понятно признание молодого отца: «Сына люблю — эти два слова произношу в жизни впервые». И здесь же (запись от 2 января 1923 года): «На ширме портрет Ильича “с новыми силами — он на посту” и красный бантик. Малыш частенько смотрит на портрет, не понимая, что это вождь пролетариата. Надо полагать, что когда малыш вырастет, человечество только тогда осознает это великое имя».

Со временем «политика» в этих записях все больше вытесняла «быт». В связи с похоронами дипломата В.В. Воровского, застреленного в Лозанне русским эмигрантом, 23 мая 1923 года Мехлис делает следующую запись: «Я был бы счастлив, если б знал, что Люсик... будет верным пролетарием, будет честным последователем погибших и сражающихся коммунаров»[1].

Скорее всего, подобная высокопарность отражала не только и не столько идейность Мехлиса, сколько усвоение им — а он к этому времени уже работал в ЦК РКП(б) — правил игры, принятых партийной верхушкой. Правила эти сводились к несложной, но жесткой схеме: разделяешь ты коммунистическую идеологию и мораль или нет, но всегда и везде обязан публично клясться ей в верности. Отрабатывай доверие, коль попал в число избранных.

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 7, л. 17.

Вот — мелочь, деталь: своего младенца Мехлисы кормили молоком, фруктовыми соками — и это в голодную, смертельную для десятков тысяч людей зиму 1923 года! Причем в дневнике написано об этом как-то вскользь, как о само собой разумеющемся. Многие ли могли похвастаться такими возможностями в разруху, а ведь Лев Захарович был тогда аппаратчиком отнюдь не высшего звена.

Летом Мехлис отправил жену с ребенком на спецдачу в Серебряный Бор, живописнейшее место под Москвой, где старую знать после революции сразу же сменила новая, советская. А оттуда семейство уже в полном составе отправилось в Марьино Курской губернии в дом отдыха ЦК имени Ленина. «Здесь в Марьино, — записал Мехлис, — исключительно барская обстановка, каковой сам не видел и, понятно, в какой никогда не жил. Да, буржуазия умела устраиваться... Покатал мальчугана и на лодке. Пусть набирается сил, развивается, готовится к жизненной борьбе».

Полтора месяца набирался сил и здоровья, необходимых для «борьбы», и отец. Оказалось, что барская обстановка служит этому куда лучше, чем ханжеская пуританская мораль, демонстрируемая на людях. Чтобы к этому вопросу больше не возвращаться, скажем: не заметно, чтобы «идейного коммуниста» Мехлиса беспокоили мысли о, говоря сегодняшним языком, незаслуженных привилегиях и льготах. Он очень полюбил бархатный сезон в Крыму. Войдя во вкус, иной раз позволял даже уговаривать себя оторваться наконец от дел, расслабиться.

Сохранилась записка Сталина А.И. Рыкову, тогдашнему главе Совнаркома, и секретарю ЦК В.М. Молотову от 17 июля 1925 года: «Прошу Вас обоих устроить Мехлиса в Мухалатку или другой благоустроенный санаторий, не обращайте внимания на протесты Мехлиса, он меня не слушает, он должен послушать Вас, жду ответа»[1].

Еще во время работы Льва Захаровича в Наркомате Рабкрина семья из коммуналки перебралась сначала в прославленный писателем Юрием Трифоновым «дом на набережной», в соседи ко многим членам правительства (москвичи знают дом по расположенным там кинотеатру «Ударник» и Театру эстрады), а позднее в так называемый 1-й Дом Советов на углу Тверской и Моховой, где жили ответственные работники ЦК партии. Позднее были еще более престиж-

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 8, л. 1.

ный дом по улице Грановского и персональная дача. От «народа» жильцов охраняла комендатура ГПУ. К их услугам были закрытые распределители, поликлиники, дачи. Как функционер, достигший известных высот, Мехлис получил от столичного ГПУ разрешение на ношение огнестрельного оружия.

Если Лев Захарович не видел во всем этом ничего исключительного, находясь на нижних ступенях номенклатурной пирамиды, то тем более считал это нормой, поднявшись «наверх». Известен, например, случай, когда он во время войны пытался вызвать к себе на Брянский фронт стоматолога из кремлевской клиники на специально для этого случая выделенном санитарном самолете. И об этом человеке распространялись легенды, будто он за работой не знает ни сна, ни отдыха, годами не бывает в отпусках, скромен до болезненной щепетильности!

Да, в отличие от многих высокопоставленных деятелей, Мехлис не был коррупционером. Но тем, что было «положено» в связи с занимаемыми служебными постами, пользовался без стеснения. Ибо сама его «невзыскательность» в быту была особого рода, между нею и уровнем жизни рядовых сограждан пролегала огромная дистанция. Объективные исследователи установили, что система привилегий, сопровождавшая жизнь советской элиты, возникла уже в первые послереволюционные месяцы и потом неуклонно совершенствовалась. Ссылки на партмаксимум, как ограничитель роста материального благосостояния руководителей, при ближайшем рассмотрении не срабатывают. Например, в 1925 году ставка партийного работника была как минимум в 3,5 раза выше средней зарплаты промышленного рабочего, не говоря уже о значительно большей покупательной способности рубля у первого. А многочисленные и не афишируемые привилегии верхушки (любопытный получается переклик между джиласовским «новым классом» и мехлисовским «новым человеком») в снабжении продуктами и промтоварами, в обеспечении жильем, путевками в санатории и дома отдыха, в том числе за рубежом, транспортными и медицинскими услугами, в установлении персональных пенсий...

Грандиозная система подкупа льготами и привилегиями служила одной цели — приручить, спаять общими материальными интересами входящих в этот избранный круг, сделать их обязанными тому, кто этот круг очерчивает. Как тут не вспомнить Троцкого, уже

в начале 30-х годов пытавшегося, правда, уже из-за границы, привлечь общественное внимание к «дачно-гаремному характеру» сталинской бюрократии!

В СТАЛИНСКОМ СЕКРЕТАРИАТЕ

Окончание Гражданской войны, введение нэпа вызвали существенные изменения в политической жизни страны. Складывание многоукладности в экономике не сопровождалась расширением демократии. Все большая политическая власть сосредоточивалась в руках большевистской партии. Однопартийная система, отсутствие конструктивного противовеса формирующемуся единовластию неизбежно вело к обюрокрачиванию аппарата, отбору в него не по профессиональным, а по идеологическим мотивам, к самозахваливанию коммунистов. Не за горами было время, когда народ был принужден говорить партии спасибо за все то, что достиг собственным изнурительным трудом.

Власть в стране стала сосредоточиваться даже не в руках парторганизаций, а их комитетов, освобожденного аппарата. Роль последнего особенно хорошо и много раньше своих соперников в Политбюро уловил Сталин. Через Секретариат и Оргбюро ЦК, организационно-распределительный отдел ЦК он подбирал и расставлял в центре и на местах свои кадры, которые через какое-то время были бы способны (и в конце концов оказались способны) обеспечить генсеку большинство на партийных съездах, что являлось основным условием для легитимизации завоеванной неправедным путем власти.

Уникальная роль в возвышении Сталина принадлежала Политбюро ЦК, которое, по мнению некоторых исследователей, уже в 1923—1924 годах «превратилось в гипертрофированное сверхправительство, одновременно выполнявшее функции верховного законодателя страны... Таким образом, “политику партии” определяла не партия и не ее ЦК, а узкая верхушечная группа... Наиболее важные вопросы проходили через личную сталинскую канцелярию»[1].

Именно сюда, в «личную канцелярию», а точнее, секретариат Сталина, пришел Мехлис, став в ноябре 1922 года одним из помощ-

---

[1] *Роговин В.З.* Партия расстрелянных. М., 1997. С. 191—192.

ников генерального секретаря ЦК. О специфике его должности — помощника, а потом первого помощника и заведующего бюро Секретариата ЦК (позднее — секретного отдела ЦК) — широкая публика имеет некоторое представление по воспоминаниям политиков, управленцев высшего эшелона, военачальников в той их части, которая касается небезызвестного А.Н. Поскребышева.

Но какую же конкретную роль отводил Сталин именно Льву Захаровичу, беря его в свое ближайшее окружение? Об этом сам Мехлис предпочитал не распространяться, а архивы весьма скупы на подобные материалы. И дело тут не только в сугубой секретности документов, исходивших из сердцевины партийного аппарата — секретариата генсека. Надо также иметь в виду, что деятельность Мехлиса в этот период не носила публичного характера, само положение помощника, секретаря предполагает преимущественно личные, устные, не фиксируемые на бумаге отношения с шефом и его окружением.

Как писал американский биограф советского лидера Р. Такер, «будучи Генеральным секретарем, Сталин в 20-е годы образовал корпус личных помощников, отобранных в силу таланта, смекалки и преданности. Они держали Сталина в курсе всех событий в любой сфере, включая и международные дела, и помогали ему вырабатывать политическую линию. Они же являлись связующим звеном между ним и бюрократическим аппаратом... Личных помощников Сталина, среди которых в 20-е годы особо выделялись Товстуха и Мехлис, наделили титулом "ассистент секретаря ЦК"»[1].

Об этом периоде жизни ЦК, генсека и его аппарата более или менее подробно рассказал бывший секретарь Сталина Борис Бажанов, бежавший в 1927 году за границу и оставивший злую, но интересную и в основном достоверную книгу воспоминаний. Именуя себя помощником по Политбюро, Мехлиса он называет личным помощником генерального секретаря. Тот получает всю корреспонденцию, которая приходит лично шефу, и сам же ее докладывает. Только он да Бажанов имеют право входа к Сталину без доклада, что не позволено даже Г.О. Каннеру и И.П. Товстухе — двум другим помощникам. Всем остальным в кабинет генсека можно войти только после доклада Мехлиса.

---

[1] *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. С. 271.

...К моменту исчезновения КПСС с политической арены в августе 1991 года непомерно разросшийся аппарат ее ЦК занимал целый комплекс зданий в районе Старой площади. В мрачноватом сером здании, что смотрит окнами на сквер посредине площади, на пятом этаже размещалось высшее руководство. Эта традиция шла от первого генерального секретаря.

«Поднявшись на 5-й этаж, — читаем у Бажанова, — можно пойти по коридору направо — здесь Сталин, его помощники и секретариат Политбюро... Первая дверь ведет в бюро Каннера и Мехлиса. Только через него можно попасть в кабинет Сталина, и то не прямо, а пройдя сквозь комнату, где дежурит курьер...»[1]

Кроме доклада почты и упорядочения приема посетителей, Лев Захарович вместе с остальными помощниками Сталина и других секретарей ЦК готовил различную справочную информацию, принимал участие в предварительном рассмотрении вопросов, которые выносились на Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК, вел необходимую переписку, следил за стенографированием заседаний руководящих органов партии, выполнял многочисленные личные поручения генсека, причем, по свидетельству Бажанова, подчас «темные» и «полутемные».

Помимо всего прочего, на сталинском секретариате лежала также обязанность формировать положительный имидж Сталина. Был установлен порядок, в соответствии с которым Товстуха, Каннер, Мехлис, а позднее Поскребышев ежедневно просматривали и визировали все материалы о нем и фотографии для печати, внося немалую лепту в раздувание культа генерального секретаря ЦК, в утверждение в сознании масс мифов типа «Сталин — это Ленин сегодня», «любимый вождь», «отец народов».

Вполне возможно, Лев Захарович и сам не сразу оказался способен оценить головокружительность той высоты, на которую столь стремительно взлетел. Новая должность, благодаря приближенности к первому лицу партии, давала ему больше возможностей, чем иному члену правительства. Лицо вроде бы техническое, чья главная задача — по крайней мере, публичная — регулировать поток бумаг и посетителей, Мехлис приобрел незримую, но вполне ося-

---

[1] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 54.

заемую власть над огромным слоем партийных и государственных чиновников, исключая пока разве что высшую элиту.

Конечно, одновременно приходилось выполнять и мелкие, порой унизительные поручения. Вождь любил позабавиться, ставя «подданных» в неловкое положение, вроде раз за разом повторявшегося подкладывания помидора на стул подслеповатому Михаилу Ивановичу Калинину. Похожее случалось и с нашим героем. Художник Борис Ефимов вспоминал, что его брату, известному журналисту Михаилу Кольцову, Мехлис сам рассказывал о службе у Сталина. Когда вождю было нечем раскурить трубку, он звонком вызывал помощника. Тот входил. Сталин требовал: «Товарищ Мехлис, спички!» После неоднократных повторений одной и той же сцены Мехлис установил на столе у Сталина специальный звонок с надписью «спички», и когда звонил этот звонок, посылал спички с курьером. Но Сталин не отказывал себе в удовольствии поиздеваться. Он звонил в основной звонок и, когда помощник появлялся в дверях, «виновато» разводил руками и с усмешкой говорил:

— Товарищ Мехлис, спички!

Любопытно, что объект сталинских шуток рассказывал об этом безо всякой обиды и даже благодушно посмеиваясь.

Его влияние еще больше возросло, когда в ноябре 1924 года он стал первым помощником Сталина и одновременно заведующим бюро Секретариата ЦК, которое действовало на правах отдела Центрального комитета.

Круг дел и обязанностей Мехлиса заметно расширился. Определенное представление об их характере дают выдержки из личной переписки его предшественника в указанной должности А.М. Назаретяна, относящейся ко второй половине 1922 года: «С одной стороны, я прохожу здесь большую школу и в курсе всей мировой и российской жизни, прохожу школу дисциплины, вырабатывается точность в работе, с этой точки зрения я доволен, с другой стороны, эта работа чисто канцелярская, кропотливая, субъективно малоудовлетворительная, черная работа, поглощающая такую уйму времени, что нельзя чихнуть и дохнуть, особенно под твердой рукой Кобы». «Коба меня здорово дрессирует. Прохожу большую, но скучнейшую школу. Пока из меня вырабатывает совершеннейшего канцеляриста

и контролера над исполнением решений Политического бюро, Организационного бюро и Секретариата»[1].

Судя по всему, Мехлис сумел не поддаться валу текучки и внести в работу возглавляемой им структуры много нового, способствовавшего аппаратными средствами сосредоточению всей реальной власти в руках Политбюро и лично Сталина.

Деятельность бюро Секретариата ЦК, как, впрочем, и его заведующего Мехлиса, — одно из «белых» пятен в литературе. Дефицит информации на этот счет объясняется атмосферой крайней скрытности, конфиденциальности, а очень скоро и абсолютной тайны, в которой высшие органы РКП(б) — ВКП(б) осуществляли свою деятельность. Еще 8 ноября 1919 года Политбюро рассмотрело заявление Сталина об утечке сведений о заседаниях ЦК и приняло решение ввести такой порядок, при котором ознакомление с документами руководящих органов партии было возможным лишь для «минимального количества товарищей». Решения по наиболее серьезным вопросам в протокол не заносились[2].

С победой в Гражданской войне и укреплением большевистской власти нужды в такой закрытости, ранее оправданной обстановкой военного времени, казалось бы, больше не было. Однако наблюдалась иная закономерность: чем выше была реальная властная роль партийного органа, тем в большей степени его работа опутывалась покровом секретности, причем не только для населения и партийных масс. Различная информация все более строго дозировалась и на разных уровнях власти в зависимости от реального положения того или иного лица в ее системе.

В качестве руководителя бюро Секретариата ЦК, занимавшегося техническим обслуживанием руководящих органов ЦК, Мехлис принимал самое непосредственное участие в утверждении такого режима секретности. В бывшем Центральном партийном архиве при ЦК КПСС хранятся многие постановления, циркуляры и инструкции по этому вопросу, проекты которых принадлежат его руке. Например, постановление «О порядке сношений отделов ЦК РКП с советскими, профессиональными, кооперативными и пр. органи-

---

[1] Цит. по: Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. Сб. документов. М., 1996. С. 256—257, 262.

[2] Известия ЦК КПСС, 1990, № 5. С. 159.

зациями», утвержденное на заседании Секретариата ЦК 17 июля 1925 года, разрешало вести переписку со сторонними государственными и общественными органами только заведующим отделами ЦК и их заместителям; при этом она должна была касаться исключительно вопросов, входящих в компетенцию отделов.

29 мая 1925 года Секретариат ЦК РКП(б) утвердил подготовленные руководителем его бюро проекты еще нескольких постановлений о порядке выдачи справок о решениях высших органов партии. Был резко ограничен круг лиц, имевших право лично запрашивать справки относительно решений: Оргбюро и Секретариата — не ниже заместителя заведующего отделом ЦК, другие лица (уровня наркома, помощника заведующего отделом ЦК) — только по вопросам соответствующего ведомства или отдела; пленума ЦК и Политбюро — только члены и кандидаты в члены ЦК и президиума ЦКК, первые помощники секретарей ЦК и заведующий бюро президиума ЦКК. При этом все справки фиксировались в специальной книге, на их выдачу требовалось разрешение заведующего бюро Секретариата ЦК, то есть самого Мехлиса, в крайнем случае, его заместителя или первых помощников секретарей ЦК[1].

В целенаправленном утверждении режима секретности принципиальный характер имеют также подготовленные Мехлисом документы, определявшие порядок регистрации, приема и отправления секретной корреспонденции, правила пользования печатями ЦК, порядок опечатывания и охраны помещений бюро Секретариата на 5-м этаже здания ЦК на Старой площади, где находились кабинет Сталина, комнаты Политбюро, шифровальное бюро, секретный архив и ряд других. Разработаны они досконально, вплоть до четких указаний, как прошивать пакет и какую ставить печать, сколько заводить контрольных карточек и какие отметки на них делать при движении документа. Безусловно, общие параметры режима секретности в постановке партийной информации задавал не заведующий бюро Секретариата ЦК. Но нет сомнений, что в лице Мехлиса руководители партии нашли талантливого, даже вдохновенного исполнителя, в полной мере разделявшего мысль о необходимости творить партийную политику в максимальной тайне.

---

[1] РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 75, л. 129, 130.

При его непосредственном участии утвердился переживший потом десятилетия порядок рассмотрения вопросов на заседаниях Политбюро ЦК. Заведующий бюро разделял озабоченность секретарей ЦК большим процентом «лапши» из незначительных, второстепенных вопросов, поэтому была установлена следующая процедура. В течение недели каждый из помощников секретарей ЦК аккумулировал у себя поступавшие из наркоматов и других ведомств материалы для возможного рассмотрения на Политбюро. По понедельникам Лев Захарович собирал у себя помощников генерального секретаря, секретаря Политбюро, своего помощника, дежурного секретаря, ведающего контролем за исполнением ранее принятых решений, для рассмотрения предварительной повестки дня заседания Политбюро. Он заслушивал краткие доклады о результатах работы, проведенной с поступившими материалами, и решал, какие вопросы остаются в повестке дня, а какие следует исключить. Выработанный в ходе совещания документ представлялся секретарям ЦК, а затем Сталину, который и принимал окончательное решение.

Такие факты весьма выразительно свидетельствуют о чисто аппаратных, но оттого не менее значительных возможностях Мехлиса влиять на решение важнейших для партии и страны вопросов. Его не тяготила большая ответственность (к примеру, за ним оставалось последнее слово при решении, кого из номенклатурных работников можно проинформировать по тому или иному решению Оргбюро или Секретариата; в определенных случаях он был единственным, кто, кроме секретарей ЦК, мог дать разрешение снять печати с секретных помещений ЦК, и т.п.). По некоторым признакам видно, что он был не прочь расширить рамки своих обязанностей, как партийного функционера, и, если удастся, войти в круг публичных политиков. Так, в одном из документов, направленном руководству и определявшем круг лиц, которым целесообразно предоставить право присутствовать на всех заседаниях Политбюро и пленумах ЦК, он среди других назвал и себя, правда, одним из секретарей ЦК был вычеркнут из списка.

Этот период в жизни партии, в том числе ее аппарата, отмечен острой фракционной борьбой за власть, во многом незримой, но от того не менее напряженной и жестокой. Чтобы не потеряться в ее атмосфере, нужно было определиться: за кого ты? Факты говорят о том, что он, не колеблясь, с самого начала встал на сторону Ста-

лина. В первую очередь это относится к противостоянию генсека с Троцким. В силу своего положения Мехлис не только был в курсе закулисных встреч Сталина с Каменевым и Зиновьевым, союзниками по антитроцкистскому «триумвирату», но и организационно обеспечивал их. Как и другие помощники вождя, он всецело разделял ненависть своего руководителя к Троцкому и соответственно настраивал весь аппарат бюро Секретариата.

По наблюдениям Бажанова, его коллега прибегал к «удобной маске "идейного коммуниста". Я в нее не очень верю, я вижу, что он — оппортунист, который ко всему приспособится. Так оно и произойдет. В будущем никакие сталинские преступления его не смутят. Он будет до конца своих дней безотказно служить Сталину, но будет при этом делать вид, будто бы в сталинское превосходство верит». Похожую оценку высказал и биограф вождя Д.А. Волкогонов: «Не лишенный способностей, но с откровенно полицейским мышлением, едва ли это был человек идеи».

Вероятно, сознательным оппортунистом в подлинном смысле слова Мехлис в тот момент все же не был. Доверие к словам и делам вождя было равнозначно для него приверженности марксистской теории. Он вряд ли до конца осознавал, что та модель казарменного социализма, адептом которой он стал вслед за Сталиным, имела мало общего с марксизмом. А если и сознавал, то действовал по принципу — для теории же и хуже. Нашему герою оказалось гораздо важнее сохранять верность определенному лицу, нежели определенной теории.

Новое общество Сталин строил по своим схемам, применяя самые различные, в том числе антидемократичные, а часто и просто преступные с точки зрения морали и закона способы борьбы с политическими противниками. Под стать ему был Мехлис. Воспитанный атмосферой Гражданской войны он, как очень многие в партии, политически и нравственно был готов к авторитарным формам взаимоотношений с оппонентами, признавая честность и демократизм лишь по отношению к единомышленникам. Но позднее отказался и от этих нравственных ограничителей, по существу, руководствуясь циничным принципом: для достижения цели в борьбе с идейными противниками все средства хороши.

Лев Захарович, например, знал, что Сталин прослушивает телефонные разговоры других членов Политбюро. Знал, но полагал, что это не только вполне допустимо в отношениях между «товарищами

по партии», но более того — полезно, ибо служит выявлению тайных планов оппозиционеров.

Сталин же, со своей стороны, учил своего помощника более тонким и осмотрительным приемам расправы с оппозицией. Известен случай, когда после XIV съезда ВКП(б) Мехлис высказал возмущение по поводу того, что резкие выпады идейных противников не встречают с его стороны отпора и предложил запретить такую дискредитацию высшего руководителя. На это его собеседник лишь усмехнулся в усы и дал понять, что время запретов еще не наступило: «Пускай разговаривают! Не тот враг опасен, который себя выявляет. Опасен враг скрытый, которого мы не знаем. А эти, которые все выявлены, все переписаны — время счетов с ними придет».

Хорошо знать противника, а свои планы и дела держать в тайне даже от ближайших друзей, этому Сталин тоже учил своего помощника. Следуя указаниям генерального секретаря, во второй половине 1925 года Лев Захарович приступил к активной проработке идеи создания секретного отдела ЦК вместо бюро Секретариата.

Ему принадлежит авторство структурной схемы отдела, в который предполагалось включить следующие подотделы: контрольный (функция — консолидированный контроль за выполнением решений пленумов ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариата), справочно-кодификационный (систематизация решений высших органов партии за все годы ее существования, подготовка справочных материалов по этим решениям), учета и возврата документов (учет рассылки секретных документов ЦК для исполнения и информации на места, а также определенному кругу партийно-государственных руководителей и контроль над их своевременным возвратом), шифровальный (рассылка документов шифром), общий (вспомогательные операции: перепечатка документов, в том числе особо секретных, их регистрация, экспедирование, стенографирование заседаний высших органов партийного руководства). Помимо этого, в состав отдела планировалось включить секретный архив ЦК, а также два технических секретариата — пленумов ЦК и Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. В руководящее звено отдела помимо заведующего и его заместителей должны были войти также помощники секретарей ЦК[1].

---

[1] РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 75, л. 203—205.

Такой отдел был создан постановлением Оргбюро ЦК от 19 марта 1926 года уже после того, как Мехлис покинул свой пост. Тем не менее в своей основе структура и функции отдела продолжительное время сохранялись такими, какими он представлял их в своем проекте. В результате не только не уменьшилась, но нарастала тенденция к повышению уровня секретности работы партийного аппарата.

В бытность Мехлиса заведующим бюро Секретариата ЦК в пользу Сталина и его группировки решился вопрос о партийном архиве. Повышенное внимание к нему объяснялось не только и не столько потребностями текущей работы, сколько — об этом следует сказать особо — обострением борьбы за власть в руководстве РКП(б), в которой архивные материалы оказывались серьезным оружием в руках тех, кто ими владел.

В течение первой половины 1925 года Оргбюро и Секретариат несколько раз возвращались к вопросу о партийном архиве. Порядок использования и хранения документов был резко ужесточен. «ЦК разъясняет, — информировала партийная печать, — что подлинные документы, исходящие из ЦК и отдельных членов ЦК или адресованные им, являются собственностью партии и должны быть сосредоточены в архиве ЦК». Соответственно всем имеющим такие документы предлагалось немедленно возвратить их в подлинниках, копии допускались лишь в крайнем случае[1].

В июне по совместному докладу Мехлиса и С.И. Канатчикова, директора Архива Октябрьской революции, Оргбюро приняло решение иметь при ЦК РКП(б) два архива: общий — Истпарта (Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии), куда передать все несекретные документы, и секретный — бюро Секретариата ЦК, сформированный из конспиративных документов. В них следовало сосредоточить документы и материалы, охватывающие все время существования партии и ранее хранившиеся в Архиве Октябрьской революции, Кремлевском архиве и Истпарте, разместив фонды на территории Кремля. Отделам ЦК разрешалось иметь в текущем делопроизводстве документы не более чем трехлетней давности, все остальные предписывалось передавать в архив.

---

[1] Известия ЦК РКП(б), 1925, № 8. С. 5.

Таким образом, во второй половине 1925 года именно Мехлис стал основным хранителем партийных секретов. Значение подведомственного ему секретного архива еще более возросло в декабре того же года, когда решением Оргбюро туда в обязательном порядке были переданы подлинники стенограмм заседаний ЦК и его комиссий, партийных съездов и конференций.

Отныне свободный доступ к такого рода документам был закрыт даже крупным аппаратчикам ЦК РКП(б). Когда Канатчиков запросил ряд материалов VIII, X, XII и XIII съездов партии, необходимых Истпарту для издания протоколов, Лев Захарович вынес вопрос на Секретариат ЦК. В пояснительной записке он написал: «Эти материалы лично (подчеркнуто Мехлисом. — *Ю.Р.*) выдать не считаю себя вправе, так как они относятся к сугубо секретным». В принятом решении Канатчиков обязывался представить точный перечень запрашиваемых документов и список лиц, которые будут персонально ими пользоваться, после чего предполагалось повторно рассмотреть вопрос на Секретариате ЦК.

Годы, проведенные в сталинском секретариате, бесспорно, сформировали из Мехлиса опытного работника, хорошо овладевшего чисто аппаратными приемами работы. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что он заметно выпадает из расхожего образа партаппаратчика — неторопливого, вальяжного, угодливого к начальству. В работе был очень энергичен, подвижен, трудился много и самозабвенно. Того же требовал и от подчиненных, не боясь отстаивать свое мнение перед руководством.

Со ссылкой на Александра Фадеева писатель Ф.И. Чуев приводит факт, когда Мехлис оспорил решение Сталина, восстановившего в должности технического работника, которого заведующий бюро Секретариата ЦК уволил за нарушение трудовой дисциплины. При этом генсек якобы даже говорил о Мехлисе: «С ним я ничего не могу сделать». Последнее было игрой вождя на публику, но сам факт кажется весьма реальным: Лев Захарович всегда отличался упрямством.

22 января 1926 года Секретариат ЦК ВКП(б) постановил освободить Мехлиса от обязанностей заведующего бюро Секретариата ЦК и помощника секретаря ЦК ввиду зачисления на курсы марксизма при Коммунистической академии. Чем объяснить такой поворот дела? Бажанов сводит все к проискам Товстухи, стремившегося

избавиться от опасного конкурента. Несмотря на то что Товстуха действительно был назначен на место заведующего бюро Секретариата, такое объяснение представляется неубедительным, тем более что сам Бажанов свидетелем происшедшего не был, поскольку к этому времени уже бежал за границу. Даже допуская возможность какой-то аппаратной интриги, автор полагает, что уход Мехлиса из сталинского секретариата не был следствием ухудшения его отношений с генсеком. Дело скорее обстояло наоборот: включив своего помощника в ближайший кадровый резерв, вождь сознательно направил его на учебу с тем, чтобы потом иметь в нем опору на нужном уровне властной пирамиды.

Об обоснованности такого предположения лучше всего говорит дальнейшая карьера Льва Захаровича: из всех помощников вождя только он и Поскребышев заняли по прошествии времени действительно высокие посты.

КРАСНЫЙ ПРОФЕССОР

Благословляя Мехлиса на учебу сначала на курсы марксизма, а затем в ИКП, Сталин наверняка поручил своему, теперь уже бывшему помощнику, не только вооружиться теоретически, но заодно и надежно приглядывать за красными профессорами и теми, кто готовился таковыми стать. Не секрет, что теоретические учреждения партии дольше всех оставались заповедниками оппозиции вождю.

«До революции окончил шестиклассное еврейское училище и, кроме того, занимался самообразованием, — сообщал Лев Захарович, какие до того прошел "университеты", в автобиографии, написанной 15 сентября 1927 года при поступлении в ИКП. — При Советской власти в порядке совместительства учился на экономическом отделении ФОНа (факультет общественных наук МГУ. — *Ю.Р.*), перешел условно на 3-й курс, но по условиям работы в ЦК ВКП был вынужден учебу бросить. Окончил курсы марксизма при Коммунистической академии».

Учеба в партийных вузах стала важным этапом в формировании из Мехлиса ортодоксального сталиниста. Здесь он получил богатую практику полемики с идейными противниками вождя, а поскольку обладал куда меньшими, чем они, способностями к творчеству, то интуитивно культивировал «сильные» стороны своего мышления

и поведения — склонность к догматизму и трескучей демагогии, умение в случае затруднений с аргументами обрушить на оппонента политические обвинения.

Небезынтересна такая деталь — вместе с Мехлисом грыз гранит науки зловещий Николай Ежов. Что называется, пальцем в небо попал П.Н. Поспелов, будущий академик, редактор «Правды» и секретарь ЦК, а тогда заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), написав в 1937 году: «Партия послала этих двух, уже тогда выдающихся работников нашей партии на учебу, зная, какую огромную пользу партии и советскому народу могут они принести, овладев высотами революционной теории».

ИКП задумывался как кузница высококвалифицированных марксистских кадров обществоведов для высшей школы. Старая профессура в своем большинстве бойкотировала советскую власть, тем же, кто пошел к ней на службу, не очень доверяли. Поэтому и было создано учебное заведение, в котором слушатели получали фактические знания от старых профессоров, а марксистской теории должны были учиться у руководителей партии. По завершении учебы ими предполагалось постепенно заменить доставшихся от прежнего режима специалистов в роли преподавателей обществоведческих дисциплин в вузах. Дело коммунистического воспитания молодежи переходило, таким образом, от классово чуждой, хотя и лояльной профессуры в надежные руки «своих».

На деле же ИКП готовил не столько преподавателей и научных работников — таковых было всего процентов двадцать пять, сколько партийных, советских и хозяйственных работников. Отбор слушателей велся строго. Решение о приеме выносилось на весьма высоком уровне — в Оргбюро ЦК, после чего икапист заносился в номенклатуру и по окончании учебы мог рассчитывать на солидное назначение. Не случайно Институт красной профессуры неофициально называли теоретическим штабом и кадровой кузницей ЦК. И в самом деле, здесь «отковали» немало верных сталинских клевретов. Так, в одно время с Мехлисом в ИКП учились не только Ежов, но и будущие секретари ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев, П.Н. Поспелов, М.А. Суслов, первый секретарь Московского горкома партии, начальник Главного политуправления Красной Армии А.С. Щербаков, заведующие управлением пропаганды и агитации ЦК Г.Ф. Александров и Ф.В. Константинов, законодатели мод в обществоведении —

академики философы М.Б. Митин и П.Ф. Юдин, историк А.М. Панкратова.

Но в этих же стенах трудились и отсюда вышли и многие противники Сталина. В ожесточенной борьбе с ними рос, креп легион сталинистов новой формации, среди которых Лев Мехлис совсем не потерялся. Проведенные в ИКП три года — с 1927 по 1930-й — стали для него подлинной школой борьбы с инакомыслием. Его неистовство в этой борьбе было так велико, что и через добрых четверть века одна из его сокурсниц А.А. Залкинд вспоминала о нем так, как если бы это было вчера: «Никогда никто из нас не забудет, как много сделал Лев Захарович для разоблачения искусно замаскировавшихся агентов главарей антипартийных группировок, засланных в ИКП. Недаром эти вражеские агенты жгуче ненавидели Мехлиса, пользующегося любовью и уважением всего коллектива, для которого он был образцом большевистской непримиримости и партийности».

Преподаватели, надо сказать, весьма высоко оценивали задатки своего слушателя. Так, уже на первом курсе у него были отмечены «значительные критические способности; хорошая способность к обобщению материала». А на третьем курсе будущий академик С.Г. Струмилин оценил доклад «Вопросы теории заработной платы в СССР», как работу «вполне удовлетворительную». В том же 1930 году доклад был опубликован в главном теоретическом органе ВКП(б) журнале «Большевик». «Хорошее знание предмета», «максимум энергии», «учет психологии отдельного слушателя», «правильно проводил линию партии» — из таких оценок сложился общий вывод руководства ИКП о педагогических и научных способностях их слушателя[1].

Как же эти качества воплощались в обыденной обстановке? У нас есть возможность увидеть Мехлиса с неофициальной стороны, глазами Абдурахмана Авторханова, учившегося в то же самое время на историческом факультете. Этот человек, подобно вышеупомянутому Бажанову, претерпел крутую эволюцию во взглядах. Оказавшись во время Второй мировой войны на Западе, стал советологом и плодовитым историком. Его книга «Технология власти» помогает составить представление о нравах, царивших в «теоретическом штабе ЦК», о происходивших там яростных сшибках сторонников

---

[1] РГАСПИ, ф. 386, оп. 1, д. 54, л. 1—2об.

и противников вождя, о роли в них отдельных икапистов, включая Мехлиса.

28 мая 1928 года в ИКП нанес визит сам Сталин. Ректор академик М.Н. Покровский представил Юдина, Константинова, Панкратову. «Стэн, Карев, Мехлис поздоровались сами как старые знакомые», — передает свои наблюдения Авторханов. Запомним эти фамилии. Через самое непродолжительное время между их владельцами вырастет непреодолимая баррикада.

С какой целью вождь приехал к икапистам? Дело в том, что еще осенью 1927 года несколько крупных партийных руководителей — члены Политбюро Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский, секретарь Московского комитета партии Н.А. Угланов и другие выступили против предложенных вождем чрезвычайных мер в хлебозаготовках. Сталин объявил их инициаторами «правого уклона». Он, однако, не мог не считаться с тем, что оппозиционеры были широко известными партийными деятелями. Авторитет того же Бухарина как теоретика партии считался в ИКП непререкаемым. Позиции сложившейся здесь «бухаринской школы» (А.Ю. Айхенвальд, Н.А. Карев, Д.П. Марецкий, А.Н. Слепков, Я.Э. Стэн и другие) были прочными, ее интеллектуальный потенциал — высоким. Именно поэтому Сталин посчитал необходимым начать разгром оппозиционеров именно с ИКП, противопоставив им своих сторонников.

Он выступил с докладом «На хлебном фронте», в котором определил путь решения всех проблем в деревне — ускоренное колхозное строительство и «ни на минуту» не прекращающаяся борьба с кулачеством. Имя Бухарина или кого-то из его единомышленников не прозвучало, но анонимные «люди», которые, по словам Сталина, говорят о необходимости всемерного развития кулацкого хозяйства в интересах советской власти, получили от него определение реакционеров. «Не понимать значения крупного кулацкого хозяйства в деревне... это значит сойти с ума, порвать с ленинизмом, перебежать на сторону врагов рабочего класса», — зловеще резюмировал высокий гость[1].

Безусловно, из колхозов намного легче выбивать хлеб, нежели у индивидуальных собственников, — такой вывод сделал для себя генсек, совершивший накануне выступления в ИКП поездку в Си-

[1] *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 88.

бирь. Сделал для себя, публично же склонность к конфискационной политике, внеэкономическим средствам изъятия продукции села он драпировал призывами к колхозной революции, суля огромные «преимущества в производстве товарного хлеба», на деле, правда, оказавшиеся мнимыми.

Хотя единственная вина Бухарина и его единомышленников состояла в расхождении с вождем лишь в методах осуществления индустриализации и кооперирования сельского хозяйства, приговор им был предрешен.

Но вернемся в ИКП. Пикантность ситуации для Мехлиса состояла в том, что он сам долгое время грешил симпатиями к Бухарину, и это не было секретом для его преподавателей и товарищей по учебе. Но, очевидно, симпатии разом испарились, лишь только Сталин объявил Николая Ивановича оппозиционером. Теодор Рузвельт этот феномен давно уложил в лаконичную форму афоризма — в политике нет постоянных друзей, есть лишь постоянные интересы. А свои интересы Лев Захарович связал с побеждающей стороной, со своим давним покровителем в лице генерального секретаря ЦК ВКП(б).

Готовясь к разгрому Бухарина, группа профессоров и слушателей старших курсов — среди них был и Мехлис — по заданию ЦК отправилась в Ленинград. Здесь в строжайшей тайне под руководством С.М. Кирова провели ревизию всего написанного «любимцем партии» (так Бухарина называл Ленин), имея целью доказать ничтожность последнего, как теоретика, и мелкотравчатость, как политика. В результате был подготовлен доклад на собрании актива ИКП, выступить с которым поручили уверенно шедшему в гору Мехлису.

Вспоминает А.Г. Авторханов: «Мехлис выполнил задачу блестяще. Ни одно утверждение, ни один тезис не были “взяты с потолка” — все это обосновывалось бесконечным количеством больших и малых цитат из Маркса, Энгельса и особенно из Ленина. Последнюю часть своего доклада Мехлис уделил так называемым “двум путям” развития сельского хозяйства — капиталистическому и социалистическому. Докладчик утверждал, но уже менее успешно и менее уверенно, что бухаринская школа толкает партию на капиталистический путь развития».

Завершая речь, докладчик, однако, «подставился», повторив принятые им за чистую монету фарисейские слова Сталина о том, что ЦК осуждает прошлые ошибки Бухарина, ныне же — в начале

1928 года — в Политбюро «правых» нет. В докладчика тут же вцепились ученики Бухарина. Один из них — И. Сорокин (дальнейшая его судьба автору, к сожалению, неизвестна) — доказательно уличил Мехлиса в сознательной фальсификации марксистско-ленинской теории, в невежестве, заявив под конец: «До чего низко пала наша теория, если к ней допустили недоучек, вроде Мехлиса!»

Обвинения в полузнайстве были еще цветочками. Желая разоблачить фарисейство докладчика и стоявшего за ним Сталина, Сорокин потребовал обсуждать не прошлые, «архивные» ошибки Бухарина, а нынешнее его политическое лицо. При этом сделать такое обсуждение публичным, поскольку игра в прятки недостойна в среде единомышленников. А для этого предложить Бухарину открыто и перед всей партией изложить собственные взгляды, не доверяясь «крикунам от теории, вроде Мехлиса».

Сталинисты явно растерялись. Публичная дискуссия связала бы им и их хозяину руки, не позволила прибегнуть к привычному оружию подавления инакомыслия — огульному шельмованию жертвы без всякого шанса у последней на ответ. Эффект усилился после речи профессора Стэна, обратившего внимание присутствующих на моральный аспект в поведении Мехлиса: «Когда люди, которые еще вчера были не только первыми учениками Бухарина, но и его личными оруженосцами, подобно Мехлису, начинают нам говорить о грехопадении своего учителя, не вскрывая при этом причин своей ему измены, они производят всегда мерзкое впечатление». Стэн прямо спросил Мехлиса: если вчера тот лизал пятки Бухарину, то чьи пятки пришлись ему по вкусу сегодня, и предложил рассказать об истории «собственного хамелеонства в партии и ренегатства в группе Бухарина».

Участники собрания потребовали от Льва Захаровича ответа по существу высказанных ему претензий. Незадачливый докладчик поначалу попытался увильнуть, попросив перенести собрание на завтра. «Он должен проконсультироваться у новых пяток», — раздалось в зале. Но не насмешки беспокоили нашего героя. Гораздо больше его страшила перспектива голосования того предложения, которое внес Сорокин, а по сути инициировал он сам своим неудачным докладом: предложить Бухарину выступить в печати с изложением своих взглядов на текущую политику партии. Такое голосование означало бы политическую смерть Мехлиса. Он не мог

не понимать: Сталин, всеми путями препятствующий публичной полемике с Бухариным, получил бы крайне неприятный сюрприз — резолюцию ИКП о предоставлении тому широкой трибуны. За это пришлось бы наверняка ответить, возможно, не одному Льву Захаровичу, но уж ему — точно.

И Мехлис решился на выступление. Он, как замечает Авторханов, «вероятно, единственный раз в своей жизни пошел на риск... "Я, — говорил он, — был и учеником Бухарина, и быть может, и его оруженосцем, когда это оружие метко било по троцкистам, но я его бросил, как только оно заржавело, а вы, Стэн, подобрали его в тот момент, когда оно целит в сердце партии. Партии вам не взорвать подобным оружием, но оно может взорваться на вашу собственную голову"».

Поднялся шум, о сути разговора на какое-то время забыли, чем воспользовался ректор Покровский, объявивший перерыв «до завтра». Разумеется, продолжения собрания не последовало, и лицо Мехлиса и его единомышленников в глазах вождя было, таким образом, спасено. А когда через некоторое время в Коммунистической академии прошло собрание теоретиков и пропагандистов партии, он был уже «на коне» и постарался подороже продать сделанное им «открытие». Отдав должное «исключительной скромности» вождя, Мехлис громогласно довел «до сведения партии тот величайшей важности исторический факт, который тщательно скрывали от нее бухаринцы: Сталин является единственным теоретическим преемником Ленина. Партия должна наконец знать эту правду даже через голову сталинской простоты и скромности, так как он принадлежит партии, так же как партия принадлежит ему!»[1]

Льва Захаровича не смутило, что теоретиком он объявлял человека, который еще года два тому назад, будучи выставлен кандидатом в члены этой же самой Коммунистической академии, был почти единогласно забаллотирован «за отсутствием у т. Сталина специальных исследований в области марксизма». Да и в самом ИКП генсек как теоретик марксизма рассматривался скорее как фигура «второго эшелона»: в 1924—1925 годах его, в отличие от Зиновьева и Каменева, даже не пригласили вести занятия на основном отделении.

---

[1] *Авторханов А.Г.* Технология власти. М., 1991. С. 116.

Свою победу над Бухариным Сталин торжествовал на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК и состоявшейся вскоре XVI партконференции. Глухие раскаты шедшей на убыль борьбы бухаринцев со сталинистами в ИКП еще какое-то время доносила пресса. В ноябре в «Правде» появилась статья «Фракционная вылазка правых (В ячейке Института красной профессуры)». Под ней — подпись Мехлиса. Он ставил «смелый» диагноз — правый уклон перешел «к фракционным методам борьбы с партией». В подтверждение приводился пример с одним из слушателей — Е.В. Цетлиным. Во время чистки в партячейке он, с одной стороны, выражал согласие с генеральной линией партии, а с другой, не считал Бухарина, Томского и их союзников «правыми» и в этом отношении не соглашался с решениями апрельского пленума ЦК. Что это, как не фракционная вылазка, вопрошал Лев Захарович.

Через семь лет после описываемых событий упомянутый выше Поспелов охарактеризует своего однокашника не иначе, как «стального большевика». Вспоминая о днях совместной учебы, он писал, что «основное большевистское ядро партийной организации ИКП» тесно сплотилось именно вокруг Мехлиса. А «величайшее доверие и авторитет» он заслужил «своей горячей преданностью делу партии Ленина — Сталина, своей неизменной большевистской принципиальностью, своим чутким, партийным подходом к товарищам, наконец, своими глубокими знаниями марксизма-ленинизма и своей колоссальной работоспособностью». Более шаблонной, но, как ни парадоксально, верной характеристики придумать трудно.

Работа в ЦК партии, а затем учеба в Институте красной профессуры стали определяющим фактором в политической и нравственной эволюции Мехлиса. Он завязал личное знакомство с партийной и государственной верхушкой, овладел технологией негласного, скрытого, в обход формальных процедур решения вопросов государственной важности, приобщился к острой закулисной борьбе сталинской группировки против ее оппонентов. Им был сделан окончательный политический выбор в пользу Сталина и методов, которые тот использовал, ломая любую оппозицию себе.

В то же время степень самостоятельности действий Мелиса была пока ограничена рамками партийного аппарата. Ему еще предстояло войти в публичную политику.

Глава 3

ДАН ПРИКАЗ ЕМУ — НА «ПРАВДУ»

ОГОНЬ ПО ОППОРТУНИЗМУ ВСЕХ МАСТЕЙ

«Сильнее огонь по замораживанию кредитов». «Сильнее огонь по оппортунизму и гнилому либерализму». Эти призывы из передовиц «Правды» поставлены рядом не столько нами, сколько их автором — ответственным (главным) редактором центрального печатного органа ВКП(б) Мехлисом (первый материал увидел свет 11 декабря 1931 года, второй — 25 декабря). В одно и то же время, даже, как видим, одними и теми же словами, но с одинаковым запалом, с безудержной страстью боролся Лев Захарович с оппортунистами всех мастей, неважно, были они от кооперации или от политики. Кажется, мелочь, но как раз через такую мелочь, деталь, штрих лучше всего просматривается его представление о той роли, которая отводилась ему с назначением в мае 1930 года в редакцию «Правды».

Новому редактору было доверено завершить разгром бухаринского «охвостья» в главной партийной газете, которую до апреля 1929 года редактировал Бухарин и где сотрудничали многие его сторонники. В условиях острой внутрипартийной борьбы Сталину и его сторонникам надо было окончательно вытеснить отсюда враждебных или недостаточно лояльных сотрудников.

Еще в июне 1929 года Политбюро упразднило в редакции «Правды» должность ответственного редактора, а для руководства текущей работой назначило бюро редакционной коллегии в составе Г.И. Крумина, Н.Н. Попова и Е.М. Ярославского. Отвечая на протест А.И. Рыкова по этому поводу, Политбюро 6 сентября утверждало, что правильность такого решения доказана успешной работой редакции. Но уже через неделю, 13 сентября, своим сторонникам В.М. Молотову и Г.К. Орджоникидзе Сталин написал совершенно противоположное: «Вина ЦК состоит в том, что он на минуту выпустил руль из рук в отношении бюро редакционной коллегии “Правды”, забыв, что там, в бюро, сидит спортсмен от самокритики т. Ярославский, обладающий счастливой способностью — не видеть ничего дальше своего носа». В новом письме 25 декабря он вообще

высказал мнение, что «с редакцией "Правды" неблагополучно» по той причине, что там «заправляют» бывшие троцкисты[1].

Вначале Мехлис стал секретарем редакции — с самой революции в этой должности работала сестра Ленина М.И. Ульянова. И лишь в следующем году занял кресло главного редактора без всяких оговорок. Судя по всему, сталинскую проверку, насколько он хваток в условиях, когда на все сферы духовной жизни набрасывалась прочная партийная узда, насколько жестко способен проводить линию вождя и насаждать единомыслие как норму, Мехлис выдержал успешно.

Ученик был благодарен учителю. Мало кто потрудился так, как он, над закреплением в сознании масс сталинского культа, организацией пропагандистской шумихи вокруг личности вождя и его любого шага в политике. Так что у одного из наиболее яростных противников режима М.Н. Рютина были все основания в своей знаменитой платформе «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» назвать «Правду» «личным непосредственным рупором» вождя.

Главный партийный журналист был уже достаточно искушенным политиком, чтобы понять: его выбор Сталиным сулит немалые перспективы только в том случае, если газета станет пропагандистским оружием вождя против действительных или выдуманных конкурентов и противников. «Место ленинской "Правды" в системе всех газет... — заявлял он, — совершенно очевидно. "Правда" должна возглавлять борьбу за генеральную линию нашей партии... Должна возглавлять борьбу и возглавлять ее против всех разновидностей оппортунизма»[2].

Став у руля газеты, Мехлис много публиковался в «Правде» сам, особенно поначалу. Диапазон его выступлений широчайший: от славословий в адрес сталинской гвардии до проблем обеспечения промышленности рабочей силой и ликвидации обезлички в кредитовании предприятий. Излюбленный жанр — передовая статья. Характерные для передовиц как газетного жанра прямолинейность, директивность тона еще более усиливались желчной, лишенной образности, сухой, барабанной манерой письма.

---

[1] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925—1936 гг. М., 1995. С. 135, 165, 172.

[2] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 44, л. 59.

Все, кто окружал главного редактора, отмечали его прямо-таки нечеловеческую работоспособность. Многими часами он писал, правил. Неизменно лично подписывал номер в печать, уезжал домой ближе к рассвету, когда запускались ротационные машины, а уже через час-полтора звонил дежурному, проверяя, выдерживается ли график печати и рассылки. И так изо дня в день.

Но не личное творчество, а политический контроль газеты был для него главным делом. Писатель Лев Никулин отзывался в те дни: «Каждый человек в стенах редакции знает, что в номере "Правды" нет ни одной строчки, которую бы не обдумал, не выносил в себе тов. Мехлис. Каждый сотрудник "Правды", начиная с автора большой и научной статьи и до автора заметки в 10 строк, знает, что рукопись его будет прочитана и отредактирована тов. Мехлисом». Никулин хотел польстить редкому трудолюбию начальника. Но против своей воли подчеркнул главное — стремление того проконтролировать все и вся. Ни заметка, ни строка, ни единое слово не могли попасть на газетную полосу, минуя густое сито самой откровенной политической цензуры.

В соответствии со своим пониманием задач центрального печатного органа большевистской партии, новый редактор предпринял коренную ломку. Он перетряхнул весь аппарат и изменил его структуру. Ввел жесткое планирование: к трехмесячным добавлялись тщательно разработанные декадные планы, ежедневно проводились летучки. Была существенно расширена местная сеть штатных и нештатных корреспондентов. Словом, все, что в организационном или творческом плане осталось от прежнего руководства, шло на слом.

Приход Мехлиса в газету совпал с выходом в свет постановления ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1930 года, которое отражало недовольство партийной верхушки составом редакционных коллективов, а также работой по подбору, подготовке и переподготовке журналистов и других категорий работников печати. Посему проблема кадров — их подбор по принципу абсолютной политической преданности, подготовка, расстановка — стала первоочередной в его деятельности как редактора. Были уволены все, кто так или иначе оказался связанным с любой оппозицией, имел сомнительные с политической точки зрения знакомства или связи.

Перестраивая работу газеты, Лев Захарович добился многого: значительно расширил сеть корреспондентских пунктов на местах,

организовал подготовку кадров, для чего был открыт коммунистический институт журналистики имени «Правды», увеличил тираж, который уже в 1931 году достиг почти 2 млн экземпляров, осуществил переход на новые технологии — с июня 1931 года газету начали печатать с матриц в крупнейших промышленных городах страны.

От подчиненных Мехлис требовал знания обстановки, жестко упрекая за слабую информированность, кабинетный стиль: «Вам нужно всем скорее разъехаться, разъехаться на 100 процентов. Вы не знаете, что делается в стране, что делается в промышленности... Вы не имеете информаторов ни на фабриках, ни на заводах, ни в наркоматах», — наставлял он журналистов.

Усилиями главного редактора серьезный импульс получило рабселькоровское движение. Имея в декабре 1930 года 10 тысяч рабкоров, через полтора года газета располагала уже 50-тысячным активом внештатных авторов. В постановлении ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1931 года был одобрен опыт «Правды» по созданию бригад печати, признанных «образцом коллективной работы рабселькоров». Газете было поручено общее руководство этим движением по всей стране. В практику широко внедрялась также организация выездных редакций на крупнейших стройках первой пятилетки — Сталинградском тракторном заводе, Днепрогэсе, Магнитке.

Требование к подчиненным хорошо знать обстановку на местах, владеть полной информацией выглядит резонным: факт для журналиста — это его хлеб. Только вот вопрос, какую действительную роль играла информация в сталинском государстве и отражала ли она реалии жизни?

При гарантированной законом свободе печати широкая информированность работников СМИ является не просто нормой, но и профессиональной обязанностью, поскольку в противном случае читатель, зритель, не получив интересующей его информации, не сможет реализовать своего конституционного права на ее обладание. В СССР же газеты и радио, а позднее и телевидение были не столько каналами информирования, сколько пропаганды, и работники СМИ чаще всего сами не обладали правдивой информацией по значимым вопросам. В таких условиях призыв к журналистам знать обстановку и писать правду на деле означал требование говорить и писать так, как выгодно власти.

С другой стороны, у них и выбора-то особого не было: вся советская печать, а уже тем более партийная, работала строго по директивам, поступавшим «сверху». Чего стоит, например, такое указание Сталина (о нем он 2 сентября 1930 года прямо писал Молотову): необходимо «перевооружить “Правду” и всю нашу печать в духе лозунга: “в колхозы”, обязав их посвящать ежедневно и систематически по крайней мере страницу фактам о приливе в колхозы, фактам о преимуществах колхозов перед единоличным хозяйством... Словом, открыть соответствующую систематическую и настойчивую кампанию в печати за колхозное движение...» (везде подчеркнуто Сталиным. — *Ю.Р.*).

То, что на самом деле большая часть крестьянства всеми силами открещивалась от вступления в якобы выгодные ему колхозы, партийных идеологов в данном случае не интересовало. Если выступления печати не соответствуют фактам реальной жизни, то тем хуже для фактов.

Объектом мехлисовских нападок становились любые отклонения от задававшегося режимом курса. Как-то резкий упрек заработал экономический отдел: речь шла о необходимости организовать разоблачение тех ученых, кто печатался больше за границей, чем дома, «причем без гонорара, ничего не получают — только напечатайте». Наше молчание при виде такого низкопоклонства перед Западом — позор, кипятился Лев Захарович. А ведь, когда захотим, можем. Вот появилась в «Известиях» маленькая, но «нездоровая» заметка академика Н. Лузина, никто внимания не обратил на нее, кроме «Правды». Ничего, что уважаемый ученый: в два дня развернули разоблачение этого низкопоклонника. Теперь уж ему неповадно будет соваться в зарубежную прессу.

В 1935-м за статью в иностранной печати можно было подвергнуться несправедливой и обидной критике. Через два года за это можно было лишиться и жизни.

Вообще говоря, репрессивная политика на протяжении всей советской истории была необходимым условием жизнеспособности системы: она позволяла удерживать общество в повиновении, подавлять инакомыслие и оппозиционность, манипулировать общественным мнением, укреплять единоличную власть вождя, поддерживать экономику путем прямого принуждения к труду.

Деятельность «Правды» в полной мере отразила диалектику 30-х годов. На одних и тех же страницах соседствовали правда и вымысел, проявления искренних чувств и официозная пропаганда фальшивых моральных ценностей (вроде доносительства). С одной стороны, газета жила в едином ритме со страной, показывая поступь индустриализации, отмечая передовиков социалистического соревнования. Многие события в стране были освещены обстоятельно и в целом объективно, посредством различных газетных жанров, с привлечением широкого круга как профессиональных журналистов и литераторов, так и рабселькоровского актива. Ввод в строй Днепрогэса, Челябинского тракторного и Уральского машиностроительного заводов, многих других промышленных гигантов, ход стахановского движения, освоение Арктики и строительство ирригационных каналов в Средней Азии, беспосадочные перелеты советских авиаторов и развитие национальных культур — то, чем жил тогда Советский Союз, отражалось на газетных страницах. Излишний пафос, приподнятость стиля журналистов вряд ли были большим грехом, учитывая трудовой энтузиазм масс.

Газета много и часто обращалась к темам патриотизма, дружбы народов, воинского долга, рассказывала о событиях в Испании, славила героев боев на озере Хасан, пограничников, отличившихся при охране рубежей страны, что, безусловно, способствовало духовной и моральной подготовке советского народа к будущим военным испытаниям.

В то же время газета пугала читателей массовым вредительством, кулацкой опасностью, сеяла в обществе подозрительность и недоверие, назойливо воспитывая пресловутую бдительность. Многие даже очень крупные, затрагивавшие миллионы советских людей события, если правдивая информация о них шла вразрез с интересами политического руководства, отражения в ней не находили.

Попытайтесь найти в «Правде» тех лет, например, хоть малейший след голода начала 30-х годов, в который страна была ввергнута сталинской «революцией сверху», и уж тем более имена его подлинных виновников. Между тем, по далеко не полным данным, голод 1932—1933 годов унес жизни не менее 7,7 млн человек. В ходе коллективизации было разгромлено не менее 1 млн крестьянских хозяйств, объединявших 5—6 млн человек. Более одной трети раскулаченных, или 2,14 млн человек были в 1930—1933 годах высла-

ны. Насильственная коллективизация не только резко ослабила экономику, но и поставила страну на грань гражданской войны[1].

В газете же эта трагедия российской деревни, трагедия страны подавалась как победа колхозного строя. Аналогичным образом беспредел органов НКВД восславлялся как пример священной борьбы от лица народа с его врагами, покушающимися на социалистические завоевания трудящихся. Вот вам и пресловутая «информированность»...

Нет, иные темы разливанным морем затопляли газетную площадь. Побываем на состоявшейся в августе 1935 года заседании редколлегии. Обсуждается лицо газеты — передовые и «подвалы». Заранее их намечено шестьдесят, да в ходе совещания еще около сорока. О чем же они должны быть, что волнует правдистов?

Разработку темы «Провинциализм и местничество» Николай Попов, ответственный секретарь, предлагает поручить Ильфу и Петрову.

Евгений Петров: «Что имеется в виду?»

Мехлис: «У народа было настроение, что у нас провинциальных тем вообще нет и провинциализма нет. Все мы строим социализм и на Игарке, и здесь. Мы были после этого по провинциальным городам... говорили о косности, волоките, местничестве, которое перерастает политически в очень резкое отрицательное явление. Нужно с этим бороться, поднимать людей, чтобы они не чувствовали себя чухломой, чувствовали себя членами великой партии пролетариата, гражданами великого Союза».

Михаил Кольцов: «Эту тему я беру позитивно... Что можно сделать для поднятия уровня нашего провинциального города...»

Петров: «Иногда провинциализм есть и в Москве, я понимаю, что в таком смысле надо ставить. Эта тема очень интересная...»

Илья Ильф: «Мы попробуем первый раз в жизни».

Попов (читает дальше): «О командире Красной Армии».

Кольцов: «Давайте я попробую».

Мехлис: «Мы много раз подчеркивали, что когда в Японии назначают командира полка, то об этом знают за границей... А у нас

---

[1] *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 224, 278.

командир полка это замарашка...» (передовая в конце концов поручается Кольцову).

Попов (читает список): «Храни государственную тайну».

Мехлис: «Я утверждаю то, что эта передовая произвела бы фурор. Сейчас будет открытый процесс японских шпионов в Хабаровске. Не надо обязательно Японию, разве мало немецких шпионов, разве мы не помогаем своей болтливостью шпионам. Здесь речь идет об охране предприятий, передоверии и т.д.».

Список обсуждают дальше, в результате Льву Никулину поручается писать на тему «Хулиганство и вежливость», Попову — о гибкости руководства, Анатолию Аграновскому — «Профсоюзы, женщины и дети». Здесь же наметили темы для фельетонов: о болтовне, о скрытой работе церковников, об интуристе, о домработнице, о служащих ресторанов и т.п. Воистину, в стране «победившего социализма» не было более важных и волнующих тем, не было конфликтов, за которые зацепилось бы перо фельетонистов!

Явно проигрывала творческая сторона в работе журналистского коллектива. «В самый короткий срок не только бесследно улетучилась привычная для редакции атмосфера, но сама "Правда", которая, хотя и именовалась центральным органом партии, но была, в общем, нормальной газетой, превратилась в некую безапелляционно-директивную инстанцию, — вспоминал один из старейших сотрудников карикатурист Борис Ефимов. — Любые возражения и даже малейшие сомнения по поводу каких бы то ни было мнений, напечатанных на осененных высшей партийной благодатью полосах "Правды", стали невозможны и просто немыслимы».

Было бы, однако, наивным полагать, что Мехлис забывал, разбираясь в проблемах провинциализма и вреде болтовни, о главном — формировании культа Сталина, борьбе за чистоту «линии партии», разоблачении всех, кто вольно или невольно отказывался жить по сталинским законам.

Руководитель «Правды» всеми силами поддерживал претензии вождя на единоличное толкование марксизма-ленинизма и истории партии. При этом шел порой даже на формальное нарушение установленного порядка. В 1934 году, даже предварительно не заручившись согласием ЦК ВКП(б), он объявил десятилетний юбилей книги Сталина «Об основах ленинизма».

При этом его не останавливали никакие моральные соображения, никакая правда истории. Так, 9 мая 1934 года «Правда» опубликовала рецензию Поспелова на воспоминания Н.К. Крупской о Ленине. Флер нарочитой объективности был не в состоянии скрыть резкие упреки в адрес вдовы вождя Октябрьской революции в том, что в ее мемуарах недостаточно отражена «руководящая роль» Сталина в создании и развитии большевистской партии.

Лев Захарович умело подыгрывал генеральному секретарю и в большом, и малом. Известно, что, играя на публику, Иосиф Виссарионович позволял себе отдельные жесты «скромности». Об одном из них главный редактор поведал на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года. Он зачитал полученное еще в 1930 году письмо вождя, причем для вящего эффекта подчеркнул, что делает это без разрешения автора: «Тов. Мехлис! Просьба пустить в печать прилагаемую поучительную историю одного колхоза. Я вычеркнул в письме слова о "Сталине" как "вожде партии", "руководителе партии" и т.д. Я думаю, эти хвалебные украшения ничего, кроме вреда, не дают (и не могут дать). Письмо нужно напечатать без таких эпитетов».

Вот это настоящая преданность! Семь долгих лет бывший помощник хранил записку хозяина, чтобы пустить ее в дело. И нашел самый подходящий момент, дабы подкрепить миф об «исключительной скромности товарища Сталина».

Как и в бытность сталинским секретарем, Мехлис продолжал оказывать вождю серьезные услуги в его борьбе с политическими противниками. Историки располагают сведениями о том, что в начале 30-х годов, несмотря на репрессии, еще возникали локальные оппозиции курсу Сталина.

Так, председатель Совнаркома РСФСР, кандидат в члены Политбюро С.И. Сырцов вместе с единомышленниками, координируя свои действия с группой члена ЦК ВКП(б), первого секретаря Закавказского крайкома партии В.В. Ломинадзе, обсуждал возможность пресечения сталинских командно-бюрократических методов осуществления политического курса. Видный в прошлом партиец М.Н. Рютин, вел «разговоры антипартийного характера», утверждая, что «политика правящего ядра в партии во главе со Сталиным губительна для страны», и предрекал ее полнейшее банкротство. Исключенный за это из партии, он вместе с В.Н. Каюровым

и М.С. Ивановым в августе 1932 года создал «Союз марксистов-ленинцев» — организацию, которая «не противопоставляет себя партии, а противопоставляет лишь Сталину и его клике».

В архиве Гуверского института войны, революции и мира, в фонде П.Б. Струве, хранится присланная в 30-е годы из СССР неким Василием Молотобойцем (явно псевдоним) «Поэма о бедлаге»[1]. Это, пусть с поэтической точки зрения не очень совершенное, произведение свидетельствует, что далеко не все в нашей стране были оболванены официальной пропагандой и хорошо понимали суть политики «большого скачка»:

Жрать хочу, живу, не мывши рыла,
От марксизма на сердце тоска:
Без мытья, завшивевши, без мыла,
Я дождуся скоро сыпняка.
Плохо жить, коль стало пусто в брюхе,
Коль кругом нехватка, нищета.
Кто виновен в этакой разрухе?
Знают все, но скованы уста.

Заглушая гнев народных криков,
Сталин свищет звонче соловья:
«Виноват во всем товарищ Рыков.
Раньше — Троцкий, но никак не я!
Так по плану силы мы утроим,
На рожон полезем сгоряча,
Разорив крестьян, насильем строим
Коллективы — в память Ильича.

Созидаем фабрики и домны,
Человечьих жизней не щадя...
Достиженья знаете, огромны.
Ни доски для пола, ни гвоздя.
Не страшны мне кулаков угрозы,
Им теперь не сосчитать костей.

[1] См.: Власть и оппозиция. С. 150—151.

Я отправил в ссылку на морозы
Сотни тысяч женщин и детей!

Мужиков — на лесозаготовки.
Стариков — на Мурман и в тюрьму.
Служат мне наганы и винтовки
Побеждать невежество и тьму.
Разум мой какой-то гад окутал.
Будто жить мне несколько веков.
Второпях я с кулаками спутал
Средняков и даже бедняков.

Ну их к черту! Вижу через призму
Дальней жизни яркие цвета.
Легче нам шагать к социализму,
Коль дорога кровью залита.
Все одни и те же монологи:
“Наш успех”, “Мы строим”, “Мы должны!”
Не пройдя и четверти дороги,
Я разбил основы всей страны.

В СССР-ре каждую минуту
Деспотизм мой не проходит зря.
Я затмил жестокостью Малюту,
Иоанна Грозного царя.
Знай меня, крестьянин и рабочий.
Соревнуйся, пота лей ручьи.
В городах и селах дни и ночи
Жмут тебя опричники мои».

Ставшие доступными исследователям документы позволили раскрыть роль Мехлиса в выявлении и разгроме «право-“левацкого” уклона» в лице С.И. Сырцова, В.В. Ломинадзе и их сторонников. Сырцов попытался уличить генерального секретаря в одном из самых страшных после X съезда РКП(б) преступлений против партии — фракционности. По его мнению, которым он поделился с Ломинадзе и группой других единомышленников, Сталин предпочитал опираться не на весь состав Политбюро, а лишь на избранный

круг сподвижников, собирая их на отдельные, строго конспиративные совещания, где и предрешалось большинство важнейших партийных и государственных решений.

К такой запрещенной уставом практике фракционных заседаний с ближайшими на каждый данный момент сторонниками Сталин действительно прибегал еще с 20-х годов, о чем Мехлису было хорошо известно. В случае если бы Сырцову удалось предать свои обвинения широкой огласке, репутация генсека могла оказаться серьезно подмоченной. Все эти вопросы Сырцов ставил на нескольких неформальных встречах с небольшой группой единомышленников[1].

После одной из таких встреч 21 октября 1930 года близкий к Сырцову Б.Г. Резников написал донос и обратился с ним не к кому-нибудь — к Мехлису. Тот, не мешкая ни минуты, ночью, доставил донос вождю. Наутро в разбирательство включились Центральная контрольная комиссия и ОГПУ. 4 ноября состоялось совместное заседание Политбюро и ЦКК, рассмотревшее по докладу Орджоникидзе вопрос «О фракционной работе тт. Сырцова, Ломинадзе, Шацкина и др.». Первых двух обвинили в создании «право-“левацкого” блока», платформа которого якобы совпадала с взглядами «правого уклона». Они были выведены из состава ЦК, а их единомышленник Л.А. Шацкин (в 20-е годы руководитель комсомола), — из ЦКК, о чем Мехлис не замедлил проинформировать читателей «Правды». Но то была лишь временная передышка. Ломинадзе в 1935 году под гнетом подозрений покончил с собой, а Сырцов и Шацкин в 1937 году были осуждены к высшей мере наказания и расстреляны.

Даже глухие и редкие свидетельства, прорывающиеся сквозь заслоны спецхрана, свидетельствуют о прямой причастности Мехлиса к последующим расправам над противниками кремлевского владыки. По показаниям Бухарина, главный правдист вызывался и инструктировался Сталиным в декабре 1934 года при расследовании обстоятельств убийства Кирова, при этом ему указывали на «зиновьевский» след убийцы. Последствия этого инструктажа отражают страницы «Правды», заполненные площадной бранью по адресу Зиновьева и Каменева.

---

[1] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. документов. М., 1995. С. 96—106.

Газета активно готовила общественное мнение страны к восприятию в качестве заговорщиков, агентов иностранных разведок, шпионов и диверсантов также лидеров «правого уклона». Для этого Мехлис прибегал к самым недостойным приемам. 28 октября 1936 года «Правда» опубликовала передовую статью, в которой Рыков изображался как «меньшевистский прихвостень», якобы выступавший за явку Ленина на суд Временного правительства (за это, к слову, выступал сам Сталин). Протестуя против этой явной лжи, Рыков направил письмо генсеку, оставшееся без ответа. Резко возражал против создаваемого вокруг него ореола врага и Бухарин. В письмах в феврале 1937 года Сталину и в Политбюро он протестовал против того, что «Правда» уже исходит из доказанности обвинений в его адрес, называет его агентом гестапо. Но что за дело было до этих протестов редактору «Правды» и его всемогущему куратору!

И разумеется, ни один из многочисленных политических процессов — а они в основном выпали на времена, когда Мехлис стоял у руля газеты, — не миновал ее страниц. Именно «Правда» первой опубликовала стенограммы судилищ над Каменевым, Зиновьевым, Бухариным и другими действительными или мнимыми оппозиционерами, с ее страниц громче всего раздавались призывы «раздавить гадину». Материалы такого характера были рассчитаны на политически наивного, невзыскательного и уже в немалой степени оболваненного официальной пропагандой читателя и потому достигали своей цели.

На неблаговидную роль советской печати в целом и ее «авангарда» в нагнетании истерии и шпиономании обращали внимание даже зарубежные друзья Советского Союза. Так, накануне третьего московского процесса над Бухариным, Рыковым, Крестинским и другими участниками «правотроцкистского блока» в марте 1938 года руководители II Интернационала и Международной федерации социалистических профсоюзов направили в Москву телеграмму, в которой обращали внимание на тот вред, который наносили «эти процессы и казни» международному рабочему движению. Особая тревога была высказана по поводу официальной печати, «осуждающей всех подсудимых без различия еще до того, как представлены какие бы то ни было доказательства их вины. Такое поведение представляется нам совершенно противоречащим элементарным принципам правосудия и способным создать атмосферу, вредную для

беспристрастного ведения процесса». Но устроителей московских процессов усовестить было не так просто.

Руки Мехлиса задолго до того, как он возглавил главный политорган Красной Армии, были замараны расправами над высшими военными чинами. В январе 1937 года к нему попало письмо собственного корреспондента в Берлине А. Климова, в котором содержались якобы достоверные сведения о том, что в Германии «среди высших офицерских кругов упорно говорят о связи и работе германских фашистов в верхушке командного состава Красной Армии в Москве. В этой связи называется имя Тухачевского». Он направил письмо Сталину, став тем самым одним из каналов дезинформации, умело сработанной, как выяснилось впоследствии, в ведомстве В. Шелленберга, шефа VI отдела РСХА — управления имперской безопасности фашистской Германии. А с другой стороны, Мехлис с готовностью публиковал заведомо лживые, рожденные в недрах ЦК и НКВД измышления о заговорщиках с маршальскими звездами в петлицах. Спрашивается, кто же в таком случае был подлинным врагом народа?

Главный редактор «Правды» блокировал появление в прессе информации о фактах беззакония, творившегося в партийных организациях армии и флота, и, наоборот, мужественного поведения военнослужащих, встававших за честь оклеветанных товарищей. В апреле 1937 года из статьи крымского корреспондента он узнал о происшедшем на линкоре «Парижская коммуна». Там партбюро вынесло военкому корабля Бакулину строгий выговор за попытку огульно обвинить честного человека в связях с «врагами народа», а начальник политуправления флота армейский комиссар 2-го ранга Г.И. Гугин ходатайствовал перед ПУ РККА о снятии Бакулина с занимаемой должности. Об этом написала флотская газета «Красный черноморец». Получив статью собственного корреспондента в Крыму, Мехлис 14 апреля информировал Сталина, Кагановича, Андреева, Жданова, Ежова и Ворошилова: «Мы его корреспонденцию печатать в "Правде" не намерены. Факты, о которых пишет корреспондент, а равно и то, что все это размалевывается на страницах "Красного черноморца", заставляют бить тревогу. Вряд ли целесообразно такие вопросы и в такой форме обсуждать на страницах местных красноармейских газет». Как говорится, и весь сказ.

Лев Захарович, конечно же, зорко следил за малейшими изменениями в Кремле, твердо усвоив правила игры, позволившие ему

быть все время в стане «верного ученика и продолжателя дела Ленина». Вместе с тем в рамках дозволенного этими правилами был вполне самостоятельным, напористым.

Писатель Д.И. Ортенберг рассказывал автору: «В 1937 году я работал собкором “Правды” по Днепропетровской области. Както состоялся партийный актив. Хотя в повестке дня стоял вопрос о критике и самокритике, речь секретаря обкома Хатаевича была округлой, примиренческой к недостаткам, о чем газета и напечатала мою критическую корреспонденцию. Я получил записку от Хатаевича: буду, мол, требовать, чтоб вас из области убрали. Я помчался в Москву. Пошел к Мехлису, показал записку секретаря обкома. Лев Захарович взял ее — и к Сталину. Редактор “Правды” — пост, конечно, заметный, но и Хатаевич имел в партии большой авторитет. Однако Мехлис смело пошел с ним на конфликт, смело встал на защиту своего корреспондента».

Зная судьбу Хатаевича, большевика с дореволюционным стажем, не пережившего 1937 год, можно предположить, что не для защиты истины и корреспондента побежал Мехлис к хозяину. На секретаря Днепропетровского обкома к этому времени уже собирался компромат.

В любом случае не Хатаевича редактор «Правды» предлагал в качестве образца юношеству, задумывавшемуся, делать жизнь с кого. Сохранилась стенограмма заседания редколлегии, на котором обсуждалась подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. Говоря о необходимости рассказывать перед выборами о «героях наших дней», Мехлис назвал имена партийных руководителей: «Леваневского (летчик, первый Герой Советского Союза. — *Ю.Р.*) в Союзе знает каждый пионер, каждый ребенок, а если вы возьмете Варейкиса (секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б), позднее был репрессирован. — *Ю.Р.*), то его знают значительно меньше. Возьмите Берия, Хрущева (руководители парторганизаций соответственно Грузии и Москвы. — *Ю.Р.*) — это все кадры, популяризировать которые нам нужно».

Среди тех, кого «популяризировала» газета, были и многие военачальники, еще не ставшие к тому времени «шпионами» и «диверсантами». Кое с кем из них Лев Захарович был знаком еще с Гражданской войны, например, с легендарным маршалом Блюхером, чье имя гремело со времен Каховки и Волочаевки. Ин-

тересный эпизод рассказала автору вдова маршала — Глафира Лукинична. В 1935 году, в дни, когда отмечалось 15-летие взятия Крыма, «Правда» (вероятно, сам Мехлис) и одновременно «Известия» договорились с Блюхером о статье к этой дате. Не желая никого обижать, Василий Константинович без огласки передал материал одновременно в обе газеты. Через несколько дней статья была опубликована: в «Правде» в сокращенном варианте, в «Известиях» — полностью. Муж тогда сказал Глафире Лукиничне: «Когда-нибудь я дорого заплачу за это». Он имел в виду не только возможную обиду главного правдиста на то, что статья была одновременно передана и в «Известия». Главное, что Василий Константинович не упомянул о его, Мехлиса, некоей особой роли в боях на каховском плацдарме. К сожалению, проницательность не подвела маршала.

Репрессии не обошли стороной и редакционный коллектив «Правды». Подлинно золотыми становятся любые свидетельства, дошедшие из тех мрачных лет, особенно если принадлежат людям с острым писательским взором, к каковым, несомненно, относился Михаил Кольцов, тогда — член редколлегии «Правды». Он, очень скоро и сам репрессированный, указывал на прямую причастность Мехлиса к расправам над журналистами. «На днях я зашел к Мехлису, застал его за чтением какой-то толстой тетради, — рассказывал Кольцов брату, художнику Б. Ефимову. — Это были показания недавно арестованного редактора “Известий” Таля. “Прости, Миша, — сказал он мне со своей улыбочкой, — не имею права, сам понимаешь, дать тебе прочесть. Но посмотри, если хочешь, **его** (то есть Сталина. Выделено Ефимовым. — *Ю.Р.*) резолюцию”. Я посмотрел. Красным карандашом было написано: “Товарищам Ежову и Мехлису. Прочесть совместно и арестовать всех упомянутых здесь мерзавцев. И.С.”»[1].

В своих догадках, что Сталин и его окружение взаимно питали друг друга подозрениями, Кольцов был недалек от истины. Можно согласиться с предположением Бориса Ефимова: не исключено, что, скорее всего, Мехлис и посеял в уме Сталина недоверие к «дону Мигелю» (под таким именем Кольцов был в Испании, откуда вернулся незадолго до ареста).

---

[1] Реабилитирован посмертно. 2-е изд. М., 1989. С. 66—67.

КОЛЕБЛЯСЬ С ЛИНИЕЙ ПАРТИИ

Вопреки обыденному представлению, сталинская политика вовсе не была последовательной, а в зависимости от ситуации шарахалась из стороны в сторону, да так, что руководителю «Правды» не всегда удавалось своевременно уловить очередной поворот.

Иногда проколы случались по мелочам. 30 марта 1931 года Центральным комитетом ему, как и другим членам редколлегии Савельеву и Попову, был объявлен выговор в связи с тем, что «Правда» не отреагировала должным образом на юбилей А.М. Горького. Еще два выговора последовали от имени Политбюро «за непомещение в "Правде" статьи в связи с открытием сессии ВЦИК» и за недооценку хода весеннего сева. Позднее по личной просьбе наказанного они были сняты.

Но случались проколы и посущественнее. Так, освещая процессы коллективизации, 19 апреля 1931 года «Правда» опубликовала заметку «Контрреволюционная вылазка кулаков», в которой сообщалось, что выездная сессия Московского областного суда в г. Ефремове рассмотрела дело по обвинению 16 кулаков и подкулачников «в контрреволюционных действиях против советской власти». Автор с удовлетворением сообщал, что пятеро подсудимых были приговорены к расстрелу.

Увидев в факте такого приговора нарушение установленного порядка, в соответствии с которым приговоры по политическим делам с высшей мерой наказания могут выноситься только с санкции ЦК, Политбюро уже на следующий день приняло специальное постановление. Вынесение указанного приговора было признано «грубоошибочным», а «помещение в "Правде" заметки об этом приговоре недопустимым». Верховный суд РСФСР обязывался решение Мособлсуда отменить и дело рассмотреть вновь, а газета — опубликовать результаты этого рассмотрения. Что и было в точности и без каких-либо проволочек исполнено.

Разрушительные последствия коллективизации, выразившиеся в существенном снижении производства товарного хлеба, усиленное его изъятие из деревни буквально «под метелку», нормированное распределение продовольствия в городах привели к голоду. Не получавшие поддержки со стороны государства люди стали в массовом порядке расхищать сельхозпродукты как непосредственно с полей и

полевых станов, так и при транспортировке. Власть повела борьбу с ними «драконовскими» (определение самого Сталина) методами.

7 августа 1932 года ЦИК и СНК СССР по инициативе вождя и, по сути, в его редакции приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Мехлис посчитал необходимым опубликовать его текст дважды, 8 и 9 августа, после чего власти принялись рьяно проводить его в жизнь. Уже к 15 января 1933 года по нему было осуждено более 100 тысяч человек, из них 4880 — к высшей мере наказания, при этом на колхозно-совхозный сектор приходилось более 70 процентов осужденных[1].

Центральный печатный орган партии, как оказалось, не уловил того значения, которое высшее руководство придавало реализации этого документа, прозванного в народе «законом о колосках». Через 10 дней после опубликования постановления Сталин в личном письме Кагановичу выразил недовольство вялой реакцией на него газет. «Правда», по его оценке, «ведет себя глупо и бюрократически-слепо, не открывая *широкой* кампании по вопросу о проведении в жизнь *закона об охране общественной собственности*. Кампанию надо начать немедля» (курсив Сталина. — *Ю.Р.*).

Здесь же генеральный секретарь набросал целую программу неотложных мер для правдистов: критиковать и разоблачать областные, городские и районные, в том числе сельские, организации, которые «стараются положить закон под сукно», а также судей и прокуроров, проявляющих либерализм в отношении расхитителей; приговоры по таким делам публиковать «на видном месте»; поощрять те организации, которые проявляют активность при проведении закона в жизнь; мобилизовать и проинструктировать корреспондентский состав, регулярно печатать материалы на эту тему.

Мехлис немедленно стал исправлять свой промах. Уже 20 августа в «Правде» была опубликована подборка «Общественная собственность священна и неприкосновенна», содержавшая обзор писем о борьбе с хищениями на транспорте, критический сигнал о недооценке постановления от 8 августа в Ульяновской области и другие материалы.

---

[1] *Зеленин И.Е.* «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление. // Вопросы истории, 1998, № 1. С. 121.

В последующем кампания быстро набрала темп. 21 августа вся третья полоса вышла под шапкой: «Расхитителей социалистической собственности — врагов народа — к суровой ответственности!» Помимо других материалов, здесь было помещено первое сообщение о расстрельном приговоре Челябинским районным судом. 22-го — опубликована информация о судебном заседании, вынесшем смертный приговор в одном из сел Самарской области, 24-го — о таком же приговоре по делу расхитителя на железнодорожном транспорте. Газета пестрела броскими заголовками типа «Социалистическая собственность — основа нашего строя», «Расхитителей — к ответу», призывами к судам и прокуратуре проявлять беспощадность к тем, кто позарился на общественную или колхозную собственность.

Но вот 16 сентября 1932 года вышла очередная подборка «Бесконтрольность помогает воровству и хищениям», а дальше — как отрезало, материалы такого рода в газете исчезли. Истинную причину в «Правде» знал только главный редактор. В этот день Политбюро приняло секретное постановление, обязывающее редакторов «прекратить печатание в газетах отчетов о судебных заседаниях по делам о хищениях и сообщений о вынесенных приговорах».

Прошедший месяц показал, что гласность, за которую так ратовал Сталин, дает обратный эффект. Информация о том, что в том или ином районе, колхозе осужден, а то и попал под расстрел человек за два десятка колосков или пригоршню зерна, не только не побуждала к одобрению властей, но вызывала возмущение людей, испытывавших недоедание, а то и самый настоящий голод.

Иначе и быть не могло, поскольку провозглашаемая «гласность» являла на самом деле свою противоположность. Газеты не называли действительных причин трагедии, заключавшихся в грубейшем произволе властей, полном пренебрежении ими экономическими законами развития сельского хозяйства, и возлагали ответственность не на подлинных виновников голода, а на неких «врагов колхозного строя», нередко подростков, детей, к которым закон позволял применять те же меры уголовного наказания, что и к взрослым. Вот и пришлось дать команду прессе — о приговорах не сообщать. Суды же в большом количестве выносили их по-прежнему.

Возглавляя «Правду», Мехлис, безусловно, руководствовался в первую очередь указаниями Сталина и решениями Политбюро, которое в первой половине 30-х годов еще сохраняло определенное влияние как

коллективный орган власти. Тем не менее, входя пока в средний слой партийно-государственного руководства (он стал кандидатом в члены ЦК партии в 1934 году), был вынужден считаться и с ведомственными амбициями других высших руководителей. Члены Политбюро довольно болезненно отстаивали друг перед другом интересы возглавляемых ими ведомств, крайне остро реагировали на критику, в том числе и со стороны прессы. Были факты, особенно в период становления Мехлиса в должности главного редактора, когда под ответный удар ведомственных руководителей попадала и «Правда».

8 июля 1931 года она напечатала материал, критиковавший начальника промышленного сектора Госплана Левина. На комиссии по чистке Госплана он якобы поставил реальность государственного плана под сомнение, назвав его «акулькиной грамотой». Газета призывала комиссию по чистке и партячейку поставить подобных «оппортунистов» на место. Этим, однако, дело не ограничилось. Происшедшему Мехлис решил придать политическое звучание. 15 июля «Правда» опубликовала обширный рифмованный ответ Акулины Фроловой, рожденной воображением поэта А. Безыменского, под заголовком «Околопартийным обывателям». Комсомолка-ударница, обличая Левина, обещала перевыполнить все планы и тем самым посрамить маловеров.

На публикацию очень болезненно отреагировал член Политбюро, председатель Госплана В.В. Куйбышев. Он добился не только создания специальной комиссии Политбюро для разбора дела, но и постановления, которое, в частности, гласило: «Независимо от ошибок, допущенных т. Левиным и своевременно вскрытых "Правдой", признать, что "Правда" поступила неправильно, напечатав заметку о т. Левине (где т. Левин неправильно квалифицируется как "околопартийный обыватель") и стихотворение т. Безыменского без ведома секретарей ЦК». Кроме того, по указанию Сталина, которому доложили о жалобе Левина на то, что в газете его позиция была отражена неправильно, Оргбюро обязало «Правду» дать разъяснение, реабилитирующее Левина[1].

Бывало и так, что Сталин, по каким-то, одному ему ведомым, причинам не желал в открытую критиковать наркомов, бывших членами Политбюро, и избирал своим орудием «Правду».

---

[1] РГАСПИ, ф. 17, оп. 114, д. 251, л. 4.

Весной 1933 года центральный печатный орган партии буквально набросился на газету Наркомата тяжелой промышленности «За индустриализацию». Дело в том, что ведомственная газета выступала за замену жестко централизованного снабжения и возрождение хозрасчета, отказ от карточного распределения потребительских товаров и их свободную продажу по рыночным ценам.

«Правда» дважды выступила с разгромными редакционными статьями, заклеймив такую линию как отход от генерального курса партии и проявление капитулянтства. Есть основание считать, что столь резкие оценки Мехлис предварительно согласовал со Сталиным, ибо на самом деле удар наносился по позиции не газеты, а наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе.

Конфликт генерального секретаря и наркома, члена Политбюро, остался в тени, широким же читательским массам оставалось лишь гадать, почему редактор «Правды» набросился на редактора газеты «За индустриализацию» В.С. Богушевского. После правдинской критики по решению Политбюро Богушевский был снят со своего поста, а Секретариату ЦК было поручено пересмотреть состав редакции газеты.

Остервенение Мехлиса было настолько заметным, что вызвало к жизни карикатуру, исполненную председателем Госплана В.И. Межлауком на одном из заседаний высшего руководства страны.

Анализируя внутреннюю политику в СССР в 1935—1936 годах, современные историки говорят о сделанной властями попытке несколько умиротворить общество. Острейший кризис в экономике, голод, разгул террора, затронувший значительную часть населения страны, прежде всего в деревне, сокращали экономическую и социальную базу политического режима, ставили под угрозу само его существование. Стабильности сталинское руководство намеревалось достичь путем примирения хотя бы с частью тех слоев «социально чуждого» населения, которые в предшествующие годы подвергались дискриминации и репрессиям — «лишенцами», спецпереселенцами, то есть сотнями тысяч «кулаков», высланных и пораженных в правах в период коллективизации, казачеством Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев, бывшим на подозрении у советской власти со времен Гражданской войны, и другими. Отменялись ограничения, связанные с социальным происхождением, при приеме в вузы и техникумы. С весны 1936 года получили возможность служить в Красной

Армии казаки. После 2-го съезда колхозников-ударников в феврале 1935 года была дана определенная гарантия на ведение и расширение личного подсобного хозяйства. В промышленности более активной стала политика материального стимулирования.

«Правда» прямым и непосредственным образом отражала в своих публикациях этот тактический маневр в политике руководства. Характерно, что именно с ее страниц на всю страну раздался сигнал к началу этой шумной кампании: была предана гласности знаменитая реплика «сын за отца не отвечает», которую подал Сталин на совещании передовых комбайнеров СССР 1 декабря 1935 года во время выступления колхозника А.Г. Тильбы, сына кулака.

В русле «умиротворения» прозвучало требование притушить показ борьбы с разного рода оппозициями. «Совершенно нетерпимо будет, неправильно и ошибочно, если “Правда” заполнит свои страницы материалами, поступающими с мест о троцкистах... — инструктировал Лев Захарович подчиненных в сентябре 1936 года. — Это создавало бы за границей ложное представление о положении в стране, помогало бы немцам раздувать кампанию, сообщать о всеобщем восстании, троцкистских ячейках и т.д., как будто бы троцкизм вырос здесь в стране... Сейчас нам предложено проследить, чтобы вся печать не создавала ложного представления. Я не говорю, что мы не будем совсем писать, но лишний раз не стоит шуметь по этому поводу».

Потенциал «умиротворения» был, однако, довольно быстро исчерпан. Во внутренней политике вновь возобладало «закручивание гаек», наступала пора «большого террора» 1937—1938 годов.

По меньшей мере с февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года высшее политическое руководство СССР объясняло причины репрессий необходимостью уничтожения в преддверии войны «пятой колонны» — лиц, социальных групп и организаций, недовольных советской властью и готовых пойти на союз с антикоммунистическими силами за рубежом. Эта версия пронизывает обвинительные заключения всех политических процессов 30-х — начала 50-х годов, ее активно развивали советские историки, до конца жизни на ней настаивал один из инициаторов и активнейших участников репрессий Молотов.

Представления Сталина и поддерживавших его руководителей о наличии некоей «пятой колонны» были далеки от реальной дей-

ствительности. Присутствие в стране сил, могущих изнутри эффективно поддержать внешнего агрессора в случае нападения на СССР, не подтверждается историческими фактами (не считать же таковым подтверждением многочисленные фальсифицированные процессы над «врагами народа»). Но это не делает проблему понимания природы, причин, движущих сил репрессий проще. В.З. Роговин, например, видел их социально-политический смысл в окончательном разрыве сталинизма с идейно-политическим наследием Октябрьской революции. Он отстаивает (вслед за Троцким) версию контрреволюционного, термидорианского переворота со стороны Сталина, видя специфику истребительного похода против большевизма в том, что он велся сталинской кликой под прикрытием большевистской фразеологии и символики. В отличие от него, Д.А. Волкогонов, А.С. Ципко и другие считали сталинизм прямо вырастающим из большевизма, отсюда выводятся и корни «большого террора».

Автор разделяет точку зрения тех исследователей (О.В. Хлевнюк и другие), которые не сводят причины репрессий 30-х годов лишь к злой воле лидера ВКП(б). Это был сознательно организованный и спланированный в масштабах государства процесс, проводившийся под контролем и по инициативе высшего руководства СССР в целях коренного обновления правящей элиты[1].

Репрессивная политика, бывшая с 1917 года необходимым условием жизнеспособности системы, фактором социальных отношений и инструментом социальных преобразований, в ее сравнительно мягких формах к середине 30-х годов перестала устраивать Сталина и его ближайшее окружение. Она давала лишь ограниченные возможности для преодоления скрытого сопротивления мощного слоя номенклатуры, стремившейся хотя бы к относительной самостоятельности. Вождь избрал путь кадровой чистки, дабы выдвинуть слой новых руководителей, обязанных своей карьерой именно ему, а поэтому и полностью ему преданных.

Уничтожая миллионы соотечественников, диктатор и его окружение попросту боялись утраты или ослабления собственной власти. Свои узко корпоративные интересы они выдавали за интересы народа, и проявление любой, даже конструктивной, оппозицион-

---

[1] Тоталитаризм в Европе XX века. М., 1996. С. 77, 79; *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 6.

ности своей политике объясняли массам, как наличие пресловутой «пятой колонны».

В «большом терроре» Мехлис сразу же занял заметное место. Его выступление на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года, с которого, по существу, начались массовые репрессии, было во многом этапным. Следовало публично дать понять вождю, что на него, главного редактора «Правды», тот может положиться сполна. По значимости поднятых вопросов оратор сравнил пленум с партийным съездом, «изящно» допуская, что это видят далеко не все: «Предстоит большая прочистка мозгов, чтобы люди это поняли».

Выступление носило провокационный характер. Без веских оснований Мехлис говорил о «необычайной засоренности» редакций газет всех уровней бывшими меньшевиками, эсерами, членами различных оппозиций. Под видом «описок и опечаток», нагнетал обстановку оратор, троцкисты ведут оголтелую критику партии, дискредитируют высшее руководство.

Потом, подчеркнув «особую скромность» Сталина, о чем читатель уже знает, Мехлис обрушился с обвинениями в потворстве подхалимажу на руководителей областных партийных организаций Э.К. Прамнэка (Горький), К.В. Рындина (Челябинск), И.Д. Кабакова (Свердловск), П.П. Постышева (Киев). Еще более зловеще прозвучали обвинения в неправильном реагировании на сигналы «Правды» о засилье троцкистов в адрес Б.П. Шеболдаева (Азово-Черноморский край) и М.М. Хатаевича (Днепропетровская область). Не лишним будет сказать, что все они были в скором времени репрессированы.

В свойственной ему манере оратор обрушился и на уже обреченного противника, раскритиковав Н. Осинского (В.В. Оболенского), бывшего «левого коммуниста», в том, что он раньше расхваливал Бухарина, а теперь под предлогом научной работы собирается «отсидеться» в то время, как партия развернула борьбу с «врагами народа».

Погромный, разнузданный тон речи, судя по всему, пришелся по вкусу Сталину. На свой благодушный вопрос: «Про “Правду” что-нибудь скажете?», он получил следующий, в иной обстановке граничивший бы с дерзостью ответ: «Если мне потом слово дадут», и одобрительно воспринял его. Это может означать лишь одно: по мнению вождя, Мехлис успешно осваивал роль пропагандистского рупора предстоящих репрессий.

НА «ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ»

Время работы в «Правде» стало периодом наиболее активной «теоретической» и публицистической деятельности Льва Захаровича. Понятие «активная» носит, правда, относительный характер. Крупных монографических работ он не создал. Невелико и число его статей в научных журналах, в различных сборниках: за 1930—1937 годы их насчитывается не более двух десятков.

Следует оговориться, что автору не известен ни единый случай, когда бы Мехлис публично заявлял о своих претензиях на роль партийного теоретика. Он, однако, охотно выступал как пропагандист, популяризатор речей и выступлений Сталина, решений высших партийных органов, вступал в полемику с участниками антисталинских оппозиций.

К слову, в ноябре 1935 года главный правдист стал доктором экономических наук, причем от подготовки диссертации был любезно освобожден. Этот царский подарок — ученую степень без защиты диссертации — ему преподнесло бюро президиума Коммунистической академии. Что ж, это было в духе времени: всемирно известных ученых — Н.И. Вавилова, Н.Н. Лузина, А.В. Чаянова, Н.А. Чичибабина (тот список длинен) — травить, а липовых, зато преданных режиму, докторов наук — плодить. В связи с эти нельзя не вспомнить о том, что семья Мехлиса многие годы трогательно дружила с незабвенной Ольгой Лепешинской, подручной «народного академика» Т.Д. Лысенко в искоренении отечественной генетики.

Статьи и брошюры Мехлиса, претендовавшие на статус теоретических, носят эпигонский характер. В них обильное цитирование классиков марксизма-ленинизма и, разумеется, Сталина, трескучая фразеология, бесконечные обвинения в адрес идеологических «диверсантов», «контрреволюционных контрабандистов», «врагов народа всех мастей». Проблематика в основном сводилась к следующему: успехи социалистического строительства, классовая борьба, обоснование необходимости ликвидации остатков эксплуататорских классов, положение на «идеологическом фронте» (в области исторической науки, литературы, подготовки идеологических кадров).

В вопросах экономики Мехлис должен был разбираться, казалось бы, в наибольшей степени, учитывая базовое образование, полученное в ИКП. А на самом деле? Вот статья «Вторая пятилетка и

ликвидация классов», опубликованная позднее отдельной брошюрой и посвященная итогам XVII партийной конференции (апрель 1932 года). Исполнена она в духе неумеренных восторгов по поводу успехов: «Вопросы социалистического строительства подняты партийной конференцией на исключительно большую теоретическую высоту», ее решениям «о построении социалистического общества во второй пятилетке чужды “сочинительство” утопических систем и прожектерство, с которыми наша партия не имеет ничего общего»[1]. Но, сам себе противореча, тут же впадает в осуждаемое прожектерство, доказывая с помощью вороха цифр, что уже в 1932 году первая пятилетка будет выполнена досрочно за четыре года. А в новой статье, давая оценку январскому пленуму ЦК ВКП(б) 1933 года, подведшему итоги пятилетки, говорит о ее досрочном выполнении, как о свершившемся факте.

Современные историки и экономисты убедительно доказали, что выполнение планов первой пятилетки, тем более объявленное как досрочное, в действительности представляет собой пропагандистский миф. Плановые показатели валовой продукции промышленности даже без учета роста оптовых цен были выполнены не более чем на 94 процента. Пятилетка не была выполнена по выплавке чугуна и стали, производству проката, минеральных удобрений, добыче железной руды, производству электроэнергии, выпуску тракторов и автомобилей и другим важнейшим показателям. Безусловно, руководители ВКП(б) прибегли к мифу о ее досрочном выполнении вполне сознательно, ибо обнародование реальных показателей было равносильно признанию авантюристичности политики «большого скачка», что окончательно подорвало бы доверие масс к политическому режиму. Во имя его сохранения и велась откровенная дезинформация населения.

В этих целях работал огромный пропагандистский аппарат, у руля которого среди других функционеров находился и Мехлис, применявший целый набор средств: от прямого введения читателей в заблуждение до подмены политэкономических понятий и спекуляции на факторе классовой борьбы. При этом надо особо подчер-

---

[1] *Мехлис Л.З.* Вторая пятилетка и ликвидация классов. М.—Самара, 1932. С. 2.

кнуть: Лев Захарович во всем этом неизменно шел за своим духовным наставником.

«Политические итоги пятилетки нельзя сводить только к цифре выпуска валовой продукции за четыре года», — заявлял он, ссылаясь при этом на генерального секретаря, который в докладе на январском пленуме вопреки исторической правде утверждал: в стране (имеется в виду дореволюционная Россия) не было черной металлургии, автомобильной и авиационной промышленности, ряда других отраслей, а в СССР они созданы. Мехлис, не смущаясь, утверждал ту же неправду, хотя несколькими абзацами выше с жаром бичевал «поганенькую ложь» «лакеев империализма».

Там, где его собственная ложь была бы слишком очевидной для масс, он прибегал к подмене понятий. Утверждение, что СССР превратился «из страны мелкотоварного производства в страну самого крупного земледелия» он подкреплял цифрами, приведенными Сталиным на XVII партконференции: в колхозах-де объединено 60 процентов крестьянских хозяйств, и колхозное производство охватывает 80 процентов посевных площадей. Но ведь само по себе обобществление земельного клина и инвентаря единоличников — не показатель эффективного товарного производства. Превращение в страну «самого крупного земледелия» могли подтвердить лишь цифры, характеризующие соотношение доли колхозов, с одной стороны, и индивидуальных крестьянских хозяйств, с другой, в производстве сельскохозяйственной продукции. Но из-за крайне невыгодного сочетания этих цифр они ни в докладе Сталина, ни в статье Мехлиса не приводились, их заменяли показатели падения роли частного сектора в целом в народном хозяйстве.

Не приводилось и абсолютных цифр, которые могли бы свидетельствовать о действительной экономической выгоде колхозного производства перед единоличным: их не было в природе, о чем автор, естественно, предпочитал умалчивать. Их обнародование было бы для инициаторов и пропагандистов «революции сверху» признанием полного поражения. С 1928 по 1932 год валовой сбор зерна упал, в первую очередь из-за силового разрушения частных крестьянских хозяйств, с 73,3 млн т (при плановых наметках роста до 105,8) до 69,9 поголовье лошадей уменьшилось с 32,1 млн голов до 21,7, поголовье крупного рогатого скота — с 60,1 млн голов до 38,3. В 1932 году голод охватил территорию с населением

25—30 млн человек, из них от 3 до 4 млн (по другим данным — 7 млн.) погибло. В то же время за границу было вывезено 1,8 млн тонн зерна в целях получения валюты для закупки промышленного оборудования[1].

Главным показателем уровня развития социализма Мехлис точь-в-точь вслед за Сталиным сделал не производительность труда, не благосостояние народа, а степень административного обобществления (точнее — огосударствления) производства. Вопрос «кто кого» сталинистами решался, таким образом, путем перевода его из сферы экономической и социальной в сферу административно-репрессивную.

Мехлис весьма путано, противореча сам себе, делал попытку выйти на политэкономические обобщения, обосновать преимущества расширенного производства при социализме. Он писал о реальной возможности увеличить обеспеченность населения потребительскими товарами в 2—3 раза уже во второй пятилетке. Напомним: о росте обеспеченности товарами широкого потребления, как реальном факте, он вел речь в разгар массового голода и расцвета карточной системы, введенной не во время войны, в дни мира! Иначе, как крайним политическим цинизмом, это назвать нельзя.

При этом Лев Захарович вынужден признать, что «все же мы ощущаем недостаток почти во всем. Не хватает чугуна, стали, топлива, проката, тракторов, комбайнов, одежды, обуви и т.д.». Такое признание вроде бы свидетельствует о способности автора к трезвости взгляда и реальной оценке ситуации. Но на поверку это оказывается лишь видимостью. Объяснение сплошного дефицита он сводил к росту населения, размаху нового строительства и повышению покупательского спроса населения (последнее очень сомнительно, учитывая приведенные выше факты). Но главная причина опять-таки оставалась за рамками рассуждений. В основе всеобщего дефицита, как и в целом невыполнения пятилетки, лежали одни и те же факторы — пренебрежение со стороны руководства страны интересами народа, насильственные методы управления общественными процессами, искусственное подстегивание темпов роста, когда не бра-

---

[1] См.: *Лацис О.Р.* Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М., 1990. С. 46; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 154.

лись в расчет ни реальные возможности, ни имеющиеся и довольно ограниченные экономические ресурсы.

Обнародовать данный факт — значило бы признать авантюристичность «большого скачка», на что главный редактор «Правды» пойти, само собой разумеется, не мог. Поэтому объяснение причин дефицита он быстренько перевел из экономической в плоскость классовой борьбы. «Что касается предметов потребления, то здесь немалую роль, как и на всех участках социалистического строительства, — нагнетал он, — играет сопротивление кулачества». В повышении классовой бдительности, необходимости «добить кулака и его агентуру» Мехлис видел главное условие даже для повышения урожайности (соблюдение агротехники, семенную работу и т.п. факторы он, очевидно, считал в данном случае второстепенными).

Бросается в глаза, что, опять-таки ни на шаг не отступая от сталинских указаний, Мехлис усиленно развивает положения о нарастании классовой борьбы, неустанно призывает к политической бдительности, предупреждает о саботаже кулачества, пытающегося «взорвать колхозы изнутри». «Мы идем к окончательной ликвидации классов через обостренную классовую борьбу, к социалистическому обществу через укрепление диктатуры пролетариата, — писал он. — В Советском Союзе классовая борьба принимает иные, модифицированные формы, отличные от существующих при капитализме. Но ошибочно думать, что она потухает, что мы вступили в полосу плавного хода развития»[1].

Нет необходимости сглаживать реальные трудности, которые переживала страна в те годы, но очевидно, что классовая борьба раздувалась правящей элитой искусственно, в узкокорыстных целях, предусматривавших ликвидацию политических противников, сокрытие крупных провалов в политике и экономике.

Добиваясь этих целей, руководство партии прямо изменяло марксизму. На то, что Сталин во многом порвал с марксизмом-ленинизмом, что его взгляды представляли собой «софистическую подделку под ленинизм», обращали внимание еще его политические оппоненты, в частности Мартемьян Рютин. Современные историки существенно дополняют эту характеристику: сталинизм «маскировался под ортодоксальный марксизм-ленинизм», как идеология но-

[1] *Мехлис Л.З.* Классовая борьба во второй пятилетке. М., 1932. С. 10.

сил схематический, вульгарный и догматический характер и жестко сопрягался с прагматической сталинской политикой, которая, «в зависимости от обстоятельств, способна была поворачиваться на 180 градусов»[1].

Мехлис же, видя, как его духовный наставник Сталин, провозглашенный единственным толкователем марксизма-ленинизма, ревизовал эту теорию в зависимости от сиюминутных потребностей, не только не возражал против этого, но и всячески поддерживал такую практику. Он пропагандировал колхозы как основную форму кооперации в сельском хозяйстве и приветствовал курс на форсированную коллективизацию. Это был не только прямой отход от ленинских указаний, на которые, кстати, по поводу и без повода ссылался Сталин, но и прямое заимствование у его злейшего врага Троцкого.

Мехлис также всячески популяризировал сталинский тезис о «возможности построения полного коммунистического общества в одной стране» и грубо нападал на тех, кто его оспаривал. Опять-таки вопреки теории марксизма он, воспроизводя сталинские положения (кстати, также заимствованные у Троцкого), видел «диалектику нашего развития... в том, что мы идем к отмиранию государства путем укрепления диктатуры пролетариата», а «разговоры о необходимости ослабления диктатуры пролетариата ввиду ликвидации классов, отмирания государства и т.д.» характеризовал как оппортунистические, классово враждебные пролетариату[2].

Публикации Мехлиса были проникнуты особой заботой о победе сталинизма на «теоретическом фронте». Тех, кто не понимал, что «развернутое социалистическое строительство включает в себя борьбу на всех (подчеркнуто Мехлисом. — *Ю.Р.*) участках теоретического фронта», он объявлял «гнилыми либералами» и сторонниками «надклассовой теории».

---

[1] См.: Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 369; *Лисичкин Г.* Мифы и реальность. // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 275—279; *Макаренко В.П.* Бюрократия и сталинизм. Ростов-н/Д, 1989. С. 270; Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М., 1991. С. 336—337.

[2] *Мехлис Л.З.* Вторая пятилетка и ликвидация классов. С. 9, 12—15; его же: Классовая борьба во второй пятилетке. С. 8, 33.

В своих публикациях Лев Захарович оценил положение дел как «тревожное» на всех главных участках этого «фронта» — в подготовке идеологических кадров, развитии обществоведения, в первую очередь в исторической науке, в литературном процессе. «На каждом участке нашего хозяйственного и советского строительства» он констатировал «недостаток идеологически крепких теоретических кадров, вооруженных марксистско-ленинской методологией, способных преодолевать всякие буржуазные и мелкобуржуазные теории и теорийки, под каким бы флагом они ни преподносились»[1].

Для исправления положения главный редактор «Правды» предлагал в подготовке кадров обществоведов сделать акцент на административное регулирование партийного и социального состава коммунистических вузов, его «орабочение»; в области исторической науки — усилить борьбу на два фронта: против правого оппортунизма и за ликвидацию отставания на том важнейшем участке теоретического фронта, где речь идет о «кровных интересах большевизма» (имелись в виду вопросы диктатуры пролетариата, руководящей роли партии и т.п. в их сталинской трактовке); в организации литературного процесса — объединить писателей под одной административной «крышей», чтобы было проще добиться «плановости в работе пролетарских писателей, увязки их работы с планом социалистического строительства».

Своими призывами он отражал все более усиливающееся грубое, типично бюрократическое вмешательство властей в сферу науки и культуры. От последних требовали служить «практике», что в действительности означало обслуживание исключительно партийной пропаганды.

Подобные усилия Мехлиса не остались без внимания высшего руководства ВКП(б). 5 мая 1937 года ЦК ВКП(б) направил коллективу «Правды» приветствие в связи с ее 25-летием. Оно не могло быть воспринято Львом Захаровичем иначе, как полное одобрение его усилиям: «ЦК ВКП(б) уверен, что “Правда” будет и впредь высоко нести знамя Маркса — Энгельса — Ленина, сплачивая миллионные массы партийных и непартийных большевиков, помогая им и всем трудящимся нашей родины овладевать большевизмом, ведя их

---

[1] *Мехлис Л.* Институт красной профессуры и проблема кадров // Партийное строительство, 1930, № 2. С. 24.

по пути решительной борьбы с врагами народа, — за победу коммунизма». В связи с этой датой Мехлис был удостоен высшей государственной награды — ордена Ленина.

По мере возрастания доверия вождя главный редактор «Правды» набирал политический вес. 4 сентября 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение назначить его заведующим отделом печати и издательств ЦК по совместительству. 12 октября того же года на пленуме ЦК он стал членом Центрального комитета. Характерна обстановка, в которой это происходило. По вопросу о составе ЦК выступил Сталин, сообщивший, что после предыдущего пленума (23—29 июня того же 1937 года) 8 членов ЦК и 16 кандидатов в члены ЦК были изобличены как враги народа. Что называется, без комментариев: они «выбыли и арестованы». На предложение Сталина принять информацию к сведению не последовало ни вопросов, ни возражений. Единогласно проголосовали за исключение названных «врагов» из ЦК.

Для избрания вместо выбывших Сталин предложил кандидатуры тех кандидатов в члены ЦК, которые на XVII съезде получили наибольшее количество голосов, — всего 10 человек. Затем слово взял Хрущев: «Я бы предложил товарищей, которые не идут... в порядке по числу полученных голосов, но товарищей, которые известны Центральному Комитету партии, проводят очень большую работу... Прамнек — секретарь Донецкого обкома, крупнейший обком и товарища все знают. **Мехлис — руководит газетой “Правда”, кандидат в члены ЦК** (выделено нами. — *Ю.Р.*). Михайлов — секретарь Воронежского областного комитета партии, также товарищ работает на крупнейшей работе. Угаров — второй секретарь Ленинградского областного партийного комитета»[1].

Предложение было принято. Любопытно, что из этого пополнения все, кроме Мехлиса, были в 1938—1939 годах репрессированы. Зловещую картину пленума дополняет тот факт, что на нем кандидатом в члены Политбюро был избран Ежов.

В конце 1937 года Лев Захарович стал также депутатом Верховного Совета СССР. И формально, и фактически он, таким образом, вошел в высшую политическую элиту страны.

---

[1] Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 158.

С «ИНЖЕНЕРАМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ»

В исключительно любопытной книге «Глазами человека моего поколения» Константин Симонов вспоминал, как его вместе с другими руководителями Союза писателей СССР А.А. Фадеевым и Б.Л. Горбатовым в мае 1947 года принимал Сталин. Среди прочих встал вопрос о необходимости пересмотра гонорарной политики. При нынешней системе гонораров, доказывал Фадеев, проигрывают авторы хороших, постоянно переиздающихся книг. Вождь согласился, что система оплаты труда писателей действительно требует корректив, для чего предложил создать комиссию. Кроме кандидатур А.А. Жданова, курировавшего в Политбюро ЦК ВКП(б) идеологическую сферу, и министра финансов А.Г. Зверева, из его уст прозвучала еще одна фамилия — министра госконтроля Мехлиса. При этом, вспоминал писатель, Иосиф Виссарионович испытующе посмотрел на собеседников: «Только он всех вас там сразу же разгонит, а?»

Против ожидания, пишет Симонов, действительно существовавшие на счет Мехлиса опасения, связанные с хорошо известной всем жесткостью его характера, не оправдались. По всем гонорарным вопросам он поддержал предложения писателей, а когда финансисты выдвинули проект — начиная с определенного уровня годового заработка, взимать с писателей пятьдесят один процент подоходного налога, Лев Захарович буквально вскипел: «Надо все-таки думать, прежде чем предлагать такие вещи. Вы что, хотите обложить литературу как частную торговлю? Или собираетесь рассматривать отдельно взятого писателя как кустаря без мотора? Вы что, собираетесь бороться с писателями, как с частным сектором, во имя какой-то другой формы организации литературы — писания книг не в одиночку, не у себя за столом?» Этой желчной тирадой, с удовлетворением констатировал Симонов, министр госконтроля сразу обрушил всю ту налоговую надстройку, которую предлагалось возвести над литературой.

К причинам такой, не ожидавшейся самими писателями поддержки мы еще вернемся. А пока расскажем о том, что у этой истории с гонорарами было начало, о котором из присутствующих знали лишь Мехлис да Фадеев. И совсем не случайно последний беспокоился сам и подпитывал этим беспокойством относительно возмож-

ной позиции министра госконтроля своих товарищей по литературному цеху.

Дело было еще в июне 1936 года, когда Мехлис, собрав у себя в редакции Валентина Катаева, Николая Погодина, Александра Фадеева и других писателей, посетовал, что многие из них, даже числящиеся в активе газеты, оторвались от нее. Гости отнекивались занятостью, писать специально для газеты не хотели, а — как вариант — предлагали фрагменты готовых повестей и романов. Разоткровенничавшийся Фадеев резанул напрямую: «Сейчас я могу жить еще лет десять, не работая, и существовать. "Разгром" у меня обязательно три раза в год переиздается. Даже если я очень ленив, я где-нибудь втисну несколько статей, стенограмм».

На это редактор «Правды» хладнокровно заметил: «Издаваться "Разгром" должен, но должен ли ты деньги получать?»[1]

Так что Фадеев с коллегами не без основания опасался в 1947 году повторения ситуации года 36-го. Оказалось, напрасно. Почему же министр госконтроля поступил так, а не иначе? Симонов дает, как представляется, весьма убедительное объяснение: «Ни к литературе, ни к писателям... Мехлис пристрастия не питал, но он был политик и считал литературу частью идеологии, а писателей — советскими служащими, а не кустарями-одиночками». И если когда-то у Льва Захаровича этот взгляд только начинал складываться, то за полтора десятка лет тесного общения с писателями — а оно явно усилилось с его приходом в «Правду» — представление о литературе как важном идеологическом оружии стало монолитом.

Да, именно так: литература — часть идеологии, а писатели — работники идеологического фронта, подручные партии. Сотрудничество писателей с прессой, прежде всего «Правдой», по мысли ее редактора, должно было стать для них делом чести. Писать специально для главной партийной газеты, а не просто печататься в ней — вот к чему должны были стремиться «инженеры человеческих душ». Напомним молодым читателям: именно так назвал Сталин советских писателей, встречаясь с ними у А.М. Горького 26 октября 1932 года.

Следует отдать должное настойчивости, с которой Мехлис проводил в жизнь свою линию. Ему удалось привлечь к сотрудничеству

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 59, л. 12.

с «Правдой» на штатной и нештатной основе многих действительно лучших писателей, очеркистов, фельетонистов, художников. Имена Ильи Ильфа, Евгения Петрова, Михаила Кольцова, Анатолия Аграновского, Бориса Ефимова говорят сами за себя.

Сам Лев Захарович, хотя много писал, был лишен заметного творческого дара. Однако перед теми, кто был одарен способностями куда богаче, пиетета не испытывал: для него они были обычными служащими по ведомству идеологии, которые требовали руководства собой.

Примерно в 1934 году по предложению Горького возникла идея подготовить к 20-летию Октябрьской революции многотомный сборник под условным названием «Две пятилетки». «Мы хотим изобразить рост массы, ее культурный рост, — разворачивал творческий замысел первый пролетарский писатель. — Сначала зажигалки делали, а теперь черт знает на какую высоту полезли, преодолев совершенно изумительные нечеловеческие препятствия...» Он предлагал «показать партработу, работу наших новых работников, показать, как 25-тысячники вросли в деревню, что они там сделали... показать, как перерождается наш крестьянин, человек XVII века...»

Увы, зажечь мастеров пера подобными сюжетами долго не удавалось. Даже Бухарин, назначенный было руководить редакцией, ссылаясь на крайнюю занятость, отказался. Собрав в марте 1935 года членов редакции «Двух пятилеток» и констатировав, что дело движется медленно, Горький предложил заменить Бухарина Мехлисом. Он рассуждал здраво: редактор «Правды» хоть звезд с неба, как автор, не схватит, но вот братьев-писателей работать заставит. Алексей Максимович не ошибся. И пусть, в конце концов, запланированный 5-томник съежился до двух томов, издание все же было осуществлено.

На том же заседании редколлегии Мехлис с энтузиазмом подхватил и предложение Горького писать о новом человеке. Кто же он? Возьмите тех, кто живет в атмосфере Дальнего Востока, предлагал Лев Захарович, кто пережил Колчака, конфликт 1929 года на КВЖД, кто испытывает на себе попытки японского шпионажа... Или: «Возьмите наше крестьянство. Царизм какую опору имел в деревне? Попа, урядника и пр. А мы сейчас имеем сотни и сотни тысяч и миллионы людей, которые будут цепляться за советскую власть покрепче, чем в свое время цеплялась за царизм интеллиген-

ция, и покрепче, чем старая опора царизма. Он стал колхозником, он стал организатором, он — бригадир и он всеми фибрами будет защищать этот строй». А ведь это говорилось о крестьянстве, к тому времени либо насильно загнанном в колхозы, либо распыленном по бесконечным лагерям и ссылкам Сибири, Казахстана, Дальнего Востока. Это на его примере Мехлис намечал показать рост все того же «нового человека».

Отдельный том (света он не увидел) предполагалось посвятить тому, «как выглядит, как живет человек в социалистическом обществе». Воплощением «научно обоснованной фантазии» окрестил его главный редактор «Правды». Листаешь ныне стенограмму совещания и видишь, как много в его участниках — а среди них легко заметить и широко известных, уважаемых людей — было всего: политиканства и честной работы, пустого прожектерства и научного предвидения, лицемерия и искренности, откровенной глупости и способности трезво оценивать окружающий мир.

Невыразительно, но с большой методичностью Лев Захарович обозначил проблемы, которые следовало бы в этом томе осветить: социализм построенный (или, выражаясь более поздним языком, — реальный), разработка недр, осуществление планов Мичурина по преобразованию природы, освоение Арктики, возведение промышленных гигантов в Кузбассе, победа над единоличником. «Мы должны показать нового человека... перевоспитанного свободным раскрепощенным трудом... — предупредил он. — Это должна быть агитация, делом и художественным словом за коммунизм».

Попробуй тут поскупись на «научно обоснованную фантазию», при такой постановке вопроса это даже политически опасно. И все же не все вели себя с рабской осмотрительностью. Известный биохимик академик А.Н. Бах не мог скрыть скепсис по поводу того, удастся ли избежать «фантазерства» при освещении хода развития науки.

Мужественным в своей трезвости проявил себя некто профессор Александров. Днепрострой, Магнитострой — это хорошо, заметил он, но «если вы возьмете какие-нибудь наши постройки, на которых рабочие исчисляются десятками тысяч, и посмотрите на постройки американские, на которых я был, вы увидите, что там плотину в 120 метров строит 150 человек. Вы увидите, что тут вопрос надо ставить не только в отношении фантазии, но и в отношении более

серьезной работы». Не за тускло-бескрылое существование ратовал человек, а против безудержного, сродни детскому, фантазирования, против строительства воздушных замков.

Услышали его трезвый призыв? Куда там! С молчаливой поддержки Мехлиса выступивший следом архитектор Фридман обвинил присутствующих, что их планам не хватает как раз... фантазии. И просто-таки апофеозом какого-то иррационального взгляда на мир предстает выступление небезызвестного С.Г. Фирина, руководителя строительства канала Москва — Волга, а чуть ранее — начальника Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря. «Тов. Сталин, который является прямым инициатором нашего строительства, так же как и Беломорского канала... — ничтоже сумняшеся заявил он, — примерно года полтора тому назад поставил такой вопрос, который сейчас кажется абсолютно нереальным. Это создание канала Москва — Владивосток. В книге “Взгляд на будущее” можно помечтать на эту тему очень красиво...»[1]

Помнит ли читатель, за что в фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние» посадили молодого композитора? Правильно — за попытку прорыть туннель от Бомбея до Лондона. Художественный вымысел, оказывается, не может превзойти жестокой реальности 30-х годов: вряд ли канал от Белокаменной до Владивостока будет короче.

Но Фирин идет дальше. Он предлагает отразить «совершенно новую в истории человечества» задачу по «приобщению бывших отщепенцев, бывших врагов к какому бы то ни было труду по превращению их в полезных тружеников». Это любопытно, откликается Мехлис, разве не об этом говорил он в начале заседания? А Фирин между тем разливается соловьем: «То, что происходит сейчас во всех наших исправительно-трудовых учреждениях, особенно важно отразить в нашем издании для того, чтобы показать этот замечательный факт перед капиталистическими странами. С одной стороны, мы имеем фашистские застенки, где убиваются “лучшие люди” (гримаса тогдашней действительности: палач собственного народа льет крокодиловы слезы по трудящимся за границей. — *Ю.Р.*), а, с другой стороны, мы имеем наши исправительно-трудовые лагеря, где худшие люди в значительной части превращаются в полноценных полезных граждан нашей родины».

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 64, л. 28—29.

Рассказать об этом Фирин предложил силами самих заключенных. А что удивляться! Ведь к этому времени увидел свет, кстати, не без активного участия Мехлиса, плод «творческой» командировки большой группы писателей на Беломорканал — без преувеличения, вдохновенный (горькая цена тому вдохновению!) труд о грандиозных успехах в «перековке» людей на одной из «великих строек социализма». И об этих успехах с восторгом свидетельствовали сами «перековавшиеся».

Театр абсурда? Отнюдь нет — сталинское государство середины 30-х годов. И Мехлис в нем — уже не простой винтик. Совсем, кстати, не фантазер, а крайне прагматичный политик, отводящий литературе строго роль служанки идеологии.

Еще только став во главе центральной партийной газеты, он подверг острой критике Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП), предшественницу Союза писателей. Ссылаясь на читательские запросы, потребовал ее решительной перестройки. Однако на поверку за внешне благородными апелляциями к возросшим читательским требованиями, призывами к развертыванию самокритики и созданию условий для разнообразных творческих течений скрывалось сугубо прагматическое требование «поворота писателей лицом... к важнейшим проблемам соцстроительства», установления строгой «плановости в работе».

Исходя из этого требования, посредственный, но политически актуальный роман Ф.И. Панферова «Бруски» Мехлис похвалил, одного же из руководителей РАПП, попытавшегося утверждать, что творческий метод Льва Толстого «наиболее подходящ для нас», высмеял.

Отсутствие нужной реакции на партийные требования, излишне независимая позиция руководителей РАПП стали причиной скорого роспуска ассоциации и создания новой организации — Союза советских писателей. Признанный лидер советской литературы Горький, внутренний конфликт которого с правящим режимом все нарастал, рискнул, готовясь к первому съезду писателей в 1934 году, оспорить претензии Мехлиса и П.Ф. Юдина, тогда заведующего отделом ЦК партии, на идеологическое руководство литературным процессом.

В письме Сталину он не сдержал резкости, видно, допекли окончательно партийные кураторы: «Юдин и Мехлис — люди

одной линии. Группа эта — имея “волю к власти” и опираясь на центральный орган партии, конечно, способна командовать, но, по моему мнению, не имеет права на действительное и необходимое идеологическое руководство литературой, не имеет вследствие слабой интеллектуальной силы этой группы, а также вследствие ее крайней малограмотности в отношении к прошлому и настоящему литературы».

Голос писателя услышан не был, его даже не удостоили ответом. Но продолжение эта история все же имела. В следующем, 1935 году Горький со страниц «Правды» подвергся облыжным обвинениям писателя Панферова. Устами последнего Алексею Максимовичу давали понять: к неприкасаемым он не относится. Горький попытался дать ответ через ту же «Правду», но Мехлис отказал классику соцреализма. Злопамятен был и возможности отомстить имел уже предостаточно.

Свой голос Лев Захарович вплел и в кампанию борьбы с формализмом и натурализмом в советском искусстве, развернутой в 1936—1938 годах. 28 января 1936 года ее открыла правдинская редакционная статья «Сумбур вместо музыки». В ней под предлогом преодоления формалистических шатаний и грубого натурализма, якобы отличавших оперу Д.Д. Шостаковича «Катерина Измайлова», фактически содержался призыв покончить с эстетическими принципами первых послереволюционных лет, когда в искусстве допускались смелые поиски, различные течения, и, как и в литературе, утвердить господство идеологического догматизма (под псевдонимом «социалистический реализм»).

Позднее, наращивая обороты идеологической кампании, «Правда» поместила разгромные статьи, касавшиеся еще одной оперы Шостаковича — «Светлый ручей», пьесы М.А. Булгакова «Мольер. Кабала святош», оперы-фарса «Богатыри» по либретто Д. Бедного.

Особенно характерно личное участие Мехлиса в расправе над последним из названных произведений, поскольку оно ярко раскрывает методы и приемы, к которым прибегал Лев Захарович, участвуя в погромных идеологических кампаниях. Когда поэзия Демьяна Бедного считалась работающей на революцию, главный редактор «Правды» поддерживал его. На заседании редколлегии в августе 1935 года он прямо потребовал от подчиненных привлекать поэта к сотрудничеству: «Очень жалуется все время Демьян Бедный. Это

(фельетоны. — *Ю.Р.*) его стихия, а его саботируют — не присылают ему материала». Какое-то время на страницах газеты постоянно появлялись басни этого автора.

Именно в «Правде» 24 октября 1936 года был опубликован выдержанный в хвалебных тонах самоотчет Бедного о работе над оперой-фарсом «Богатыри», премьера которой состоялась на следующий день. Ничто, казалось, не предвещало грозы. Благожелательность, однако, изменила Мехлису сразу же, как только спектакль посетил глава правительства Молотов. Он выразил крайнее возмущение постановкой, после чего последовало постановление Политбюро о ее запрете. Буквально наутро, 15 ноября «Правда» поместила разгромную статью об опере, а на следующий день — информацию о собрании-погроме, состоявшемся в Камерном театре А.Я. Таирова, где был поставлен спектакль.

Мехлис лично отредактировал эту информацию в сторону ужесточения. Вместо примирительной фразы: «Таиров высказал убеждение, что дальнейшей своей работой Камерный театр сумеет исправить эту ошибку», он вписал прямо противоположное по смыслу: «Это значит, что А. Таиров не понял постановления комитета (по делам искусств. — *Ю.Р.*) и не делает из него всех необходимых выводов»[1]. После этого одним из излюбленных тезисов главного редактора «Правды» в разговорах на литературные темы стало резкое возражение против «одемьянивания» советской поэзии.

Изгнанный из Союза писателей и из партии Демьян Бедный всеми силами пытался реабилитироваться и время от времени присылал в «Правду» свои опусы. В декабре 1937 года главный редактор переслал одну из басен Сталину, спрашивая его мнение. Ответ вождя гласил: «Тов. Мехлис! На Ваш запрос о басне Демьяна “Борись или умирай” отвечаю письмом на имя Демьяна, которое можете ему зачитать.

Новоявленному Данте, т.е. Конраду, то бишь... Демьяну Бедному.

Басня или поэма “Борись или умирай”, по-моему, художественно-посредственная штука. Как критика фашизма, она бледна и неоригинальна. Как критика советского строя (не шутите!), она

---

[1] *Максименков Л.В.* Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936—1938. М., 1997. С. 222.

глупа, хотя и прозрачна. Так как у нас (у советских людей) литературного хлама и так не мало, то едва ли стоит умножать такого рода литературу еще одной басней, так сказать... (во всех случаях отточия сделаны Сталиным. — *Ю.Р.*) Я, конечно, понимаю, что я обязан извиниться перед Демьяном-Данте за вынужденную откровенность.

С почтением И. Сталин».

Что к этому добавить?

* * *

Там, где есть «большой» вождь, не обойтись и без «малых» вождей. Войдя в число самых близких к Сталину политических деятелей, Мехлис получил право на повышенную долю общественного внимания. Когда в октябре 1937 года он был выдвинут по Кунцевскому избирательному округу Москвы кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, пресса, начиная с районного «Большевика» и кончая «Правдой», запела осанну «нашему кандидату». За все 7 лет работы в «Правде», писал упомянутый выше партийный функционер Поспелов, Мехлис не имел ни одного выходного дня. Когда в 1933 году он заболел, в больницу попал «прямо из-за редакционного стола». И едва придя в себя, несмотря на протесты врачей, сразу занялся редакционными делами.

А вот статья Михаила Кольцова из «Рабочей Москвы» от 4 декабря 1937 года. Видному журналисту явно изменяют вкус и чувство меры. Друг друга сменяют одни бездушные штампы, в статье не найти ни единого живого слова: неутомимый, воинствующий марксист, вдумчивый партийный работник, твердый большевик и т.д. и т.п.

На все терпящую бумагу легли и вирши Алексея Суркова:

Подходит страна к исторической дате,
Как к светлому праздничному рубежу.
О Мехлисе, нашем родном кандидате,
Я слово от самого сердца скажу...

Вслед за маститыми «инженерами человеческих душ» высказывались и рядовые избиратели. Н. Шубин, работник санатория

«Барвиха», бывший технический работник аппарата ЦК: «В 11 часов, в 3—4 часа ночи мы почти всегда могли его видеть занятым. Свое здоровье Лев Захарович не оберегает, а о людях печется по-сталински».

Бывшая ткачиха «Красной розы» А. Грачева высказала восхищение радением главного редактора «Правды» о рабочем человеке. Фабула ее рассказа проста: на фабрике разворачивалось движение многостаночниц. Переходили на новую систему неорганизованно. Грачева написала об этом заметку. После публикации работницу вызвал нарком (впоследствии разоблаченный, как «враг народа») и отругал ее. Пошла тогда Грачева в «Правду». Ее принял главный редактор, и — вновь публикация. «Никогда я не забуду той огромной помощи, которую в трудную минуту моей жизни оказал мне Лев Захарович Мехлис. Не побоялся он раскритиковать за меня, работницу, наркома».

Блажен, кто мог уверовать в благородные мотивы поступков этого человека...

Годы работы Мехлиса в «Правде» заметно повысили и укрепили его номенклатурное положение. Это стало возможным за счет абсолютной поддержки им тех мер, которые предприняли генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и его ближайшее окружение, проводя политику «большого скачка» в экономике, искусственно разжигая в стране классовую борьбу, запугивая и физически уничтожая оппозицию, поучая писателей, поэтов, композиторов, как сочинять «правильные» книги и оперы. Лев Захарович стал одним из главных в стране пропагандистов курса, избранного сталинским руководством партии. Его энергии, инициативы и настойчивости в реализации сталинского курса оппоненты вождя могли лишь позавидовать.

Завершился процесс его утверждения как публичного политика общепартийного масштаба. К полученным ранее возможностям аппаратчика влиять на политику исподволь, используя преимущественно неформальные связи с руководителями партии, Мехлис добавил полномочия, вытекавшие из его высокого служебного положения и членства в Центральном комитете партии.

Глава 4

НА ПИКЕ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

«УНИЧТОЖАТЬ, КАК БЕШЕНЫХ СОБАК»

В самом конце 1937 года волей вождя судьба нашего героя вновь совершила кульбит. 31 декабря 1920 года Мехлис был уволен из Красной Армии в запас. Ровно через 17 лет, 30 декабря 1937-го, Политбюро ЦК ВКП(б) своим решением вернуло его в Вооруженные Силы, утвердив начальником Политического управления РККА и заместителем наркома обороны СССР. Одновременно ему присвоили звание армейский комиссар 2-го ранга.

Такое назначение логично укладывалось в русло кадровой политики Сталина. ПУ РККА, осуществляя руководство всей партийно-политической работой в армии, было важнейшим рычагом воздействия партийной верхушки на умы огромного слоя советских людей — военнослужащих, членов их семей, вольнонаемного состава. И здесь многое зависело от руководства Политическим управлением, степени его ангажированности конкретной политической фигурой. В этом отношении предыдущими начальниками ПУ Я.Б. Гамарником и П.А. Смирновым, как показала их трагическая судьба, Сталин был недоволен.

Что заставило вождя возвести на пост, в условиях того времени второй по значимости в Вооруженных силах, именно Мехлиса, человека сугубо штатского, носившего военную форму лишь пару лет на фронте, да и то два десятилетия назад? Дело заключалось в стремлении Сталина придать выявлению и выкорчевыванию из армии всех, сколько-нибудь несогласных с ним, новое дыхание. При этом отсутствие у его бывшего помощника прочных связей с армейским руководством было положительным качеством: затевая чистку армии, вождь не доверял профессиональным военным.

Будучи составной частью общего процесса «большого террора», репрессии против военных кадров имели определенную специфику. Они происходили в среде вооруженных, по-уставному организованных масс людей; осуществлялись в условиях «двоевластия», то есть при наличии, помимо командиров, института военных комиссаров, облеченных беспрецедентной властью; были направлены, прежде

всего, против кадров командного и политического состава; их фон составляла германская фальшивка об измене высшего комсостава РККА, освященная обвинительным приговором суда по делу о «военно-фашистском заговоре».

Кроме этого, массовые репрессии в Вооруженных силах развернулись несколько позднее, чем в большинстве иных государственных структур. При этом масштабы и интенсивность разоблачения «врагов народа» в системе армии и флота в 1937 году были признаны Сталиным недостаточными.

Эпидемия арестов в Красной Армии в 1938 году даже превзошла по размаху год 1937-й. На 1 января 1938-го по штату в высший комначсостав РККА (от комбрига и выше. — *Ю.Р.*) входило 845 человек, в высший политсостав (от бригадного комиссара и выше) — 269 человек. До конца года довелось дожить далеко не всем из них. Людей продолжали хватать пачками. Были арестованы два Маршала Советского Союза, два командарма 1-го ранга, один (единственный в то время) флагман флота 1-го ранга, один (опять-таки единственный) армейский комиссар 1-го ранга, два последних командарма 2-го ранга производства 1935 г., 20 комкоров, три флагмана 1-го ранга, 13 корпусных комиссаров, 49 комдивов, 36 дивизионных комиссаров, 97 комбригов, 96 полковников[1].

Разумеется, советский лидер не мог не понимать, что такие репрессии донельзя ослабляют армию, снижают ее боеспособность. Но он презрел эту опасность, считая куда более важным устранить всех, кто вызывал хоть малейшее сомнение, а остальных пригнуть, пришибить страхом, который лучше любого средства гарантировал лояльность к нему. В момент же, когда кровопускание Вооруженных сил приобрело невиданные масштабы, и во все большее число голов приходили вопросы, можно ли и дальше продолжать репрессии без угрозы для армии совершенно потерять боеспособность, Сталину у «руля» политорганов требовался абсолютно преданный ему человек.

Мехлис был таковым. Многолетний опыт подсказывал ему, что, войдя в круг избранных, придется шагать по трупам. В буквальном смысле слова. Новый начальник ПУ Красной Армии прекрасно знал, что такова была внутренняя логика сработанной Сталиным

---

[1] *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937—1938. М., 1998. С. 80.

системы, и каждый к ней принадлежащий, как в любом преступном сообществе, повязывался кровью. Его это не смущало, он готов был следовать этой логике, свою инквизиторскую работу исполнял без тени сомнения в правоте и с энтузиазмом. «Врагов и изменников будем уничтожать, как бешеных собак», — эти слова, брошенные им с трибуны XVIII съезда партии, были для него не удачной метафорой, а раз и навсегда определенной линией по отношению к тем, кто был или считался противником хозяина, а значит, автоматически и его противником.

Диалектика того исключительно сложного времени состояла в том, что массовые репрессии оказывали пагубное воздействие буквально на все стороны жизни Вооруженных сил. Под их гнетом войска учились, воевали. Обстановка шпиономании и борьбы с «врагами народа» деморализовала людей, подрывала воинские коллективы. В то же время армейская школа, которую проходили миллионы советских людей, наряду с преклонением перед вождем и ненавистью к «врагам народа» воспитывала любовь к Родине, готовность защищать ее с оружием в руках. Сумев устоять перед разрушительным влиянием репрессивной политики властей, воины Красной Армии уже через несколько лет продемонстрировали невиданный патриотизм на полях сражений Великой Отечественной войны. Однако никакой патриотический порыв, конечно, не мог компенсировать страшный недостаток подготовленных военных кадров, что пали в годы репрессий, в результате страна и армия подошли к войне с фашистской Германией неподготовленными.

Назначение Мехлиса на один из ключевых постов в РККА готовилось заранее. Еще 15 ноября 1937 года пленум ЦК ВКП(б) повысил его политический статус, переведя из кандидатов в члены ЦК. Возрос и его военно-административный статус: в отличие от своего предшественника Смирнова, он одновременно получил пост заместителя наркома обороны. А 13 марта того же 1938 года вошел в состав вновь образованного Главного военного совета РККА — узкую коллегию всего из девяти человек вместе со Сталиным, Ворошиловым и несколькими заместителями наркома. Все это явно свидетельствовало о стремлении верхушки партии и государства повысить роль данного звена военно-политической иерархии в процессах «большевизации», а точнее сказать — сталинизации Красной Армии.

В отличие от внутриполитических сил, зарубежным оппонентам Сталина не приходилось лукавить и высказывать неумеренные восторги по поводу назначения нового начальника ПУ РККА. Его истинный смысл они сумели постичь сразу же. Троцкий прокомментировал его с большим сарказмом: «Назначая свою лошадь в сенаторы, Калигула хотел унизить римский сенат. Назначая своего лакея Мехлиса в вожди Красной Армии, Сталин преследует гораздо менее платонические цели. Бывший личный секретарь Сталина, бездарный карьерист, спец по закулисной интриге, исполнитель наиболее грязных дел хозяина, Мехлис силен лишь поддержкой Сталина. Мехлис — замнаркомвоена! Кто поверил бы этому еще полгода тому назад? Чем больше “врагов народа” истребляет Сталин, подымаясь на их трупах вверх, тем большая пустота образуется вокруг него. Резервы верных ограничены сегодня субъектами типа Мехлиса»[1].

В аналогичном духе высказывался автор выходившего в Париже журнала «Часовой». Мехлиса он характеризовал как человека, обеспечившего себе пост тем, что он не связан никакими дружескими связями с прежним руководством Красной Армии, как старательного исполнителя предначертаний Сталина в борьбе с «бунтующей армией».

Зловещего усердия в кровавой чистке командно-начальствующего и политического состава Мехлису, в самом деле, было не занимать. Мы уже обращали внимание на то, что с его приходом к руководству ПУ предпринимавшиеся до того усилия по разоблачению «врагов народа» были признаны недостаточно активными. Такой вывод он постарался заложить — и успешно — в решения Всеармейского совещания политработников, состоявшегося в апреле 1938 года. В принятом на этом совещании и одобренном Центральным комитетом партии письме Главного военного совета РККА констатировалось, что «ощутительных результатов» в «очистке армии от врагов народа», на что ориентировали февральско-мартовский 1937-го и январский 1938 года пленумы ЦК ВКП(б), несмотря на уже годичное существование института военных комиссаров, добиться пока не удалось[2]. Авторы столь хлестких выводов — а ими были Мехлис в качестве основного докладчика и, как он публично заявил здесь

---

[1] Цит. по: *Роговин В.З.* Партия расстрелянных. С. 178.

[2] РГВА, ф. 9, оп. 40, д. 53, л. 68.

же, перед участниками совещания, Сталин — сами оценивали свои «достижения», сами и определяли новые рубежи.

При этом их не смущало, что аресты и увольнения из армии в предшествующий период и без того образовали зияющую кадровую дыру. В 1937 году число арестованных только армейских политработников достигло 876 человек да в первые месяцы 1938 года — еще 250. Всего некомплект политсостава на 1 января 1938 года составил 10525 человек, или почти 30 процентов штатной численности.

Воодушевленный доверием Мехлис сразу же взялся за чистку аппарата ПУ и политсостава в главных и центральных управлениях Наркомата обороны, в военных округах, в военно-учебных заведениях, за подбор и расстановку «своих» кадров. Задача — физически устранить всех до единого «шпионов и диверсантов» — была главной, понятной, привычной.

В числе первых документов, которые он подписал в новой должности, стала директива от 14 января 1938 года об участниках так называемой белорусско-толмачевской группировки. До того она называлась по-иному — «внутрипартийной оппозицией 1928 года». Такой политический ярлык тогдашний начальник ПУ А.С. Бубнов приклеил части политсостава Белорусского военного округа и коммунистам Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева за попытку предложить меры по расширению демократических начал в военном строительстве.

Так вот спустя десятилетие Мехлис обязал начальников политуправлений округов, флотов, армий, военных комиссаров и начальников политотделов соединений, военных академий и училищ выявить всех участников этой «группировки» и внести соответствующую запись в их учетные карточки коммунистов. Справка об этом в обязательном порядке представлялась в отдел руководящих партийных органов (ОРПО) Политуправления РККА.

Из сетей не должен был выскользнуть ни один оппозиционер, даже если он уже уволился в запас. Лев Захарович внимательно следил, как выполняется его указание. Через месяц в адрес тех же должностных лиц он дал грозную телеграмму: «Выясняется, что многие руководящие работники не знакомы с директивой ПУ РККА от 14 января... Считаю это ненормальным и обязываю вас ознакомить с этой директивой всех коммунистов РККА».

«Толмачевцы» стали для него личными врагами. Он устроил за ними подлинную охоту. В июле 1938 года, находясь на Дальнем Востоке, он шлет следующую шифровку в Москву своему заместителю: «Назначьте комиссию для обследования и изучения преподавательских кадров Академии Ленина. Если сохранились участники толмачевской группировки, изъять до последнего».

Щупальца этого всепроникающего спрута хватали людей и потом, на протяжении нескольких десятилетий. В 1962 году группа бывших политработников, выпускников Военно-политической академии, а к тому времени уже пенсионеров, обратилась в Главное политическое управление СА и ВМФ с просьбой исключить из их учетных карточек членов КПСС запись об участии в белорусско-толмачевской группировке, законным образом называя ее фабрикацию «результатом господства культа личности» и произвола Мехлиса. В связи с этим они предлагали провести партийное расследование деятельности бывшего начальника ПУ РККА и опубликовать подлинную историю «группировки».

Ветераны поверили, что расставание с прошлым, провозглашенное на XX и XXII съездах партии, действительно может состояться. Партийная верхушка, однако, думала иначе. Априори считая постановления ЦК 1929 года, квалифицировавшие белорусско-толмачевскую группировку как внутрипартийную оппозицию, верными, начальник ГлавПУ генерал армии А.А. Епишев в докладе в ЦК КПСС оснований для изъятия из учетных карточек соответствующей записи не увидел. «Производить в связи с этим вопросом партийное расследование виновности бывшего начальника ПУРа Мехлиса также оснований нет», — заключал Епишев[1].

Справедливость восторжествовала, правда, для абсолютного большинства «оппозиционеров», увы, посмертно, лишь еще через тридцать лет. Только в мае 1990 года комиссия Политбюро ЦК по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30—50-х годов, признала белорусско-толмачевскую группировку грубой фабрикацией ближайшего сталинского окружения.

Но «толмачевцы» вовсе не были единственным противником для Мехлиса. В таком случае все оказалось бы слишком простым. Нет, фантазия опьяневших от крови инквизиторов простиралась намно-

---

[1] АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 26, л. 176.

го дальше. «Особенности работы вредителей в Красной Армии сказались в том, — заявил начальник ПУ на Всеармейском совещании политработников, — что здесь орудовало много различных, обособленных шпионских групп. Они действовали по принципу — "врозь идти, вместе бить". Каждая группа держала камень за пазухой против другой. Но всех их объединяло одно — ненависть к нашей большевистской партии, к рабочему классу и к делу социализма»[1].

Докладчик с энтузиазмом развернул свою мысль. Расстрелянных к этому времени М.Н. Тухачевского (бывшего первого заместителя наркома обороны) и И.П. Уборевича (бывшего командующего войсками Белорусского военного округа) он назвал состоявшими на службе германской разведки и причислил к «шпионской ветви вредителей», связанных с так называемым Общевоинским союзом — белогвардейской эмигрантской организацией. Покончившего с собой Я.Б. Гамарника (бывшего начальника ПУ РККА) и расстрелянного И.Э. Якира (бывшего командующего войсками Уральского военного округа) характеризовал как «кадровых, матерых троцкистов, продавшихся японской разведке». С.П. Урицкий (бывший начальник Разведуправления Генерального штаба), по его оценке, — «штатный французский шпион, с большим стажем предательской работы», И.П. Белов (бывший командующий Белорусским военным округом, он сменил Уборевича) — «старый эсер», А.С. Булин (бывший заместитель начальника ПУ РККА) — «старый углановец». Немало оказалось в Красной Армии, нагнетал страсти докладчик, всяких меньшевистских и буржуазно-националистических группировок. В ПУ РККА сидели «правотроцкистские шпионы».

Удивительно, как это Лев Захарович, да и его хозяин, не путались во всяких оттенках взглядов своих противников (один «право-"левацкий" уклон» чего стоит!). Впрочем, это их не беспокоило. Похоже, навешивались первые попавшиеся ярлыки, и чем хлестче и абсурднее звучали они, тем лучше.

Разоблачить врагов можно было намного раньше, говорил Мехлис, но в ПУ засело немало «болотных элементов и примиренцев», потому-де «вся тяжесть работы» легла на плечи чекистов. Хороши примиренцы, когда, по его собственному признанию, к этому времени было арестовано уже более 1100 политработников, то есть около

[1] АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 22, л. 136об.

5 процентов всего политсостава! «Цифра не столь уж значительная, как любят рисовать отдельные паникеры», — демонстрировал завидное хладнокровие докладчик.

Отдавая должное чекистам, он при этом не собирался и сам оставаться в стороне. Чистку начал с аппарата Политуправления. Самым запущенным считал при этом отдел кадров. Менее 10 дней продержался на должности начальник этого отдела бригадный комиссар М.Р. Кравченко. А еще через месяц был арестован. Оказался, по утверждению Мехлиса, «булинской дубинкой», «участником заговора», переведен бывшим заместителем начальника ПУ Булиным из Белоруссии, чтобы продвигать к руководству «толмачевцев». Начальником отдела кадров был назначен состоявший в запасе РККА секретарь Пролетарского райкома партии Москвы Ф.Ф. Кузнецов, уже к концу года ставший заместителем Мехлиса.

Следующей жертвой кампании против врагов народа в Политуправлении РККА стал секретарь партийной организации Н.Я. Котов. Его тоже убрали с должности в первые же дни работы нового начальника ПУ, вменив ему в вину то, что он скрыл материалы, уличавшие Булина в правотроцкистских выступлениях в 1928 году.

Сокрушительный удар был нанесен по политуправлениям военных округов. В Закавказском военном округе бывший начальник ПУ бригадный комиссар К.Г. Раздольский, по словам Мехлиса, «в порядке показной бдительности» уволил свыше 700 человек, а на поверку «оказался» участником белорусско-толмачевской группировки, сподвижником Гамарника, Якира. Был по инициативе начальника ПУ РККА снят с должности, уволен из армии, арестован. В Сибирском военном округе были репрессированы «матерые шпионы» — начальник политуправления округа батальонный комиссар И.Д. Павлов, член военного совета дивизионный комиссар Н.А. Юнг, в Забайкальском военном округе — заместитель начальника политуправления округа дивизионный комиссар Г.Ф. Невраев, военный комиссар Особого корпуса в МНР корпусной комиссар А.П. Прокофьев. В Приволжском военном округе был арестован и отбыл немалый срок под стражей бывший начальник политуправления «правотроцкистский шпион» бригадный комиссар Н.Д. Черемин. Мехлис утверждал также, что не лучшей оказалась ситуация в Белорусском, Северо-Кавказском, Среднеазиатском и других военных округах.

Воистину нарицательным стало имя начальника ПУ Киевского военного округа дивизионного комиссара И.М. Горностаева. Его на разные, но одинаково негативные лады склоняли участники Всеармейского совещания политработников, оно прозвучало в письме Главного военного совета, принятом на этом совещании. Горностаев характеризовался как активный участник военно-фашистского заговора, проводивший подрывную работу, дезорганизовывавший политаппарат[1]. Финал был обычным для тех дней — увольнение из армии, арест, расстрел.

Политические работники КОВО не были гарантированы от серьезных неприятностей и в дальнейшем. 11 января 1939 года командующий войсками округа С.К. Тимошенко направил Мехлису следующую телеграмму: «Заместитель начальника особого отдела КОВО Шевченко доложил военному совету — показанием Шифреса, бывшего начальника академии (Военно-хозяйственной академии РККА. — *Ю.Р.*), Поляков в 1934—1935 гг. активно участвовал в троцкистской группировке, возглавляемой Славиным. Арестованные бывшие инструктора Пуокра Бойко, Соловьев и Волков... подтверждают свои показания о том, что Поляков укрывал и поддерживал бывших толмачевцев»[2]. Речь здесь идет о бывшем члене Военного совета КОВО, а позднее комиссаре Военно-хозяйственной академии дивизионном комиссаре М.Н. Полякове, входившем в состав Военного совета при наркоме обороны. На него, уже освобожденного к этому времени от всех постов, судя по всему, собирался компромат, дабы придать последующему аресту видимость оснований.

Персональную ответственность за погром кадров на Мехлиса возлагают не только историки. Как установлено КГБ и Генеральной прокуратурой СССР, он принимал самое активное участие в решении вопросов об арестах видных военных работников. Действовал заодно с другими «кадровиками» — начальником управления Наркомата обороны по начсоставу Е.А. Щаденко и заведующим отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г.М. Маленковым. В ходе реабилитации ряда военных деятелей, проходивших по процессу о «военно-фашистском заговоре», были выявлены представления НКВД, направленные на имя наркома Ворошилова, об аресте чле-

---

[1] РГВА, ф. 9, оп. 40, д. 53, л. 68об.

[2] РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 348, л. 150.

нов военных советов ряда военных округов — Н.А. Юнга, К.Г. Сидорова, А.В. Тарутинского, старшего инспектора Политуправления РККА Я.Г. Индриксона, заместителя начальника ПУ СКВО А.М. Битте и других. На этих документах имеются резолюции вышеназванной троицы, выражающей согласие с арестом.

Ищущий очередную жертву взор Мехлиса проникал повсюду. Прибегая к возможностям Особого отдела ГУГБ НКВД СССР, он постоянно «просеивал» не ту, так иную категорию политработников. Так, 23 мая 1938 года он обратился с просьбой проверить в политическом отношении кандидатов в депутаты Верховных Советов союзных республик, выдвинутых военными советами и политуправлениями округов, 11 июня того же года — группу политработников в связи с назначением в ПУ РККА.

Одной из категорий лиц, подлежащих тотальной проверке и чистке, были представители национальностей, имевших государственные образования за пределами СССР. 10 марта 1938 года Маленков поручил Мехлису подготовить списки армейских коммунистов — поляков, немцев, латышей, эстонцев, финнов, литовцев, болгар, греков, корейцев и других. Указание было выполнено, и в июне того же года нарком обороны Ворошилов подписал директиву об увольнении из РККА командиров и политработников этих национальностей и уроженцев заграницы, априори подозреваемых в способности предать социалистические принципы, даже если они отдали их защите всю жизнь.

Увольнение высшего командного состава Красной Армии находилось вне компетенции Мехлиса, вопросы такого рода решались Политбюро ЦК ВКП(б) и наркомом обороны. Но начальник ПУ РККА нашел возможность влиять на ситуацию: в архивах хранится большое число его докладов на имя Сталина и других руководителей, ставящих под сомнение политическую благонадежность многих командиров.

Так, 21 марта 1938 года он бездоказательно доложил Сталину, Ежову и Ворошилову, что «авиация меньше всего очищена от вражеских сил», и просил снять заместителя начальника ВВС Я.В. Смушкевича и двух членов военного совета — ВВС РККА и АОН (армии особого назначения) с должности, а их дело передать в НКВД. Тогда Смушкевичу удалось отвести наветы, но весной 1941 года он был все же арестован и в октябре того же года без суда расстрелян.

А вот Разведывательное управление Генерального штаба не смогло противостоять наветам и подверглось катастрофическому разгрому. За 1937—1938 годы там было арестовано 182 человека. Начальник политотдела этого управления И.И. Ильичев доносил начальнику ПУ РККА: «Вам известно о том, что, по существу, разведки у нас нет... Нет военных атташе в Америке, Японии, Англии, Франции, Италии, Чехословакии, Германии, Финляндии, Иране, Турции, т.е. почти во всех главнейших странах»[1]. На адресата это донесение не произвело ровным счетом никакого впечатления.

20 ноября 1938 года Мехлис, не боясь вступить в конфликт с наркомом обороны Ворошиловым, между прочим — членом Политбюро, через его голову обращается с письмом к Сталину: «В двух записках я докладывал ЦК ВКП(б) и наркому о положении в Разведупре. Там сидит группа сомнительных людей и шпионов. Начальнику политотдела Разведупра я разрешил разобрать в партийном порядке дело Колосова (имеется в виду П.И. Колосов. — *Ю.Р.*) — бывшего секретаря партбюро, связанного с врагами, выводившего их из-под огня... Сейчас тов. Ворошилов распорядился собрание отменить и вопроса не рассматривать. Нарком хочет ликвидировать политотдел, чего делать нельзя. Надо ввести также и комиссара.

С линией наркома в этом вопросе я не согласен. Неправильно также, что собрание отменяется через голову начальника Политуправления РККА... Вообще мне уже пора отвечать хотя бы за кое-что в Наркомате. Я готов отвечать за мою работу. Но я не могу мириться с тем, когда кругом не мало врагов (не только в Разведупре, но и в центральных управлениях), а я нахожусь в роли наблюдателя.

Прошу вызвать меня и дать линию. Наркому я доложил, что вопрос передаю в ЦК ВКП(б)»[2].

Словом, аресты в органах военной разведки продолжались. И это — напомним — в канун Второй мировой войны! В пароксизме шпиономании, в желании любой ценой выслужиться перед Сталиным его бывший помощник, как видим, договорился до того, что руки ему вяжет не кто иной, как нарком обороны. А в общем-то,

---

[1] Цит. по: *Сувениров О.Ф.* РККА накануне... Очерки истории политического воспитания личного состава Красной Армии 1929 г. — июнь 1941 г. М., 1993. С. 202.

[2] АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 22, л. 205.

ход с письмом мог преследовать далеко шедшие расчеты: и себя в глазах вождя показать с выгодной стороны, и наркома, отношения с которым у Льва Захаровича никогда теплыми не были, лишний раз уязвить.

Руке Мехлиса принадлежит масса доносов, касающихся отдельных военных руководителей, в том числе тех, кто в годы Великой Отечественной войны вырос в крупных военачальников.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

На попытки Мехлиса дискредитировать его маршал обратил внимание Хрущева и Микояна в письме от 27 февраля 1964 года: «В 1937—1938 годах меня пытались ошельмовать и приклеить ярлык врага народа. И, как мне было известно, особенно в этом отношении старались бывший член Военного совета Белорусского военного округа Ф.И. Голиков (ныне маршал) и нач[альник] ПУРККА Мехлис, проводивший чистку командно-политического состава Белорусского ВО»[1].

Маршал Советского Союза И.С. Конев.

Донос на него, тогда командира и военкома 37-й стрелковой дивизии, поступил в ЦК ВКП(б) еще в декабре 1937 года. По этому поводу начальник ПУ РККА Смирнов сообщил в ЦК о том, что Конев сомнений не вызывает, работает хорошо. В марте 1938 года Мехлис затребовал это письмо из архива, чтобы использовать для компрометации Смирнова. Занялись и новой проверкой Конева на том основании, что его прикрывал «враг народа». В декабре того же года Мехлис информировал ЦК: «По имеющимся сведениям Конев (к этому времени уже командующий 2-й отдельной Краснознаменной армией. — *Ю.Р.*) скрывает свое кулацкое происхождение, один из его дядей был полицейским»[2].

Маршал Советского Союза В.К. Блюхер.

Буквально сразу же по прибытии в штаб Краснознаменного Дальневосточного фронта, которым Блюхер командовал с 1 июля 1938 года, Мехлис и бывший с ним заместитель наркома внутренних дел М.П. Фриновский вступили в острый конфликт с командующим. При активном участии начальника ПУ РККА было сфабрико-

---

[1] Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001. С. 496

[2] РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 354, л. 265; д. 405, л. 7.

вано «дело» Блюхера, которое рассматривал Главный военный совет РККА 31 августа 1938 года.

К маршалу, очевидно, присматривались давно. Его лояльность вождю проверили, введя вместе с заместителем наркома обороны Я.И. Алкснисом, начальником Генерального штаба РККА Б.М. Шапошниковым, командующими Московским, Белорусским, Ленинградским и Северо-Кавказским военными округами С.М. Буденным, И.П. Беловым, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Кашириным в Специальное судебное присутствие, рассматривавшее дело о «военно-фашистском заговоре» Тухачевского и других. Поистине не было границ сталинскому цинизму: сначала заставить военачальников участвовать в судилище над боевыми товарищами, а потом уничтожить и их самих, обвинив в участии в том же самом заговоре (из членов Специального присутствия остались в живых лишь Шапошников и Буденный).

Наверное, следует ради справедливости отметить, что Василий Константинович действовал на Хасане неудачно. По оценке маршала Конева, «во всяком случае, такую небольшую операцию, как хасанские события, Блюхер провалил». Однако претензии, которые ему предъявили на заседании Главного военного совета, носили, прежде всего, не военный, а политический характер. Командующего Дальневосточным фронтом обвинили в «сознательном пораженчестве», неумении или нежелании «по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа», «двуличии, недисциплинированности и саботировании вооруженного отпора японским войскам». По итогам заседания ГВС РККА Блюхер от должности командующего был отстранен[1]. До ареста ему оставалось чуть более полутора месяцев, до гибели в тюрьме в результате диких истязаний — еще 18 суток.

Генерал армии А.В. Хрулев.

«В конце 1937 г., — вспоминал он, — Мехлис уверял Сталина, что я враг, участник военно-фашистского заговора. Щаденко пытался возражать, но достаточно робко, а затем под влиянием Мехлиса и сам стал сомневаться. В 1938 г. я был близок к аресту». Позднее сам начальник ПУ с неудовольствием говорил, что только заступни-

---

[1] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2—1). М., 1994. С. 60.

чество Сталина и Ворошилова, которые знали Хрулева еще по гражданской войне, спасло его крупных неприятностей[1].

Генерал-лейтенант М.Ф. Лукин.

В 1937 году за «притупление» классовой бдительности он был снят с должности военного коменданта Москвы и направлен заместителем начальника штаба СибВО. Будучи в Новосибирске проездом на Дальний Восток, Мехлис 27 июля 1938 года телеграфировал Щаденко и Кузнецову: «Начштаба Лукин крайне сомнительный человек, путавшийся с врагами, связанный с Якиром. У комбрига Федорова (тогда — начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. — *Ю.Р.*) должно быть достаточно о нем материалов... Не ошибетесь, если уберете немедля Лукина»[2]. Вызванного в Комиссию партийного контроля будущего Героя Советского Союза, командующего армией, спасло лишь вмешательство Ворошилова (к слову, редкий для наркома обороны случай).

Обнаружены также доносы, подписанные Мехлисом, на начальника Разведывательного управления РККА комдива А.Г. Орлова (17.12.1938), члена Военного совета ВВС РККА В.Г. Кольцова (3.03.1938), командующих войсками УрВО Г.П. Софронова (19.04.1938) и СибВО М.А. Антонюка (22.05.1938), заместителя командующего войсками МВО Л.Г. Петровского (26.05.1938), комдивов М.А. Рейтера (21.12.1938), И.Т. Коровникова (21.12.1938) и других. Большинству из них, к сожалению, не удалось доказать свою невиновность, и они пали жертвами репрессий.

Мехлис держался весьма независимо. Он и через голову своего непосредственного начальника наркома Ворошилова мог, как мы видели выше, обратиться к Сталину, а уж с другими руководящими работниками и вовсе не боялся отношения испортить.

Доверием маршала Буденного пользовался командир особого кавалерийского полка Наркомата обороны комбриг К.Г. Калмыков. Член военного совета Московского военного округа дивизионный комиссар А.И. Запорожец по-всякому пытался убрать Калмыкова, заподозренного в связях с «врагами народа», даже проинформиро-

[1] *Хрулев А.В.* Испытание войной // Тыл Вооруженных Сил, 1991, № 11. С. 29; См. также: Новая и новейшая история, 1995, № 2. С. 68—69.

[2] См.: *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. Изд. 2-е, доп. Кн. 1. М., 1990. С. 544.

вал секретаря ЦК А.А. Андреева о необходимости уволить комполка из армии. Но вмешивался командующий округом Буденный, беря подчиненного под защиту. Не добившись желаемого, Запорожец доложил начальнику ПУ РККА. Тот направил целый доклад о положении в особом кавполку и его командире на имя Сталина и Ворошилова, как председателя Главного военного совета[1]. Калмыков «политического доверия не заслуживает», говорилось в нем, однако пользуется поддержкой маршала Буденного.

Лев Захарович, настаивая на отстранении комбрига от должности, по сути, одновременно ставил вопрос и о политической незрелости, если не хуже, его высокого покровителя. Он, таким образом, давал понять: в борьбе с врагами народа для него нет никаких компромиссов, никаких привходящих обстоятельств, вроде соображений субординации или дружеских отношений. Подобные импульсы, посылаемые Сталину, принимались весьма благосклонно, чему есть много подтверждений. И главное из них то, что Мехлису было позволено свирепствовать вплоть до сентября 1940 года, когда даже провалившийся Ворошилов уже был убран с поста наркома.

Поведение начальника ПУ РККА высвечивало его нравственную ущербность, склонность к фарисейству и интриганству. Расправившись с десятками и сотнями по-настоящему преданных государству и народу коммунистов-руководителей, он без тени малейшего смущения заявил с трибуны XVIII съезда ВКП(б): «Всем нам, армейским большевикам, пора по-сталински относиться к судьбе члена партии, не допускать исключения человека по шепоткам в закоулках, а действовать только на основе документов и фактов»[2].

Расправы над конкретными людьми сопровождались массовым «промыванием мозгов». В соответствии с директивой от 26 мая 1938 года в учебные планы военных и военно-политических училищ, курсов, военных академий, дивизионных партийных и комсомольских школ, окружных домов партийного образования вводился специальный курс «О методах борьбы со шпионско-вредительской, диверсионной и террористической деятельностью разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентуры». А каждый

---

[1] РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 351, л. 429—434.

[2] *Мехлис Л.З.* Речь на XVIII съезде ВКП(б) 14 марта 1939 г. М., 1939. С. 11.

судебный процесс над этой самой «агентурой» предварялся и сопровождался шумной пропагандистской кампанией в армейской печати, о чем следовали многочисленные указания начальника ПУ РККА.

Лишь к концу 1938 года наркотический дурман репрессий вроде бы отпустил инквизиторов: на общегосударственном уровне появились первые признаки изменения репрессивной политики. В секретном постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» положительно оценивалась работа органов НКВД по «очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров». В то же время здесь перечислялись «крупнейшие недостатки и извращения» в работе НКВД и прокуратуры — массовые необоснованные аресты, грубое нарушение процессуальных норм и т.п. Правда, все это списывалось на «врагов народа», пробравшихся в органы НКВД. Тем не менее была признана необходимость дальнейшую работу организовать «при помощи совершенных и надежных методов». Постановление запрещало массовые аресты и высылки, ликвидировало судебные «тройки». Через несколько дней с поста наркома внутренних дел был снят Ежов.

На перемены вынужден был реагировать и Мехлис. Когда в конце декабря военком и начальник политотдела Военной академии им. М.В. Фрунзе запросили его разрешение на разбор персонального дела начальника академии комдива Н.А. Веревкина-Рахальского в связи с тем, что тот в 1919—1920 годах служил вместе с арестованным командармом 1-го ранга И.П. Беловым и другими «врагами народа», они получили отказ. Более того, Мехлис бросил упрек бдительным ходатаям: «Нельзя за работу в 1919 г. с Беловым привлекать к ответственности. Если судить по тому, кто с кем работал в 1919—20 гг., то перебьем все кадры. Надо солидно обосновать»[1].

Не поздновато ли стало приходить прозрение? К концу 1938 года Красная Армия была уже в полном смысле слова обезглавлена. Из девяти военных работников (Ворошилов, Гамарник, Якир, Блюхер, Булин, Егоров, Тухачевский, Буденный и Уборевич), избранных в 1934 году XVII съездом ВКП(б) в состав ЦК, семеро были объявлены в 1937—1938 годах врагами народа, участниками «военно-фашистского заговора». Исключения составили Ворошилов и Буден-

---

[1] *Сувениров О.Ф.* РККА накануне. С. 93.

ный, хотя на последнего органы НКВД также сфабриковали показания о принадлежности его к «заговору». Из 36 видных командиров и политработников, избранных на VII Всесоюзном съезде Советов в члены ВЦИК, врагами народа были объявлены 30.

К ноябрю 1938 года из 108 членов Военного совета при наркоме обороны СССР не репрессировали только 10 человек. Из высокопоставленных военных были осуждены также секретарь Совета Союза ЦИК СССР И.С. Уншлихт и секретарь Комитета обороны при Совнаркоме СССР Г.Д. Базилевич. Подверглись репрессиям 22 начальника и 30 ответственных работников управлений Наркомата обороны и Генерального штаба, командующие войсками Московского, Ленинградского, Белорусского, Забайкальского, Закавказского, Северо-Кавказского, Среднеазиатского, Уральского, Харьковского военных округов, Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, восемь начальников военных академий, институтов и школ. Всего за эти два года были арестованы и осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР 408 человек руководящего и начальствующего состава РККА и ВМФ. К высшей мере — расстрелу был приговорен 401 человек, семь — к различным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях[1].

Последствия вопиющих беззаконий самым роковым образом сказались на трагедии Красной Армии летом 1941 года. Да что там — вся война могла быть иной, не столь длительной и кровопролитной. Народ и армия как минимум дважды жестоко заплатили за бешеное властолюбие и диктаторские притязания своих больших и малых вождей: в дни мира и годину войны.

Что касается личной ответственности Мехлиса за уничтожение военных кадров, то нельзя умолчать о существовании и компромиссной точки зрения. Например, бывший главный редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг, хорошо знавший его лично, утверждал, что в пору репрессий начальник ПУ РККА брал некоторых лиц под защиту. В числе таковых он называл не только себя, но и заместителя начальника ПУ Кузнецова. Материалы о связях последнего с «врагами народа», по свидетельству писателя, так и остались похороненными в сейфе Мехлиса[2]. Увы, такие примеры единичны, и не они определяли линию поведения начальника ПУ РККА.

---

[1] Реабилитация. С. 300—302.

[2] *Ортенберг Д.И.* Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995. С. 7.

«ГЛАЗА И УШИ» ПАРТИИ

Подлинная ситуация в Вооруженных силах, складывавшаяся в конце 30-х годов, была очень далека от победных реляций Мехлиса на партийных съездах и пленумах, на форумах армейских политработников. Его излюбленный тезис: Красная Армия, очищаясь от «врагов народа», становится все крепче и боеспособнее — вопиюще контрастировал с реальной действительностью.

Так, по донесению главного военного прокурора о самоубийствах в Красной Армии, их число постоянно росло: с 477 в 1938-м до 684 в 1939-м и 1362 — в 1940 году. Аналогичная динамика наблюдалась и в росте покушений на самоубийства, соответственно: 355, 487, 618. Могут возразить: сравнивать абсолютную статистику без учета роста численности армии, шедшего в эти годы, некорректно. Однако в любом случае в качестве основной причины суицида лишь болезнь стоит выше «боязни ответственности» — такой формулировкой прокурор определил целый комплекс факторов: страх людей перед застенками НКВД, невыносимый моральный гнет от вздорных обвинений в свой адрес, отказ предавать товарищей и доносить на них и т.п.[1]

Невиданно снизился уровень боевой учебы, резко ослабла воинская дисциплина. «Если сравнить подготовку наших кадров перед событиями этих лет, в 1936 году, и после этих событий, в 1939 году, надо сказать, что уровень боевой подготовки войск упал очень сильно, — говорил по этому поводу маршал Г.К. Жуков. — Мало того, что армия, начиная с полков, была в значительной мере обезглавлена, она была еще и разложена этими событиями. Наблюдалось страшное падение дисциплины, дело доходило до самовольных отлучек, до дезертирства. Многие командиры чувствовали себя растерянными, неспособными навести порядок»[2].

Руководящие документы того времени указывали на еще одно свидетельство крайнего морального угнетения военнослужащих — пьянство, которое, как следовало из приказа наркома обороны от 28 декабря 1938 года, «стало настоящим бичом армии».

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 13, л. 97, 99.

[2] Цит. по: *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 348—349.

Это дополнительные факты к имеющимся в литературе многочисленным свидетельствам того, насколько был деморализован личный состав Красной Армии, накрытый идущей «сверху» погромной волной, оказавшийся в тисках дикого произвола органов НКВД, оглушенный истерическими воплями о всепроникновении заговорщиков, шпионов, террористов. Не был исключением и многочисленный отряд политработников. Однако Мехлис, докладывая об этом в ЦК, списывал все на вредительство «врагов народа», которые якобы стояли во главе политорганов и особых отделов и вредили, как только могли. Тем самым под предлогом необходимости очистки армейских рядов от «дохлых кошек» — «ставленников гамарников и булиных» он выдавал и себе, и своим подручным индульгенцию на дальнейшее избиение кадров.

Свою опору Мехлис видел в комиссарах. Последние были введены в штаты воинских частей, соединений и учреждений еще до его прихода в ПУ РККА — 10 мая 1937 года. Появление нового института, так явно напомнившего об обстановке чрезвычайности периода Гражданской войны, не случайно совпало с началом «большого террора». Эти события были, безусловно, синхронизированы.

Сталина и его окружение, видимо, мало трогало, что введение этого института подрывало, если не ликвидировало, установившееся с таким трудом единоначалие в РККА. Гораздо больше их волновало, насколько быстро и надежно можно будет с помощью комиссаров сделать из красных командиров покорных «овечек», бессловесных исполнителей верховной воли.

В связи с этим характерна публичная одобрительная оценка, данная им на совещании политработников в марте 1938 года поведению одного из комиссаров: «В Московском округе был такой разговор. Было сказано, что я — мол, комкор, а ты дивизионный комиссар; это было сказано с тем, чтобы комиссар не забывал о высоком звании командира, а тот ответил, что мне на это начхать, что он является членом Военного совета и что он одновременно является комиссаром, — вот вам ответ настоящего комиссара».

На этой почве Мехлис даже пошел на конфликт с заместителем наркома обороны начальником управления по начсоставу РККА армейским комиссаром 2-го ранга Щаденко. Последний был одним из наиболее активных проводников репрессивной политики, но и его обеспокоили масштабы арестов и увольнений командиров раз-

личных степеней. Отталкиваясь от решений январского пленума ЦК ВКП(б) 1938 года «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков», он дал указание военным советам округов, начальникам центральных управлений НКО и начальникам военных академий пересмотреть все представления на увольнение комначсостава, всесторонне проверив основательность имеющегося порочащего материала. Представлять к увольнению следовало только после подтверждения компрометирующих данных. Необоснованно уволенных предписывалось вернуть в РККА. Отдельным пунктом директива требовала «изъять из личных дел восстановленных в РККА не подтвердившиеся компрометирующие их материалы (характеристики, досрочные аттестации и т.п.). То же сделать и в отношении комначсостава, представленного, но не подлежащего увольнению в силу неосновательности мотивов»[1].

Мехлис не только оставил на документе помету: «Считаю этот пункт неправильным», но и оспорил его. В письме в ЦК ВКП(б) и на имя наркома обороны он высказал пожелание «немедленно отменить этот явно враждебный приказ тов. Щаденко». Требование при рассмотрении дел посылать ответственных работников на места для расследования и обязательно вызывать увольняемых для личной беседы он квалифицировал как «недопустимую затяжку и волокиту при разборе дел». А изъятие из личных дел всех не получивших подтверждения компрометирующих материалов назвал тормозом в деле избавления Красной Армии от врагов: «Такой очисткой личных дел создается полная безответственность в изучении людей и условия для укрывательства врагов».

Не сумев настоять на своем, начальник ПУ РККА на практике саботировал приказ Щаденко и требовал этого же от подчиненных. «По линии политработников я не позволю изымать материалы из личных дел», — заявил он на упомянутом выше Всеармейском совещании политработников. Там же он во всеуслышание назвал «дурацкой вещью» еще одну директиву Щаденко, направленную командующим войсками округов и требовавшую прислать в управ-

---

[1] Репрессии в Красной Армии (30-е годы). Сборник документов из фондов РГВА. Наполи, 1996. С. 292.

ление по начсоставу РККА партполитхарактеристики и служебные отзывы на командиров от капитана до комбрига для их изучения и выдвижения. Эту директиву он расценил как непозволительное командование партийными организациями.

Таким образом, начальник ПУ и заместитель наркома обороны публично призывал командно-начальствующий состав не выполнять приказы старшего начальника, такого же, как он, заместителя наркома. Трудно найти более убедительный пример того, насколько серьезную опасность несла такая линия поведения принципам единоначалия, интересам укрепления воинского порядка и дисциплины. И дело здесь, как может показаться, не только в личности самого Мехлиса. Вмешательство военкомов в оперативную деятельность командиров, гласный и негласный надзор за ними были обычной, общераспространенной практикой, подрывавшей авторитет командира, начальника, расшатывавшей устои воинской службы.

На Всеармейском совещании политработников в апреле 1938 года Мехлис, назвав комиссаров «именинниками» этого совещания, напомнил им слова Сталина о том, что «комиссар — глаза и уши партии и правительства». Между тем, заметил докладчик, многие из них до сих пор чувствуют себя на положении помполитов (то есть помощников командиров по политической части). С таким положением свыклись сами новоиспеченные комиссары, оно устраивает и командиров. С этим теперь должно быть покончено, торжественно провозгласил начальник ПУ. Поскольку военный комиссар есть представитель партии и советской власти в части, то «вы обязаны по делам проверять и судить о всех политических и командных работниках, в том числе и о командире».

Командный состав, таким образом, ставился под контроль комиссаров, гласный и негласный. В Политуправлении РККА в составе отдела руководящих партийных органов было создано отделение по изучению политико-морального состояния командиров и начальствующего состава, где аккумулировалась вся негативная информация об этой категории руководителей. Совершенно секретной директивой начальникам политуправлений округов, армий, комиссарам и начальникам политорганов соединений, частей и учебных заведений от 17 апреля 1938 года Мехлис предписал два раза в год (к 1 июня и 1 декабря) представлять ему подробные политические характеристики на командиров частей и соединений, начиная с полка

и выше. Категорически требовалось обеспечить строжайший режим секретности — характеристики писать от руки, копий не оставлять и даже не ставить в известность свое непосредственное руководство. Мехлис особо обратил внимание: «Политхарактеристики представляются комиссарами дивизий, бригад и корпусов непосредственно (подчеркнуто Мехлисом. — *Ю.Р.*) в Политуправление на мое имя без предоставления их в округ».

Соответственно функциям подбирались и их исполнители. Надо ли удивляться после этого, что комиссары в своем большинстве не только не сумели защитить своих командиров от репрессий. Более того, многие из них инициировали позорные разбирательства и возглавляли борьбу с пресловутыми «врагами народа».

Вот один из таких ревностных деятелей — комиссар 11-й кавалерийской дивизии ЛВО полковой комиссар Д.Г. Кулаков. В письме Сталину он похвалялся, что только в течение июня — августа 1937 года направил военному совету округа представления на 40 человек «политически неблагонадежного комначсостава частей дивизии». «Из всех этих уволенных значительная часть арестована органами НКВД», — посчитал необходимым подчеркнуть Кулаков. И тем не менее даже его уволили из армии, причем, что особенно возмутило полкового комиссара, «за противодействие мерам по разоблачению “врагов народа”».

Бывшему военкому отдельного строительного батальона В.К. Смирнову тоже было чем похвалиться любимому вождю: «Но я без хвастовства говорю, что я в течение двух лет давал достаточно сигналов о наличии вредительства, но это доходило до осиного гнезда вредителей, шпионов, засевших в политуправлении ОКВДА»[1].

Сколько было таких кулаковых и смирновых, которым в условиях тотального погрома совершенно развязали руки! На них, кстати, потом нередко и возлагали ответственность за репрессии, после чего выбрасывали, словно использованную ветошь.

То, что исследователи смогли в полный голос сказать лишь в наши дни, хорошо было видно наиболее проницательным наблюдателям и в те годы. Троцкий, говоря о последствиях введения в Красной Армии института военных комиссаров и вспоминая, в связи с этим, о военных советах и комиссарах, введенных в годы

[1] РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 357, л. 301, 312.

Гражданской войны, писал: «Исторический фильм развертывается в обратном порядке, и то, что было прогрессивной мерой революции, возвращается в качестве отвратительной и термидорианской карикатуры... Во главе армии стоит Ворошилов, народный комиссар, маршал, кавалер орденов и прочая, и прочая. Но фактическая власть сосредоточена у Мехлиса, который, по непосредственным инструкциям Сталина, переворачивает армию вверх дном. То же происходит в каждом военном округе, в любой дивизии, в каждом полку. Везде сидит свой Мехлис, агент Сталина и Ежова, и насаждает «бдительность» вместо знания, порядка и дисциплины. Все отношения в армии получили зыбкий, шаткий, плавучий характер. Никто не знает, где кончается патриотизм, где начинается измена. Никто не уверен, что можно, чего нельзя... Все выжидают и тревожно озираются по сторонам. У честных работников опускаются руки... Устои армии расшатываются... Действительные виновники прикрываются доносами на вредителей. Среди командиров усиливается пьянство, комиссары соперничают с ними и в этом отношении. Прикрытый полицейским деспотизмом режим анархии подрывает ныне все стороны советской жизни; но особенно гибелен он в армии...»

Даже если эти резкие оценки были продиктованы ненавистью Троцкого к Сталину, кто может сказать, что они не отражали истинной картины?

По собственному признанию Льва Захаровича, к моменту его прихода в ПУ РККА положение с кадрами политсостава было «крайне сложным». В некомплекте было 10 525 человек, или 29,8 процента от их штатной численности, в том числе высшего политсостава — 51 процент, старшего — 45,8. Чуть забегая вперед, скажем, что этот некомплект он своими руками сделал еще больше: в 1938 году дополнительно было уволено из армии еще 3176 политработников, прежде всего по трем причинам — в связи с арестом, в связи с их участием в прошлом в различных антипартийных группировках, а также «в порядке очистки» от лиц «подозрительных» национальностей — поляков, немцев, китайцев и т.п.

Проблему некомплекта усугубляло такое специфическое явление того времени, как «вридство» — временное исполнение должности. О масштабах этого крайне негативного явления дает представление доклад Мехлису 8 мая 1938 года начальника отдела ПУ РККА дивизионного комиссара А.Н. Храменко: в Военной академии им.

М.В. Фрунзе «все кругом вриды: начальник и комиссар академии, весь состав политотдела, все комиссары факультетов, все начальники кафедр, весь состав работников учебного отдела, все начальники курсов»[1]. Подобная картина отнюдь не была редкостью.

«Страшной армейской болезнью» назвал ее сам Мехлис, вынужденный признать, что «вридов больше, чем утвержденных людей», умалчивая, правда, об истинных причинах этого явления. А коренилось оно, прежде всего, в страхе тех начальников, от которых зависело утверждение на ту или иную должность, ошибиться, назначить потенциального «врага». Основания для страха были самые что ни на есть обширные, ибо, если исходить из иррациональной логики устроителей репрессий, «замазаны» были все: кто-то с кем-то из уже выявленных «врагов» или тех, кто будет выявлен позднее, вместе служил, с кем-то встречался на учениях, сборах, партийных мероприятиях, даже ехал в одном вагоне поезда (инкриминировалось, случалось, и такое). Поэтому должностные лица всеми силами уклонялись от принятия самостоятельных решений при назначении на должности.

Кто же, по мнению начальника ПУ, должен был заполнить зияющую кадровую брешь? Для начала прибегли к инъекции извне. 9 января 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) поручило Мехлису и возглавлявшему в ЦК партии отдел руководящих партийных органов Маленкову в трехдневный срок отобрать 100 выпускников вузов и Института красной профессуры для назначения армейскими политработниками. Неоднократные мобилизации ЦК на партполитработу в армию и в дальнейшем оставались одним из путей ликвидации кадрового некомплекта. В 1938 году таким путем было призвано 258 человек, а в следующем — уже 5500 гражданских коммунистов. Но к чему это приводило? Многие, как докладывал Лев Захарович в ЦК ВКП(б), тяготились своей работой в армии, являлись «носителями низкой дисциплины».

Основным источником кандидатов на заполнение вакансий должны были стать все же армейские ряды. «Политорганы, — предписывал в связи с этим Мехлис начальникам политуправлений военных округов и армий 14 января 1938 года, — должны неустанно работать над выращиванием подлинно большевистских политработ-

---

[1] РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 351, л. 248.

ников сталинской закалки, способных неуклонно повышать большевизацию политаппарата РККА и беспощадно бороться со всеми врагами народа, до конца и без остатка ликвидировать последствия вредительства в рядах РККА». Чтобы ни у кого не возникало сомнений, что именно такие качества поощряются руководством, он в этой же директиве дал указание представить политработников, «показавших себя подлинными вожаками масс, стойкими в борьбе с троцкистско-бухаринскими и буржуазно-националистическими шпионами и диверсантами», в соответствии с решением ЦК партии и в связи с 20-летием РККА и ВМФ, к внеочередному повышению в воинском звании.

Собственно армейские кадры оказались, однако, настолько ослабленными, что дать солидную прибавку кандидатов на выдвижение в ограниченное время не могли. Правда, это если придерживаться установленного и испытанного порядка формирования командно-политического состава, постепенного выращивания кадров в соответствии с опытом и уровнем подготовки. Но Мехлис, сам выдвинутый на свой пост по произволу вождя, не опускался до «каких-то» элементарных норм, руководствуясь известным лозунгом, что у нас, если надо, «героем становится любой». И произвольно, аврально, без учета уровня подготовки прибегал к массовому выдвижению.

На самом-то деле, бодрился он, выступая перед участниками Всеармейского совещания, Красная Армия, как никто, богата кадрами. А посему «некомплекта политсостава в армии нет, есть некомплект в работе Политуправления РККА и в работе Военных Советов округов и Пуокров». Надо, мол, лишь «иметь смелость выдвигать молодых талантливых людей». И выдвигали: политруки становились полковыми комиссарами, начальниками политотделов дивизий, военкомами бригад и дивизий.

В основу подобной кадровой политики клался не уровень профессиональной компетентности, а политическая благонадежность, абсолютная лояльность к правящему режиму. Цену таким выдвижениям без скидок показала война с Финляндией.

Да и заклинания, откровенно говоря, помогали слабо. Прошел год, а проблема «вридства» по-прежнему оставалась в повестке дня. «Не позднее 10 февраля 1939 г. ликвидировать вридство среди политработников номенклатур Военных Советов округов. К этому же сроку полностью оформить материал на всех... политработников

номенклатуры Политуправления РККА», — вынужден вновь телеграфировать начальник ПУ в военные округа.

Пытаясь решить проблему, он даже пошел на формальный конфликт с наркомом обороны, предложив взять 50—60 слушателей Военно-политической академии (а это в основном были политруки и старшие политруки), чтобы назначить их сразу военными комиссарами и начальниками политотделов дивизий и корпусов, то есть через три-четыре ступени. Но тут даже обычно податливый Ворошилов возразил, резонно полагая, что людям надо дать возможность хотя бы завершить учебу. Натолкнувшись на сопротивление, Лев Захарович обращается напрямую к Сталину, Андрееву и Жданову (копия — Ворошилову). Он доказывает: обстановка с кадрами высшего политсостава остается напряженной, в военных округах есть 227 вакансий на должности комиссаров и начальников политорганов дивизий и корпусов. Выход один — тот, что предлагает он[1].

Чтобы ликвидировать некомплект в среднем звене политработников, у Мехлиса был тот же рецепт — массовое выдвижение. 20 января 1938 года он обратился к Сталину, Кагановичу и другим секретарям ЦК за разрешением привлекать наиболее проверенных и грамотных красноармейцев и младших командиров в качестве заместителей и помощников политруков (таковых, по мнению начальника ПУ РККА, насчитывалось не менее 15—20 тысяч человек). И такое разрешение было получено. Кроме того, решением Политбюро из числа увольняющихся в запас было разрешено оставить в кадрах РККА 5 тысяч заместителей политруков. Тех из них, кто был кандидатом в члены партии, разрешалось допускать к исполнению обязанностей младших политруков.

Для политического натаскивания этого контингента с 1 октября в округах организовывались 6-месячные курсы. В связи с ростом численности Красной Армии политработников среднего звена требовалось все больше, так что в следующем, 1939 году, на этих курсах было подготовлено уже почти 9 тысяч заместителей младших политруков. Готовили наспех, по облегченной программе. В июле 1940 года в ПУ вынуждены были констатировать, что «6-месячный срок обучения не обеспечивает подготовки полноценного в политическом и военном отношении политработника». В связи с этим

[1] АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 8, л. 135—138.

срок обучения продлевался до 1 года, и курсы переводились на типовой учебный план и программы окружных военно-политических училищ. И как-то забылось, что в свое время на Всеармейском совещании комсомольских организаций РККА в мае 1938 года Мехлис высокопарно назвал привлечение красноармейцев и младших командиров к политработе «сталинским призывом», «поистине историческим для судеб политработы в РККА». Иного результата авральные меры дать просто не могли.

На ликвидацию некомплекта политсостава и «вридства» с 1938 года были брошены все силы — окружные военные училища, годичные курсы по переподготовке военных комиссаров, пропагандистов и газетных работников при военно-политических училищах центрального подчинения — им. Ленина, им. Энгельса и им. Фрунзе, преобразованные из 6-месячных в годичные Высшие курсы усовершенствования политсостава РККА. Небольшую часть ранее уволенных из Вооруженных сил вернули в армейские ряды (в 1938—1940 годах — 386 человек). На военную политработу шли тысячи коммунистов с «гражданки».

Военным советам и начальникам политуправлений военных округов и армий под строжайшую ответственность было предписано не позднее 25 октября 1938 года заполнить все вакансии и за счет внутренних ресурсов сформировать резерв политработников всех уровней — от политруков до комиссаров и начальников политотделов соединений.

Но не может в одночасье подняться вырубленный лес. В июне 1939 года Мехлис направляет тем же адресатам директиву, в которой отмечает, что его указание о создании резерва политработников в округах и соединениях не выполнено. Каждому военному округу под личную ответственность начальников политуправлений округов, армий были установлены контрольные цифры резервистов — военных комиссаров и начальников политотделов соединений, военкомов полков и отдельных батальонов. Тем не менее до самого ухода Мехлиса из ПУ РККА эту проблему решить в полном объеме не удалось. Как докладывал он в ЦК партии, из некомплекта, составившего за 1938—1940 годы 45 459 должностей политсостава, около 4 тысяч к маю 1940-го оставались вакантными (при этом автор доклада пошел на подлог: некомплект составил не указанные им шесть процентов, а не менее девяти).

Кадровая работа шла на соответствующем идеологическом фоне. С уст начальника ПУ РККА не сходили бесконечные сентенции об опасности «врагов народа» всех мастей, о необходимости довести до каждого красноармейца положения закона о каре за измену Родине, об опасности идейного примиренчества и притупления классовой бдительности. Выявление враждебных происков шло неустанно.

Так, 19 апреля 1938 года своим приказом Мехлис уволил из армии и предал суду исполняющего должность начальника школы партактива 14-й мехбригады старшего политрука Т.К. Беспалова. Причина — выступил с «провокационной» речью на собрании беспартийных учителей, «клеветнически» осветил положение в СССР. В свою очередь, начальник политотдела бригады и исполняющий должность военкома 5-го мехкорпуса были наказаны за «недонесение».

«Политическую беспечность» допустили комиссар 3-й танковой бригады полковой комиссар Долгов, начальник политотдела батальонный комиссар Федосеев и политрук Власкин. Приказ Мехлиса дает «впечатляющую» картину происшедшего: кто-то проколол висевший в парткабинете бригады плакат «Кадры решают все». Характер проколов не оставлял сомнений, что налицо «вылазка врага нашей партии и советской власти». Долгов же и Федосеев вместо острого реагирования поступили «по-кабинетному» — они просто сняли этот плакат, а Властин сжег его, «затруднив тем самым работу следственных органов».

На естественный вопрос сегодняшнего читателя, неужели ради такого случая нужно было издавать приказ по Красной Армии и разве не было у начальника Политуправления более серьезных дел, ответ есть. Антисоветчина, вражеские происки, что называется, высасывались из пальца, дабы поддерживать обстановку чрезвычайщины, атмосферу тотального страха и доносительства.

С осени 1938 года делать это Мехлису стало полегче — вышел в свет «Краткий курс» истории ВКП(б). И сразу на места полетели директивы положить его в основу всей работы по идейно-политическому воспитанию всех категорий военнослужащих. В пользу нового учебного курса по указанию начальника ПУ РККА решительно перераспределялось учебное время. В военных училищах на изучение истории СССР отводилось 100 часов, тогда как на историю ВКП(б) — тот же «Краткий курс» — 220 да

плюс еще 30 часов на учебную дисциплину «О методах борьбы с шпионско-вредительской, диверсионной и террористической деятельностью...» (что было, в сущности, одно и то же).

Устанавливался выпускной экзамен по истории ВКП(б). Счет, таким образом, оказался, как минимум, 2,5: 1 не в пользу истории Отечества, при том, что и этот курс был насквозь идеологизирован. А директивой от 29 ноября 1939 года курс истории СССР и вовсе был упразднен. Все 280 часов учебного времени, отводимые на социально-экономический цикл, поглотили история ВКП(б) — 240 часов и партийно-политическая работа — 40. Кому после этого были неясны акценты, расставляемые большевистской верхушкой и ее верным адептом с четырьмя ромбами в петлице и большой звездой армейского комиссара 1-го ранга на рукаве кителя?

С выходом в свет «Краткого курса» Мехлису вообще стало легче осуществлять задачу, которую для себя он считал важнейшей — насаждение идеологии культа личности Сталина. С первых же дней пребывания его на посту начальника ПУ РККА примеров тому буквально сонм. Немало самых пышных эпитетов в адрес вождя прозвучало из уст Мехлиса на апрельском совещании политработников РККА, на XVIII съезде ВКП(б). Сам за себя говорит и пафос его доклада об итогах съезда на собрании партактива Киевского особого военного округа, растиражированного 6 апреля 1939 года «Правдой»: «Сталин — это Ленин сегодня. Сталин — наше знамя. Сталин — победа. Сталин — мировая коммуна. Хай живе рідний Сталін!»

В связи с этим особый интерес представляют обстоятельства, при которых появился знаменитый лозунг «За Родину! За Сталина!». В периодической литературе даже возникал спор, существовал ли такой лозунг или клич, шли ли с ним в бой в Великую Отечественную? Как установил О.Ф. Сувениров, Мехлис, начиная с хасанских событий, а затем и во время боев на Халхин-Голе, на Карельском перешейке всеми доступными ему способами добивался, чтобы этот лозунг был главным призывом для политработников, командиров, красноармейцев[1].

Надо ли при этом говорить, что безудержное восхваление «отца народов» и его политики в пропаганде сопровождалось абсолют-

---

[1] *Сувениров О.Ф.* РККА накануне. С. 31.

ным замалчиванием колоссальных жертв, принесенных народом на алтарь сталинской деспотии.

Завидную способность к словесной и смысловой эквилибристике проявил Мехлис, когда потребовалось объяснить стране и армии резкий поворот во внешней политике и причину заключения договора о дружбе с еще вчера заклятым врагом — фашистской Германией. Договор устранил угрозу войны с Германией, демонстрирует «блестящую победу сталинской внешней политики» — ориентировал начальник ПУ руководство политуправлений округов и армий. В работе с личным составом он требовал обязательно раскритиковать англо-французскую «провокационную» политику, разъяснять, что советско-германский пакт «полностью [себя] оправдал... Он устраняет возможные военные столкновения в Европе...»

Правда, позднее, летом 1940 года, советские руководители несколько опомнились. Сталин дал указание Мехлису негласно, на политических занятиях подогревать недоверие к немцам. И все равно, чтобы преодолеть инерцию мышления масс, требовались немалые пропагандистские ухищрения.

Крайнее фарисейство начальника ПУ РККА ярко проявлялось и в отношении армейской партийной организации. Система была сработана так, что член партии оказывался в эти годы как бы под перекрестным огнем: неукоснительно действовал приказ Ворошилова, в соответствии с которым все военнослужащие, исключенные из ВКП(б) по политическим мотивам, подлежали немедленному увольнению из рядов РККА. В большинстве случаев это сопровождалось и арестом.

Выступая на Всеармейском совещании, Мехлис говорил буквально следующее: «Привлечение к ответственности и исключения из партии нарастали в 1937 г. (было исключено более 11 тысяч человек. — *Ю.Р.*) из месяца в месяц, в геометрической прогрессии... Если бы ЦК ВКП(б) не приостановил бы эту преступную вакханалию, мы перебили бы всю парторганизацию РККА» (подчеркнуто Мехлисом. — *Ю.Р.*). Напрашивается вопрос: кто виноват в этой вакханалии? Разве не ворошиловы и мехлисы, торопившиеся услужить вождю, искореняя даже тень инакомыслия? Оказывается, нет. По словам докладчика, здесь основательно поработали «крикуны, перестраховщики, враги», которым выгодно ослабление рядов партии.

Ладно, пусть так. Но тогда после таких филиппик в адрес разоблаченных «врагов» следовало ожидать, что массовые исключения из партии прекратятся, «охота на ведьм» стихнет. Ничуть не бывало: погром продолжался с прежней силой, пойдя на спад лишь к концу года. Всего в 1938 году было исключено из партии 7753 человек, причем две трети — как «враги народа» и за связь с «врагами». Немало изгонялось из партии и в последующем, при этом удар наносился в первую очередь по начсоставу, что еще более ослабляло готовность Красной Армии к будущей войне.

Разумеется, верхушка ВКП(б) для упрочения своей власти нуждалась в массовой партии. На место коммунистов со стажем, проверенных в боях еще Гражданской войны и послевоенного строительства, приходила неискушенная в политике и уже оболваненная официальной пропагандой молодежь, которой было значительно сложнее увидеть в лице Сталина и его окружения могильщиков революции.

Если говорить о Мехлисе, то он с большим успехом обеспечил резкий приток новых сил в армейскую парторганизацию. Менее чем за два с половиной года (с января 1938-го по май 1940 года) число коммунистов в РККА выросло почти в 3,5 раза — почти до 211 тысяч членов и 224 тысяч кандидатов в члены партии. Особенный рост, докладывал начальник ПУ в ЦК, дало участие Красной Армии в боевых действиях на Хасане, Халхин-Голе, в походе в Западную Украину и Западную Белоруссию, в войне с Финляндией.

Какая гримаса судьбы! Большинство людей по зову души рвались в «первые ряды» строителей нового общества, искренно веруя в «царство свободы», но на деле лишь цементировали своим порывом утвердившийся в стране тоталитаризм. А Мехлис, как и вся верхушка, беззастенчиво эксплуатировали энтузиазм людей, намертво привязывая их партийной дисциплиной к сталинской колеснице.

На место коммунистов со стажем, проверенных в боях гражданской войны и послевоенном строительстве, приходила неискушенная в политике молодежь, манипулировать которой было значительно проще. «Армейская парторганизация молода и по возрасту, — докладывал Мехлис в ЦК ВКП(б) в мае 1940 года. — Коммунисты в возрасте до 30 составляют 66,1 %, от 30 до 40 лет — 38,5 % и старше 40 лет — всего лишь 3,4 %». Принятых в партию до 1920 года насчитывалось всего 4,4 %, получившие же партбилеты в послед-

ние два года (1938—1939) составляли более одной трети армейской парторганизации[1]. Это был сознательный курс сталинской политической верхушки на изменение социального и возрастного состава армейской партийной организации, как, впрочем, и партии в целом.

Разъясняя, что понимать под лозунгом «большевизации» Красной Армии, Мехлис на словах предупреждал против механического увеличения численности партийных и комсомольских организаций: «Нужно добиваться качества, по-большевистски воспитывая вновь принятых в партию и комсомол». На деле же, как показывают факты, всеми средствами растворял коммунистов со стажем и твердыми убеждениями в подавляющей массе совершенно неискушенных в политике.

В эти годы была у него и еще одна роль, сродни бериевской. Как зловещему Лаврентию, дабы сыграть на авторитет правящего режима, было позволено вернуть из тюрем и лагерей кое-кого, оказавшегося там вроде бы только из-за вражеской деятельности Ежова, так и Льву Захаровичу разрешили часть военных восстановить в партии. При этом он, зарабатывая авторитет принципиального руководителя, был не прочь поработать на публику, ударить по бюрократам и перестраховщикам.

Вот что услышали от него делегаты XVIII съезда ВКП(б): «Был у нас и такой дикий случай исключения из партии. Уполномоченный особого отдела одного полка заявил комиссару, что он хочет забрать начальника клуба политрука Рыбникова. Комиссар Гашинский шепнул об этом партийной организации, и Рыбников был исключен низовой парторганизацией из партии. Вскоре выяснилось, что Рыбников неплохой большевик и что особисты хотели взять его... к себе на работу. Ошибка была исправлена, но тов. Рыбников порядочно поволновался».

До какой же степени нравственного падения надо было дойти, до какого фарисейства скатиться, подавая такие «дикие» случаи как редкое исключение! А ведь вычищение из партии, увольнение из армии, аресты и беззаконные расправы по вздорным, самым нелепым основаниям были правилом.

---

[1] *Мехлис Л.* О работе Политического управления Красной Армии. Из доклада Политического управления Красной Армии ЦК ВКП(б) 23 мая 1940 г. // Известия ЦК КПСС, 1990, № 3. С. 195.

По части политической мимикрии с нашим героем редко кто мог потягаться. Усердно повторяя пропагандистские клише о развертывании внутрипартийной демократии, он под разными благовидными предлогами ее — и без того куцую — душил как только мог. Центральное партийное бюро, много лет подряд на выборной, общественной основе руководившее партийной работой в Наркомате обороны, начальник ПУ издевательски назвал «центропробкой», которую якобы создали враги народа «как ширму для прикрытия своих темных делишек». Обратившись к секретарю ЦК Андрееву и заведующему отделом ЦК Маленкову, он добился упразднения бюро, а взамен создал подчиненную себе структуру — отдел партийно-политической работы в центральном аппарате Наркомата обороны. При отделе создавалась парткомиссия, тоже непосредственно подчиненная ПУ РККА.

Мехлис добился в ЦК также разрешения изменить порядок привлечения к партийной ответственности командиров и комиссаров полков, бригад, дивизий и равных им соединений. Тут наступление на внутрипартийную демократию шло поэтапно. Вначале, 25 февраля 1938 года, последовала директива во все политорганы, в которой установившаяся практика решения этих вопросов в первичных парторганизациях была признана неправильной. Вопрос о партийности командиров и комиссаров мог быть решен только «с ведома и согласия» ПУ РККА.

28 декабря того же года последовала новая директива, предусмотрительно утвержденная в ЦК. Предшествующая директива (от 25 февраля) «оказалась недостаточной», заявлял Лев Захарович, ибо «отдельные крикуны» имели возможность шельмовать командно-политический состав, который из-за этого не мог «уверенно, не оглядываясь по сторонам, руководить». Посему командиры и комиссары отдельных частей и соединений теперь вовсе выводились из-под партийной «юрисдикции» первичных организаций. Компрометирующий их материал должен был передаваться в вышестоящую партийную инстанцию — парткомиссию бригады, дивизии, армии, военного округа и рассматриваться в присутствии секретаря первичной парторганизации. Вопрос об исключении из партии командира и комиссара полка и выше мог решаться только по специальному разрешению Политуправления РККА.

В мае 1940 года первичные парторганизации были лишены последнего права в отношении состоявших у них на учете коммунистов-

руководителей — давать им характеристики. Делать это мог лишь старший начальник.

Надо ли говорить, что все эти перемены шли под аккомпанемент заклинаний о заботе об авторитете командного и политического состава, хотя в действительности означали наступление на последние островки внутрипартийной демократии. При этом свой произвол мехлисы хотели бы творить без широкой огласки. Лев Захарович еще не успел обжить свой кабинет в Политуправлении, а уже запросил у ЦК разрешения не выполнять решение январского пленума 1938 года об обязательной публикации в печати информации парткомиссий об исключении коммунистов из партии. Мол, «это может быть использовано врагами и способствовать разглашению военных тайн». И своего добился: 5 марта всем начальникам политуправлений округов и армий была отдана соответствующая директива, при этом милостиво разрешалось сообщать о фактах исключения из партии на собраниях в «первичках». Что ж, Мехлис был не чужд показной демократичности.

ОТ МОНГОЛЬСКИХ ПУСТЫНЬ ДО КАРЕЛЬСКИХ СКАЛ

На протяжении всей второй половины 30-х — начала 40-х годов Советский Союз, так или иначе, воевал, не выходя из цепи локальных войн и вооруженных конфликтов на западных и восточных рубежах. Негласное участие в национально-революционной войне в Испании 1936—1939 годов и японо-китайской войне 1937—1939 годов, военный конфликт у озера Хасан (июль — август 1938 года), бои у реки Халхин-Гол (май — август 1939 года), так называемый «освободительный поход» в восточные районы Польши (западные районы Украины и Белоруссии) в сентябре 1939 года, а затем в Бессарабию и Северную Буковину в июне 1940 года, война с Финляндией (1939—1940) — такая цепь событий даже дает некоторым историкам основание считать, что наша страна вступила во Вторую мировую войну задолго до 22 июня 1941 года.

Утвердить или опровергнуть эту точку зрения можно лишь при ясном понимании того, какие цели преследовал Советский Союз, инициируя свое участие в этих событиях или будучи втянутым в них. Убедительного ответа пока нет. Автор настоящей книги, как и некоторые другие исследователи, одно время склонялся к выводу,

что участие СССР в указанных войнах и конфликтах было следствием не только агрессивности некоторых соседей и законного стремления нашей страны обезопасить свои западные и восточные рубежи, но и возрождения во внешней политике концепции мировой социалистической революции, популярной в советских политических и военных кругах в 20-е годы.

Однако более глубокий и всесторонний анализ реальной политики показывает, что, скорее всего, это не так. Сталин, и раньше не очень благоволивший к идее мировой революции, апологетом которой выступал ненавистный ему Троцкий, довольно быстро увидел утопичность ожидания мирового революционного пожара. Давнюю стратегическую цель — сократить фронт капитализма, ликвидировать «капиталистическое окружение» — он с повестки дня не снимал, но перешел к ее решению с совершенно иных позиций. Не интересами и ресурсами Советской страны жертвовать во имя ее разрешения в пользу мирового пролетариата, а, наоборот, отвоевывать у классового противника все новые плацдармы в интересах собственной страны. Если можно так выразиться, Сталин из интернационалиста эволюционировал в русского империалиста.

Будучи до мозга костей прагматиком, в Коммунистическом Интернационале он стал видеть помеху своим планам, тем более, что значительная часть коминтерновских кадров разделяла троцкистские взгляды. Не случайно его мало заботила судьба коммунистических партий в тех странах, где победил фашизм, а коммунисты ряда стран, эмигрировавшие в СССР, как и аппарат Коминтерна, были в своем большинстве репрессированы.

В 30-е годы большевистское руководство в решении своих стратегических задач на международной арене полагалось не на мировую революцию, а на Красную Армию. Пропаганда устами Молотова, Жданова, Щербакова и других политических деятелей усиленно навязывала общественному сознанию мысль о присущей первому социалистическому государству наступательной стратегии сокрушения, о необходимости при благоприятной ситуации взять на себя инициативу наступательных действий «с целью расширения фронта социализма». По существу, под прикрытием лозунга «освобождения» готовились и осуществлялись территориальные приращения за счет сопредельных государств. Даже Сталин не скрывал, что «с точки зрения борьбы сил в мировом масштабе между социализмом

и капитализмом» СССР делает большое дело, поскольку «мы (т.е. Советский Союз. — *Ю.Р.*) расширяем фронт социализма и сокращаем фронт капитализма»[1].

В пропаганду этих идей включился и Мехлис. Заключая свою речь на XVIII съезде партии, он заявил буквально следующее: «Не за горами, товарищи, то время, когда наша армия, интернациональная по господствующей в ней идеологии... поможет рабочим стран-агрессоров освободиться от ига фашизма, от ига капиталистического рабства и ликвидирует капиталистическое окружение, о котором говорил товарищ Сталин»[2]. Может быть, это была оговорка, импульсивное, заранее не согласованное с генеральным секретарем высказывание? Исключено. И не только потому, что оратор никогда бы не решился на столь опрометчивый шаг. Факты говорят сами за себя: не выражай его слова официальную линию сталинского руководства, он был бы неизбежно снят со своего поста, если не хуже. В действительности же через несколько дней Лев Захарович был избран членом ЦК, а потом и членом его Оргбюро. С «впавшими в ересь» в ВКП(б) поступали иначе.

Справедливости ради надо сказать, что, призывая сокращать фронт капитализма, Мехлис не собирался отсиживаться за спиной других. Везде, где Красная Армия в те годы скрещивала с врагом штыки, он побывал сам, будь то жаркие пески у Халхин-Гола или ледяные скалы Карельского перешейка.

Первым пробным камнем стала поездка по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июня 1938 года на Дальний Восток в связи с обострением обстановки в районе озера Хасан. Когда Мехлис и заместитель наркома внутренних дел Фриновский прибыли в Хабаровск, командующий Дальневосточным Краснознаменным фронтом маршал Блюхер, похоже, уже знал, какую «помощь» следует ждать с их стороны. После ознакомительного разговора с московскими эмиссарами он не случайно сказал жене: «Приехали акулы, которые хотят меня сожрать, они меня сожрут или я их — не знаю. Второе маловероятно».

Мехлис устроил здесь подлинное избиение кадров. Очистку от «врагов народа» частей Особой Краснознаменной Дальневосточной

---

[1] Цит. по: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М., 1997. С. 111.

[2] *Мехлис Л.З.* Речь на XVIII съезде ВКП(б). С. 16.

армии (в эти дни преобразованной во фронт) он начал с... Краснознаменного ансамбля песни и пляски Союза ССР, прибывшего туда из Москвы на гастроли. Тут же Сталину ушла шифрованная телеграмма: «Доношу: в ансамбле краснознаменной песни тяжелое положение. Прихожу к заключению: в ансамбле орудует шпионско-террористическая группа. Уволил на месте девятнадцать человек. Веду следствие. В составе есть бывшие офицеры, дети кулаков, антисоветские элементы. Привлек к работе нач[альника] особого отдела...» В конце концов, с ансамблем (хорошо еще не с жизнью) расстались 22 человека, из них пятеро были все же арестованы.

Ну а уж что касается непосредственно кадров ОКДВА, тут начальник ПУ РККА развернулся вовсю. Следует, очевидно, заметить, что репрессии против дальневосточников были предопределены загодя до инспекционной поездки Мехлиса. Отправляясь в Хабаровск, он уже имел четкую установку — «чистить» кадры беспощадно. Не случайно вместе с ним был отряжен Фриновский, заместитель наркома внутренних дел, прославившийся палачеством и казненный со своим шефом Ежовым.

О масштабах содеянного лишь на первом этапе дает представление телеграмма, направленная Мехлисом вождю 28 июля: «Уволил двести пятнадцать политработников, значительная часть из них арестована. Но очистка политаппарата, в особенности низовых звеньев, мною далеко не закончена. Думаю, что уехать из Хабаровска, не разобравшись хотя бы вчерне с комсоставом, нельзя»[1].

Непосредственно в районе боевых действий на Хасане между командующим фронтом и начальником ПУ РККА все время происходили стычки. Дело в том, что Блюхер настаивал на своей оценке пограничного инцидента, с которого начался конфликт. А именно: в районе высоты Заозерная границу нарушили советские пограничники, в условиях высокой напряженности это провоцировало японцев. Свое мнение он доложил в Москву и потребовал наказания виновных.

В ответной телеграмме, посланной по поручению Сталина и Молотова и адресованной не только Блюхеру, но и Мехлису с Фриновским, нарком обороны Ворошилов назвал утверждения командующего чепухой. А 1 августа в разговоре по прямому проводу Сталин

---

[1] *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Кн. 1. С. 544.

вообще поставил под сомнение желание своего собеседника Блюхера «по-настоящему воевать с японцами».

Московский эмиссар, почувствовав охотничий азарт, поскольку действительное отношение вождя к Блюхеру не было для него тайной, не стал разбираться в подлинных обстоятельствах дела, а слепо принял оценку, продиктованную из Кремля. В позиции маршала он увидел двурушничество, «льющее воду на мельницу японцев», враждебные мотивы. «Порой трудно отличить, когда перед тобой выступает командующий или человек в маске», — сделал он вывод в обстоятельной телеграмме Сталину и Ворошилову 27 июля 1938 года.

По воспоминаниям Г.Л. Блюхер, ее муж «вернулся с Хасана в состоянии крайне возбужденном... Из рассказа Василия Константиновича я поняла следующее. Мехлис все время во все вмешивался, отдавал свои распоряжения, пытаясь подменять командующего. Он, Блюхер, был вынужден отменить один приказ Мехлиса 40-й дивизии. Говорил, что если б этот приказ был выполнен, то сороковую дивизию японцы оскальпировали бы».

Морально и психологически добить маршала стремились и после окончания конфликта на Хасане. Первая скрипка принадлежала все тем же Мехлису и Фриновскому. Лейтмотивом их докладов в Москву становится призыв как можно скорее снять Блюхера с должности. Так, начальник ПУ РККА в пространной телеграмме Сталину и Ворошилову, направленной 12 августа, сообщал: «Дела здесь находятся но моему глубокому убеждению [в таком состоянии], что надо скорее решать вопрос. В присутствии подчиненных известное Вам лицо ведет себя так, что это расшатывает дисциплину». 18 августа Блюхер уже отбыл по вызову Ворошилова в Москву, а ему вслед несется: «Красноармейцы и командиры военным делом не занимаются, а отвлечены хозяйственными работами. Боевая подготовка, я повторяю свои формулировки, на последнем месте... Известный Вам человек скажет, что это клевета на армию и на него... К сожалению, этот человек многие годы скрывал от наркома истинное положение вещей и обманывал, сознательно или бессознательно — это другой вопрос, наш Центральный Комитет». А своеобразным апофеозом неприятия, ненависти к Блюхеру стала шифртелеграмма Сталину и Ворошилову, направленная 24 августа: «Я мог бы исписать сотни

страниц, характеризующих бездеятельность, граничащую с преступлением известного Вам лица»[1].

На телеграммах и докладах Мехлиса во многом базировалось решение Главного военного совета, о котором сказано выше и которое предрешило трагическую гибель Блюхера.

На Хасане начальник ПУ РККА не только вмешивался в оперативную деятельность командования, но и в своем стиле вершил скорый суд и расправу. По его приказанию были арестованы лейтенанты Лебедев и Ахметов и политрук Мордвинов. Их и еще одного лейтенанта обвинили в трусости и измене на том основании, что они бросили на произвол судьбы свои батареи и тем посеяли панику среди бойцов. По закону они должны были предстать перед судом военного трибунала. Но Мехлису не терпелось вынести собственный приговор. Лично допросив обвиняемых, он телеграммой запросил у Сталина и Ворошилова санкцию на «расстрел всех четырех без суда моим приказом». Основание — «чтобы не затягивать вопроса» (!). Как здесь не согласиться с эмоциональной оценкой известного историка О.Ф. Сувенирова: «Вот она, суть фанатичного изувера, способного и готового "для быстрейшего решения вопроса" без всякого следствия и суда стрелять налево и направо»[2].

Новый район боев — Халхин-Гол оказался для Мехлиса не похожим на Хасан. Его привычное стремление вмешаться в оперативное управление войсками жестко пресек Г.К. Жуков, поставленный во главе 1-й армейской группы и столь блистательно проявивший себя как полководец современного типа. Так что начальнику ПУ Красной Армии пришлось в основном заниматься партийно-политической работой, тем более что дел оказался непочатый край.

Мехлис еще из Москвы 26 июня 1939 года дал указание политуправлению Забайкальского военного округа немедленно прервать отпуска политработников, а также вернуть в свои части тех, кто находится в командировках, на разного рода курсах и работах. На деле повысить бдительность. Провести разъяснительную работу среди красноармейцев в связи с японскими провокациями на границе и

---

[1] Цит. по: Новая и новейшая история, 2004, № 1. С. 179.

[2] *Сувениров О.Ф.* Воспитание боем и наградой // Геополитика и безопасность, 1994, № 2. С. 54.

необходимостью приведения частей в полную боевую готовность. Политотделы и газеты соединений должны быть готовы к походу.

Внедрение в сознание воинов Красной Армии мысли, что скоро, возможно, придется воевать, проводилось всеми имеющимися средствами агитации, устной и печатной пропаганды. Однако, как и на Хасане, был допущен серьезный просчет: неверной оказалась первоначальная политическая установка, определявшая содержание пропаганды в среде личного состава. Красноармейцам предлагалось воодушевляться идеей освободительной миссии: РККА, как известно, действовала против японцев на территории Монголии. По признанию самого Мехлиса, этот тезис оказался неудачным, многими не понятым. Пришлось вносить поправку, сформулировав основной лозунг следующим образом: «Защищая границы МНР, Красная Армия обороняет территорию Советского Союза от Байкала до Владивостока, препятствует Японии превратить МНР в плацдарм для войны против СССР». На разъяснение нового лозунга были брошены все силы, которыми располагали политорганы.

И после того, как японцы были разгромлены, Мехлис не позволил политаппарату впасть в самоуспокоенность. 29 августа, по горячим следам событий, он отдал категорическое распоряжение политуправлению 1-й армейской группы использовать победу для еще большего укрепления веры в свои силы: «На собраниях, митингах, беседах... надо развенчать японских генералов как бездарных руководителей и поднять роль наших командиров и комиссаров — подлинных сынов народа».

Как и в большинстве случаев, Лев Захарович составлял директиву сам, и стиль документа это отразил ярко: «Неплохо будет выпустить листовку — конкретную, без телячьих восторгов, но подъемную к бойцам... Составить короткую листовку и для противника — помочь его солдатам подвести итоги».

На Халхин-Голе и сам Мехлис, и руководимые им политорганы приобрели первый реальный опыт ведения контрпропаганды. Еще до решающих событий в июне 1939 года Лев Захарович утвердил программу 15-дневных сборов редакций и типографий газет на иностранных языках. Перед руководителями сборов ставилась задача ознакомить приписной состав с географией, экономикой и политическим положением страны, на языке которой будет выходить газета, с организацией, тактикой, вооружением и политико-моральным

состоянием армии вероятного противника; обучить сотрудников редакций методам разложения армии и тыла противника. По его инициативе приказом наркома обороны в мирное время формировались редакции и типографии газет на языках стран, сопредельных с Советским Союзом, а также вероятных противников. Один перечень языков, на которых предполагалось выпускать газеты, впечатляет — японский, китайский, немецкий, польский, финский, корейский, монгольский, эстонский, латышский, румынский, турецкий, фарси.

Но вернемся непосредственно в район, где у монгольской реки сошлись две армии — советская и японская. На Халхин-Гол Мехлис приехал перед генеральным наступлением, запланированным на конец июля. По его приказу здесь уже действовала группа по разложению войск противника во главе с полковым комиссаром М.И. Бурцевым, недавним выпускником Военно-политической академии. По существу, настоящей работы не было: группа дислоцировалась в городке Тамцак-Булак в 120 км от фронта, не имела ни переводчиков, ни типографии, ни редакции газеты. Все осталось в Чите, за 700 км от Монголии.

Как только начальник ПУ узнал об этом, он тут же распорядился перевести из Читы все три находившиеся там редакции газет на японском, монгольском и китайском языках. Плюс к этому он вызвал из Москвы единственный тогда звуковещательный отряд, очень мощный, размещенный на пяти машинах. Звук был слышен за 8—10 км. Вскоре отряд сыграл большую роль, во-первых, в дезинформации противника — имитировались оборонительные работы в то время, как наши части готовились к наступлению; а во-вторых, уже в ходе наступления — в распропагандировании японцев, манчжуров и барбутов.

Энергия и распорядительность начальника ПУ нередко вступали в противоречие с самонадеянностью и неспособностью к трезвой самооценке. В беседе с автором генерал-майор в отставке Бурцев вспоминал в связи с этим, как Мехлис сам написал текст первых четырех листовок, обращенных к японским солдатам. «Мне сразу же, — рассказывал генерал, — как человеку более или менее знакомому с интернациональной пропагандой, стало ясно, что он слишком упрощенно подходит к делу. Он обращался к японцам так, как привык обращаться к нашим солдатам — в тех же выражениях, с

теми же аргументами, применяя открытый классовый, революционный подход. В одной из листовок, характеризуя японского императора, не удержался: он-де сукин сын, агрессор, грозит Советскому Союзу, словом, враг он японскому народу.

Когда мы показали листовку военнопленным, те за голову схватились: как можно? Император не может быть неправым, это — божественное существо. Не он виноват в войне, а генералы — им нужны чужие земли, походы, ордена. Император же — нет. От таких листовок японцы, особенно офицеры, становились только злее. К сожалению, подобные просчеты преследовали Мехлиса и на финской войне, и в первые месяцы Великой Отечественной».

17 сентября 1939 года частям Красной Армии был отдан приказ перейти советско-польскую границу, начался так называемый освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию. Вопреки утверждениям официальной пропаганды, решение предпринять его не было импульсивным, продиктованным ходом событий на германо-польском фронте. По крайней мере, фронтовые подразделения для ведения пропаганды, нацеленной на население Польши и польские войска, по указанию Мехлиса начали формироваться как минимум за 12 суток до начала боевых действий. В политуправлениях каждого из двух фронтов — Украинского и Белорусского были созданы отделы по работе среди населения, войск противника и военнопленных, по штатам военного времени развернуты шесть редакций газет на иностранных языках и типографии.

15 сентября начальники политуправлений округов получили указание срочно перепечатать в окружных газетах передовую статью газеты «Правда» «О внутренних причинах военного поражения Польши» и, опираясь на нее, развернуть массовую разъяснительную работу. Исключительное внимание слушателей требовалось обратить на положение крестьянства украинской и белорусской национальности в Польше, сопоставив его с положением в советских Украинской и Белорусской республиках[1]. Показательно, что эту телеграмму Мехлис дал не из Москвы, а из штаба Белорусского военного округа, куда прибыл загодя до начала боевых действий.

Он находился в боевых порядках войск, вступивших в восточные воеводства Польши, и лично контролировал проведение идео-

---

[1] РГВА, ф. 9, оп. 40, д. 62, л. 258—260.

логической работы. Просчеты, допущенные на первых порах им и возглавляемым им ведомством, были того же рода, что и на Халхин-Голе — пренебрежение менталитетом тех, на кого была рассчитана пропаганда. Тезисы, заранее подготовленные в ПУ РККА для обоснования цели похода, грешили серьезным изъяном: в них содержался призыв «бить польских панов», при этом не учитывалось, что в польских землях, населенных украинцами, панами одинаково именуют и помещиков, и трудящихся. Только на шестой день после перехода советско-польской границы, 22 сентября 1939 года, начальник ПУ РККА испросил у Сталина и Ворошилова разрешение на то, чтобы внести необходимые коррективы в тезисы. Это сразу же дало свой положительный результат.

Позднее начальник ПУ РККА потребовал оперативно, к 15—20 ноября 1939 года обобщить материал по партийно-политической работе, проведенной в частях. Последовательно должны были быть освещены различные этапы похода: непосредственно боевые действия, вступление на территорию, которую ранее занимала немецкая армия, передача немцам Люблинского воеводства, дислокация наших частей на землях, до этого принадлежавших Польше.

Впервые Лев Захарович заинтересовался и опытом идеологической обработки личного состава армии противника. Потребовав от военных советов и начальников политуправлений фронтов дать ответы на ряд вопросов: какие органы и должностные лица в польской армии занимались идеологической работой, что из материально-технических средств имелось в казармах, какова роль ксендзов, есть ли разница в обработке личного состава в мирное и военное время и другие, он подчеркнул, что «это представляет для нас огромный интерес»[1].

Как, безусловно, правильно отмечалось в директиве начальника ПУ РККА от 29 сентября 1939 года, подводившей политические итоги событиям августа — сентября на международной арене, «Красную Армию украинские и белорусские народы встретили как армию-освободительницу». Однако в документе содержалась и дезинформация: ответственность за войну с Германией возлагалась на «незадачливых польских политиков, спровоцированных поджигателями мировой войны» (имелись в виду Англия и Франция), пакт Риббентропа—Молотова объявлялся «полностью себя оправда-

[1] РГВА, ф. 9, оп. 40, д. 63, л. 160—162, 175—179.

вшим», устраняющим возможные военные столкновения в Европе. Было приказано широко разъяснить личному составу содержание советско-германских договоренностей, а комиссарам и политорганам дополнительно — обеспечить организованный и своевременный отход наших частей, продвинувшихся дальше оговоренной с немцами границы, не допускать даже отдельных фактов мародерства, не делать провокационных выпадов против Германии.

Во время польского похода Мехлис и возглавляемая им система политорганов более оперативно, чем раньше, отзывались на изменения обстановки, активнее использовали накопленный еще на Халхин-Голе опыт идеологической работы. Обращают на себя внимание также решительность и бескомпромиссность, с которыми начальник Политуправления РККА реагировал на факты неудовлетворительной организации размещения, питания и культурного обслуживания военнослужащих, призванных из запаса для участия в походе. Получив такие сигналы, 30 сентября 1939 года он обязал комиссаров и начальников политорганов произвести сплошную проверку казарм, столовых, мест проведения политической работы и культурного обслуживания и к 5 октября доложить результаты. Он предупредил подчиненных о строжайшей личной ответственности, пригрозив преданием суду. Аналогичная реакция с его стороны последовала и на доклады о случаях мародерства, самоуправства, убийств мирных жителей со стороны некоторых командиров, комиссаров и красноармейцев.

По сравнению с походом в восточные районы Польши советско-финляндская война стала куда более серьезным испытанием как для Красной Армии в целом, так и для ее политического аппарата. Сталин намеревался опробовать на маленькой стране Суоми (ее население составляло около 3 млн человек против почти 200 млн в СССР) модель давления на соседа, которая позднее удалась в отношении прибалтийских республик. Ему вторило сановное окружение. Мехлис, выступая всего за восемь месяцев до открытия боевых действий на Карельском перешейке на XVIII съезде партии, недвусмысленно заявил: «Если вторая мировая война обернется своим острием против первого в мире социалистического государства, то [следует] перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик».

К началу войны советские войска были объединены в четыре армии общей численностью 240 тысяч человек, оснащенные 1915 орудиями, 1131 танком и 967 самолетами. К 1 февраля 1940 года вновь созданный Северо-Западный фронт включал уже 957,7 тысячи человек. Он превосходил противника по численности пехоты более чем в 2 раза, по артиллерии — почти в 3 раза и абсолютно — по танкам и самолетам. И тем не менее победа далась большой кровью.

Поскольку война с Финляндией, не в пример предыдущим военным конфликтам, длилась долго, почти четыре месяца, Мехлис успел не раз высказаться о ней как публично, так и в письмах личного характера. «Бодр и настроен крепко бить белофиннов, затеявших антисоветскую авантюру», — сообщал он семье 3 декабря 1939 года. На следующий день вновь: «Настроение замечательное. Только не досыпаю, как всегда, а то и больше». Лев Захарович жаловался на недосып постоянно, но «работа в боевых условиях вдохновляет и омолаживает. Не знаешь устали».

Прошло полтора месяца, из-под Ленинграда Мехлис перебрался в Ухту в расположение штаба 11-й армии. «Я крепко втянулся в работу, не видишь, как сутки прошли. Спишь буквально 2—3 часа и ничего», «Морозы большие. Вчера доходил до 35 градусов», несмотря на это, «самочувствие хорошее, настроение отличное. Одна мечта — уничтожить подлую финскую белогвардейщину. Этого мы добьемся. Победа не за горами».

«Белогвардейщина», однако, сдаваться не собиралась. Это Лев Захарович, очевидно, понимал и сам, иначе не стал бы обсуждать в письме от 14 января 1940 года планы приезда к нему семьи. «Конечно, хотел бы видеть вас обоих. Но Леня учится, а мамаша — холодно у нас. Ехать сюда на работу? А Леня? Не выйдет, хотя хотел бы».

Отец не устает наставлять сына: «Не теряй ни одного дня на зряшные дела. Учись быть полезным своей родине человеком». «Надеюсь, что скоро будешь комсомольцем. Ты политически достаточно подготовлен, чтобы быть членом ВЛКСМ».

Выходит, не угасло восемнадцать лет назад высказанное желание взрастить из сына «нового человека». Похожего, без сомнения, на того, кого и в личных письмах Лев Захарович не мог забыть: «Скоро 60-летие Иосифа Виссарионовича. Как хотелось бы этот день увенчать полным разгромом финской белогвардейщины». И еще одно

письмо: «Приветствую вас. 21/XII шестидесятилетие И.В. (сокращение Мехлиса. — *Ю.Р.*) Отпразднуйте его в кругу семьи»[1].

Подарок любимому вождю не выходил. Разрозненные, плохо подготовленные удары частей Ленинградского военного округа успешно парировались противником. Сложный рельеф, густые леса, каменистые кряжи, не замерзающие в самую лютую стужу болота ограничивали широкое применение танков и артиллерии. На марше техника отставала от пехоты. К тому же грянули трескучие морозы. Два-три хорошо вооруженных, тепло одетых финна могли застопорить движение по узкой лесной дороге целой роты. Потери резко возросли. Раздраженный неожиданной задержкой вождь приказал перебросить в район боев части, недавно прошедшие по западу Белоруссии и Украины. Перебросили — без теплого обмундирования, без техники. Люди, не обученные действиям в горно-лесистой местности, жестоко страдавшие от низких температур, выбывали из строя тысячами.

Но не в привычках советских руководителей было признавать собственные ошибки и преступления. За авантюризм и шапкозакидательство, с которыми они ввязались в войну, отвечали не они сами, а назначенные ими «стрелочники». Прибывшую после «освободительного похода» прямо из украинских степей на ухтинское направление 44-ю стрелковую дивизию им. Н. Щорса сразу бросили в бой, хотя она не была обеспечена техникой, боеприпасами, продовольствием. Соединению даже не позволили сосредоточиться на исходном рубеже, и отдельные воинские части бросали в бой по мере прибытия к линии фронта. В результате в начале января 1940 года большая часть дивизии была окружена и почти полностью попала в плен. Командиру дивизии полковнику А.И. Виноградову, начальнику штаба и начальнику политотдела удалось вырваться из окружения. После допроса, проведенного лично начальником ПУ РККА и командующим 9-й армией В.И. Чуйковым, командование дивизии было предано суду военного трибунала и расстреляно перед строем сумевших избежать окружения бойцов.

А как обстояли дела на том участке, который был поручен нашему герою прямо и непосредственно? По крайней мере, поначалу — неважно. Политический лозунг, выдвинутый с открытием военных действий — Красная Армия помогает финскому народу избавиться от

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 71, л. 2—4, 5, 7.

«ига капиталистической эксплуатации» — с непониманием был воспринят не только бойцами и командирами Красной Армии, но и финнами. Последние, к огромному неудовольствию обитателей Кремля, вовсе не мечтали об установлении в своей стране советской власти и приняли неравный и потому, казалось бы, бесперспективный бой.

Только в начале февраля 1940 года директива ПУ РККА, наконец, констатировала необходимость перенести акценты в пропаганде: «Вместо повседневного разъяснения бойцам и командирам того, что в войне с белофиннами нашей главнейшей задачей является обеспечение безопасности северо-западных границ СССР и Ленинграда, комиссары, политруки, пропагандисты и агитаторы, армейская и дивизионная печать либо совсем об этом не говорят, либо на передний план выдвигают вопрос об интернациональных обязанностях Красной Армии, о помощи финскому народу в его борьбе против гнета помещиков и капиталистов». Новый лозунг с упором на то, что Красная Армия ведет войну за безопасность Ленинграда и границ Советского Союза, за уничтожение плацдарма войны империалистов против СССР оказался, по крайней мере для советских военнослужащих, более понятным, хотя и был изготовлен по кальке лозунга халхингольского, но, конечно, с поправкой на регион.

Используя свои возможности как начальника Политуправления РККА и члена военного совета 7-й армии и помятуя об опыте минувших боев, который и для него многое значил, Мехлис возглавил работу по разложению противника. Во всех армиях Северо-Западного фронта были созданы отделения по работе среди войск и населения противника, как и редакции газет на финском языке; было выпущено 40 млн экземпляров листовок; каждая из семи армейских газет выходила тиражом от 5 до 15 тысяч экземпляров; были задействованы звуковещательные станции, только в 7-й и 13-й армиях их было семь.

«Он размахнулся широко, — полагает уже известный читателю генерал Бурцев.— И небесполезно. Успешно действовал наш призыв к финнам уходить в леса, сохранять себе жизнь. Были и добровольно перешедшие на нашу сторону. Но Мехлис тогда не сделал, мне кажется, главного: не создал при политуправлении Ленинградского военного округа, а затем и Северо-Западного фронта специальный отдел, который руководил бы, координировал и направлял эту работу. Потом, надо отдать ему должное, он сделал необходимые выводы. Благодаря усилиям Мехлиса, к войне с Германией мы

уже имели специальный аппарат: 7-е отделы (по работе среди войск противника) в ПУРе и политуправлениях военных округов, 28 редакций газет на иностранных языках в приграничных округах».

Резюме Бурцева интересно. Оно подтверждает вывод, что жизнь, сама боевая практика побуждали даже такую непластичную натуру, как Мехлис, корректировать себя.

Находясь на передовой, начальник ПУ РККА несколько раз попадал в неприятные переплеты. В беседе с автором писатель Ортенберг, редактировавший тогда газету 11-й армии «Героический поход», вспоминал, как вместе с Мехлисом они, будучи в одной из дивизий, оказались во вражеском «мешке». Армейский комиссар 1-го ранга посадил работников редакции на грузовичок — бывшее ленинградское такси, дал для охраны несколько бойцов: «Прорывайтесь». И прорвались по еще непрочному льду озера. А сам Мехлис вместе с командиром дивизии возглавил ее выход из окружения.

«Героический поход» не упускал случая, чтобы поработать на имидж начальника Политуправления Красной Армии. Не раз газета рассказывала, как Лев Захарович шел в красноармейской цепи в атаку, прорывал вражеские заслоны. Если и допускались преувеличения, то — зная Мехлиса — можно утверждать, что вряд ли большие: пулям он никогда не кланялся.

Своего рода летописцем стал в этом смысле писатель Петр Павленко. 17 декабря 1939 года он с подъемом поведал о сообразительности Льва Захаровича в бою. Небольшая колонна из броневичка, легковой машины и грузовика с десятью красноармейцами на узкой лесной дороге напоролась на засаду. Завязалась перестрелка. Тем временем с тыла подошел еще и санный обоз. Финны начали валить лес, чтобы взять колонну в кольцо. Как быть? Мехлис, пишет Павленко, предложил «очень остроумный маневр, он приказал на руках повернуть машины и сани в обратную сторону и, пользуясь темнотой, на глазах у противника откатить их вручную на несколько километров».

26 декабря — новая публикация Павленко. Мехлис, увидев, что наши не могут сбить финский заслон у дороги, расставил бойцов в цепь, сам сел в танк, и тот, двигаясь вперед, открыл огонь из пушки и пулемета. Следом пошли бойцы, сбивая противника с его позиции.

Об аналогичном случае вспоминал и генерал А.Ф. Хренов, тогда начальник инженерных войск ЛВО: «В одной из рот его (начальни-

ка ПУ. — *Ю.Р.*) и застал приказ об атаке. Он, не раздумывая, стал во главе роты и повел ее за собой. Никто из окружающих не сумел отговорить Мехлиса от этого шага. Спорить же с Львом Захаровичем было очень трудно...»[1]

Когда руководитель такого ранга идет, как простой боец, в атакующей цепи, пользы не много, но и вреда нет. Гораздо хуже, когда с подобной непринужденностью тот же руководитель берется вершить, мало в них смысля, дела масштабные, затрагивающие интересы армии в целом.

Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов вспоминал, как прибывшие в штаб ЛВО Мехлис и еще один заместитель наркома обороны Г.И. Кулик вызвали его заместителей Л.М. Галлера и И.С. Исакова и стали давать им «весьма некомпетентные указания», причем пытались их проводить в жизнь, минуя наркома и Главный морской штаб. «Когда я прибыл в штаб Ленинградского военного округа, — продолжает Кузнецов, — меня тоже стал атаковать Мехлис — человек удивительной энергии, способный работать днями и ночами, но мало разбиравшийся в военном деле и не признававший никакой уставной организации. Мехлиса я тогда знал мало, но твердо попросил его: без моего ведома приказов флоту не отдавать. Жаркие стычки происходили у меня и с Г.И. Куликом»[2].

Война между тем вступила в решающую фазу. Не сумев сходу сломить сопротивление финнов, советское командование вынуждено было взять оперативную паузу. Был, как уже говорилось выше, создан Северо-Западный фронт, который возглавил командарм 1-го ранга Тимошенко, наращены силы. Возобновившиеся 11 февраля 1940 года боевые действия пошли более успешно.

Мехлис хотел стать свидетелем победы непосредственно на фронте. Будучи отозванным в Москву, 10 марта он обратился с личным письмом к Сталину, в котором просил «дать мне возможность поработать в 9-й армии до конца операции... На участке 54 с.д. идут упорные бои... Я буду не бесполезным человеком на месте». Такое разрешение было получено.

В начале марта, после прорыва частями Красной Армии линии Маннергейма, финны запросили мира. Формально в «зимней войне»

---

[1] *Хренов А.Ф.* Мосты к победе. М., 1982. С. 47.

[2] *Кузнецов Н.Г.* Накануне. М., 1969. С. 267—268.

победил Советский Союз. Но международный резонанс оказался, в конечном счете, не в пользу нашей страны. Именно тогда Гитлер сделал вывод о России, как «колоссе на глиняных ногах». А таковым ее сделали Сталин и его присные, обезглавив в предыдущие годы Красную Армию.

Высказывания руководителей германской военной машины позволяют утверждать, что будущий противник пунктуально отслеживал процессы ослабления мощи Советских Вооруженных Сил и соответственно планировал свои действия по подготовке агрессии против СССР. Так, на секретном совещании руководителей вермахта в конце ноября 1939 года А. Гитлер заявил: «Фактом остается то, что в настоящее время боеспособность русских вооруженных сил незначительна. На ближайшие год или два нынешнее состояние сохранится». По свидетельству начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля, фюрер вообще «постоянно исходил из того, что... Сталин уничтожил в 1937 г. весь первый эшелон высших военачальников, а способных умов среди пришедших на их место пока нет».

Ключевая роль Мехлиса в осуществлении репрессий командно-политического состава Красной Армии, на наш взгляд, бесспорна. Судя по его действиям, для этого человека проблема, участвовать или нет в уничтожении военных кадров, не существовала в принципе. Жестокая кадровая селекция, осуществляемая вождем, оставила к концу 30-х годов в его окружении только тех, кто готов был выполнить любую миссию, самый неправедный приказ. Следуя этой глубоко аморальной логике выживания в сталинской элите, Мехлис нанес Красной Армии непоправимый ущерб.

Глава 5

ЗА ГОД ДО ВОЙНЫ

НЕЛЬЗЯ ЛИ СПИХНУТЬ НАРКОМА?

Последний предвоенный год оказался для Мехлиса насыщенным серьезными переменами в его политической карьере.

Хотя война с Финляндией подавалась официальной пропагандой как победная, слабость Красной Армии стала явной даже для самых

неисправимых оптимистов в партийно-государственная верхушке. Впервые за 15 лет пребывания во главе Наркомата обороны маршалу Ворошилову пришлось держать по-настоящему серьезный отчет. Как вспоминал в разговоре с Константином Симоновым маршал Жуков, вождь, говоря с ним весной 1940 года о результатах финской войны, раздраженно отозвался о наркоме: «Хвастался, заверял, утверждал, что на удар ответим тройным ударом. Все хорошо, все в порядке, все готово, товарищ Сталин, а оказалось...»

Состоявшийся 28 марта 1940 года пленум ЦК ВКП(б) заслушал доклад Ворошилова, подвергнув его безжалостной, но — надо признать — обоснованной критике. Докладчик покаялся, что «ни я, нарком обороны, ни Генштаб, ни командование Ленинградским военным округом вначале совершенно не представляли себе всех особенностей и трудностей, связанных с этой войной», а «военное ведомство подошло к подготовке войны в Финляндии недостаточно серьезно»[1].

Раздражение Сталина было настолько велико, что о провалах военного руководства Политбюро ЦК ВКП(б) вспомнило даже два года спустя, рассматривая 1 апреля 1942 года вопрос «О работе Ворошилова К.Е.»: «Война с Финляндией в 1939—1940 гг. вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве НКО. В ходе этой войны выяснилась неподготовленность НКО к обеспечению успешного развития военных операций. В Красной Армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учета самолетов и танков, не оказалось нужной зимней одежды для войск, войска не имели продовольственных концентратов. Вскрылись большая запущенность в работе таких важных управлений НКО, как Главное артиллерийское управление, Управление боевой подготовки, Управление ВВС, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и др.

Все это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам. Тов. Ворошилов, будучи в то время народным комиссаром обороны, вынужден был признать на пленуме ЦК ВКП(б) в конце марта 1940 г. обнаружившуюся несостоятельность своего руководства НКО»[2].

---

[1] Военно-исторический журнал, 1993, № 4. С. 11.

[2] Военно-исторический журнал, 1999, № 4. С. 93.

Ситуацией попытался воспользоваться Мехлис. Судя по некоторым признакам (о чем речь чуть ниже), он и сам был не прочь занять кресло наркома. Поднявшись на трибуну пленума, начальник ПУ Красной Армии, как воспоминал генерал армии Хрулев, заявил: «Ворошилов так просто не может уйти со своего поста, его надо строжайше наказать... Хотя бы арестовать».

Но даже своему давнему любимцу Сталин не позволил очень уж сильно замахнуться на провалившегося наркома, которому генсек до этого благоволил не меньше. Он поднялся с места, подошел к трибуне и, оттолкнув начальника ПУ, сказал: «Вот тут Мехлис произнес истерическую речь. Я первый раз в жизни встречаю такого наркома, чтобы с такой откровенностью и остротой раскритиковал свою деятельность. Но, с другой стороны, если Мехлис считает это неудовлетворительным, то я вам могу начать рассказывать о Мехлисе, что он собой представляет, и тогда от него мокрого места не останется»[1].

Но вождь только погрозил, а рассказывать не стал. А в отношении Ворошилова ограничился снятием того с должности, назначив наркомом маршала С.К. Тимошенко. Освобожденный от руководства военным ведомством Климент Ефремович остался председателем Главного военного совета, а вскоре стал заместителем главы правительства. Наказали, нечего сказать.

Вождь, провозгласивший, как известно, лозунг «Кадры решают все!», не мог не понимать прямой связи репрессий и низкой подготовки командно-начальствующего состава. Но признать, что собственноручно и руками своих присных погубил цвет армии, тоже не мог. На совещании начальствующего состава, созванном ЦК в апреле 1940 года специально для обсуждения опыта боевых действий против Финляндии, внимающим ему он бросил «кость», объяснив, что нашему командному составу «помешали, по-моему, культ традиции и опыта гражданской войны». Он призвал «расклевать культ преклонения перед опытом гражданской войны», преодолеть засилье ее участников, «которые не могут дать ходу молодым кадрам».

А ведь никакого «засилья» уже и в помине не было, подавляющая часть кадров навсегда перешла, как цинично выражались в верхах, в

---

[1] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999. С. 352.

«ведомство наркомвнудела без занятия определенных должностей», то есть была репрессирована.

И Ворошилов, и Мехлис были, по существу, главными проводниками в Вооруженных силах линии на избиение кадров. В этом отношении претензий к ним со стороны Сталина не было, и потому его недовольство, продемонстрированное на пленуме ЦК, свелось к давно известной в народе формуле: милые бранятся — только тешатся.

Если кому-то из читателей такой вывод автора покажется слишком смелым, вот еще факты. На упомянутом выше апрельском совещании руководящего состава Вооруженных сил вождь сделал Мехлису замечание. Поводом стала реплика полковника Разведуправления Генштаба Хаджи-Умара Мамсурова (в будущем — генерал-полковник, заместитель начальника ГРУ), заявившего, что 9-й армией руководил не комкор В.И. Чуйков, командующий армией, а член Военного совета армии Мехлис. Последний, выполняя функции члена ВС армии, но будучи представителем центра и обладая широкими полномочиями, пытался подменить командующего армией и в то же время не нес никакой ответственности за исход боевых операций. «Мне кажется, — говорил Мамсуров с необходимой долей осторожности, поскольку ступал по тонкому льду, — что такое положение, когда членом военного совета армии назначен зам[еститель] наркома, немножко было неправильное положение и оно отражалось на роли командующего... Вообще в штабе армии говорили, что зам[еститель] наркома здесь хозяин, а командарм не может решать вопросов»[1].

Имевший сведения об этом и из других источников, Сталин, по воспоминаниям адмирала Н.Г. Кузнецова, сказал как-то начальнику ПУ Красной Армии: «Вы там, на месте, имели привычку класть командующего к себе в карман и распоряжаться им как вам вздумается». А тот «принял этот упрек скорее как похвалу»[2].

Именно так — как похвалу, как поощрение нарочито суровым учителем любимого ученика. Ибо даже Великая Отечественная война, как увидит читатель далее, очень долго не могла заставить Льва Захаровича отказаться от некомпетентного вмешательства в

---

[1] Зимняя война 1939—1940. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 244.

[2] *Кузнецов Н.Г.* Накануне. С. 268.

деятельность командующих, сопровождавшегося огромным волевым напором и самонадеянностью. Ну а тот, кто мог бы поставить предел этой воинствующей некомпетентности, возражал против нее скорее для вида, чем по существу. Совершенно очевидно, что в глазах Сталина эти «недостатки» Мехлиса уходили в тень куда более востребованных еще в период репрессий «достоинств».

Важный для нашего повествования эпизод того же апрельского совещания в Кремле привел и адмирал И.С. Исаков (в изложении Константина Симонова): «Мехлис несколько раз вылезал то с комментариями, то с репликой, после чего вдруг Сталин сказал:

— А Мехлис вообще фанатик, его нельзя подпускать к армии.

Я помню, — вспоминал адмирал, — меня тогда удивило, что, несмотря на эти слова, Мехлис продолжал на этом заседании держаться как ни в чем не бывало и еще не раз вылезал со своими репликами». Вождь же реагировал на это спокойно.

Легко давать оценки другим, но пришла пора отчитаться и о своих делах. Положение дел в сфере идеологической работы было критически рассмотрено на совещании, прошедшем 13 мая 1940 года под руководством вновь назначенного наркома обороны маршала Тимошенко с участием лиц высшего руководящего состава Красной Армии. Пафос основного доклада, с которым выступил Мехлис, заключался в некотором отрезвлении от шапкозакидательских настроений под влиянием итогов советско-финляндской войны. Начальник ПУ РККА констатировал «отставание в области военной идеологии», которое «нам, военному отряду партии большевиков, не к лицу больше терпеть».

Исходным пунктом критики докладчик избрал высказанное Сталиным на апрельском совещании в ЦК ВКП(б), а затем на заседании комиссии Главного военного совета — требование покончить с культом опыта Гражданской войны, «расклевать» его, ибо этот культ «закрепляет нашу отсталость»[1].

Лев Захарович резко выступил против широко распространенного, граничившего с опасным зазнайством утверждения о непобедимости Красной Армии. «История не знает непобедимых армий... — говорил докладчик. — Армию, безусловно, необходимо воспиты-

[1] И.В. Сталин: «Коренным образом переделать нашу военную идеологию» // Военно-исторический журнал, 2001, № 3. С. 96.

вать, чтобы она была уверена в своих силах. Армии надо прививать дух *уверенности* (курсив Мехлиса. — *Ю.Р.*) в свою мощь, но не в смысле хвастовства». За зазнайство и пренебрежение военным искусством, подчеркнул он, на Карельском перешейке пришлось «платить лишней кровью».

В числе ложных установок в деле воспитания и пропаганды в Красной Армии, кроме выдвижения лозунгов о ее непобедимости, об армии героев, он назвал: неправильное освещение интернациональных задач («вне времени, без учета условий и без учета того, к кому апеллируют»); школярство, неумение вести пропаганду и давать лозунги, исходя из конкретной обстановки; неудовлетворительную постановку изучения армий вероятных противников и возможных театров военных действий; запущенность военно-научной работы.

Докладчик посчитал необходимым особо обратить внимание на то, как слабо изучается военная история, в особенности русская: «У нас проводится неправильное охаивание старой армии, а между тем, мы имели таких замечательных генералов царской армии, как СУВОРОВ, КУТУЗОВ, БАГРАТИОН (выделено Мехлисом. — *Ю.Р.*), которые останутся всегда в памяти народа как великие русские полководцы и которых чтит Красная Армия, унаследовавшая лучшие боевые традиции русского солдата».

Сдвиги покажутся еще более поразительными, если напомнить, что всего два года назад, в 1938 году, ПУ РККА выдвигало в качестве примеров героев Гражданской войны В.И. Чапаева, Н.А. Щорса, Г.И. Котовского, А.Я. Пархоменко, С.Г. Лазо. Теперь же, как видим, Мехлис пропагандировал полководцев Российской империи[1].

К слову, и позднее, в годы Великой Отечественной войны, он не только не ленился повторять призывы обращаться к славным страницам дореволюционной военной истории, но и много делал для их воплощения в жизнь.

Иллюстрируя положение о том, что история — самый лучший учитель, оратор напомнил: за два века Россия четыре раза воевала на финском театре военных действий, причем успешно, но командному составу РККА это, по сути, осталось неизвестным. Под спудом в Генеральном штабе оказался опыт, пусть небольшой, во-

---

[1] РГВА, ф. 9, оп. 36, д. 335, л. 114, 151.

енных действий у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, а также похода в Западную Украину и Западную Белоруссию. Были излишне засекречены, скучны и неизвестны широкому читателю материалы Разведывательного управления, обобщавшие опыт войн в Абиссинии, в Испании, германо-польской войны.

Начальнику ПУ нельзя отказать в известной смелости и новаторстве. Критикуя постановку партийно-политической работы в РККА, он высказал мысль, которая в других условиях показалась бы по меньшей мере спорной, а при худшем варианте — крамольной: «Пропаганда в Красной Армии не должна ограничиваться только теорией и историей большевистской партии. Было ошибкой то, что мы увлеклись только пропагандой "Краткого курса истории ВКП(б)" и забыли пропаганду, обязывающую реагировать на все».

Чтобы поднять уровень военной идеологии и военной науки до требований современной войны, Мехлис предложил (и эти предложения были приняты участниками совещания): добиться прекращения «болтовни» о непобедимости Красной Армии, всемерно бороться с зазнайством, верхоглядством, шапкозакидательством; повысить военную культуру командных кадров, признать в качестве основы основ их воспитания глубокое изучение истории ВКП(б), военной истории, освоение военной литературы; воспитывать у командиров честь и достоинство, любовь к военному делу и своей части, вырабатывать организованность и требовательность, побуждать к постоянному совершенствованию своих знаний; всю учебу и жизнь армии строить применительно к условиям боевой обстановки, заниматься на местности, в различную погоду, приучать личный состав к большим физическим нагрузкам; всеми мерами прививать личному составу «воинственный дух», воспитывать его на положительных примерах истории русской армии и ее традициях.

Предлагалось также создать в системе Генерального штаба авторитетный отдел по исследованию опыта войн, создать Военно-научное общество с филиалами в центрах наиболее крупных военных округов, укрепить аппарат Военного издательства и газеты «Красная звезда», усилить издание переводной литературы. Особо предлагалось обеспечить условия для свободного обсуждения на страницах военных журналов важнейших вопросов военной тео-

рии, для чего с них снимался гриф, означающий принадлежность к НКО и превращавший их в официоз[1].

Предложенные начальником ПУ РККА меры по коренной перестройке процесса политического воспитания личного состава звучали, бесспорно, актуально, они давно назрели. Однако дух благодушия укоренился настолько глубоко, что даже жестокие уроки «зимней войны» не смогли его окончательно вытравить.

Это показала проверка выполнения приказа нового наркома обороны о боевой и политической подготовке в летнем периоде обучения 1940 года, проведенная Политическим управлением. 30 мая Мехлис направил в войска обстоятельную директиву, в которой констатировал, что приказ наркома еще не стал для командно-политического состава настольной книгой. Начальник ПУ РККА потребовал от комиссаров и политорганов, партийных и комсомольских организаций «с большевистской настойчивостью» повернуться к вопросам боевой подготовки, укрепления воинской дисциплины и улучшения воспитательной работы с личным составом. Пресекать малейшие попытки разбазаривания учебных часов и проведения политзанятий и всякого рода заседаний за счет времени, когда должна идти боевая подготовка. Развернуть социалистическое соревнование за отличное овладение своей воинской специальностью. Сделать крутой поворот в укреплении воинской дисциплины. Особое требование было высказано комиссарам и политработникам — наравне с командирами овладевать военным делом, иначе рано или поздно они выпадут «из тележки руководящей работы».

Беспокойство вызывала постановка боевой подготовки в войсках. Тягостное впечатление на Мехлиса произвела инспекционная поездка в Киевский особый военный округ. Проверив ПВО Киева и Киевский укрепрайон, он докладывал Сталину и Ворошилову, как председателю Главного военного совета: в частях 44-й стрелковой дивизии нет настоящей заботы о быте и питании личного состава, приписной состав техники не знает, оборудование ДОТов несет огромный отпечаток «вредительской деятельности». «Я глубоко убежден, что нам не придется во время войны прибегать к этому

---

[1] «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды». Доклад начальника Политического управления РККА Л.З. Мехлиса о военной идеологии 1940 г. // Исторический архив, 1997, № 5—6. С. 95—106.

укрепленному району, — докладывал оказавшийся неважным прозорливцем Мехлис, — но все же... решительно поддерживаю, чтобы в один-два года были бы ликвидированы все недоделки».

Лев Захарович сулил нерадивым руководителям перспективу «выпасть из тележки». Однако в таком положении очень скоро оказался сам. В соответствии с установившейся политической традицией вместе с прежним наркомом обороны уходила вся верхушка военного ведомства. Наркома обороны Ворошилова сменил Тимошенко, начальника Генштаба маршала Шапошникова — генерал армии К.А. Мерецков, а Мехлиса (правда, несколько позднее — в сентябре 1940 года) — армейский комиссар 2-го ранга А.И. Запорожец.

Накануне своего ухода из военного ведомства Мехлису довелось пережить неприятную для него реорганизацию. 12 августа 1940 года указом Президиума Верховного Совета СССР был упразднен институт военных комиссаров, их место занимали заместители командиров (начальников) по политической части. Институт комиссаров был любимым детищем Льва Захаровича, по характеру он с самой Гражданской войны оставался комиссаром — с так до конца и не преодоленным недоверием к командиру, с пренебрежением к субординации, с гипертрофированным убеждением, что идеологическая преданность всегда важнее профессиональной подготовки. И хотя, следуя указаниям свыше, усердно пропагандировал переход к единоначалию, не сожалеть по поводу отмены института военных комиссаров не мог.

Попробуем оценить почти трехлетнее его руководство ПУ РККА. Будем иметь в виду, что здесь возможны взгляды субъективные (его собственные и взгляды, оценки его начальников с учетом представлений тех лет) и объективные (с точки зрения действительных интересов армии и страны), совпадающие далеко не всегда.

В мае 1940 года Мехлис докладывал в ЦК о работе подчиненного ему ведомства (читатель уже знает об этом). Доклад был в целом критический, но окрашен все же в благоприятные для его автора тона: «проблема кадров политсостава в основном решена», «партийные организации выросли», «армейский комсомол поднят буквально на щит», «в постановке пропаганды в армии резкий перелом» и т.п.

Куда более жесткие формулировки содержит подписанный 14 ноября того же года акт о приеме дел Главного управления политиче-

ской пропаганды (так стало называться Политуправление РККА) новым его начальником Запорожцем. Вот лишь некоторые из них. Учет политсостава в должной мере не налажен, изучается формально, только по документам. К утверждению в ЦК не представлено из его номенклатуры 570 человек. Низок общеобразовательный уровень политсостава: лишь 6,2 процента имеет высшее образование, а 71,5 — ниже среднего. Среди заместителей командиров частей и соединений по политчасти этот процент еще выше — 76,9. При этом у них весьма ограничен профессиональный опыт: около половины политработников Красной Армии являются таковыми менее двух лет. Более половины политработников запаса (75,4 из 124,1 тысячи человек) нуждаются в подготовке и переподготовке.

Отмечалось немало недостатков в организационно-партийной работе. Не были выполнены указания ЦК о создании полнокровных партийных организаций в ротном звене. Не сокращалось, а росло число кандидатов в члены партии с просроченным стажем: с почти 65 тысяч человек на 1 января 1940 года их число к 1 июля превысило 95 тысяч. На 1 октября не было выдано более 10 тысяч партбилетов и 10 тысяч кандидатских карточек[1].

Зная порядок составления и утверждения таких документов, как акт приема — передачи наркомата, можно совершенно определенно утверждать, что он появился в законченном виде, лишь пройдя через руки Сталина. Таким образом, даже с точки зрения тогдашнего высшего политического руководства, основные параметры в деятельности ПУ РККА и его начальника не были выдержаны.

Тем более вправе предъявить свой счет Мехлису и стоявшему за ним репрессивному режиму рядовые его современники, весь народ, который жизнями миллионов своих сыновей расплатился в очень скоро начавшейся войне за преступления сталинской верхушки, за истребление лучших военных кадров, за катастрофическое ослабление боеготовности страны накануне фашистского нашествия.

Но что было до этого «отцу народов», инспирировавшему массовые репрессии во имя достижения абсолютного единовластия и ликвидации даже видимой оппозиции его режиму. Не подлежит сомнению, что именно по активности в устранении «врагов народа» судил он о Мехлисе.

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 15, л. 52—68.

Сталин не просто на время удалил его из армии, но тут же возвысил, назначив в сентябре 1940 года наркомом государственного контроля СССР, то есть членом правительства, которое в мае 1941 года возглавил сам.

Правда, подавалось это как забота о военном ведомстве (парадоксальным образом, уход сталинского протеже был, действительно, благом для армии, правда, совсем не в том смысле, который ему официально придавал вождь). Генерал армии Хрулев вспоминал, как Мехлис цеплялся за старое место и уговорил нового наркома Тимошенко походатайствовать за него перед Сталиным. На что вождь отреагировал: «Вот наивный человек! Ему хотят помочь, а он не понимает этого; он хочет, чтобы мы ему Мехлиса оставили. Но пройдет три месяца, и Мехлис его столкнет. Мехлис сам хочет быть военным наркомом».

Думается, эта тирада не должна вводить нас в заблуждение, она видится элементом все той же сталинской игры на публику (и в личном секретариате, как помнит читатель, Сталин «не мог» справиться со своим строптивым помощником, и на финской войне не было тому никакого окорота). Теперь вот, оказывается, возникла опасность несанкционированного «прорыва» начальника ПУ в кресло наркома обороны, с которой Сталин тоже не в состоянии бороться иначе, как возвысив своего протеже... Наказание повышением — палитре средств в кадровой политике вождя можно лишь удивляться.

КОНСТРУКТОР СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Мысль о создании (точнее, о воссоздании существовавшего в первые годы советской власти) полноправного государственного органа, контролирующего расходование материальных и финансовых средств, а также проверяющего исполнение основных решений правительства, вождь высказал на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 26 мая 1940 года. В соответствии с принятым постановлением формирование нового наркомата предусматривалось на базе ранее существовавших контрольных органов — Комиссии советского контроля и Главного военного контроля Комитета обороны при СНК СССР. 6 сентября Политбюро утвердило текст указа Президиума Верховного Совета СССР о создании наркомата и приняло

решение назначить Мехлиса наркомом госконтроля СССР и заместителем председателя Совнаркома СССР[1].

За почти три десятилетия, минувших к 1940 году после того, как Лев Захарович трудился в Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, система государственного контроля пережила немало перемен. Их вектор, особенно после 1934 года, когда был упразднен объединенный орган — ЦКК—РКИ (Центральная контрольная комиссия — Рабоче-крестьянская инспекция) и ему на смену пришли Комиссия советского контроля при СНК СССР и Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), стал ясен довольно быстро. Он заключался в замене прежней системы партийно-государственного контроля бюрократической системой, оторванной от широких масс.

На новом посту служебное и политическое положение Мехлиса существенно упрочивалось. Став наркомом и войдя в правительство, он занял более высокую нишу в иерархии государственной бюрократии. Да и самому госконтролю Сталин придавал большое значение, как важному рычагу давления на госаппарат в условиях, когда массовые репрессии было сочтено нужным прекратить. Это видно уже по тому, что НКГК был приподнят над остальными наркоматами, получив право их контролировать.

Ему придавался статус союзно-республиканского наркомата, который был призван осуществлять: повседневный контроль за учетом, хранением и расходованием денежных средств и материальных ценностей, находящихся в распоряжении государственных, кооперативных и других общественных организаций; производство плановых и внезапных ревизий, причем нарком наделялся правом самостоятельно, без согласования с правительством определять, какие и где проверки и ревизии проводить; подготовку для правительства СССР заключений по исполнению госбюджета; проверку исполнения постановлений и распоряжений правительства как по его поручению, так и по усмотрению наркома госконтроля.

Беспрецедентными были предоставленные Наркомату госконтроля в лице его руководителя права: давать обязательные для всех наркоматов, главных управлений и комитетов при СНК СССР и их местных органов, а также для всех других государственных и обще-

---

[1] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1026, л. 13, 18, 35; д. 1027, л. 35.

ственных организаций указания о предоставлении ими отчетов и объяснений по вопросам, входящим в компетенцию НКГК; требовать от соответствующих руководителей устранения обнаруженных недостатков; налагать на виновных дисциплинарные взыскания, отстранять их от должности, производить на них денежные начеты, а в случае обнаружения преступных действий привлекать к судебной ответственности.

Обстановка, в которой предстояло действовать новому наркомату, была непростой. Страна, наверстывая отставание от ведущих западных стран, в условиях нарастания международной напряженности, а с 1 сентября 1939 года — с учетом фактора начавшейся мировой войны — лихорадочно наращивала производство, прежде всего в оборонных отраслях. С июня 1940 года вступил в действие указ Президиума Верховного Совета СССР о переходе на восьмичасовой рабочий день и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий. В пользу обороны перераспределялись огромные финансовые потоки, в 1941 году расходы на эти цели составили более 43 процентов государственного бюджета. Правительство, Комитет обороны при СНК принимали одно за другим постановления о строительстве и реконструкции авиационных и авиамоторных заводов, судостроительных верфей, заводов по производству бронетанковой и артиллерийской техники.

Созданная в СССР в 30-е годы хозяйственная система в целом успешно справлялась с задачами экстенсивного наращивания производства, но в экстремальных условиях оказалась мало восприимчивой к новаторству, к новым формам организации производства, к утверждению в качестве приоритетных таких показателей общественного труда, как эффективность, производительность, рациональность. Дабы преодолеть кризис административно-командной системы, косвенно зафиксированный XVIII конференцией ВКП(б) (январь — февраль 1941 года), руководство страны выбрало привычный путь — лихорадочное «усовершенствование» системы управления через ужесточение контроля, дальнейшее укрепление централизма, введение детальной отчетности. Ликвидировались даже слабые ростки хозрасчета, материального стимулирования, оперативной самостоятельности предприятий.

Политбюро ЦК ВКП(б) стремилось как можно быстрее запустить механизм госконтроля. 29 сентября 1940 года оно поручило

присутствовавшему на заседании Мехлису в 10-дневный срок представить на утверждение план работы НКГК на 1940 и 1941 годы. Особо было оговорено, что поручения текущего характера наркомату могут давать только ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Здесь же новый нарком получил и первое задание по телеграмме секретаря Свердловского обкома партии В.М. Андрианова, сообщившего о неудовлетворительном снабжении черными и цветными металлами заводов Наркомата боеприпасов. Наркому госконтроля вместе с наркомом внутренних дел Берией было поручено «проверить аппарат Наркомата боеприпасов, учтя обмен мнений» (так в документе. — *Ю.Р.*).

Если Сталина правомерно назвать идеологом государственного контроля, то Мехлис был подлинным конструктором системы и механизма такого контроля. Он приступил к созданию вверенного ему ведомства энергично, без раскачки, с пониманием значения той высоты, на которую был вознесен. Вряд ли он пожалел, что расстался с Наркоматом обороны.

В первую очередь предстояло решить комплекс организационных вопросов — сформировать дееспособный коллектив как в центре, так и на местах, спланировать работу и наладить ее практически. Лев Захарович начал с кадров. К ноябрю Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило предложенный Мехлисом и Маленковым состав коллегии наркомата. Были утверждены штаты центрального аппарата НКГК СССР, включавшего наркома и восемь его заместителей, собственно рабочий аппарат наркомата, аппарат главных контролеров по другим наркоматам и ведомствам — всего 1 тыс. человек.

Комплектование штатов шло не только за счет ранее упраздненных контрольных органов. Использовались многие источники — подходящие специалисты запрашивались из аппаратов других наркоматов и с производства, отбирались из числа выпускников вузов, вызывались в Москву с мест. Некоторое число работников ему разрешили взять из военного ведомства: к концу февраля 1941 года только в центральном аппарате НКГК трудились около 130 военнослужащих. Кроме того, он добился решения ЦК партии, обязывавшее руководство наркоматов обороны и ВМФ выделить в его распоряжение необходимые кадры для назначения контролерами в военные округа, армии, дивизии и на крупные склады.

Мехлис организовал работу по срочному формированию наркоматов госконтроля союзных республик и подбору кандидатур наркомов. Политбюро ЦК ВКП(б) оперативно утвердило по его представлениям З.И. Али-Заде (Азербайджанская ССР), А.А. Бунятяна (Армянская ССР), А.Х. Бутко (Молдавская ССР), И.Ф. Волошина (Белорусская ССР), А.К. Койшигулова (Казахская ССР). Позднее в рабочем порядке были произведены назначения наркомов и в других союзных республиках.

Нарком госконтроля СССР проявлял необходимую взыскательность и соглашался с далеко не каждым предложением республиканских партийных органов. Так, кандидатура Койшигулова была принята им при условии, что наркому госконтроля Казахстана будет придан толковый, знающий заместитель. А кандидатуру К. Мукумбаева, начальника Бухарского областного отдела НКВД, предлагавшегося ЦК КП(б) Узбекистана на пост республиканского наркома, и вовсе отвел. «Считаю, что он по своей общей культуре и грамотности с работой наркома госконтроля не справится», — после личной беседы с кандидатом резюмировал Мехлис в письме Молотову[1].

Параллельно формировались и штаты наркоматов союзных республик. Вместе с аппаратом союзного наркомата в подчинении у Мехлиса оказалась целая армия контролеров — более 4,5 тыс. человек.

В решении кадровых вопросов наиболее сложным звеном оказался подбор руководителей среднего звена и рядовых сотрудников. Лев Захарович требовал от своих заместителей, от главных контролеров оценивать людей, прежде всего, по политическим качествам. Несмотря на то что к этому времени волна массовых репрессий спала, недавняя атмосфера всеобщей подозрительности, массового выявления фактов «вредительства» буквально во всех отраслях народного хозяйства, во всех сферах жизни сказывалась сильно. В результате многие кандидатуры отводились даже при наличии, казалось бы, веских аргументов в пользу назначения на должность.

Строго следя за политическим лицом подчиненных, нарком обращал много внимания и на их деловые качества, предупреждал контролеров против бездумного увлечения возможностью карать, требовал разбираться с выявленными нарушениями без торопливо-

---

[1] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 4, л. 61.

сти, при участии проверяемых должностных лиц. С теми, кто эти требования не выдерживал, расставался. Так, в декабре 1940 года был снят с должности и уволен из НКГК главный контролер по Народному комиссариату торговли Г.Я. Удрас. Во время проверки состояния торговли и общественного питания на заводах оборонной промышленности, проводившейся по поручению ЦК ВКП(б), он проявил недобросовестность и необъективность.

Мехлис проявил ясное понимание того, что контролерские функции качественно сможет исполнять только квалифицированный работник. Учитывая недостаточно высокий образовательный уровень контролерского состава, а также то обстоятельство, что многие приходили на эту работу из других сфер деятельности, нарком неоднократно давал указания о дополнительной учебе подчиненных. Одним из своих первых приказов он утвердил порядок изучения работниками наркомата основ бухгалтерского учета, экономики и финансов. По прошествии нескольких месяцев было признано необходимым поднять уровень таких занятий. Для старших контролеров, контролеров и их помощников вводился техминимум с последующей сдачей зачетов по основам бухгалтерского учета, финансам, кредиту и их планированию, основам хозяйственного и уголовного права и другим дисциплинам.

Несмотря на значительные усилия, заполнение вакансий все время шло трудно. Не хватало руководителей (главных контролеров и их заместителей), недоставало наиболее массовой категории специалистов — контролеров, в течение длительного срока не удавалось укомплектовать группу ревизоров, состоявших непосредственно при наркоме для выполнения оперативных заданий. На 1 января 1942 года центральный аппарат был заполнен всего на 60 процентов (при том, что в армию с началом войны было призвано не так уже много — 141 человек), а укомплектованность контролерским составом оказалась еще ниже — от 40 до 60 процентов.

Особую тревогу у Мехлиса, и не без основания, вызывало положение дел с кадрами в союзных республиках, особенно в тех, которые лишь недавно обрели такой статус. Как докладывал ему начальник организационно-инструкторского отдела НКГК СССР Ортенберг, совершивший в марте 1941 года инспекционную поездку в прибалтийские республики, в тамошних наркоматах госконтроля царил, по сути, развал. В Эстонии и Литве не было осуществлено

ни одной ревизии или проверки, в Латвии они хотя и проводились, но затрагивали незначительные проблемы непроизводственной сферы. Наркомы к выполнению своих функций оказались непригодны. Штаты были засорены выходцами из буржуазных партий, бывшими офицерами старой армии, кулаками.

Союзный нарком принял решение срочно подобрать опытных контролеров для постоянной работы в наркоматах госконтроля прибалтийских республик, командировать туда группу для проведения совместных проверок и ревизий, а от наркомов потребовал решительно перестроить работу, прежде всего, приняв меры к срочной очистке аппарата наркоматов от антисоветских и враждебных элементов.

Нарком не ждал, пока завершится процесс формирования подчиненных ему коллективов, а сразу же ориентировал подчиненных на практические проверки и ревизии. На первых порах они, правда, носили во многом случайный характер, охватывали в основном столичный регион, касались локальных вопросов, например, разбазаривания кожевенных товаров в системе Наркомата легкой промышленности РСФСР и подчиненной ему фабрики «Парижская коммуна», срыва ввода в строй импортного прокатного стана в Московском институте стали им. Сталина, незаконного получения средств на дотацию питания директором Московского треста овощных совхозов И.И. Яновым, сверхпланового простоя вагонов на цементном заводе «Гигант» Наркомата строительных материалов СССР.

Мехлис быстро уловил эту тенденцию и попробовал переломить ее. Реагируя в ноябре 1940 года на представленный ему акт ревизии, проведенной в финансовом отделе Наркомата совхозов СССР и вскрывшей широкую практику заключения договоров с частными лицами на выполнение разного рода работ, он согласился с заключением ревизоров, что это — лазейка для получения нетрудовых доходов. Нарком госконтроля дал указание провести аналогичную ревизию сразу в 10—15 наркоматах, обобщить результаты и на их основе подготовить проект постановления правительства, дабы придать борьбе с хищениями средств, проводившимися под прикрытием трудовых соглашений, всесоюзный масштаб.

Похожая картина неудовлетворительной постановки контролерской работы была выявлена и в некоторых союзных республиках, в частности, в Казахстане. Местные дозорные предпочитали прове-

рять то, что было поближе и попроще, — картинную галерею, охотинспекцию, тогда как основная отрасль хозяйства республики — животноводство — оставалась вне их поля зрения. Много нареканий вызывала и деятельность наркоматов госконтроля Азербайджанской, Узбекской, Таджикской ССР. Вскрывая в своих приказах наиболее характерные недостатки, союзный нарком предупредил республиканских наркомов об особой ответственности за точность и обоснованность материалов ревизий и проверок, представляемых в Москву.

Важнейшим направлением был контроль за исполнением решений правительства по оборонным вопросам. Эту работу Лев Захарович строил, как следуя конкретным указаниям директивных органов, так и по собственной инициативе. Например, 29 октября 1940 года Политбюро поручило наркомату проверить, как выполняются постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 октября того же года «О плане военного судостроения на 1941 год», а также постановления Комитета обороны о строительстве специальных цехов на Старокраматорском и Новокраматорском заводах, которые производили башни и артиллерийские системы для военных кораблей. Уже к 15 декабря, выполняя это указание, Мехлис организовал семь проверок в Наркомате судостроительной промышленности, восемь — строительства, пять — тяжелого машиностроения.

Ряд проверок были организованы в инициативном порядке. Это касалось, в частности, постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 октября 1940 года «О форсировании строительства Верхне-Свирской гидроэлектростанции». По характеру принятых мер можно судить о принципиальных подходах наркома госконтроля. Прежде всего, на строительство был назначен специальный контролер из аппарата главного контролера по Наркомату электростанций. Следующая мера предпринималась с учетом того, что основное оборудование для Свирстроя должны были изготовить в Ленинграде. Уполномоченному НКГК по этому городу Крючихину поручался контроль над своевременным исполнением заказов на оборудование и его поставкой. Наконец, в наркомате был разработан план контроля выполнения указанного постановления с перечислением конкретных заданий главным контролерам по 16 наркоматам[1].

---

[1] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 2, л. 143, 144—149.

Глава госконтроля организовал проверку выполнения тех постановлений, по которым уже были практические результаты. Это относится, прежде всего, к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 января 1940 года о простоях вагонов на подъездных путях промышленных предприятий (Мехлис дал указание изучать этот вопрос в рамках всех ревизий и проверок, независимо от основной тематики, кроме того, НКГК специально проверил, как на эти простои реагировали Прокуратура СССР и Наркомат юстиции, и фактически уличил их в беззубости принимаемых мер); постановлению от 2 февраля 1940 года о мерах по сбору, переработке и использованию отходов лома черных металлов (руководители проверенных заводов «Москабель», «Электросила» и «Севкабель» были строго наказаны за невыполнение плана по сдаче лома и отпуск отходов металла на сторону); постановлениям ЦИК и СНК СССР 1930 года о правилах отнесения крупных промышленных центров к льготным (по мнению наркома, которое он изложил в письме Сталину и Молотову, эти правила устарели и создавали возможности для разбазаривания госсредств; поэтому он просил поручить ВЦСПС и Наркомату юстиции срочно подготовить проект указа Президиума Верховного Совета СССР о льготах лицам, работающим в отдаленных местностях, предусмотрев максимальное сокращение действовавших до этого льгот) и другим.

В целом за первую половину 1941 года было осуществлено около 400 ревизий и проверок, прежде всего в тех отраслях народного хозяйства, от которых непосредственно зависела готовность страны к обороне. Подобный подход, утверждавшийся под прямым давлением Мехлиса, становился все более определяющим. Он выгодно отличался от во многом случайных по адресам, мелких по масштабам и неглубоких по выводам ревизий и проверок, с которых наркомат начинал свою деятельность.

Характерный пример представляет собой сплошная проверка подразделений Главнефтесбыта Наркомата нефтяной промышленности. Одновременно и под углом зрения одного вопроса — учет, хранение и отпуск нефтепродуктов — ею охватили 18 республиканских и областных контор и отдельных крупных нефтебаз от Молдавии до Таджикистана. Были вскрыты вопиющие нарушения установленного порядка: запущенность учета, незаконный отпуск нефтепродуктов на «сторону», недостачи и приписки. Только отпуск

топлива без фондов и сверх фондов, что запрещалось строжайше, составил по проверенным подразделениям главка свыше 7,6 тыс. тонн. Мехлис своими приказами отстранил от должности и привлек к судебной ответственности несколько десятков работников отрасли, произвел денежные начеты.

Наращивая административные «мускулы», нарком госконтроля добился утверждения в правительстве правил производства денежных начетов на должностных лиц, причинивших ущерб государству. Постановление СНК СССР от 13 мая 1941 года правом издавать приказы о производстве таких начетов наделяло только его, союзного наркома, и наркомов союзных республик. Взыскиваемые суммы — в размере причиненного ущерба, но не свыше трехмесячной заработной платы провинившегося должностного лица — вносились в доход союзного бюджета.

С самого начала Мехлис считал необходимым насадить как можно больше госконтролеров непосредственно на важнейших производственных объектах, стройках, железные дорогах, в отдаленных и особо важных в хозяйственном отношении районах — Хабаровском, Приморском, Красноярском краях, Новосибирской, Архангельской и Мурманской областях. За две недели до начала Великой Отечественной войны Мехлис внес в директивные органы новое предложение такого же рода: 10 июня он представил секретарю ЦК ВКП(б) Жданову для утверждения на Оргбюро ЦК проект постановления о введении института контролеров НКГК СССР в областях, краях и автономных республиках[1].

Положение о наркомате также предусматривало назначение контролеров непосредственно на важнейшие производственные объекты, стройки, железные дороги. В октябре 1940 года Политбюро утвердило предложенный Мехлисом список предприятий и строек союзного подчинения, на которые назначались постоянные контролеры. Список охватывал объекты девяти наркоматов и ведомств (в том числе авиационной, судостроительной промышленности, вооружения, боеприпасов, тяжелого машиностроения и другие) и включал почти 200 фамилий. Позднее нарком госконтроля обратился в ЦК к Маленкову с просьбой поддержать предложение о введе-

[1] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 1, л. 57; д. 12, л. 191—192, 260.

нии должностей постоянных контролеров на большинстве железных дорог страны.

Представляется, что в этих предложениях чем дальше, тем больше сказывалось наблюдавшееся у Мехлиса еще со времен Гражданской войны преувеличенное представление о силе и эффективности чисто административных рычагов. Надо ведь отдавать себе отчет, что само по себе присутствие контролера на том или ином объекте вовсе не гарантировало от брака, хищений, злоупотреблений. Одним надзором без включения экономических рычагов борьбы за качество и производительность, сохранность и экономию труда и материалов, как показывает практика, мало чего добьешься. Тем не менее нарком упорно насаждал своих подчиненных повсеместно.

Случаи проявления упрямства, прямолинейного, упрощенного взгляда на то или иное событие или явление были у Льва Захаровича не так уж редки. Он учил подчиненных глубоко вникать в положение дел во время ревизий и проверок, тщательно разбираться в причинах бесхозяйственности, но сам сплошь и рядом поступал вопреки собственным же установкам, оказываясь в плену чванства и дилетантизма. Учитывая его пост и то влияние, которое он объективно оказывал на принятие решений государственного масштаба, это вело к подчас непоправимым последствиям.

О подобном случае вспоминал бывший в годы Великой Отечественной войны заместителем наркома обороны — начальником Тыла Красной Армии генерал армии Хрулев. В 1940 году в правительстве решали, где сосредоточивать мобилизационные запасы. Военные тыловики предлагали разместить их в Поволжье, но нарком госконтроля воспротивился этому, настаивая, чтобы запасы даже зимнего обмундирования накапливали в приграничных районах (воевать-то собирались на чужой территории). «В любом возражении против этого, — писал Хрулев, — Л.З. Мехлис видел вредительство... И.В. Сталин поддался уговорам Мехлиса и принял его точку зрения. Впоследствии нам пришлось за это жестоко расплачиваться. Много материальных средств было либо уничтожено нашими войсками при отходе, либо захвачено врагом».

Нарком ГК оказался в данном случае в плену глубоко порочных установок, в соответствии с которыми военная доктрина даже не предусматривала затяжной, оборонительный характер начальных операций войны. Реальные же события развивались таким образом,

что на территории, которую уже к 10 июля 1941 года вынуждены были оставить советские войска, оказалось более 200 складов центрального и окружного подчинения, что составило больше половины всех складов приграничных округов. Надо ли говорить, с какой отрицательной силой это сказалось на снабжении действующей армии. Об авторах подобного пагубного решения, подлинных «вредителях», среди которых активную роль играл не только Мехлис, но и сам Сталин, в высших эшелонах власти, разумеется, предпочли не вспоминать.

После разгрома в 30-е годы политических оппозиций единственной силой, хоть в какой-то степени могущей ограничивать самовластие Сталина, оставались лишь советские ведомства и их руководители. Генеральный секретарь вынужден был объективно считаться с ними, поскольку, даже если бы он и обладал теми талантами, которые ему приписывали придворные биографы, не мог в одиночку управлять сложным хозяйственным механизмом страны. Чем дальше, тем менее это устраивало его, стремившегося к утверждению полного единовластия. В качестве удобного метода «воспитания» он избрал периодические — под предлогом борьбы с бюрократизмом и ведомственностью — разносы и взыскания.

Орудием давления на управленческую элиту стал, в первую очередь, Мехлис. Выявляемые органами госконтроля в ходе многочисленных проверок факты бесхозяйственности, хищений и злоупотреблений в наркоматах, на предприятиях, в учреждениях, независимо от конкретных виновников, косвенно бросали тень и на руководителей наркоматов и ведомств, давали основание Сталину предъявить тому или иному номенклатурному работнику серьезные претензии, позволяли успешно прививать управленческой элите своеобразный комплекс неполноценности, чувство неуверенности в прочности своего положения. Поэтому весьма поверхностными выглядят представления бывшего министра сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктова, убежденного, что Мехлиса (как и Берию) «Сталин использовал как своего рода “дубинку страха”, с чьей помощью из руководителей всех рангов выбивалось разгильдяйство, ротозейство, беспечность и другие наши болячки... И, надо сказать, подобный, не очень привлекательный метод срабатывал эффективно». Более убедительными представляются наблюдения историка О.В. Хлевнюка о том, что эта «дубинка страха» служила куда бо-

лее глобальным замыслам вождя — искоренить даже остатки какой бы то ни было политической самостоятельности у представителей управленческой элиты[1].

Нередко Мехлис, ощущая полную поддержку вождя, выдвигал и прямые обвинения против крупных хозяйственников и управленцев. Вот лишь некоторые факты. Благодаря проведенной в ноябре 1940 года проверке Наркомата морского флота Льву Захаровичу стало известно об имевшей там место «антигосударственной практике двойного финансового планирования». Нарком С.С. Дукельский испросил в правительстве дотацию в 63 млн рублей, скрыв при этом, что в наркомате составлен и второй, реальный финплан, по которому не только не требовалась дотация, но и ожидалась прибыль. К докладу председателю Совнаркома Молотову о результатах проверки Мехлис приложил проект постановления СНК СССР, в котором предусматривалось: а) Дукельскому объявить строгий выговор, б) принять во внимание, что нарком госконтроля уже отстранил своей властью от должности и привлек к судебной ответственности непосредственных виновников двойного планирования в Наркомморфлоте, в) заново утвердить баланс наркомата с прибылью в 1,83 млн рублей вместо предусмотренной планом госдотации[2].

Госконтролеры проверили Прокуратуру СССР, точнее, ее административно-финансовое управление. За систематическое нарушение финансовой дисциплины, злоупотребления служебным положением в личных целях приказом наркома госконтроля были сняты с работы и привлечены к суду начальник управления М.Г. Бесяков, его заместитель, начальник финотдела и начальник хозяйственной части.

Мехлис нашел возможность «поправить» и самого прокурора СССР В.М. Бочкова. 19 марта 1941 года он проинформировал Сталина и Молотова о том, что Бочков дал подчиненным неверное, идущее вразрез с указом Президиума Верховного Совета СССР, разъяснение порядка учета и перераспределения на предприятиях излишнего оборудования и материалов. Глава союзной Прокуратуры разрешил не привлекать руководителей предприятий к ответствен-

---

[1] Молодая гвардия, 1989, № 4. С. 62; *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 96.

[2] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 4, л. 70—73.

ности, если они производили такое перераспределение, хотя и без разрешения СНК СССР, но в пределах одного ведомства. Мехлис просил руководителей страны такое «разъяснение» Бочкова отменить и не преминул напомнить, что на Прокуратуру СССР союзной Конституцией возложен надзор и наблюдение за точным исполнением законов, но не их разъяснение.

Удобным поводом одернуть того или иного представителя элиты, напомнить о том, что его положение и благополучие в решающей степени зависят от расположения вождя, были факты бытового разложения, проявления, как тогда говорили, комчванства, становившиеся известными благодаря наркому госконтроля. Чудовищное падение нравов правящей верхушки не было, конечно, секретом для вождя, более того, он взирал на него благосклонно, привязывая к себе сторонников роскошными пайками, дачами, персональными окладами.

Но при необходимости такой информации давался ход. Ещс в разгар массовых репрессий она была удачно опробована правящим режимом как орудие политической борьбы. Как следовало, например, из вступившего в силу в феврале 1938 года совместного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, «ряд арестованных заговорщиков (Рудзутак, Розенгольц, Антипов, Межлаук, Карахан, Ягода и др.) понастроили себе грандиозные дачи-дворцы в 15—20 и больше комнат, где они роскошествовали и тратили народные деньги, демонстрируя этим свое полное бытовое разложение и перерождение».

Поскольку и по окончании массовых репрессий официально приветствовавшейся линией поведения руководителей оставался эгалитаризм, Мехлис информировал Сталина о вскрытых отклонениях от нее. Так, генеральному секретарю ЦК были доложены факты финансовых злоупотреблений в Наркомате мясной и молочной промышленности СССР, которые творились с благословения наркома В.В. Воробьева; незаконной оплаты питания наркома морского флота Дукельского из средств соцкультфонда наркомата (нарком ГК даже произвел на него денежный начет в размере 3288 рублей); недостойного поведения заместителя наркома лесной промышленности Т.Ф. Трудова и первого заместителя наркома М.И. Салтыкова (первый бесплатно изготовил для себя на подчиненном предприятии

комплект мебели, а второй покровительствовал любителям комфорта за казенный счет) [1].

Не без участия Мехлиса на XVIII Всесоюзной партконференции (февраль 1941 года) оказались переведенными из членов ЦК в кандидаты шесть человек, а еще 15 человек были исключены из кандидатов. Лаконичная формулировка — «не обеспечили выполнение своих обязанностей» — в ряде случаев прямо опиралась на материалы, предоставленные высшему руководству партии вездесущим наркомом госконтроля.

Автор не склонен преуменьшать объективную полезность для общества усилий госконтролеров по вскрытию фактов казнокрадства высших чиновников, особенно вопиющих, учитывая, что народ жил в целом скудно и трудно. Нельзя, однако, не обратить внимания на то, что наказания, которые понесли высшие управленцы, уличенные в уголовных преступлениях, были уж очень скромными. Особенно на фоне массового и жестокого применения к рядовым гражданам «закона о колосках» от 7 августа 1932 года и других актов, каравших за расхищение социалистической собственности. И дело здесь не в скудости полномочий наркома госконтроля. Лично ему лишь позволялось пугать казнокрадов. Как поступить с тем или иным проштрафившимся наркомом или партийным секретарем, Сталин, будучи основным потребителем шедшей от Мехлиса информации, решал сам.

Так или иначе, Лев Захарович вносил свой посильный, хотя, возможно, многими и не видимый вклад в окончательное утверждение сталинского единовластия, снижению роли некогда главного политического органа в стране — Политбюро ЦК ВКП(б). «Перелив» реальной власти из Политбюро в Совнарком, начатый репрессиями против членов высшего руководства в 1937—1938 годах, отмеченный на рубеже 30—40-х годов дезорганизацией прежнего порядка работы Политбюро, сокращением количества рассмотренных им вопросов и принятых решений, завершился несколькими принципиальными политическими ходами Сталина в предвоенные месяцы.

И все они напрямую затрагивали Мехлиса. По принятому 21 марта 1941 года совместному постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР Лев Захарович стал одним из заместителей председателя Совнар-

---

[1] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 2, л. 197; д. 4, л. 53—54, 58—60.

кома (по совместительству) и в этом качестве существенно расширил свои полномочия. Каждый зампред получал кураторство над двумя-тремя наркоматами и мог теперь единолично, хотя и в рамках установленных планов, решать все оперативные вопросы по подведомственным наркоматам. Причем все решения заместителей председателя СНК издавались как распоряжения правительства.

В соответствии со вторым, принятым в тот же день совместным постановлением, было создано Бюро Совнаркома — новый орган власти, не предусмотренный Конституцией и тем не менее облеченный всеми правами Совнаркома СССР, поскольку его решения издавались как постановления СНК. Вначале в Бюро вошел ограниченный круг людей, но уже 7 мая все 15 заместителей председателя СНК, а следовательно, и Мехлис, стали его членами[1].

Учитывая, что за несколько дней до этого, 4 мая 1941 года, председателем СНК был утвержден Сталин, можно определенно сказать: оформление процесса концентрации партийной и государственной власти в нашей стране в одних руках завершилось.

В Бюро СНК СССР Льва Захаровича окружали исключительно члены Политбюро, лишь он сам и Булганин не входили в состав высшего партийного руководства. Тем самым он оказался признанным участником процесса, который настойчиво проводился Сталиным — оттеснения от властных рычагов старых, еще с 20-х годов соратников Молотова, Кагановича, Микояна, Ворошилова выдвиженцами периода «большой чистки»: в Политбюро — Ждановым, Хрущевым, Маленковым, Берией, Щербаковым, в СНК — Вознесенским, Булганиным, Берией, Мехлисом.

Косвенной, хотя и весьма выразительной оценкой усилий последнего на посту наркома государственного контроля СССР стало его назначение (по совместительству) председателем государственной штатной комиссии Совнаркома СССР в соответствии с постановлением СНК от 5 июня 1941 года. Основная задача комиссии заключалась в разработке и осуществлении мероприятий по усовершенствованию госаппарата, включавших: разработку общегосударственной номенклатуры должностей и должностных окладов, рассмотрение структуры и утверждение штатов республиканских наркоматов и управлений, упразднение искусственно созданных звеньев государ-

---

[1] Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 35.

ственного и хозяйственного аппаратов, устранение дублирования и параллелизма в их работе.

Есть основание полагать, что Сталин, подпись которого стоит под указанным постановлением, был удовлетворен усилиями Мехлиса на посту наркома ГК, одобрял его настойчивость, готовность карать невзирая на лица и постепенно расширял ему поле деятельности. Вождь убедился, что его давний выдвиженец неплохо справляется с задачей держать наркомов и других хозяйственных руководителей в напряжении, не давать формироваться вокруг них устойчивым командам, препятствовать превращению наркоматов в монстров, обладающих огромным экономическим потенциалом и потому становящихся более независимыми от правительства и его нового председателя.

Решению этой задачи способствовал непрерывно шедший всю вторую половину 30-х годов процесс разукрупнения наркоматов. К началу Великой Отечественной войны НКГК СССР осуществлял свои функции в отношении уже 46 наркоматов и ведомств. Лично Мехлис как нарком курировал деятельность главных контролеров в двух из них — обороны и Военно-Морского Флота, не передоверяя их заместителям. Он словно предчувствовал, что именно там, в военном ведомстве, ему придется провести ближайшие четыре с половиной года.

Последний предвоенный день начался у Льва Захаровича совершенно неожиданно. В пакете, аллюром «три креста» доставленном фельдъегерем из Кремля, нарком госконтроля обнаружил постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о своем назначении начальником Главного управления политической пропаганды РККА. При этом прежняя должность за ним сохранялась.

Правда, из-за занятости Мехлиса делами по военному ведомству обязанности наркома госконтроля фактически выполнял его заместитель В.Ф. Попов. За всю войну (да и то лишь тогда, когда работал в Москве) Лев Захарович подписал считаное число приказов в качестве руководителя наркомата.

К моменту начала войны ему довелось возглавлять НКГК неполный год. Но на функционирование новой госструктуры он оказал едва ли не решающее влияние. В стиле его деятельности преломилось стремление сталинского руководства к тотальному контролю как универсальному средству управления. Только если раньше Мех-

лис контролировал сферу общественного сознания, то теперь во всю силу давил на административные рычаги, обеспечивая рост эффективности общественного производства и режим экономии. И делал это с присущими ему энергией и напористостью.

Глава 6

У РУЛЯ ГЛАВНОГО ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ РККА

ВСЕ ПОДЧИНИТЬ ОТПОРУ ВРАГУ

Возвращение Мехлиса на должность, которую он оставил менее чем за год до этого — начальника Главного управления политической пропаганды РККА, было не случайным. Армейский комиссар 1-го ранга Запорожец, сменивший Льва Захаровича в сентябре 1940 года, явно уступал своему предшественнику. При всех крупных недостатках Мехлис был публичным политиком, личностью масштабной, авторитетной в высших партийных и государственных кругах. Безусловную преданность вождю он сочетал с инициативой, напором, обладал пробивным характером, умением, невзирая на цену, добиваться поставленной цели, бескомпромиссной требовательностью на грани жестокости, а то и за ее пределами. Пришедший же на должность начальника ГУПП с поста члена военного совета Московского военного округа Запорожец так и остался военным чиновником среднего калибра, бледным, незаметным, одним из многих. Сталин явно разочаровался в нем. Не случайно по ходу начавшейся войны Александр Иванович все время шел «на снижение» и закончил ее генерал-лейтенантом, членом военного совета армии, а затем тылового военного округа.

Первый день в новой должности, оказавшийся последним мирным днем для страны, Мехлис провел в Наркомате обороны, принимая дела. Был спланирован его срочный выезд вместе с наркомом обороны Тимошенко в Западный особый военный округ, но на глазах сгущавшаяся грозовая атмосфера на границе заставила отказаться от задуманного. В ночь на 22 июня он был вызван к Сталину для участия, судя по записям в журнале посетителей кремлевского

кабинета вождя, в совещании высших политических и военных руководителей, закончившимся в 23 часа по московскому времени[1].

Лев Захарович был также в числе тех немногих деятелей (кроме него — Тимошенко, Жуков, Молотов, Берия), которых Сталин в 5 часов 45 минут 22 июня собрал на первое после известия о нападении фашистской Германии совещание. Здесь была выработана директива наркома обороны № 2, которая предписывала войскам Красной Армии «обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу», а также приняты важнейшие решения, положившие начало превращению страны в единый военный лагерь.

...В сентябре 1940 года Мехлис уходил со своей должности в атмосфере суровых уроков войны с Финляндией. С учетом их в Красной Армии развернулась лихорадочная перестройка. И чем дальше, тем больше она шла под знаком того, что, как ясно дал понять Сталин на приеме выпускников военных академий 5 мая 1941 года, война с фашистской Германией в будущем неизбежна и следует проводить наступательную политику.

Этот тезис находил отражение и в пропагандистских установках войскам. 25 мая начальник ГУПП Запорожец представил члену Главного военного совета секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову проект директивы «Очередные задачи партийно-политической работы в Красной Армии» с просьбой обсудить ее на заседании ГВС. В ней предлагалось «от мирного содержания и тона перейти к разъяснению лозунга о наступательной военной политике советского народа и Красной Армии. Воспитывать личный состав в духе воинственности и наступательного порыва, в сознании неизбежности столкновения Советского Союза с капиталистическим миром...» И хотя на заседании ГВС 4 июня оказавшийся неважным пророком Маленков высказал авторам проекта претензии: «Документ примитивно изложен, как будто бы завтра мы будем воевать», он, с другой стороны, согласился с высказанным здесь же мнением Жданова, что поворот делается все же не в политике, а в пропаганде и что «политика наступления была у нас и раньше».

---

[1] Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком, 1924—1953 // Исторический архив, 1996, № 2. С. 51.

Оперативно доработанный в соответствии со сделанными в ходе обсуждения на Главном военном совете замечаниями проект уже 9 июня вновь попал к Маленкову, а 20-го был передан Сталину. По-новому озаглавленный — «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время», документ нес все ту же печать «наступательности». При этом, верно говоря о необходимости развенчать представление о немецкой армии, как якобы непобедимой, проект директивы одновременно содержал явно противоречившие истине утверждения о том, что «значительная часть германской армии устала от войны», а «превращение Германии в поработителя народов, тяжелые экономические условия... порождают недовольство народных масс»[1].

Вождь так и не успел утвердить этот документ. Тем не менее многие содержавшиеся в нем положения отражали умонастроения армейских политработников, пропагандировались в войсках и даже после начала войны некоторое время довлели над умами личного состава, порождая иллюзии о быстром разгроме Германии на ее собственной территории, о готовых вот-вот вспыхнуть в тылу фашистских войск восстаниях немецкого пролетариата. Рассеивать подобные иллюзии, перестраивать партийно-политическую работу с учетом кардинально изменившейся в результате начала войны обстановки и должен был Мехлис вместе с аппаратом ГУПП и огромным отрядом политработников действующей армии. 10 июля по постановлению Государственного Комитета Обороны он занял также пост заместителя наркома обороны СССР.

Назначение нового начальника Главного управления политической пропаганды было произведено без огласки и столь поспешно, что, по свидетельству бывшего начальника 7-го отдела ГУПП (по работе среди войск и населения противника) генерал-майора в отставке Бурцева, даже многие руководители среднего звена в аппарате главного управления узнали о нем только на следующий день, с началом войны.

Лев Захарович, работая в Наркомате госконтроля СССР, не был прямо связан с армией. Тем не менее, по единодушному свидетельству людей, видевших его в обстановке первых дней Великой

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 101, л. 29—30. См. также: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. С. 226—227.

Отечественной, это не помешало ему надежно находиться в плену известных установок — «не поддаваться на провокации», никаких мероприятий по приведению войск в боевую готовность «без особого распоряжения» не проводить.

Вот что вспоминал бывший в начале войны начальником Главного управления ПВО страны главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов. Он встретил Мехлиса в кабинете Тимошенко на рассвете 22 июня сразу после получения докладов о налетах вражеской авиации на советские города. Когда начальник главка доложил все имевшиеся в его распоряжении данные о действиях авиации противника, нарком, не высказав никаких замечаний по докладу, подал Воронову блокнот и предложил изложить донесение в письменном виде. И пока тот делал записи, за его спиной стоял Мехлис и следил, точно ли излагается устный доклад. «После того как я закончил, Мехлис предложил подписаться... — писал Воронов. — Меня поразило, что в столь серьезной обстановке народный комиссар (или хотя бы его заместитель, логично добавить. — *Ю.Р.*) не поставил никакой задачи войскам ПВО, не дал никаких указаний. Мне тогда показалось: ему не верилось, что война действительно началась...»[1]

Странным, ненужным показалось Воронову и стремление краткий устный доклад обязательно зафиксировать для перестраховки на бумаге, будто в тот момент не было дела важнее, и фашистские бомбы падали не на наши города.

Если руководители Наркомата обороны и продолжали еще жить понятиями мирного времени, то грозные события в западных регионах страны очень скоро заставили считаться с собой. Мехлиса в том числе. Политработники приграничных округов, ставших в первый день фронтами, просили различных указаний, как действовать в принципиально новых условиях. Связь с ними постоянно прерывалась, а во многих случаях надолго исчезала. Повышенного внимания требовало также идеологическое обеспечение объявленной в стране мобилизации военнообязанных запаса. Вновь сформированные части и соединения, как губка, поглощали кадры политработников, нужда в которых и без того была острой. Словом, на повестку дня вышла огромная масса вопросов, которые следовало решать незамедлительно.

---

[1] *Воронов Н.Н.* На службе военной. М., 1963. С. 176.

Преодолевать этот поток Мехлису помогали и редкая напористость, и железное здоровье, и многолетняя привычка к изнурительному труду, нередко по ночам, приобретенная еще в бытность помощником генерального секретаря ЦК ВКП(б) и редактором «Правды». Дома не бывал неделями. Рядом с кабинетом ему оборудовали комнату для отдыха. Часа два сна — и опять за рабочий стол. Приемная была буквально забита людьми, ожидавшими приема. По свидетельству очевидцев, слушал он собеседников мало, ограничивался в основном отдачей приказов и накачками.

Правда, армейского комиссара 1-го ранга редко можно было видеть в Москве больше нескольких дней подряд. Он постоянно выезжал на фронт (другой вопрос, насколько это приносило пользу), хватался за десятки дел, не зная депрессии. «Здоров. Сил хватит на всю войну, — писал он жене 1 октября 1941 года. — Работаю много, от зари до зари».

И впрямь, его энергии мог позавидовать любой. Увы, сплошь и рядом она питала дела далеко не добрые. С началом войны характерная для этого человека подозрительность и вовсе перестала иметь границы. Он все никак не мог взять в толк, что у войны свои законы — ни репрессиями, ни сверхбдительностью, ни партийными интригами ее не выиграешь. Обстановка требовала предельной выдержки, трезвых объективных оценок, готовности опереться на профессионалов. Но начальник ГлавПУ и ему подобные функционеры оставались в плену довоенных установок на выявление вредительства, на тройную подозрительность, глубокое недоверие к людям и рядовым, и облеченным большими полномочиями.

Вновь обратимся к воспоминаниям главного маршала артиллерии Воронова. В одну из июльских ночей по приказу командира Московского корпуса ПВО генерала Д.А. Журавлева на ближайших подступах к столице были обстреляны два неопознанных самолета, шедших с запада. Москва тогда впервые услышала грохот зениток. Потом, правда, выяснилось, что самолеты были советскими, самочинно, без всякого извещения командования ПВО отправленными с одного из фронтов.

«Не успела смолкнуть стрельба, — пишет Воронов, — начался разбор этого инцидента. Меня срочно вызвал Л.З. Мехлис, якобы получивший поручение свыше расследовать и определить мою личную виновность в обстреле своих самолетов. Возмущенно я отвел

все обвинения. Пока мы спорили с Мехлисом, в Ставку вызвали генерала Громадина (начальник московской зоны ПВО. — *Ю.Р.*), и там было принято решение немедля навести порядок в полетах нашей авиации, потребовать строжайшей дисциплины в воздухе... Ночной инцидент послужил хорошим уроком, он приковал всеобщее внимание к нуждам противовоздушной обороны, к созданию строгого режима в воздухе, повышению бдительности всех сил и средств ПВО».

Добавим, что это был один из тех редких случаев, когда ретивость Мехлиса в определении виновных, к счастью, последствий не имела.

Осенью 1941 года едва не был снят с должности и отдан под суд начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии Н.Д. Яковлев, будущий маршал артиллерии. И здесь не обошлось без вмешательства Мехлиса. Ему, как заместителю наркома обороны, поручили контролировать формирование новых стрелковых дивизий резерва Ставки. ГАУ обеспечивало их вооружением и боеприпасами. Мехлис избрал «оригинальный» способ контроля за выполнением планов обеспечения. Он стал систематически в полночь вызывать Яковлева к себе и там с пристрастием проверять цифры. В присутствии начальника ГАУ звонил командирам и комиссарам дивизий и узнавал, правильные ли сведения давало ему главное управление. На это уходило по 3—4 часа.

«Появилась обида за недоверие ко мне, ответственному должностному лицу, — вспоминал Яковлев. — Но больше всего — недовольство бесцельной тратой времени. И вот как-то находясь в кабинете начальника ГлавПУРа и слушая, как тот ведет бесконечные телефонные разговоры, я взорвался. Высказал Мехлису все, что думаю о процедуре этих унизительных проверок. Не скрыл, что меня подчас бесят его малоквалифицированные вопросы. И что под моим началом есть ГАУ, которое часами работает без своего начальника»[1].

И хотя Мехлис, как предполагал Николай Дмитриевич, пожаловался Верховному, Яковлеву удалось избежать крутых мер. Но в феврале 1952 года он, тогда уже заместитель министра Вооруженных Сил СССР, был арестован по вздорному обвинению во вреди-

---

[1] *Яковлев Н.Д.* Об артиллерии и немного о себе. М., 1981. С. 72.

тельстве при организации производства автоматических зенитных пушек. Только смерть Сталина пресекла раскрутку этого, да и других, подобных ему «дутых» дел.

Начальник ГУПП умело подыгрывал Сталину, вообще мало считавшемуся с высшими военными в первый период войны, последствия чего в полной мере ощутил на себе даже начальник Генерального штаба будущий маршал Жуков. По его «Воспоминаниям и размышлениям» в деталях известны обстоятельства доклада начальника Генштаба Верховному главнокомандующему 29 июля 1941 года (его результатом стало снятие полководца с должности).

Вот как запомнил эту сцену Георгий Константинович: «Захватив с собой карту стратегической обстановки... я прошел в приемную И.В. Сталина, где находился А.Н. Поскребышев, и попросил его доложить обо мне.

— Садись. Приказано подождать Маленкова и Мехлиса.

Минут через десять все были в сборе и меня пригласили к И.В. Сталину...

Разложив на столе свои карты, я... рассказал о группировках немецких войск и изложил предположительный характер их ближайших действий (по мнению Жукова, противник наступать на Москву пока не собирался, а, воспользовавшись слабостью Центрального фронта, постарался бы нанести удар во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживавшим район Киева. Центральный фронт поэтому полководец предлагал усилить, в том числе за счет западного, московского направления. — *Ю.Р.*).

— Откуда вам известно, как будут действовать немецкие войска? — резко и неожиданно бросил реплику Л.З. Мехлис (дилетант в военном деле он, как видно, даже не представлял себе, что такое полководческое предвидение. — *Ю.Р.*).

— Мне неизвестны планы, по которым будут действовать немецкие войска, — ответил я, — но, исходя из анализа обстановки, они могут действовать только так, а не иначе...

— Вы что же, — спросил И.В. Сталин, — считаете возможным ослабить направление на Москву?

— Нет, не считаю. Но противник, по нашему мнению, здесь пока вперед не двинется, а через 12—15 дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий...

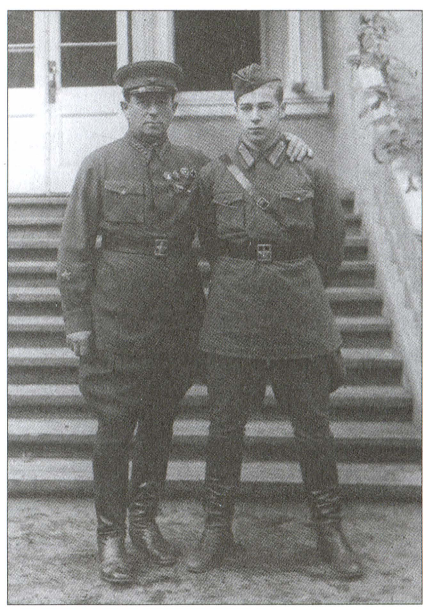
В семнадцать мальчишеских лет. Одесса, год 1906-й

«В фотографии Малкуса, что на Ришельевской улице в доме Фельдмана...». 1910 год

Бомбардир 2-й гренадерской артиллерийской бригады XI армии Лев Мехлис. 1912 год

Таким Лев Мехлис встретил Февральскую революцию

С женой Елизаветой Абрамовной и сыном Леонидом в доме отдыха. 1925 год



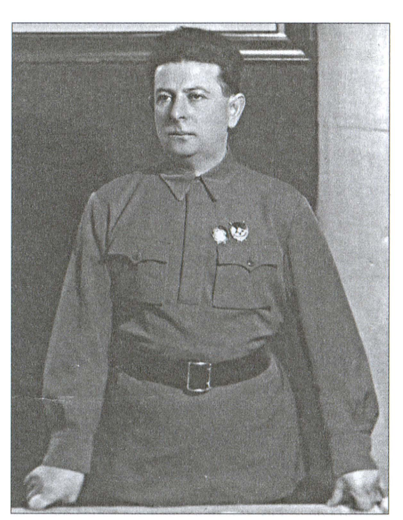
Отец и сын. 1942 год

«Броня крепка...». Л. Мехлис на Халхин-Голе

Начальник Политического управления РККА армейский комиссар 2-го ранга Л. Мехлис. 1938 г.

Время от времени Лев Захарович выходил из тени Сталина

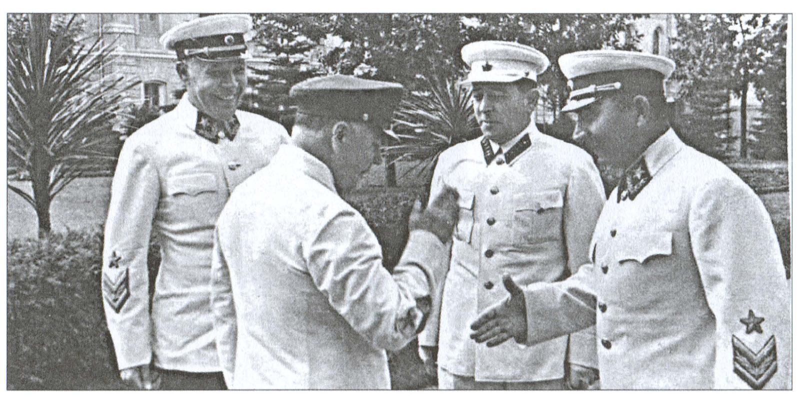
«В номере «Правды» нет ни одной строчки, которую бы не обдумал, не выносил в себе тов. Мехлис...». 1934 год



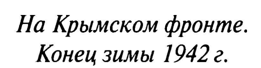
Главный редактор «Правды» и заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. Мехлис. 1937 год

Таким он был, работая в святая святых — сталинском секретариате. 1925 год

Теплотой их отношения не отличались.
С наркомом обороны Климом Ворошиловым. 1938 год



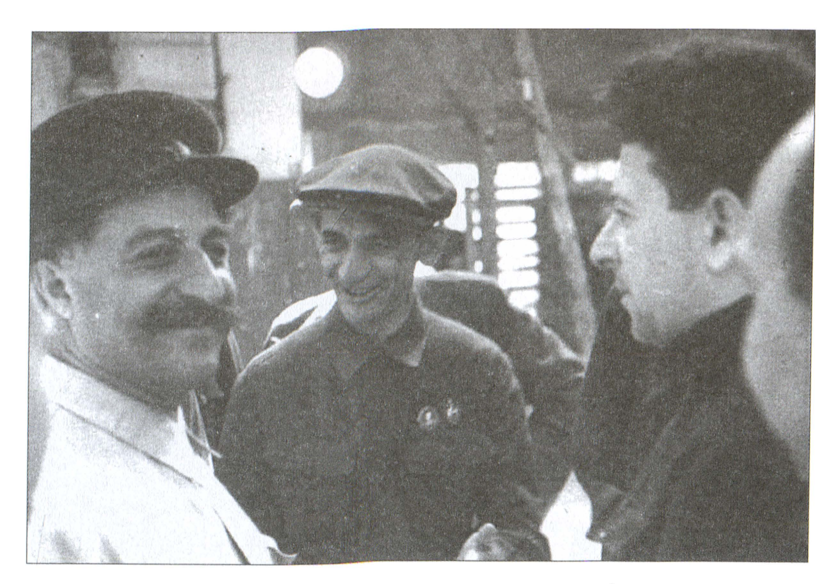
1 мая 1940 года: через полчаса — военный парад. Слева направо: нарком обороны маршал С.К. Тимошенко, маршал К.Е. Ворошилов, армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис, маршал С.М. Буденный



На Крымском фронте.
Конец зимы 1942 г.

В минуту затишья.
На конверте, в котором хранилась эта фотография было написано:
«Не публиковать никогда!».
Крымский фронт,
1942 год

На Крымском фронте, незадолго до немецкого наступления



На открытии новой типографии «Правды» приехал Серго Орджоникидзе. Справа — Л. Мехлис. 1934 год

«Видел и был уже на проклятой немецкой земле...»

В поверженном Берлине с группой генералов 4-го Украинского фронта

С легендарным летчиком Валерием Чкаловым. 1937 год

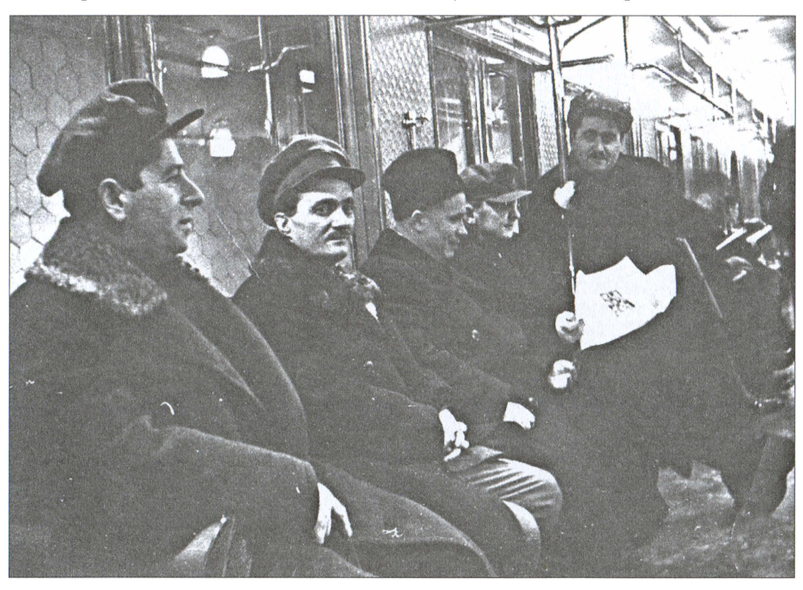
Даешь Северный полюс! На переднем плане слева направо: Л.З. Мехлис, руководитель воздушной экспедиции по организации дрейфующей станции «СП-1» академик О.Ю. Шмидт, руководитель «СП-1» И.Д. Папанин. Май 1937 года

Со «сталинскими соколами» летчиком В.К. Коккинаки (крайний слева) и штурманом-испытателем А.М. Бряндинским, совершившими в июне 1938 г. на самолете ЦКБ-30 «Москва» беспосадочный перелет по маршруту Москва — Дальний Восток

К.Е. Ворошилов, Л.З. Мехлис, И.В. Сталин и В.М. Молотов

На переднем плане: начальник Политуправления РККА Л.З. Мехлис, его помощник по комсомолу С.Е. Захаров, начальник ВПА им. Ленина Ф.Е. Боков

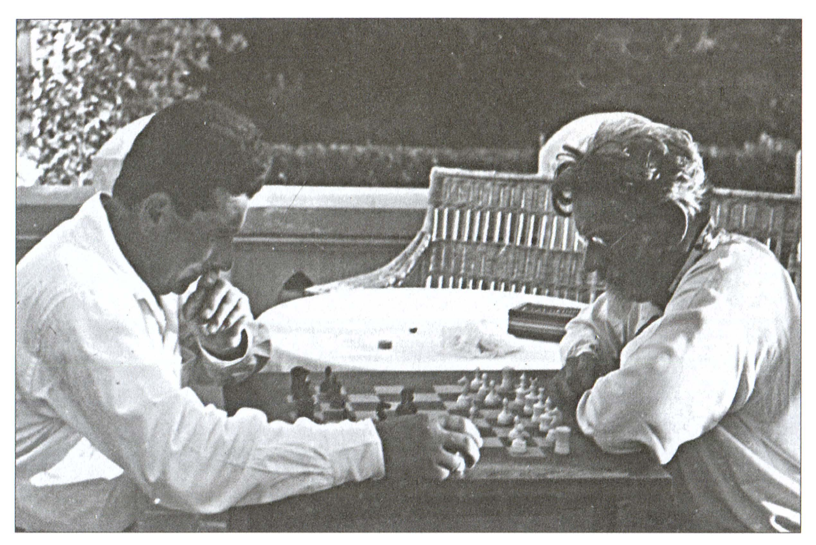
В освобожденном Ужгороде: член военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковник Л.З. Мехлис с командующим войсками фронта генерал-полковником И.Е. Петровым (справа) и председателем СНК Украины Н.С. Хрущевым. Октябрь 1944 года



Пуск пробного поезда Московского метрополитена 6 февраля 1935 года. Слева направо: Л.З. Мехлис, А.Г. Ханджян, Н.С. Хрущев, Л.П. Берия, Н.А. Лакоба

С командующим 4-м Украинским фронтом генералом армии А.И. Еременко (крайний слева) в Берлине. Май 1945 года

1937 год уже наступил, но они пока еще вместе...
Слева направо: В.И. Межлаук — председатель Госплана (расстрелян в 1938 году), В.М. Молотов — председатель Совнаркома СССР (один из руководителей репрессий), В.Я. Чубарь — нарком финансов (расстрелян в 1939 году), Л.З. Мехлис — главный редактор «Правды»



За шахматной доской с председателем ЦИК СССР М.И. Калининым.
Вторая половина 30-х годов

С первым секретарем
ЦК КП(б) Украины
Никитой Хрущевым во время
«освободительного похода»
в Западную Украину.
Сентябрь 1939 года

Давид Ортенберг был одним из немногих, с кем Мехлиса связывала дружба

Увидеть противника собственными глазами... Член военного совета Брянского фронта генерал-лейтенант Мехлис

С представителем Ставки и ВГК маршалом Г.К. Жуковым (слева). Курская дуга

Член военного совета 6-й армии корпусной комиссар Мехлис. Июль 1942 года

— А Дальний Восток отдадим японцам? — съязвил Л.З. Мехлис...

— А как же Киев? — в упор смотря на меня, спросил И.В. Сталин...

— Киев придется оставить, — твердо сказал я»[1].

Вспылив и назвав сделанное затем Жуковым предложение о контрударе советских войск под Ельней чепухой, Сталин снял Георгия Константиновича с должности.

Интересно, что интриганство Мехлиса в отношении Жукова нашло неожиданное подтверждение в записке Берии от 1 июля 1953 года, направленной главе правительства Георгию Маленкову и другим членам Политбюро. Зловещий Лаврентий к этому времени уже сидел под арестом и молил бывших «товарищей» выслушать его. Его свидетельствам следует верить, ибо быть лишний раз уличенным во лжи в той ситуации — значило для него потерять последнюю надежду, что к нему прислушаются.

Итак, вот он, фрагмент записки, написанной, к слову, безграмотно и сбивчиво (что, в общем-то, неудивительно, учитывая положение вчера всесильного министра, а сегодня заключенного): «Дорогой Георгий и дорогие товарищи, я сейчас нахожусь в таком состоянии, что мне простительно, что так приходиться мне писать... Кобудто я интриговал перед т. Сталин[ым], это если хорошо вздуматься просто недоразумение [.] что это не верно, Георгий[,] ты то это хорошо знаешь[.] Наоборот все т[оварищи] М[икоян] и Молот[ов] хорошо должны знать, что Жук[ов,] когда [его] сняли с генер[ального] штаба по наущению Мехлис[а], ведь его полож[ение] было очень опасно, мы вместе с вами уговорили назначить его командующим [Резервным] фронтом и тем самым спасли будущ[его] героя нашей Отеч[ественной] войны...»[2]

Не каждому удавалось отделаться так «легко», как Воронову или даже Жукову, снятому с должности начальника Генштаба и поставленному во главе войск Резервного фронта. Стереотипы 1937 года довлели над Львом Захаровичем мощно. Шла жестокая и пока дале-

---

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., доп. Т. 2. М., 1990. С. 119—121.

[2] Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 407.

7 - 3181

ко не в нашу пользу война, казалось, на счету должен быть каждый профессионал, а Мехлис, копируя Сталина, все так же, как до войны, отправлял кого на эшафот, кого в лагерь. Масштабы, конечно, разные: командующие фронтами и наркомы ему, в отличие от вождя, были, конечно, не по зубам, но «материал» находился и для него.

24 июня 1941 года получил назначение на должность командующего Великолукским бригадным районом ПВО комбриг М.А. Семенов. К месту службы он, однако, своевременно не прибыл и на следующий день был пьяным задержан в Москве. О происшедшем доложили начальнику ГУПП, который дал главному военному прокурору указание осудить Семенова «по законам военного времени». 30 июня от В.В. Ульриха, председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, поступил ответ: комбриг Семенов осужден к высшей мере наказания — расстрелу с лишением воинского звания. По указанию Мехлиса был также арестован и приговорен к расстрелу лектор ГУПП полковой комиссар А.Б. Шленский, самовольно оставивший район боевых действий в Прибалтике[1].

Такие «чистки» начальник Главного управления политической пропаганды считал важнейшей задачей. Они, по его мнению, вполне вписывались в процесс перестройки партийно-политической работы в Красной Армии в связи с началом Великой Отечественной войны.

Переход на военные рельсы требовался незамедлительно. Потому уже в первый день войны Мехлис направил политорганам приграничных военных округов директиву, предписывавшую глубоко разъяснить личному составу Заявление ЦК ВКП(б) и Советского правительства в связи с фашистской агрессией, которое по Всесоюзному радио обнародовал заместитель председателя Совнаркома СССР Молотов. 24 июня он подписал директиву, которая требовала всю партийно-политическую работу вести под лозунгами ВКП(б): «Еще теснее сплотимся вокруг нашей славной большевистской партии и Советского правительства!», «Фашизм — это порабощение народов. Фашизм — это голод, нищета, разорение. Все силы на борьбу с фашизмом!», «Красная Армия и весь наш народ ведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу!» и другими.

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 13, л. 217, 243, 315.

Нельзя не отметить, что начальник ГУПП проявил при этом немалую инициативу (хотя наверняка и санкционированную свыше). Уже на третий день войны в распоряжении пропагандистов и других идеологических работников оказался документ, опираясь на который можно было вести широкое и доходчивое разъяснение характера начавшейся войны, целей, преследовавшихся германским фашизмом. Директива вооружала массы воинов простыми, но понятными лозунгами, из которых следовало, что вчерашний партнер по пакту о ненападении сегодня — кровавый агрессор; что развязанная им война идет не на жизнь, а на смерть; что дело, за которое сражается советский народ, — правое. Как известно, обстоятельное отражение эти лозунги нашли только в знаменитой директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, а также в речи Сталина 3 июля.

Начальник ГУПП потребовал больше внимания уделять агитации, широко использовать митинги, политические информации, беседы, совместное прослушивание сводок Совинформбюро как основные формы политической учебы, наиболее пригодные в боевых условиях. А вот политические занятия с красноармейцами и младшими командирами на передовой отменялись, их сохраняли в качестве основной формы политучебы только в запасных и вновь формируемых частях, при выводе личного состава во второй эшелон или на переформирование.

Когда Мехлис попробовал подвести некоторые итоги партийно-политической работы в первые недели войны, неприятным стало для него открытие, насколько не целеустремленно, не оперативно, без должной находчивости действовали многие политработники. Они вели себя так, как если бы находились в мирной обстановке: отсиживались в штабах, мало общались с личным составом, слабо реагировали на явления, порожденные самой обстановкой отступления и боев с изощренным противником — растерянность, панику, неорганизованность, отсутствие должных стойкости и упорства. Плохо популяризировался боевой опыт, политорганы недооценивали работу среди войск и населения противника. Специальной директивой Мехлис потребовал от военных советов и начальников управлений политпропаганды фронтов устранить выявленные недостатки, добиться, чтобы политработники на деле руководили партийно-политической работой в частях, обеспечивали авангардную роль коммунистов и комсомольцев, воспитывали в личном со-

ставе наступательный порыв, ярость к врагу, готовность до последней капли крови драться за каждую пядь советской земли[1].

Любопытны новые акценты, которые Мехлис посчитал необходимым расставить особо. Впервые с начала Великой Отечественной войны он столь явственно отбросил пропагандистскую риторику о столкновении преимущественно классовых интересов в войне с Германией, об антикоммунизме, как главном мотиве действий гитлеровской верхушки. От подчиненных ему структур он потребовал глубоко разъяснить личному составу, что фашистская агрессия носит характер иноземного нашествия, против которого наш народ поднялся на Отечественную войну. Хотя в документе и содержался тезис, что на полях сражений решается судьба советской власти, но подавался он вскользь, без акцентировки, а на передний план выступало утверждение, что главная цель Гитлера состоит в истреблении славян и особенно русских, в превращении народов Советского Союза в рабов немецких князей и баронов.

Правящая элита страны, в данном случае в лице Мехлиса, уловила, что тезис о приоритете классовых интересов над национальными, о пролетарском интернационализме в разразившейся войне не срабатывает, и предприняла необходимый доворот. Этой же цели служило и широкое распространение среди населения оккупированных советских земель обращения Всеславянского митинга, в котором раскрывался «коварный план германского фашизма — захватить навсегда наши древние славянские земли, отдать их в руки немецких баронов-помещиков, в руки итальянской, венгерской знати и превратить славян в вечных рабов».

Воистину как личный подарок были восприняты начальником ГУПП реорганизация, по решению Политбюро ЦК ВКП(б) и указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 года, органов политпропаганды и введение института военных комиссаров. «Война расширила объем политической работы в нашей армии и потребовала, чтобы политработники не ограничивали свою работу пропагандой, а взяли на себя ответственность также и за военную работу на фронтах» — эти слова из указа словно возвращали Льва

---

[1] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: документы и материалы. М., 1996. С. 42—44.

Захаровича к его комиссарской юности, к глубоко укоренившемуся еще с Гражданской войны, но тщательно скрываемому неприятию самого принципа единоначалия.

ГУПП реорганизовывалось в ГлавПУ — Главное политическое управление РККА, а управления и отделы политпропаганды — в политические управления и отделы. В полках, дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной Армии, а чуть позднее и во всех батальонах стрелковых дивизий, танковых батальонах и артиллерийских дивизионах вводился институт военных комиссаров, а в ротах, батареях, эскадрильях — институт политических руководителей. Через месяц в танковых ротах и артиллерийских батареях места политруков также заняли военные комиссары.

20 июля новое положение дел было закреплено директивой «О задачах военных комиссаров и политработников Красной Армии», подписанной наркомом обороны Сталиным и заместителем наркома, начальником ГлавПУ РККА Мехлисом. В документе отразилась жестокая реальность первых недель войны: с одной стороны — отступление, недостаточная боевая готовность и устойчивость многих подразделений и частей, а с другой — необходимость в связи с этим крайней мобилизации физических и душевных сил, крепкой дисциплины, стойкости, воли, самоотверженности. Вместе с тем в директиве явственно проявилась готовность правящей верхушки страны компенсировать свои грубые ошибки и преступления, заключавшиеся в неподготовленности СССР к войне, за счет народной жертвенности. Судя по проекту директивы, который подготовил Мехлис, первоначально она задумывалась как идущая от ГлавПУ. Сталин же поднял ее уровень, поставив на первое место свою подпись и внеся ряд правок.

Не поддаться панике, мобилизовать личный состав на то, чтобы остановить гитлеровскую армаду любой ценой, — проведение этого курса в жизнь возлагалось, прежде всего, на военных комиссаров, политработников. Сегодня о них, не в пример дням минувшим, говорят неоднозначно. Бывает, высказываются сомнения в необходимости такого института в Красной Армии. Разумеется, политработники были нужны для проведения воспитательной работы в духе патриотизма, однако на практике институт военных комиссаров способствовал утверждению дуализма в руководстве личным со-

ставом и подрыву тем самым основополагающего для любой армии принципа единоначалия.

Заглянем еще раз в директиву от 20 июля. Она прямо обязывает комиссаров — здесь стиль Мехлиса, лексика 30-х годов просто бьет в глаза — «быть на деле глазами и ушами большевистской партии и Советского правительства, самыми бдительными и осведомленными людьми в частях. Детально знать оперативную обстановку, помогать командиру (в мехлисовском проекте вообще было — "вместе с командиром". — *Ю.Р.*) разрабатывать боевой приказ, строго контролировать проведение в жизнь всех приказов высшего командования.

...Своевременно сигнализировать Верховному командованию и Правительству о командирах и политработниках, недостойных звания командира и политработника и своим поведением порочащих честь Рабоче-Крестьянской Красной Армии» (подчеркнуто авторами директивы. — *Ю.Р.*).

«СУЩЕСТВУЮЩИЙ ПОРЯДОК НЕПРИГОДЕН...»

Уже первый день войны выявил в работниках идеологического профиля острую потребность. В Москве еще пытались уяснить, что делается на западной границе, а с мест уже пошли тревожные сигналы о кадровом «голоде». Так, член военного совета Киевского особого военного округа корпусной комиссар Н.Н. Вашугин информировал: «Не имею резерва политработников, особенно нужны старшей, высшей группы». В ответ Мехлис разрешил произвести досрочный выпуск окружных парткурсов, курсов кадрового политсостава при военно-политических училищах округа и курсов младших политруков. С московских курсов (при ГУПП) откомандировывались все политработники КОВО.

Аналогичные указания давались и в другие округа, ставшие фронтами. Но частные меры не могли заменить систему учета и распределения кадров политработников в масштабах всей армии. Мехлис предпринял усилия по отлаживанию такой системы по каждой категории политсостава — высшего, старшего и среднего. 23 июня он дает заместителю начальника Генштаба генерал-лейтенанту Н.Ф. Ватутину указание без его разрешения не брать ни одного человека из учебных заведений при ЦК ВКП(б) — Высшей партшко-

лы, Высшей школы парторганизаторов и Ленинских курсов, работавших в Москве и Ленинграде, не без основания полагая, что они дадут значительный резерв старшего политсостава. И в самом деле, решением ЦК от 27 июня московские и ленинградские Ленинские курсы были переданы в ведение Наркомата обороны. На их основе создали курсы при Военно-политической академии им. В.И. Ленина и при Московском политучилище. Всего в распоряжение ГУПП попало 2500 человек — к слушателям Ленкурсов в начале июля присоединились слушатели Высшей партийной школы и Высшей школы парторганизаторов.

На сокращенные сроки обучения перешли все военно-политические учебные заведения центрального подчинения. На фронтах, флотах и в армиях создавались училища и курсы младших политруков. Всего к концу 1941 года 90 учебных заведений готовили политработников, в том числе 14 — высшего и старшего звена и 76 — среднего.

Потребности в руководящих кадрах политработников, однако, резко возрастали. Для их покрытия ЦК ВКП(б) при активном участии начальника ГУПП прибегал к персональным партийным мобилизациям. 8800 руководящих работников, в том числе 500 секретарей ЦК компартий союзных республик, обкомов, горкомов, райкомов пришли на руководящую военно-политическую работу в Красной Армии только за первые полгода войны.

Кадры, кадры... Особенно велика оказалась потребность в политработниках среднего звена. Больше всего их убывало в боях, во все возрастающем количестве они требовались и при формировании новых частей. Значительную прибавку давала мобилизация членов партии и комсомольцев. Первые две мобилизации были проведены по постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 и 29 июня. С 41,5 тысячи мобилизованных было предложено провести военные сборы, «после чего отправить их в наиболее нуждающиеся дивизии по 500 человек в каждую».

Еще один резерв пополнения кадров политработников открыл сам Мехлис непосредственно в войсках. Находясь на Западном фронте, 8 июля 1941 года он телеграфировал секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову и своему заместителю Кузнецову: «Существующий порядок утверждения кадров политсостава непригоден на военное время». В целях наиболее оперативной расстановки кадров и свое-

временного укомплектования частей и отделов политпропаганды действующих армий он предложил установить новый порядок, а именно — наделить военные советы фронтов, армий и командиров дивизий правом назначать на должности, начиная с начальников отделов ОПП армий и УПП фронтов, заместителей командиров дивизий и корпусов по политчасти и заместителей начальников ОПП дивизий и корпусов и ниже, вплоть до заместителей командиров рот, батарей по политчасти[1]. Обстановка, таким образом, заставляла децентрализовывать решение кадровых вопросов, расширять права командиров и военных советов на местах. Характерно, что, как следует из этой же телеграммы, сам Мехлис не стал ждать подтверждения из Москвы и предложенные им меры провел на Западном фронте явочным порядком.

9 августа он дал уже прямую директиву о создании в десятидневный срок в полках, дивизиях, армиях, фронтах и округах непрерывно пополняемого резерва политсостава. Напряженная обстановка требовала учесть все ресурсы. Выяснив, что возвращающиеся из медучреждений после излечения политработники распределяются без системы, Лев Захарович предписывает военным советам и начальникам политуправлений округов направлять выздоровевших в распоряжение строго определенных должностных лиц, докладывая о прибывающих ежедневно.

Настойчивость приносила свои плоды, мало-помалу сложилась система резервирования кадров. К моменту освобождения Мехлиса от его обязанностей (июнь 1942 года) Главное политуправление имело в своем резерве свыше 900 политработников разных категорий, дополнительно по 150—200 человек имелось и на каждом фронте.

Вернемся к партийным мобилизациям, имея в виду, что в основном мобилизованные шли в действующую армию политбойцами. В директиве военным советам и начальникам управлений политпропаганды, подписанной Мехлисом 28 июня, давались необходимые разъяснения: отобранные политбойцы сводятся в коммунистические батальоны трехротного состава и находятся на положении рядовых, с ними на базе военных училищ проводится двухнедельное (месячное для не служивших в армии) обучение. По окончании часть наиболее подготовленных воинов может быть назначена на

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 9, л. 444.

должности заместителей политруков и заместителей командиров рот по политчасти.

Как вспоминал член Военного совета МВО генерал К.Ф. Телегин, Мехлис сам же и сломал установленную по его директиве практику военной подготовки политбойцов и их распределения по частям. Он досрочно, уже через две недели после постановления Политбюро от 27 июня приказал сформировать из имеющегося контингента маршевые роты и отправил их на линию фронта (только на Западный фронт ушло 75 рот и еще 50 — под Ленинград)[1]. А там их сплошь и рядом использовали неэффективно, с ходу, непродуманно бросая в бой.

Что говорить, спрос на них был большой. Сам Мехлис, находясь первую половину июля на Западном фронте, без промедления запросил 15 групп по 500 человек. Прибывших из Москвы он разбил на роты (по 100 человек каждая) и распределил по армиям, предписав при этом: «Роты влить в наиболее нуждающиеся полки равномерными группами». Пребывание армейского комиссара 1-го ранга на фронте дало ему возможность увидеть воочию, что политбойцы действительно цементируют личный состав.

Сегодня, по прошествии десятилетий, ясно, что политическая верхушка страны навязала массам советских людей, в том числе коммунистам, много ложных идеалов, нещадно эксплуатировала их энтузиазм. Об этом можно глубоко сожалеть, но кто возьмет на себя право осуждать людей за иллюзии? Тем более что начавшаяся война в сознании миллионов наших соотечественников выдвинула на передний план категории отнюдь не ложные и не политические — любовь к Отечеству, готовность жизнь отдать за него. В силу своей организованности, дисциплинированности, убежденности коммунисты и комсомольцы, составлявшие контингент политбойцов, выгодно выделялись из солдатской среды.

Последующие мобилизации, а их до конца 1941 года было осуществлено еще пять, ЦК поручил Главному политическому управлению РККА. Выявленные архивные документы свидетельствуют: начальник ГлавПУ воспринимал формирование коммунистических рот и батальонов как одно из важнейших дел. Так, 13—14 июля он дал указание военным советам Северо-Кавказского, Уральского,

[1] *Телегин К.Ф.* Войны несчитанные версты. М., 1988. С. 38.

Харьковского и Московского военных округов о призыве в течение пяти дней по 500 человек и их обучении. 20 июля дается новая разнарядка: МВО должен мобилизовать уже 6 тысяч человек, ХВО — 1,5, УрВО — 1, кроме того, Орловский ВО — 1 тысячу человек.

Проведенные по горячим следам проверки показали, что при формировании коммунистических батальонов допускалось немало недостатков: многих бойцов приходилось откомандировывать назад по состоянию здоровья, были случаи симуляций и даже дезертирства. По этим сигналам принимались необходимые меры. Но не все было по силам и начальнику ГлавПУ. В сентябре 1941 года Сталин запретил выдавать из центральных арсеналов вооружение для коммунистических отрядов. Как ни пытался Лев Захарович стороной выяснить, почему последовал такой запрет, ясности не добился. Возможно, вождь решил, что в эти сентябрьские дни, когда грозовая обстановка под Москвой сгущалась пугающе быстро, от оружия в руках профессионалов будет больше толка.

В любом случае указание Сталина ставило политбойцов в тяжелое положение: на фронт они нередко прибывали слабо, а то и вовсе не вооруженными. Тем не менее ГлавПУ РККА прибегало к их призыву и в дальнейшем. Всего за первые полгода войны таковыми стали 60 тысяч коммунистов и 40 тысяч комсомольцев.

Заботясь о насыщении армии политработниками, Мехлис поначалу шел от жизни, соотносил свои шаги с потребностями практики. Уже в начале июля на Западном фронте ему стало ясно, что «штаты управлений политпропаганды фронтов не отвечают условиям военного времени», о чем он не замедлил сообщить Маленкову и своему заместителю Кузнецову. Прежде всего «при огромном значении авиации и мотомехвойск в современной войне управления пропаганды фронтов не имеют соответствующих отделов, между тем, как отдел культуры совершенно излишен». Введя своей властью в штат УПП Западного фронта два новых отдела и исключив один, армейский комиссар 1-го ранга предлагал реформировать таким же образом штаты УПП и других фронтов.

Но вскоре он впал в административный раж, пытаясь накрыть сетью политработников буквально все звенья разветвленного армейского механизма. Должности заместителей начальников по политчасти в структурах штаба фронта были введены также: в управлениях — артиллерийском, связи, военных сообщений, автобро-

нетанковом и инженерном, отделах — кадров, устройства тыла и дорожной службы, санитарном. В августе начальник ГлавПУ дал указание ввести в штаты танковых бригад должность комиссара штаба. В ноябре от него поступило указание срочно назначить военкомов в ряд отделов Управления войсками обороны Москвы.

И даже находясь в 1942 году в длительной, полугодовой командировке на Крымском фронте, Лев Захарович не выпускал эти процессы из поля зрения. Своему заместителю по ГлавПУ он дал указание ввести в штаты стрелковых батальонов отдельных стрелковых бригад должности освобожденных секретарей партбюро. Причина: «На войне совместительство политрука роты с должностью секретаря партбюро не выходит»[1].

Насаждая политработников буквально повсеместно, Мехлис допускал явный перехлест. Во многих случаях введение все новых и новых должностей политработников, особенно в штабных и управленческих структурах, не диктовалось особой необходимостью и лишь отрывало дефицитные кадры от передовой.

Перестройка на военный лад требовалась и в организационно-партийной работе. 28 июня своей директивой членам военных советов и начальникам УПП округов, фронтов и армий начальник ГУПП определил основные задачи в этой сфере: создать при управлениях (отделах) политпропаганды фронтов (армий) партийные комиссии; вопросы приема в партию решать на заседаниях бюро и утверждать в парткомах соединений, минуя собрания первичных парторганизаций; принимать к рассмотрению рекомендации членов партии, знающих рекомендуемого менее года; обеспечить быстрое рассмотрение заявлений о приеме.

Обращает на себя внимание, что в своей директиве он шел вразрез с требованиями устава ВКП(б), предусматривавшего для рекомендующих совместную работу или службу вместе с рекомендуемым в течение не менее года. Очевидно, Льву Захаровичу удалось тогда заручиться устным согласием генерального секретаря ЦК, ибо «новаторство» армейского комиссара 1-го ранга было узаконено только через три недели. Лишь 19 августа ЦК дал указания облегчить процедуру приема «особо отличившихся в боях». Если они представляли рекомендации от тех членов партии, которые знали

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 155, л. 60—61.

их менее года, то в таком случае, согласно директиве начальника ГлавПУ, дополнительно требовалась боевая характеристика за подписью политрука или комиссара части. Аналогичные указания были даны и по следам постановления ЦК ВКП(б) от 9 декабря 1941 года, разрешившего принимать отличившихся в боях военнослужащих после 3-месячного кандидатского стажа.

Мехлис и позднее настойчиво искал, как увеличить рост парторганизаций, успешнее формировать актив. Так, в апреле 1942 года из Крыма он шлет телеграмму своему заместителю с предложением поставить перед ЦК вопрос о том, чтобы в боевой обстановке выборы парторгов и бюро проводить открытым голосованием. Следовать уставу, то есть избирать тайным голосованием, на фронте трудно, пояснял Лев Захарович.

Совершенствуя систему оргпартработы, он, естественно, не мог упустить из виду вопрос личной примерности коммунистов и членов ВЛКСМ. Тем более что сводки воинских преступлений первых месяцев войны показывали: в числе паникеров, дезертиров и даже перебежчиков немалый процент составляли члены партии и комсомольцы. Несколько таких фактов начальник ГУПП посчитал необходимым привести 15 июля в своей директиве военным советам и начальникам УПП фронтов, округов и армий. Так, секретарю первичной парторганизации 13-й корпусной авиаэскадрильи младшему лейтенанту Сапуну было приказано захватить в плен экипаж подбитого немецкого самолета, но «паникер и трус Сапун при первых же выстрелах врага позорно бежал». Во время боя сбежал в тыл командир взвода 50-го стрелкового корпуса коммунист младший лейтенант Петроченко. Причем взвод, оставшись без командира, отразил все атаки врага, не потеряв ни одного человека.

«Трус и паникер с партийным или комсомольским билетом — самый худший враг, изменник родине и делу нашей большевистской партии», — подчеркивая это, Мехлис обязывал начальников управлений и отделов политпропаганды принять все меры по повышению авангардной роли коммунистов и комсомольцев в борьбе с врагом. А паникеров, трусов, дезертиров и пораженцев «немедленно изгонять из партии и комсомола и предавать суду военного трибунала».

Важным направлением деятельности Мехлиса с самого начала войны стало также противодействие геббельсовской идеологической машине. Определенный опыт контрпропагандистской борь-

бы, как мы помним, он получил еще в ходе локальных войн и конфликтов накануне Великой Отечественной и убедился, насколько ее успех связан с боевитостью, наступательностью, обращением к самым сокровенным чувствам и мыслям солдат и офицеров врага.

Теперь предстояло схватиться с новым и более изощренным противником. Скованное договором с Германией «О дружбе и границе», секретными протоколами к пакту Риббентропа—Молотова, советское руководство, даже уверенное в том, что Берлин — враг № 1, до самого начала войны не могло во всеуслышание заявить об этом. Как о надежном партнере, дружественной стране вещала наша пропаганда о Германии.

Разумеется, картина должна была поменяться сразу же, как только Сталин убедился, что рассвет 22 июня принес не просто масштабную провокацию, а самую настоящую войну не на жизнь, а на уничтожение. Как вспоминал генерал Бурцев, его вместе с начальником «Воениздата» полковником П.Ф. Копыловым Мехлис вызвал сразу после радиоречи Молотова. Последовало задание немедленно перевести заявление советского правительства, с которым выступил наркоминдел, на немецкий, румынский, польский и финский языки и издать его в виде листовки тиражом в 3 млн экземпляров. «Перевод, редактирование, набор и издание — одним словом, все, связанное с нашей первой листовкой, я беру под свой личный контроль», — заявил начальник ГУПП, приказав о ходе работы докладывать каждые 2—3 часа. На рассвете 23 июня 3-миллионный тираж листовки уже отправили на фронт для распространения в войсках противника.

Мехлис оперативно утвердил план реорганизации 7-го отдела ГУПП и его новое штатное расписание, дал указания начальникам УПП фронтов об издании листовок и газет на языках войск противника. И в дальнейшем он держал выпуск подобной литературы под жестким контролем. Только за две недели войны она была издана тиражом в 90 млн экземпляров.

Начальник ГУПП лично формулировал лозунги к финским, румынским, венгерским солдатам, после чего они рассылались по фронтам для тиражирования и разбрасывания с самолетов. По его указанию все письма и документы военнослужащих противника, содержащие богатый контрпропагандистский материал, немедленно направлялись с фронтов в Москву. Сюда же политорганы долж-

ны были посылать и копии политических допросов военнопленных (о настроении солдат, положении на родине и т.п.).

С 25 июня стало действовать Советское бюро военно-политической пропаганды, главной задачей которого стало развертывание контрпропаганды в войсках противника. Возглавил его Мехлис. В бюро входили заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский, заместитель генерального секретаря Коминтерна Д.Г. Мануильский, секретарь ЦК ВКП(б), глава Совинформбюро А.С. Щербаков, академики Е.С. Варга, М.Б. Митин и другие. На их фоне руководитель Главного политуправления далеко не всегда оказывался на высоте. Его амбициозность была не в состоянии скрыть недостаточную квалификацию, мешала прислушаться к здравым суждениям коллег и подчиненных.

Автору довелось несколько раз встречаться с уже упоминавшимся отставным генералом Бурцевым. В ходе одной из бесед Михаил Иванович рассказал о реакции Мехлиса на доставленные в числе трофейных материалов игральные карты с порнографическими изображениями. Мехлису вздумалось придать этому политическое значение как факту, якобы свидетельствующему о моральном разложении армии противника. Он распорядился подготовить листовки под заголовком «Как Гитлер разлагает свою армию». Бюро категорически возразило: мол, для буржуазной армии это — привычный образ времяпрепровождения, игра, развлечение, и потому политического значения использованию порнографии придавать нельзя. Этот вывод подтвердил и опрос военнопленных немцев в Красногорском лагере.

«Мехлис, однако, ни к кому не прислушался, — рассказывал Бурцев, — и листовки увидели свет. Целых 11 млн экземпляров тираж. Уже при его преемнике Щербакове мы срочно изымали оставшиеся на фронтах запасы этих листовок и уничтожали».

Авторитетов для Льва Захаровича не существовало. Небольшая история, связанная с генеральным секретарем Союза писателей Александром Фадеевым, подтверждает, что прямолинейность, категоричность нередко возводились им в достоинство. 11 ноября 1941 года он телеграфировал находившемуся в Куйбышеве Фадееву: «Армия нуждается в сборнике очерков и рассказов, посвященных Великой Отечественной войне. Идет пятый месяц войны, но за это дело не взялись. Прошу вас организовать писателей, подгото-

вить в месячный срок один сборник художественных произведений, а затем работать в этом направлении систематически. То же сделать и по линии поэтов».

Судя по всему, деловой реакции не последовало, да пожалуй, и не могло последовать. Из личного письма Фадеева Сталину и еще двум секретарям ЦК А.А. Андрееву и А.С. Щербакову видно, в какой тягостной моральной обстановке оказался генеральный секретарь Союза писателей: в кругах литераторов широко муссировались слухи о его паническом бегстве из Москвы, дабы укрыться в тылу. Каково было вынести такие обвинения человеку, прошедшему еще в Гражданскую войну путь от рядового бойца до комиссара бригады, участнику штурма Кронштадта, дважды раненому! Поэтому он, входивший в номенклатуру ЦК, обращается с просьбой отпустить его на фронт в качестве корреспондента или политработника.

Получив от Александра Александровича копию этого письма, Мехлис отреагировал со свойственной ему прямолинейностью. Начальник ГлавПУ, если помнит читатель, еще до войны подметил в авторе «Разгрома» стремление нажить капитал на былых заслугах. С похожим явлением, как ему показалось, он столкнулся и сейчас. 13 декабря он телеграфировал находившемуся в Куйбышеве Андрееву: «Писатель Фадеев прислал телеграмму с просьбой посодействовать перед ЦК ВКП(б) о направлении его на фронт в качестве корреспондента. Как будто ему кто-то мешает. Прошу вас передать Фадеева на несколько месяцев в распоряжение ГлавпуРККА, и мы заставим его обслуживать армию художественным словом»[1]. Прагматичному подходу к литературе и писателям Мехлис, как видим, с годами не изменил. Вопрос, в конце концов, был разрешен усилиями секретаря ЦК Щербакова, который дал указание использовать Фадеева на дальнейшей работе в Союзе писателей и поручить ему организацию новой газеты «Литература и искусство».

Лев Захарович брался за многие дела. Но нельзя объять необъятное — эта истина подтверждается и на его примере. Попытки совмещать выполнение обязанностей сразу по нескольким ответственным должностям оборачивались формальным исполнением таких обязанностей, а то и провалами.

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 98, л. 46—47, 91; д. 19, л. 292—295.

Так, в августе 1941 года он вошел в состав комиссии под председательством Н.М. Шверника по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации. В сентябре (вместе с Микояном, Шапошниковым, Маленковым и другими) — в комиссию, которая должна была выявить истинную численность армии и определить, кому какие положены пайки.

На первых порах Мехлису отводилась немалая роль и в организации партизанского движения. В июле 1941 года вместе с Маленковым и секретарем ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко он вошел в состав созданной постановлением ЦК ВКП(б) комиссии по руководству подпольными партийными организациями и «насаждению» их в тылу противника. Непосредственное руководство партизанским движением возлагалось на военные советы и политорганы фронтов. Уже 16 июля Мехлис отдал директиву своим подчиненным на Северном, Северо-Западном, Западном, Юго-Западном и Южном фронтах «принимать активное участие в отборе людей и создании диверсионных групп и партизанских отрядов. Оказывать всемерную помощь обкомам и ЦК компартий союзных республик в вооружении этих групп и отрядов».

Военные советы и политорганы фронтов, согласно другой директиве начальника ГлавПУ от 19 августа 1941 года, должны были немедленно укомплектовать отделы по политической работе среди населения и войск Красной Армии, действовавших на оккупированной территории. Им вменялось в обязанность установить и поддерживать надежную связь с партийными и советскими органами в тылу врага, посылать туда своих представителей с руководящими функциями, издавать и распространять газеты и специальную литературу.

Наш герой занимался не только политическими аспектами партизанского и диверсионного движения в тылу противника. Так, в ноябре 1941 года он обобщал опыт организации на Северо-Западном фронте групп охотников, или истребительных отрядов. В условиях лесисто-болотистой местности они, составленные из физически хорошо подготовленных бойцов и имевшие на вооружении легкое стрелковое оружие, гранаты и мины, умело проникали в тыл врага и успешно действовали на его коммуникациях. Заместителя наркома обороны, начальника ГлавПУ интересовало, кто занимается отбором людей в эти отряды, как проходит их подготовка, чем они вооружены и т.п.

В дальнейшем высокая загруженность многочисленными делами в ГлавПУ и Наркомате обороны, частые командировки вывели Льва Захаровича из числа руководителей партизанского движения. По документам такая роль уже с конца 1941 года не прослеживается. Похожая ситуация отмечается и с исполнением обязанностей наркома госконтроля СССР.

Поднимая массы на борьбу с врагом, Мехлис и возглавляемые им органы, однако, весьма опасались проявления действительной инициативы снизу, на какие бы благие цели она ни направлялась. Это был закон существования тоталитарного государства: все должно находиться под контролем, а любая инициатива снизу — становиться результатом тщательной проработки наверху.

Начальнику ГлавПУ стало известно об одном почине на Южном фронте. Он тут же разражается телеграммой в адрес начальника ПУ фронта: «Без санкции Москвы начали сбор средств на постройку колонны танковой имени ленинско-сталинского комсомола. Эту затею сбора в рядах армии средств на постройку танков мы не поддерживаем. Энергию надо направлять на улучшение воспитания бойцов, на усиление разгрома врага, не разбрасываясь на всякого рода незаконные сборы средств. Прекратить сборы».

По аналогичному случаю потребовали ответ от начальника политотдела 4-й армии бригадного комиссара Е.Е. Кощеева. Он, казалось бы, не содержал никакого криминала: «Сбор средств на танковую колонну им. Сталина и эскадрилью им. Гастелло был начат по инициативе частей армии». Тем не менее по указанию из Москвы сбор был прекращен.

Мы погрешили бы против истины, если бы не заметили, что в иных случаях Льву Захаровичу были присущи и здравый смысл, и логика, и справедливость в оценке тех, кто работал на победу. Что ж, это лишь доказывает его неординарность.

Ему на рассмотрение попала жалоба секретаря горкома ВКП(б) г. Осташкова на самочинные действия генерал-майора А.А. Забалуева, командира 252-й стрелковой дивизии Западного фронта. В районе ст. Торопа противник нащупал разрыв в нашей обороне. Остановить его могла лишь 252-я сд, однако для этого ее требовалось быстро перебросить из второго эшелона. Дело решали несколько часов. Забалуев взял ответственность на себя и использовал подвижной состав, не дожидаясь разрешения органов военных сообще-

ний. При этом угрожал секретарю райкома, попытавшемуся ему помешать, расстрелом.

Расследование жалобы Мехлис поручил одному из своих подчиненных, который доложил: факты, что называется, имели место. Но оперативные действия комдива позволили дивизии своевременно переправиться через Западную Двину и остановить наступление на Торопу. Резонно полагая, что победителей не судят, начальник ГлавПУ направил доклад подчиненного секретарю ЦК Андрееву. А к нему приложил следующую записку: «Посылаю результаты расследования о действиях генерал-майора Забалуева. Полагаю, что наказывать его не следует. Как смотрите?»

С НЕОТВРАТИМОСТЬЮ СЕКИРЫ

Такие случаи все же были скорее исключением. Правилом же выступала категоричность, безапелляционность в оценках попавших под горячую руку Мехлиса людей.

Это в полной мере ощутил на себе его заместитель армейский комиссар 2-го ранга В.Н. Борисов. Менее чем через три недели после начала войны начальник ГУПП доложил Сталину и Молотову: «11 июля с.г. я совместно с тов. Листковым (дивизионный комиссар, военком Главного управления кадров РККА. — *Ю.Р.*) беседовал с Борисовым В.Н. в связи с поступившими материалами о его прошлом.

В ответ на прямо поставленные вопросы Борисов признал, что он:

1. Скрывал добровольное вступление в белую армию и службу в 111-м белом Бузулукском стрелковом полку в течение года.

2. Скрывал свой арест ВЧК в 1919—1920 гг.

3. Скрывал, что его отец был священником (везде писал учитель).

4. Скрывал, что учился в реальном училище, ибо часть реалистов Бузулука ушла к белым...

До начала военных действий Борисов... был командирован Запорожцем в Прибалтику. Военные действия захватили его на месте. С наступлением трудностей Борисов растерялся и самостоятельно приехал в Москву. Рассказывал о положении на Северо-Западном фронте в таких, по сути, пораженческих тонах, что я вынужден был крепко призвать его к порядку.

На основании всего этого мной дано указание Борисова арестовать. Арест произведен. Предварительно по этому вопросу я позвонил тов. Молотову»[1].

Участь заместителя Мехлиса была решена. Вменив ему сокрытие своего прошлого и тем самым обман партии и советского правительства, Военная коллегия Верховного суда приговорила его к заключению в ИТЛ сроком на пять лет с лишением воинского звания. И этот случай, смеем уверить читателя, не был единственным.

Крайнюю подозрительность армейского комиссара 1-го ранга сильно подпитывала обстановка лета — осени 1941 года: отступление, а подчас и бегство наших частей, массовое дезертирство. И даже — факты братания с врагом. То, что Мехлис прочитал в одном из донесений, поступивших в конце сентября из политуправления Ленинградского фронта, заставило его задохнуться от гнева. В районе Слуцко-Колпинского УРа во 2-й роте 289-го артпульбатальона в течение трех дней происходили братания с немцами, 10 красноармейцев и вовсе перешли на сторону врага. При этом — Мехлис отметил особо (на документе сохранились подчеркивания) — ни командир, ни комиссар не вмешивались в события. Что называется, докатились...

Неожиданно большим оказалось и число бежавших с фронта и отставших от своих частей. Только с начала войны и по 10 октября 1941 года оперативными заслонами особых отделов и заградительными отрядами войск НКВД было задержано 657,4 тысячи военнослужащих, 10201 из них расстреляли[2]. К этому добавлялись: беспрецедентно широкое пленение советских военнослужащих, пропажа без вести и рядовых солдат, и маститых генералов, многих из которых Мехлис знал лично.

Уже в первые недели войны, находясь в штабе Западного фронта в Смоленске, он вынужден был подключиться к поискам Маршала Советского Союза Г.И. Кулика, который 22 июня был послан в помощь командованию фронтом и следы которого вскоре затерялись. 9 июля начальник ГУПП получил свежую информацию о маршале, которую тут же направил Сталину. Вышедший накануне из окружения лейтенант Соловьев из 88-го пограничного отряда НКВД доло-

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 63, л. 61—62.

[2] РГАНИ, ф. 89, оп. 18, д. 8, л. 1—2.

жил, что Кулик вместе с группой командиров 10-й армии перешел на нелегальное положение и движется по немецким тылам в направлении на Осиповичи и Бобруйск. Последний раз Соловьев виделся с ним 30 июня, когда Кулик приказал лейтенанту вывести к своим группу пограничников и сообщить советскому командованию о его решении пробиваться к линии фронта.

«Изложенное сообщаю для принятия надлежащих мер...» — осторожно пояснял Мехлис. Предположить вслух, что в плен может попасть маршал, — на это не решался даже он. В конце концов, Кулику удалось перейти линию фронта и невредимым вернуться к своим. Об этом, правда, не забыли, и «лыко» в строку обвинительного приговора в 1950 году, за которым последовал расстрел Кулика, вставили[1].

Архивные документы свидетельствуют, что Мехлис держал под контролем также розыск попавшего в окружение старшего сына Сталина командира батареи 14-го гаубично-артиллерийского полка 14-й танковой дивизии Я.И. Джугашвили, закончившийся, правда, неудачей.

Лев Захарович всецело поддержал и активно пропагандировал ставший ныне широко известным приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 года «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». Обоснованно осуждая проявления трусости, растерянности, паники, добровольную сдачу в плен, приказ одновременно приводил непроверенные и оказавшиеся ошибочными факты относительно поведения в бою ряда военачальников. Мехлис это прекрасно знал и тем не менее соглашался с несправедливостью. Ему на стол, как заместителю наркома и начальнику ГлавПУ, чуть ли не ежедневно ложились копии смертных приговоров. 26 июля выездной сессией Военной коллегии к расстрелу был приговорен командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Н.М. Гловацкий, а командир 41-го стрелкового корпуса генерал-майор И.С. Кособуцкий и его заместитель по политчасти полковой комиссар С.И. Карачинов были осуждены к лишению свободы в ИТЛ соответственно на 10 и 7 лет. 28 июля приговорен к расстрелу командир 9-й авиационной дивизии Герой Советского Союза генерал-майор авиации С.А. Черных. 13 августа такой же приговор был вынесен командиру

---

[1] АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 436, л. 1—2.

14-го мехкорпуса Западного фронта генерал-майору С.И. Оборину. 17 сентября предел земному существованию Военная коллегия решила положить сразу троим — командиру 42-й стрелковой дивизии Западного фронта И.С. Лазаренко, начальнику артиллерии того же фронта генерал-лейтенанту артиллерии Н.А. Кличу и преподавателю Военной академии им. М.В. Фрунзе генерал-майору С.М. Мищенко.

В интересах объективности следует сказать, что некоторым из военачальников высшая мера наказания была заменена на содержание в ИТЛ, кое-кому удалось позднее вырваться на фронт и отличиться в боях. Так, генерал-майор Лазаренко, командуя стрелковой дивизией, 25 июня 1944 года геройски погиб в районе Могилева. Посмертно он удостоен звания Героя Советского Союза.

В эти же дни на стол Льва Захаровича легла докладная Главного военного прокурора Красной Армии диввоенюриста В.И. Носова, раскрывавшая «подготовку» командующего 28-й армией генерал-майора В.Я. Качалова к «сдаче в плен». 4 августа, как следовало из докладной помощника Носова бригвоенюриста С.Я. Розенблита, специально командированного в 28-ю армию, на КП Качалова доставили фашистские листовки, служившие одновременно пропуском к неприятелю. Генерал вслух прочитал текст, поинтересовался, не нужен ли кому этот пропуск, и положил листовку в карман. А через час сел в танк и направился в сторону занятой фашистами деревни.

На самом деле жизнь генерала оборвал снаряд, попавший в танк командарма, когда тот повел подчиненных на прорыв. И при известных усилиях этот факт можно было бы установить сразу. Но кто тогда хотел разбираться в деталях? Сталин? Мехлис? Когда для чрезвычайного приказа № 270 потребовались примеры предательских действий, как раз очень «пригодились» и Качалов, и командующий 12-й армией генерал-майор П.Г. Понеделин, и командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н.К. Кириллов (их тоже обвинили в добровольной сдаче врагу, хотя они попали в плен в бессознательном состоянии и, находясь в неволе, не пошли на сделку с гитлеровцами). Но вождь и его присные скорее были готовы заранее признать этих, как и многих других командиров и бойцов, трусами и предателями, которых «надо уничтожать», нежели пытаться получить бесспорные сведения об их действительной линии поведения.

Характерно, что людская молва до сих пор связывает объявление попавших в плен воинов «врагами народа» именно с Мехлисом (на последнего, как автора этой «формулы», по свидетельству Константина Симонова, прямо указывал маршал Жуков). Хотя подписи начальника ГлавПУ под приказом № 270 нет, как нет ее и под другими аналогичными документами, но, как говорится, на воре шапка горит. Ретивость Льва Захаровича в воплощении в жизнь жестоких установок вождя стала воистину легендарной. Знали: он ни перед чем не остановится. Позорность формулы Мехлиса, как считал Жуков, состояла «в том недоверии к солдатам и офицерам, которая лежит в ее основе, в несправедливом предположении, что все они попали в плен из-за собственной трусости»[1].

Уместно сослаться и на мнение заместителя начальника Центрального штаба партизанского движения полковника И.Г. Старинова, который встречался с Мехлисом на Западном фронте в качестве начальника нештатной оперативно-инженерной группы, направленной Наркоматом обороны для устройства заграждений и подрыва мостов. Когда у офицера-подрывника родилось смелое предложение совершить рейд по немецким тылам, окончательное решение по нему выносил начальник ГУПП, он же — член Военного совета фронта. Лев Захарович выслушал собеседника настороженно, подозрительно. Потребовал полные данные на всех, кто просился в тыл врага. «...Решил, что никаких данных Мехлису о саперах... не дам, — писал Старинов. — Вдруг кто-либо пропадет без вести на оккупированной территории? В таком случае его семье не сдобровать. Этот циничный деспот припомнит все»[2].

Документы, относящиеся к осени 1941 года, позволяют, на наш взгляд, предполагать, что Лев Захарович все же не сразу пришел к формуле: «Каждый, кто попал в плен, — предатель». В конце октября он получил информацию о том, что на одном из участков фронта немцы прибегли к откровенной гнусности: идя в наступление, они пустили впереди себя пленных красноармейцев. Когда враг приблизился, советские воины открыли огонь. Пленные стали разбегаться, фашисты принялись расстреливать их сзади.

---

[1] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. С. 339.

[2] *Старинов И.Г.* Мины ждут своего часа. М., 1964. С. 220—221.

В директиве Мехлиса от 31 октября всем командирам и военкомам частей, которая излагала обстоятельства происшедшего, нет и попытки проанализировать ситуацию. Что в любом случае следовало стрелять по своим, у Льва Захаровича не было сомнений. О чем речь, если еще месяц назад сам вождь благословил такую линию поведения, когда Жданов и Жуков доложили ему, что под Ленинградом фашисты впереди своих войск пускают стариков, женщин и детей, по сталинской терминологии — «депутатов». «Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам, — продиктовал Верховный в ответной телеграмме Жданову и Жукову. — Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожать в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов. Мой совет: не сентиментальничать... Бейте вовсю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно, являются ли они вольными или невольными врагами...»[1]

Что ж, если мирное население, оставшееся на оккупированной территории, объявлялось «врагами», по которым следует «бить вовсю», то красноармейцы, попавшие в плен, оказывались таковыми как бы само собой. И все же во взглядах Мехлиса был свой нюанс. «В разъяснительной работе подчеркивайте, — указывал начальник ГлавПУ в упомянутой выше директиве, — что лучше смерть в бою, чем позорный и мучительный плен, кончающийся непременно смертью. Не должно быть ни одного красноармейца, который не знал бы об этой провокации».

Иные интонации, чем у вождя, звучат и в листовке, написанной армейским комиссаром 1-го ранга по этому поводу. Интересна работа его мысли, которую легко проследить по поправкам, вносимым им в текст. Пленных красноармейцев он именует товарищами-братьями, сынами великой Советской страны, взывает к их гражданским и семейным чувствам. Не терять ни одной минуты, использовать для побега любую возможность, призывает он, а «мы встретим вас как братьев»[2].

Хочется думать, что это не пропагандистский трюк, что проявления человечности по отношению к людям, оказавшимся во вра-

---

[1] Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Кн. 2. С. 194—195.

[2] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 21, л. 117.

жеском плену, у Льва Захаровича тогда еще сохранились. Может быть, потому, что, в отличие от Сталина, он постоянно был на фронте, знал подлинную армейскую действительность не понаслышке. А возможно, оттого, что осенью 1941 года еще не до конца был ясен масштаб наших потерь пленными, а значит, и степень ожесточенности по отношению к ним еще не носила крайнего характера.

И тем не менее говорить о какой-то принципиально самостоятельной линии Мехлиса, отличной от сталинской, вряд ли правомерно. Вера в вождя, в правильность его установок, укоренившаяся в сознании и душе Льва Захаровича с далеких 20-х, в эти дни лишь крепла. Весьма наглядно свидетельствует об этом и его линия поведения в ходе командировок в войска.

Здесь он тоже отнюдь не забывал о роли «глаз и ушей», а то и карающей длани вождя, был постоянно настроен на борьбу, на выявление врагов, на чрезвычайные меры. Еще довоенный опыт показал правящей верхушке, что в обстановке общественного стресса легче манипулировать массами, проще найти повод списать любой свой промах, любое собственное преступление на чье-то «вредительство», а то и «предательство». Были и люди, специализировавшиеся в роли сталинской секиры — Ежов, Берия, Вышинский, Шкирятов... И — Мехлис. Ему не была известна та высота духа, которая побуждает человека искать несовершенство, прежде всего, в себе, спрашивать в первую очередь с себя. Безоговорочно и решительно, с неумолимостью несущейся с горы лавины или, если угодно, падающей секиры, выполнял он указания репрессивного характера. Был беспощаден, умел отвести вину от хозяина (а при необходимости и от себя), переложив ее на других, более человечных, совестливых и слабых.

Такие специфические качества Льва Мехлиса были востребованы вождем на фронте уже в первые, катастрофические дни войны, когда враг в полной мере воспользовался грубыми просчетами советского руководства при определении момента и главного направления фашистской агрессии. В полосе Западного фронта к концу июня гитлеровцы продвинулись на глубину свыше 300 километров, захватив значительную часть Белоруссии. 3-я и 10-я советские армии были окружены, а остатки 4-й армии отошли за Березину. 28 июня пали Минск и Бобруйск. Создалась угроза быстрого выхода подвижных соединений врага к Днепру и прорыва их к Смоленску.

В поисках причин столь тяжких поражений наших войск острый и циничный ум вождя привычно подсказал: чтобы отвести подозрение от себя, надо, не мешкая, объявить имена виновников. Выбор пал на командование Западным фронтом. На первом же заседании ГКО, образованного 30 июня, было утверждено отстранение генерала армии Д.Г. Павлова от обязанностей командующего войсками фронта. Его заменили сначала генерал-лейтенантом А.И. Еременко, а 2 июля — наркомом обороны маршалом Тимошенко. Начальником штаба фронта вместо генерал-майора В.Е. Климовских был назначен начальник оперативного управления Генерального штаба генерал-лейтенант Г.К. Маландин. Членом Военного совета фронта вместо А.Я. Фоминых стал Мехлис, продолжавший оставаться заместителем наркома обороны и начальником ГУПП.

В реализации планов Сталина по поиску «стрелочников» ему отводилась особая роль. Именно он обеспечил арест генерала Павлова, которому вождь после заседания ГКО лицемерно приказал возвратиться на фронт. Об обстоятельствах ареста белорусскому историку Э.Г. Иоффе рассказал бывший начальник Гмельского областного управления госбезопасности полковник в отставке Д.С. Гусев. На рассвете 4 июля ему позвонил Мехлис и отдал приказ «перехватить» Павлова, направлявшегося из Могилева в Гомель, когда тот будет проезжать городок Довск. Гусев прибыл в Довск и здесь узнал, что арест генерала армии придется производить не ему, а ранее прибывшей из Москвы группе ответственных работников НКВД. Когда появилась машина Павлова, один из них остановил автомобиль и предложил генералу пройти к телефону, объяснив просьбу срочным вызовом Мехлиса. В помещении почтового отделения бывшему командующему Западным фронтом предъявили ордер на арест.

Сам Павлов показывал на допросе 7 июля: «Я был арестован днем 4 июля с.г. в Довске, где мне было объявлено, что арестован я по распоряжению ЦК. Позже со мной разговаривал заместитель председателя Совнаркома Мехлис и объявил, что я арестован как предатель».

Кто же конкретно произвел арест? По одной из версий, нашедшей не так давно отражение в печати, это — не сотрудник НКВД, а полковник Разведуправления РККА Хаджи-Умар Мамсуров[1]. Его

---

[1] Независимое военное обозрение, 2003, 5 декабря.

читатель уже знает: именно Мамсуров на апрельском совещании 1940 года в ЦК партии высказал сомнение в целесообразности назначения начальника ПУ РККА Мехлиса членом военного совета 9-й армии. А приказ на арест он якобы получил от Ворошилова, имевшего соответствующие указания от Сталина. Было это, по утверждению автора статьи военного журналиста М.Е. Болтунова, 29 июня. И «отвертеться он не мог: машины с охраной для выезда за будущими высокопоставленными арестантами уже ожидали...»

Мамсуров хорошо знал Павлова по Испании, где они находились в одно и то же время, первый под псевдонимом «Ксанти», а второй — «генерал Пабло». По воспоминаниям разведчика, 27 июня он стал свидетелем разговора, состоявшегося между Ворошиловым и еще одним маршалом — Шапошниковым, также находившимся в тот момент в штабе Западного фронта. Так вот Климент Ефремович сказал своему собеседнику, что имеет указание отстранить Павлова от командования и отправить под охраной в Москву. Борис Михайлович согласился, что тот — командующий никудышный, но его арест в данной ситуации был бы ошибкой, он пользы не принесет, а лишь вызовет тревогу и суматоху в рядах командиров. В составленной затем шифровке на имя Сталина Ворошилов просил вождя не арестовывать Павлова, а назначить командующим танковой группой, сформированной из отходящих частей в районе Гомель — Рогачев. Но Москва подтвердила указание об аресте, и маршал отдал приказ Мамсурову.

Хаджи-Умар Джиорович так рассказывал об аресте генералов: «Первым подошел сам Павлов. Снял ремень с пистолетом и, подав их мне, крепко пожал руку, сказал: “Не поминай лихом, Ксанти, наверное, когда-нибудь в Могилеве встретимся”. В отличие от вчерашней ночи он был почти спокоен и мужественен в эту минуту. Павлов первым сел в легковую машину. Вторым сдал оружие начальник штаба Климовских. Мы с ним раньше никогда не встречались. Он был также спокоен, ничего не сказал и сел в ту же машину. Третьим подошел ко мне замечательный товарищ, великолепный артиллерист — командующий артиллерией округа Клыч (правильное написание фамилии — Н.А. Клич. — *Ю.Р.*). Мы прекрасно знали друг друга по Испании и всегда общались как хорошие товарищи. Он протянул свое оружие, с улыбкой обнял меня. Через несколько минут небольшая колонна двинулась в путь на Москву».

Несмотря на то что автор статьи, из которой мы привели эту цитату, ссылается на использование архивных материалов ГРУ и ранее не публиковавшихся записей Мамсурова, картина ареста командования Западным фронтом остается противоречивой и не во всем совпадает с достоверно установленными фактами. Остаются не до конца проясненными сведения о дате (датах) и месте (местах) ареста генералов, о лицах, организовавших и производивших арест.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы говорят об активной роли в аресте не Ворошилова, а именно Мехлиса. Он был направлен на Западный фронт специально для того, чтобы, действуя по образцу 1937 года, надежнее отвести вину от вождя. С этой целью он, по сути, сфабриковал обвинение в заговоре целого ряда военачальников, якобы из-за измены и предательства которых Красная Армия в первые дни войны потерпела поражение. Армейский комиссар 1-го ранга не только определил круг новых жертв, но и сформулировал правдоподобное обоснование расправы над ними. 6 июля 1941 года Мехлис собственноручно (автор видел в архиве эти две страницы из служебного блокнота с характерным мехлисовским почерком) составил и послал в Центр такую телеграмму:

«МОСКВА, КРЕМЛЬ, СТАЛИНУ

Военный совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение. Военный совет решил:

1) Арестовать быв[шего] нач[альника] штаба фронта Климовских, быв[шего] заместителя командующего ВВС фронта Таюрского и начальника артиллерии фронта Клич[а].

2) Предать суду военного трибун[ала] командующего 4-й армией Коробкова, командира 9-й авиадивизии Черных, командира 42 сд (стрелковой дивизии. — *Ю.Р.*) Лазаренко, командира танкового корпуса Оборина.

Просим утвердить арест и предание суду перечисленных лиц...»

Под телеграммой кроме Мехлиса поставили свои подписи командующий фронтом Тимошенко и еще один член военного совета фронта П.К. Пономаренко, первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии.

В тот же день в их адрес последовал ответ:

«Государственный Комитет Обороны одобряет Ваши мероприятия по аресту Климовских, Оборина, Таюрского и других и привет-

ствует эти мероприятия, как один из верных способов оздоровления фронта»[1].

Это дает основание говорить о том, что арестовали Павлова и его подчиненных порознь, а не вместе, как об этом вспоминал Мамсуров. Из тех же воспоминаний следует, что арест был произведен в расположении штаба фронта. Однако документально подтверждено, что Павлов был арестован в Довске.

Если, как пишет М.Е. Болтунов, маршал Ворошилов отдал приказ Мамсурову арестовать Павлова, Климовских и Клича еще 29 июня, причем сделать это неотложно, то, спрашивается, кто осмелился затянуть с его исполнением на пять дней, до 4 июля, и почему виновный не понес за задержку никакой ответственности, хотя приказ исходил от самого Сталина?

Ни в коем случае не собираемся бросать тень на воспоминания легендарного разведчика Хаджи-Умара Мамсурова. Но пока перед историками не предстанет ясная, непротиворечивая картина того, как прошел последний день на свободе для командования Западным фронтом, точку в этой истории ставить рано. Пока же, на наш взгляд, очень многое говорит за то, что организация и арест генералов были доверены (не исключено, что и с участием Мамсурова) именно Мехлису, прибывшему в штаб фронта, по некоторым сведениям, 30 июня, но, по крайней мере, не позднее 2 июля 1941 года.

Сталинский посланник, зная, что никакая жестокость не будет его покровителем считаться излишней, действовал грубо, подтасовывал факты, не заботясь даже о тени законности. О его «объективности» при определении круга виновных свидетельствует хотя бы судьба генерал-майора А.А. Коробкова. По воспоминаниям генерал-полковника Л.М. Сандалова, встретившего войну начальником штаба 4-й армии, она «хотя и понесла громадные потери, но все же продолжала существовать и не потеряла связи со штабом фронта». Почему же осудили именно Коробкова? Сандалов объяснял так: «К концу июня 1941 года был предназначен по разверстке (*! — Ю.Р.*) для предания суду от Западного фронта один командарм, а налицо был только командарм 4-й армии. Командующие 3-й и 10-й армиями

---

[1] *Анфилов В.А.* Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. С. 287—288.

находились в эти дни неизвестно где, и с ними связи не было. Это и определило судьбу Коробкова»[1].

После ареста генералов подвергли жестоким пыткам и устроили над ними судилище. Военная коллегия Верховного суда под председательством небезызвестного Ульриха признала Павлова, Климовских, Григорьева и Коробкова виновными в том, что они проявили трусость, бездействие, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия и боеприпасов противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями фронта, тем самым дезорганизовали оборону страны и создали возможность противнику прорвать фронт советских войск[2]. Их приговорили к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение. Это была расправа, прикрытая инсценировкой суда, ибо приговор был предрешен заранее, основывался только на показаниях подсудимых, никакие оперативные документы при этом к разбирательству не привлекались и показания свидетелей не заслушивались. В сентябре расстреляли и генерал-лейтенанта Клича.

После XX съезда КПСС Верховный суд возвратился к делу Павлова и его товарищей по несчастью. Было запрошено заключение Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, в котором признавались крупные недочеты в подготовке ЗОВО к войне, но решительно отметалось обвинение, обращенное к командованию округом и фронтом, в трусости, бездействии, сознательном развале управления войсками и сдаче оружия противнику. Все это позволило суду вынести справедливый вердикт.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 года приговор от 22 июля 1941 года в отношении генералов Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьева и А.А. Коробкова, а также приговор от 17 сентября 1941 года в отношении генерала Н.А. Клича были отменены, и дела на них производством прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

Это произошло через 16 лет после происшедшего. А тогда, в 41-м, Мехлис, творя свое черное дело, не просто ревностно исполнял волю вождя. Это был и его собственный стиль: обоих деятелей роднила вера в репрессии как универсальное средство выправления

---

[1] Исторический архив, 2006, № 2. С. 61.

[2] См.: Военно-исторический журнал, 1992, № 4—5. С. 20.

того катастрофического положения, в котором во многом по их вине оказалась страна.

Что обстановка куда трагичнее, чем это виделось из Москвы, сталинскому эмиссару стало ясно сразу же по прибытии на Западный фронт. Большие претензии возникли у него не только к генералам, но и офицерам, и рядовым солдатам. На докладной записке начальника 3-го отдела фронта майора госбезопасности Бегмы о недостатках в обеспечении боевых действий частей авиации и ПВО Мехлис подчеркивает слова: «25.06.41 г. оборона Оршанского аэродрома не была организована, отсутствовал какой-либо порядок, общее руководство...» Здесь же описывалась паника в 43-й авиационной дивизии 26 июня, когда поступил приказ об эвакуации. Лев Захарович отметил следующие фразы: «Политаппаратом дивизии не было принято никаких мер к предотвращению паники», «Коммунисты на борьбу с паникой не были организованы», «Совершенно недостаточно реактивных снарядов, зажигательных и средне-осколочных авиабомб...», «плохая охрана и оборона аэродромов»[1].

Виновные, по мнению Мехлиса, должны были ответить сурово. Его решимость любой ценой добиться перелома разделял и маршал Тимошенко. В первые же дни новое фронтовое командование издало целый ряд приказов, которые должны были излечить личный состав от паники, трусости, отступательных настроений.

Первый из приказов датирован 6 июля 1941 года и касается отдачи под суд за «проявленную трусость, дезертирство и измену присяге» командира дивизиона 188-го зенитного артполка капитана Сбиранника, начальника окружной военной ветлаборатории военврача 2-го ранга Овчинникова, командира 8-го отдельного дисциплинарного батальона майора Дыкмана и других военнослужащих. 7 июля последовал новый приказ, каравший инспектора инженерных войск Красной Армии майора Уманца за невыполнение приказа командования Западным фронтом по подготовке к взрыву мостов через Березину в случае попытки немцев использовать их и занять Борисов. Уманец «преступно организовал подрывные работы, не обеспечив безотказности взрыва», в результате противник осуществил переправу и занял город.

[1] ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 5, л. 19—25.

8 июля издано сразу три репрессивных приказа. «За нарушение присяги, проявление трусости и бездеятельность» предавались суду военного трибунала уже известные нам генералы Коробков, Черных, Лазаренко и Оборин. «За преступные действия, выразившиеся в сдаче врагу материальной части и боеприпасов», были взяты под стражу и также предавались суду командир 188-го зенитного артполка 7-й бригады ПВО полковник Галинский и его заместитель по политчасти батальонный комиссар Церковников. Два старших офицера из 16-й армии — подполковник М.А. Белай и майор Р.Д. Бугаренко, попали под суд «за распространение пораженческих настроений».

В «ежовые рукавицы» брали также рядовых красноармейцев и младших командиров. Цитируемая ниже директива Мехлиса от 7 июля военным советам армий, входивших в состав Западного фронта, во многом предвосхищает приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 года: «Наиболее характерные приговора в отношении красноармейцев и младших командиров с высшей мерой наказания разрешаю печатать в изложении в армейских и дивизионных газетах...

Наиболее злостных дезертиров и паникеров, осужденных трибуналом, РАЗРЕШАЮ: в зависимости от обстановки, расстреливать перед строем. В последнем случае хорошо подготовиться. На месте обязательно присутствие представителей ПУАРМа, прокуратуры, трибунала и особого отдела...»[1]

А вот телеграмма военному совету 20-й армии, решающая судьбу конкретного солдата: «Красноармеец 438 ГАП (гаубичный артиллерийский полк. — *Ю.Р.*) Исмаилов Юнис Джамбур оглы за угрозу по адресу сержанта приговорен к расстрелу. Разрешаю приговор привести в исполнение немедленно перед строем»[2].

Как видим, полномочия сталинскому эмиссару были даны почти неограниченные: аресты военнослужащих, невзирая на звания и должности, и расстрелы, нередко лишь задним числом проштампованные трибуналами, должны были кого-то устрашить, кого-то заставить мобилизоваться.

---

[1] Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992. С. 302—303.

[2] ЦАМО, ф. 208, оп. 2524, д. 3, л. 48.

В ВОЙСКАХ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Не меньше времени, чем в служебном кабинете на ул. Кирова, в здании, где в войну располагались также Ставка ВГК и Генеральный штаб, Мехлис проводил в войсках действующей армии. Дело в том, что он вошел в число постоянных советников, институт которых уже на второй день войны был создан при Ставке Верховного главнокомандования. В столь напряженный момент советы, однако, должны были уступить место действиям. Вместо советников в Ставке явочным порядком начал функционировать институт ее представителей в войсках. По своим правовым возможностям и функциональным обязанностям представители СВГК заметно различались. По сути, лишь члены Ставки являлись ее полноправными представителями, действовали от ее имени. Остальные лица выполняли роль уполномоченных в каждом конкретном случае. Их пребывание на фронте было обычно непродолжительным, главная задача состояла в уточнении обстановки, докладе выводов по ней, помощи командованию на местах. Таковым уполномоченным Ставки в 1941 году был и Мехлис.

За первые полгода войны он побывал на Западном (июнь — июль), Центральном (август), Северо-Западном (сентябрь — октябрь), Резервном и Западном (октябрь), Волховском (декабрь 1941-го — январь 1942 года) фронтах, в 30-й армии Западного фронта (ноябрь—декабрь 1941 года). Как профессиональному политработнику, ему не ставились задачи, относящиеся к управлению войсками. Стихия Льва Захаровича была иной: формирование частей, политработа, контроль и надзор за высшим ком- и политсоставом, предельно откровенный доклад о политико-моральном состоянии на самый «верх». Кроме того — расследование действительных, а нередко и мнимых проступков различных должностных лиц, скорая расправа с неугодными вождю, а подчас и самому начальнику ГлавПУ.

На практике Мехлис выступал в роли скорее не уполномоченного Ставки, а личного представителя Верховного главнокомандующего. Нельзя также не заметить, что в отдалении от ГКО и Ставки, даже при условии ежедневных докладов Сталину, он действовал более самостоятельно, чем в Москве. Соответственно, позволял себе чаще, чем обычно, угрозы, нажим, произвол.

Лев Захарович, однако, не мог не отдавать себе отчета, что одними репрессиями положения на фронте не поправить. Требовались и оружие, и пополнение, и призывное слово.

5 июля он рассылает в Козельск, Гжатск, Сычевку и другие райцентры «молнии» военным комиссарам с требованием оказать содействие секретарям райкомов в выяснении, сколько вооружения и боеприпасов имеется на окружных и центральных складах, осталось ли что-нибудь после отмобилизования призывного контингента.

Одновременно были предприняты усилия по максимальной мобилизации в тылу лишних там людей и техники. Тяжелые бои, утрата многими командирами нитей управления, отход, а подчас и бегство иных наших частей с передовой порождали беспорядок в тылах. 8 июля Мехлис категорически потребовал от военных советов и отделов политпропаганды армий Западного фронта «навести строгий порядок в тылах, очистить их от бездельников. Всех лишних людей отправить в действующие части, а лишние машины обратить на укомплектование автобатов... Дезертиров арестовывать и предавать суду».

Чтобы ликвидировать «тромбы» на железной дороге, в Наркомат госконтроля СССР 6 июля он направляет телеграмму с указанием: 1) выслать в Витебск, Оршу, Смоленск, Могилев и Гомель по одному контролеру с задачей — «контролировать работу железнодорожных узлов, своевременность отправки грузов в тыл, разгрузку прибывающих эшелонов... О результатах докладывать мне в Смоленск...», 2) командировать в его распоряжение контролеров для ревизии всех довольствующих органов, артчастей и служб снабжения боеприпасами.

В боях, развернувшихся в полосе фронта, катастрофически убывал младший комсостав. Взять пополнение было негде. Поэтому 9 июля Тимошенко и Мехлис отдают директиву военным советам 22, 20, 21, 13, 4, 19 и 16-й армий: «В действующих частях и соединениях во многих случаях довольно беззаботно относятся к выдвижению командиров, отличившихся в боях. Командиры этих частей, очевидно, не понимают, что предстоит серьезная и длительная борьба (Это — характерное признание. — *Ю.Р.*) и что кадры выковываются во время войны».

Исходя из этого, предлагалось: 1) укомплектовать начсоставом все действующие части за счет своих ресурсов, повышая, прежде

всего, отличившихся в боях, 2) сверхштатный начсостав изъять из частей и создать резерв военного совета армии, 3) удалить из тылов лишний начсостав, при этом способных к строевой службе заменить нестроевыми.

Огромные потери нес и контингент политработников. В частях резко уменьшилась партийная прослойка, следовательно, ослаб рычаг воздействия командования и политорганов на личный состав. И все это в обстановке неравных боев, отхода, окружения, нередкой паники. Уже 2 июля из Москвы в Смоленск в распоряжение Мехлиса по его требованию было отправлено 170 политработников, а 3-го — еще 100. В этот же день он просит у члена ГКО Маленкова немедленно командировать «15 групп пятисоток» (то есть 7500 человек) политбойцов «для укрепления партийно-политического состояния частей 4-й и 13-й армий».

Подобные просьбы постоянно высказывались и в дальнейшем. Куда и как направлялось это пополнение, дает представление типичная для тех дней телеграмма за подписью начальника ГУПП: «Военсовет 22 армии. Ершакову, Леонову. 6 июля в 3 часа 35 мин. из Москвы эшелоном № 6/148 в ваше распоряжение отправлено пять рот политбойцов для укрепления политико-морального состояния частей. В каждой роте по 193 человека коммунистов и комсомольцев, в т.ч. рядовых — 81, младших командиров — 13, политработников — 4, комсостава — 5. Роты влить в наиболее нуждающиеся полки равномерными группами. Разъяснить прибывшим их задачи. Донесите, что сделано и результаты». Аналогичные телеграммы пошли и в 21, 4, 20-ю армии.

Как опытный журналист, армейский комиссар 1-го ранга позаботился об укреплении фронтовой газеты «Красноармейская правда», назначив туда «литераторами-писателями» Вадима Кожевникова, Михаила Матусовского, Константина Симонова, Алексея Суркова. Существенной реорганизации подверглась фронтовая газета на немецком языке, рассчитанная на противника.

К репрессиям, нагнетанию страха перед жестокими наказаниями член Военного совета Западного фронта прибегал, повторимся, часто. Но и он не мог не понимать, что, образно говоря, кнут более действенен в сочетании с пряником. Большинство частей, командиров и бойцов не бежали, а стояли насмерть, переходили в контратаки, проявляли исключительное мужество и отвагу, которые замечал

и чрезвычайно скупой на похвалу Мехлис. Не случайно уже 8 июля вместе с Тимошенко он обязал командующих армиями фронта срочно, прислав донесения самолетом, представить отличившихся к государственным наградам.

Как это нередко случалось у Льва Захаровича, плодов своего труда ему увидеть не пришлось. 10 июля 1941 года решением ГКО были созданы промежуточные органы стратегического руководства — главные командования войск направлений, в том числе Западного. Последнее возглавили руководители Западным фронтом. Исключение составил только Мехлис: 12 июля он был отозван в Москву.

К этому времени, то есть за три недели войны, фашистские войска продвинулись на западном направлении от 450 до 600 км. 10—12 июля противник сломил сопротивление наших обороняющихся частей в районе Витебска, южнее Орши и Могилева и стал быстро продвигаться в сторону Смоленска. Во всей полосе Западного фронта развернулось гигантское Смоленское сражение.

Арест генерала армии Павлова и других руководителей фронта кардинально обстановку не изменил и изменить не мог. Если бы Сталин был последователен, он, учитывая, что перелома на фронте достичь не удалось, должен был поступить с Мехлисом так, как он обошелся с бывшим командованием фронтом. Но в том-то и дело, что начальник ГУПП был послан туда с иной миссией. Вождь руками своих присных добивался вполне определенной цели — продемонстрировать военным кадрам тяжесть и неотвратимость верховной кары, показать, что и с началом войны устои власти остались прежними. И судя по всему, Сталин уверился, что эта цель на Западном фронте его эмиссаром достигнута.

Потому с похожей миссией Мехлис направлялся вождем и на другие фронты. Заметной вехой в его деятельности в качестве уполномоченного Ставки ВГК стало пребывание с 9 сентября 1941 года на Северо-Западном фронте вместе с заместителем председателя Совнаркома СССР Булганиным и генералом армии Мерецковым. Ключевой фигурой среди них следует считать именно Мехлиса: Булганин досрочно вернулся в Москву, а Мерецков, для которого эта поездка была первой после освобождения из заключения, уже 17 сентября получил назначение на Волховский фронт. Лев Захарович же пробыл здесь дольше всех, до 2 октября 1941 года, замыкая на себя исполнение важнейших полномочий.

Направление сюда Ставкой своих представителей вовсе не было случайным. Еще в июле 1941 года Верховный главнокомандующий резко отреагировал на донесение командования Северо-Западным фронтом об отходе войск и оставлении городов Острова и Пскова: «Истребительные отряды у вас до сих пор не работают, плодов их работы не видно, а как следствие бездеятельности командиров дивизий, корпусов, армий и фронта части Северо-Западного фронта все время катятся назад. Пора это позорное дело прекратить... Командующему и члену Военного совета, прокурору и начальнику 3-го управления — немедленно выехать в передовые части и на месте расправиться с трусами и предателями».

Однако никакими грозными окриками невозможно было в одночасье свести на нет преимущества, полученные противником в начале войны. Наши войска продолжали отступать, 15 августа оставив Новгород. Отступление тем не менее не было пассивным. Более того: закрывая путь на Ленинград, 34-я армия и часть сил 11-й армии Северо-Западного фронта при активной поддержке фронтовой и дальнебомбардировочной авиации нанесли внезапный контрудар из района юго-восточнее Старой Руссы в северо-западном направлении.

К сожалению, как это нередко случалось в начале войны, контрудар 34-й армии не был достаточным образом подготовлен: острый недостаток ощущался, прежде всего, в авиации и средствах противовоздушной обороны. Веских контраргументов встречному удару противника, сумевшему быстро перебросить в район Старой Руссы танковые, моторизованные и авиационные части, не нашли. В результате, как докладывал Сталину член Военного совета 34-й армии бригадный комиссар И.П. Воинов, к 20 августа она, «потеряв больше 50 % убитыми и ранеными, была настолько деморализована, что побежала беспорядочно». Армия потеряла почти всю артиллерию, из 86 тысяч человек в строю к 28 августа осталось, согласно этому донесению, лишь около 20 тысяч.

«Нужно сказать, — писал по этому поводу бывший командующий фронтом генерал армии П.А. Курочкин, — что незавершенность контрудара наших войск под Старой Русой объясняется не только слабым их прикрытием с воздуха, но и тем, что управление соединениями, особенно в 34-й армии, оказалось далеко не на должной высоте».

В результате и родилось решение Верховного главнокомандующего, потерявшего веру в местное военное руководство, жесткой рукой своих уполномоченных обеспечить благоприятный перелом на этом направлении.

Первое донесение Верховному главнокомандующему Булганин, Мехлис и Мерецков отправили на следующий день после прибытия на Северо-Западный фронт. Обстановку, сложившуюся здесь, они оценили как «крайне неблагополучную». В результате нового прорыва немцев 8 сентября был захвачен Демянск, противник, распространяясь на север, вышел на тылы 27, 34 и 11-й армий. Создалась угроза Валдаю и тылам Новгородской оперативной группы. Между тем фронт был ослаблен: большинство дивизий крайне малочисленны, отсутствовали танковые части. Остро требовались хотя бы танковая бригада и три батальона и одна свежая стрелковая дивизия. «Командующий фронтом Курочкин (лишь за две недели до этого сменивший генерал-майора П.П. Собенникова. — *Ю.Р.*) еще не овладел обстановкой. Штаб фронта (его возглавлял генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин. — *Ю.Р.*) не знает точного расположения дивизий и их действий», — завершали уполномоченные Ставки свой доклад.

Обстановка настоятельно требовала стабилизировать линию фронта, укрепить позиции и не дать врагу пробиться к Вышнему Волочку, откуда он мог бы обойти советские соединения, стоявшие у реки Волхов. Больше всего прибывших из Москвы, по воспоминаниям Мерецкова, тревожил левый фланг 11-й и весь участок 34-й армий. С одной стороны, именно здесь, в сравнительно сухом месте на пути в Крестцы, Валдай и Бологое, можно было с наибольшей вероятностью ожидать очередного удара немцев. А с другой — у штаба фронта как раз с командованием 34-й армии и не было связи.

Второй эшелон штаба армии был обнаружен 11 сентября в тылу фронта недалеко от деревни Заборовье. Здесь оказались командарм-34 генерал-майор К.М. Качанов и начальник артиллерии армии генерал-майор артиллерии В.С. Гончаров. «Оба они, — пишет маршал Мерецков, — ничего толком о своих войсках не знали и выглядели растерянными»[1].

Свои мемуары полководец напечатал четверть века спустя описываемых событий, время, конечно, сгладило их остроту. Не все

---

[1] *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1968. С. 218.

тогда позволено было и говорить. Что же осталось за рамками воспоминаний? Генерал Качанов был обвинен в том, что вопреки приказу командующего фронтом самовольно приказал отходить с занимаемого рубежа р. Шалковка, р. Полометь, Костьково, Тоболка, р. Пола. Потеряв управление войсками, он бросил их и «позорно ушел в тыл». (На неспособность Качанова руководить столь крупным соединением указывал в письме Сталину член военного совета Воинов, характеризуя его, как «грубого солдафона», который иначе, как с использованием «трехэтажного мата», с подчиненными не разговаривает и многим «бьет морду».) Что касается генерала Гончарова, то он проявил «полную бездеятельность в выводе материальной части артиллерии», к тому же «убежал трусливо в тыл» и двое суток «пьянствовал».

12 сентября уполномоченные Ставки доложили Сталину о результатах расследования действий командования, в том числе и об аресте Качанова. Мерецков лукавит, когда пишет в мемуарах: «Л.З. Мехлис доложил в Ставку о его поведении, и на этом карьера командарма окончилась», — под докладом Верховному стоят подписи всех уполномоченных, в том числе самого Кирилла Афанасьевича. Здесь же Сталину сообщалось о расстреле генерал-майора артиллерии Гончарова.

Пожалуй, в ту войну никто больше не решился без суда расстрелять перед строем генерала. А начальник Главного политуправления, не колеблясь, пошел на это. Вот текст приказа войскам фронта № 057 от 12 сентября 1941 года, составленного лично Мехлисом: «...За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта о выходе на помощь наступающим с запада частям, за непринятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боев армии генерал-майора артиллерии Гончарова, на основании приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем командиров штаба 34-й армии»[1].

Документ был оформлен задним числом для придания законного основания личному произволу начальника ГлавПУ РККА. Вот что рассказал автору полковник в отставке В.П. Савельев, бывший сви-

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 51, л. 11—12.

детелем расстрела генерала Гончарова. По приказу Мехлиса работники штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошел вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: «Где пушки?» Гончаров неопределенно махнул рукой в направлении, где были окружены наши части. «Где, я вас спрашиваю?» — вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: «В соответствии с приказом наркома обороны СССР № 270...». Для исполнения «приговора» он вызвал правофлангового — рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах преодолеть душевного волнения, отказался. Пришлось вызывать отделение солдат...

Уже на следующий день Мехлис заинтересовался, насколько сильное впечатление произвела эта крайняя мера. Начальник особого отдела НКВД Северо-Западного фронта комиссар госбезопасности В.М. Бочков доносил уполномоченному Ставки о реакции в 34-й армии на расстрел генерала Гончарова. Большинство присутствовавших при казни ее одобряет, сообщал Бочков. Мол, так Гончарову и надо, давно пора принимать меры, пьяница, оставил армию без артиллерии. Но вот заместитель начальника оперативного отдела штаба армии майор Васильев заявил: «Сегодняшний расстрел меня окончательно убил... Ведь он же не виноват (Гончаров), кто-то бежит, кто-то бросает вооружение, а кто-то должен отвечать».

Кто же это осмелился идти «не в ногу»? Начальник особого отдела пояснял: «Васильев характеризуется с отрицательной стороны как трус. Данные о Васильеве нами тщательно проверяются».

Вопреки утверждению Мерецкова, в эти же сентябрьские дни окончилась не только карьера, но сама жизнь и генерала Качанова. Расправившись с генералом Гончаровым, начальник ГлавПУ дал указание осудить к расстрелу и командарма-34, что военный трибунал и исполнил 26 сентября в присутствии Мехлиса. Автор располагает на этот счет свидетельством полковника в отставке М.И. Скрыгина, служившего офицером для поручений штаба Северо-Западного фронта. В конце 50-х годов генералы Качанов и Гончаров были посмертно реабилитированы.

Приезд столь высокой комиссии из Центра на фронты почти неизменно сопровождался подобными экстраординарными мерами, иначе — по мрачной традиции тридцать седьмого года — инспектирующие рисковали уже на себя навлечь обвинения в мягкотелости.

Достаточно напомнить хотя бы о комиссии Ставки ВГК во главе с Молотовым на Западный фронт в октябре 1941 года, когда угрозу расстрела, нависшую над его командующим Коневым, отвела лишь твердая позиция Жукова. В жертву репутации высоких московских эмиссаров были принесены жизни людей пусть и виновных, но не заслуживавших столь суровой участи.

Лев Захарович взял на себя рассмотрение справок на «скомпрометировавшихся», по его выражению, командиров соединений и частей 34-й армии, подготовленных начальником особого отдела капитаном госбезопасности Белкиным. О результатах рассмотрения свидетельствует отредактированный Мехлисом его (вместе с Булганиным и Курочкиным) доклад Сталину от 24 сентября 1941 года: «Командиры дивизий 33 стрелковой генерал-майор Железников, 262 стрелковой генерал-майор Клешнин и 54 кавалерийской полковник Вальц не справились с командованием **во время операций 34 армии в августе и первой половине сентября**, проявили безволие, растерянность и неумение управлять частями, в результате чего потеряли дивизии... **Нами они отстранены от командования дивизиями. Считаем возможным** назначить их на должности командиров полков, **чтобы искупали вину** (выделенное вписано рукой Мехлиса. — *Ю.Р.*)».

Верховному было доложено также об аресте начальника 12-го строительного управления Главгидростроя НКВД П.Г. Рыжкова и главного инженера В.Г. Андреянова, на которых возложили вину за оставление в руках противника схемы оборонительных сооружений вокруг Валдая.

С командными кадрами уполномоченные Ставки ВГК разбирались одновременно с восстановлением боеспособности частей. За счет тыловых частей была сформирована 188-я стрелковая дивизия, правда, плохо вооруженная. Понимая, что этими силами валдайское направление не прикрыть, Мехлис и другие представители Центра взялись за восстановление 163-й и 33-й стрелковых дивизий (из состава 34-й армии), в которых после минувших боев осталось всего по 500—600 человек. Для укомплектования дивизий они 15 сентября запросили у Верховного 24 маршевые стрелковые роты с оружием, восемь маршевых специальных рот, три танковых батальона, два артполка стрелковых дивизий с материальной частью, 54 орудия калибра 45-мм, 324 станковых пулемета и другое вооружение.

21 сентября Булганин и Мехлис сообщают, что на месте восстанавливают 25-ю кавдивизию, правда, без артиллерии, бронемашин и тяжелых тылов. Чтобы обеспечить ее боеспособность через неделю, уполномоченные Ставки просили помощь минометами и автоматическим оружием.

Мехлис напрямую связывался с начальниками родов войск и главных управлений Наркомата обороны. Сразу же по прибытии на Северо-Западный фронт он запросил у начальника Главного управления формирования и укомплектования Красной Армии армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко 750 младших командиров, у начальника Главного управления кадров НКО генерал-майора А.Д. Румянцева — трех командиров дивизий, восемь начальников штабов дивизий, восемь командиров и 12 начальников штабов полков, 600 командиров разных степеней и других. Начальник Главного управления связи Красной Армии генерал-лейтенант войск связи И.Т. Пересыпкин обязывался прислать радиоспециалистов и средства связи, начальник Главного военно-химического управления генерал-майор технической службы П.Г. Мельников — пять рот химзащиты.

По запросу Мехлиса в его распоряжение в большом количестве прибывали роты политбойцов. «Коммунистов и комсомольцев ни в коем случае не сводить в компактные группы, — такую директиву отдал он командующему и начальнику политотдела Новгородской группы войск, — а иметь в каждой роте по 8—10 человек с тем, чтобы каждый влиял на десяток беспартийных, создавая боевой актив».

Выметались все «сусеки» и в собственных тылах с учетом того, что из-за ожесточенных боев, прежде всего на московском направлении, Ставка не располагала сколько-нибудь серьезными резервами. При активном участии Льва Захаровича в составе фронта удалось восстановить штатную численность четырех стрелковых (33, 163, 182 и 188-й) и двух кавалерийских (25-й и 58-й) дивизий, частично укрепить кадрами еще три стрелковые дивизии (245, 259 и 262-ю).

На многое хватало сил и энергии у этого человека: он вникал даже в то, что подчас принято считать для руководителя такого ранга не очень существенным. «Посылаю для дивизии хороший оркестр, — телеграфировал он 24 сентября командиру 163-й стрелковой дивизии полковнику Г.П. Попову. — Пусть не бездействует и на

фронте. Враг должен трепетать и от звуков советского марша». От своего заместителя по ГлавПУ Кузнецова он потребовал направить четыре роты коммунистов, прислать звуковещательную станцию, оборудование для трех типографий и... 100 гармошек.

Заботясь о бодром настрое людей, начальник ГлавПУ тем более заботился о чистоте армейских рядов. По его приказу военные советы всех армий фронта в трехдневный срок должны были удалить из частей личный состав «прибалтийской национальности». Опасения, что такие военнослужащие могут предать, имели под собой веские основания, что показали события начального периода войны.

Комиссарам частей и начальникам особых отделов НКВД предписывалось также в трехдневный срок провести политическую проверку всех женщин, занятых в штабах, на складах, станциях снабжения, в госпиталях, из соображений, что нередко «противник использует женщин в качестве агентуры».

Опыт восстановления понесших серьезные потери соединений и частей, который Лев Захарович приобрел на Северо-Западном фронте, весьма пригодился ему в дальнейшем. Ибо, возвратившись 2 октября в Москву, он задержался здесь всего на один день по пути в войска другого, Резервного фронта.

Напомним, что лишь за несколько дней до этого гитлеровцы предприняли генеральное наступление на Москву, оборону которой Ставка возложила на Западный, Резервный и Брянский фронты. Первыми 30 сентября ощутили на себе мощный удар противника войска Брянского фронта. А уже 7 октября в районе Вязьмы попали в окружение значительные силы двух других фронтов — Западного и Резервного. Надо к тому же учесть, что крупных резервов Ставка под Москвой к этому времени не имела.

В этой критической обстановке Мехлис и оказался на Резервном фронте, часть армий которого была развернута за боевыми порядками Западного фронта и составляла второй эшелон войск в стратегической оборонительной операции. Особое значение приобретали создание глубокоэшелонированной обороны и оборудование тыловых оборонительных рубежей. Между тем армейский комиссар 1-го ранга почти сразу по прибытии стал свидетелем необъективного доклада штаба Резервного фронта Генеральному штабу о том, что шоссе Юхнов — Малоярославец оседлала некая дивизия, которой в действительности в указанном районе не было. Более наглядно-

го свидетельства растерянности, неразберихи и безответственности трудно было представить.

Что говорить, если по свидетельству маршала Жукова, в эти дни даже сам командующий Резервным фронтом маршал Буденный точно не представлял себе расположение вверенных ему войск и штаба. Создалась опаснейшая для советской столицы ситуация: к исходу 7 октября все пути на Москву были открыты.

Утром 8 октября Жуков, посланный Верховным главнокомандующим для выяснения обстановки и принятия срочных мер, застал в штабе Резервного фронта Мехлиса. Тот «говорил по телефону и кого-то здорово распекал». Их встречу не назовешь радушной. Если кто-либо за всю войну и усомнился в полномочиях Жукова, то это был как раз начальник Главного политуправления. Чтобы снять все недоразумения, генералу армии пришлось напомнить, что он — член Ставки ВГК и прибыл по поручению Верховного главнокомандующего с целью разобраться в сложившейся обстановке. Мехлис вынужден был «осадить назад». Когда же Жуков задал столь бдительному и суровому собеседнику вопрос о положении войск Резервного фронта и о противнике, тот, как вспоминал Георгий Константинович, смог сообщить очень мало конкретного. Заметил лишь: «Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части»[1].

Похожие функции он взял на себя и после объединения 10 октября Резервного и Западного фронтов в единый — Западный. Обследовав тыловые структуры, 13 октября Мехлис телеграфировал новому командующему фронтом генералу армии Жукову и члену Военного совета Булганину: «Коммуникация Малоярославец — Подольск не имеет никакой охраны тыла. На всем пути не встретите ни одного заградительного отряда. Это облегчает всякого рода дезертирам просачиваться в тыл. Резервный фронт не имел собственной охраны тыла, его обслуживал Запфронт. Приму здесь возможные кустарные меры».

Одновременно Лев Захарович информировал об «усиленной работе» по восстановлению пяти стрелковых дивизий — 60, 17, 149, 53 и 113-й. Восстанавливались они как путем слияния остатков ра-

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Кн. 2. С. 209.

нее понесших большие потери соединений, так и за счет маршевых пополнений. О страшном голоде на резервы в этот момент говорит тот факт, что 53-я и 113-я стрелковые дивизии уже через несколько дней были брошены в бой, не завершив формирования, в «сыром виде», как признавал сам уполномоченный Ставки. Оборонительные бои на подступах к столице требовали все новых и новых частей. Мехлису и самому довелось принять участие в этих боях в районе Малоярославца и Наро-Фоминска.

Заботами об обороне Москвы, а потом и о подготовке к контрнаступлению он жил вплоть до декабря. На него, как заместителя наркома обороны, была возложена обязанность выявить в частях, учреждениях, на складах и изъять излишки вооружения. В конце ноября — начале декабря Лев Захарович разослал начальникам и военным комиссарам управлений НКО, командующим войсками военных округов, начальникам военных баз Главного артиллерийского управления, складов и арсеналов (почти 50 адресатов) телеграммы с указанием в трехдневный срок произвести полный переучет имеющегося стрелкового и артиллерийского вооружения, пригрозив за сокрытие судебной ответственностью. Получив запрашиваемую информацию, отдал приказ изъять подавляющую часть оружия.

Вот типичный пример: на донесении о том, что у командно-начальствующего состава штаба главного управления Тыла Красной Армии, дислоцировавшегося в Куйбышеве, имеется 100 револьверов «Наган», Мехлис наложил лаконичную резолюцию: «Сдать». Оружие, судя по телеграммам, которыми обменивался замнаркома с руководящим составом, шло на укомплектование 30-й и 1-й ударной армий Западного фронта. (По ведомости учета оружия, хранившегося в секретариате ГлавПУ РККА на 4 декабря 1941 года, за Мехлисом числилось три единицы — немецкий пистолет-пулемет, маузер и вальтер. У его заместителя Кузнецова — тоже три. Интересно, поделились ли они сами оружием хотя бы частично?)

В ходе подготовки и проведения Московской наступательной операции Мехлису вместе с Маленковым пришлось обеспечивать переброску по воздуху из Ленинграда производимых там артиллерийских орудий и минометов. Самолетов не хватало, поэтому по настоянию из Москвы использовались обратные рейсы ТБ—3 и «Дугласов», транспортировавших в блокадный город продовольствие.

Из-за этого, правда, пришлось приостановить вывоз из Ленинграда рабочих и инженерно-технических работников.

«Неужели нельзя под это дело специально выделить самолеты?», — задавали горький вопрос член военного совета Ленинградского фронта А.А. Кузнецов и секретарь горкома партии Я.Ф. Капустин, которые вели переговоры с Мехлисом и Маленковым. Ответ был в духе времени: «Постараемся сделать все возможное... Повторяю, что минометы нам очень нужны».

С 19 октября 1941 года Мехлис представлял Ставку ВГК вновь на северо-западном направлении. На сей раз он занимался восстановлением боеспособности соединений 52-й армии генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова. Армия подчинялась непосредственно Верховному главнокомандованию и была развернута еще в конце августа 1941 года по восточному берегу реки Волхов для обеспечения стыка левого фланга Ленинградского фронта с Северо-Западным фронтом. За два месяца боев части 52-й, как и соседней 4-й армии, были изрядно потрепаны. Поэтому, когда 16 октября противник, имея численное превосходство, перешел на волховском участке фронта в наступление, он сумел прорвать оборону. На стыке 4-й и 52-й армий образовалась брешь, через которую главные силы немецких войск устремились на Будогощь — Тихвин. Часть соединений повернула к юго-востоку на Малую Вишеру, которую закрывали части 52-й армии.

Едва прибыв сюда, уполномоченный Ставки в присущем ему стиле энергично запрашивает должностных лиц Наркомата обороны: требует маршевые пополнения, оружие и теплое обмундирование. Высказывая заместителю наркома обороны Щаденко просьбу поскорее прислать запасной полк и пять тысяч обученных бойцов без винтовок, он информирует: сможем вооружить их за счет оружия из собственных тылов. Во исполнение директивы начальника Главного политуправления от 22 октября из Ивановского военно-политического училища в его распоряжение также были немедленно отправлены 8 рот политбойцов без оружия.

Оперативные меры, главным образом быстрая переброска резервов, позволили войскам армии генерала Клыкова 24 октября задержать врага восточнее Малой Вишеры. Войсками 4-й армии противник был остановлен на подступах к Тихвину. Правда, ненадолго. 1 ноября наступление на Тихвин было возобновлено, и 8-го город

пал. Было нарушено управление 4-й армией, враг вышел в глубокий тыл 54-й армии Ленинградского фронта.

Бои носили чрезвычайно напряженный характер, наши войска несли большие потери, испытывая к тому же острый недостаток в оружии, боеприпасах, теплой одежде. Уполномоченный Ставки приказал, что называется, жесткой метлой вычищать все «сусеки». Вот наглядное тому свидетельство: в тыловых частях небольшого гарнизона станции Веребье было изъято: винтовок самозарядных — 1, винтовок трехлинейных — 86, винтовок малокалиберных — 8, карабинов — 10, ручных пулеметов — 1 и т.д. Аналогичное изъятие производилось и в других гарнизонах.

«Не прибыли высланные Яковлевым (начальник ГАУ. — *Ю.Р.*) ручные пулеметы. Туго сейчас с винтовками. Совсем негде достать минометов», — информировал Мехлис Сталина 3 ноября[1]. При этом прослеживается важная, на наш взгляд, деталь, характеризующая деловой стиль уполномоченного Ставки: приведенные выше слова доклада меньше всего следует принимать за жалобы и свидетельство беспомощности. Совсем наоборот: просьбу о тех же минометах Лев Захарович высказывал в конце телеграммы и как бы между прочим. А на первом плане — доклад об уже сделанном, в том числе за счет местных резервов.

Шло восстановление четырех стрелковых дивизий (вместо трех, как задумывалось раньше) — 111, 267, 288 и 259-й. Из 10 тысяч человек, направленных на их пополнение, более трети было «выкачано», по выражению Мехлиса, из собственных тыловых частей и учреждений. «Оружия изъято из тылов — 4462 винтовки, 98 ручных и станковых пулеметов, минометов один, ППД — два... Кроме того дивизии изъяли из своих тылов 562 винтовки». Лев Захарович не боялся упрека в том, что отвлекал внимание Верховного главнокомандующего на сотню-другую винтовок, два пулемета, единственный миномет. Ибо знал: что он не клянчит оружие у Сталина, тому обязательно понравится.

В том же докладе от 3 ноября Мехлис информировал об удалении из дивизий 56 человек «в порядке очистки». Это был результат отданного им приказа военкому штаба 52-й армии в двухдневный срок изъять из частей и учреждений всех без исключения немцев,

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 21, л. 47—47об.

эстонцев, финнов, латышей, литовцев. Работу предписывалось провести под руководством комиссаров и политорганов с обязательным участием особых отделов.

Верховный был также проинформирован о мерах борьбы с «трусами, дезертирами и бросившими без боя материальную часть». Приказом войскам 52-й армии, составленным рукой Мехлиса и подписанным, кроме него, командующим армией и членом Военного совета, по этим мотивам перед строем 844-го противотанкового артиллерийского полка были расстреляны командир 5-го батальона лейтенант Вершинин и военный комиссар политрук Баюшенко.

Ничто не ускользало из поля зрения уполномоченного Ставки: ни фронтовая газета («ее надо лечить», а потому «шлите писателя и двух хороших журналистов»), ни типография для газеты, ни возможность для личного состава посмотреть кино («дайте пару походных кинопередвижек»), а то и потанцевать на досуге («в 111 сд, которую воссоздали местными силами и помощью Москвы, нет ни одной гармошки. Народ воспрял духом, хочет поплясать. Пришлите не менее ста гармошек в 52 армию»). А вот еще один поворот темы. «Генштаб. Василевскому, Бокову, — телеграфирует Мехлис 3 ноября. — Имеет ли Военсовет Отдельной армии права по награждению отличившихся в боях?» И, видимо, был весьма огорчен, получив следующий ответ: «Военный совет Отдельной армии права награждать орденами отличившихся в боях не имеет».

Что ж, в таком случае были и другие пути поощрить тех, кто выполняет воинский долг не за страх, а за совесть. Совместно с командующим генералом Клыковым армейский комиссар 1-го ранга обязал командиров и комиссаров дивизий, входивших в состав 52-й армии, начальников артиллерии и тыла армии строго проследить за тем, чтобы к 24-й годовщине Октябрьской революции всем занимающим должности младших командиров и соответствующим своему назначению были присвоены установленные воинские звания. Следовало также проследить за тем, чтобы и начсоставу очередные звания были присвоены без задержки. Предлагалось не стесняться с присвоением званий во внеочередном порядке особенно отличившимся.

По нашему наблюдению, Мехлис все прошедшие месяцы войны искал рычаги, которые заставили бы деморализованных тяжелыми поражениями людей прийти в себя, поверить в собственные силы, сражаться стойко, упорно. Вслед за Сталиным он чаще всего от-

давал приоритет угрозе жестокой, беспощадной кары. На фронте вспоминали, как часто повторял Лев Захарович: мол, посмотрите на старых кучеров. Любят они и жалеют лошадей, но кнут у них всегда воткнут свечкой — наготове. Лошадь это видит — и делает выводы. Такая вот целая теория...

Тем не менее было бы необъективным не видеть и попыток начальника ГлавПУ обратиться к мобилизующему воздействию призывного печатного и устного слова, различных поощрений. Понимал он и то, что лучшее средство укрепить моральный дух бойцов и командиров — быстрее одержать победу. Пусть небольшую, частную, но все же победу.

Мехлису довелось побывать в регионе еще раз. События на северо-западном направлении во второй половине ноября — декабре приобрели особую динамику. В ходе Тихвинской наступательной операции, начавшейся 10 ноября, 4-я и 52-я армии были объединены в Волховский фронт под командованием генерала армии Мерецкова. Ставка ВГК поставила перед войсками фронта задачу продолжать наступление с тем, чтобы совместно с Ленинградским фронтом разгромить немецкую группировку, блокировавшую город на Неве. «Не довольствуясь директивными указаниями, — позднее вспоминал Мерецков, — Ставка в конце декабря направила на Волховский фронт своего представителя Л.З. Мехлиса, который ежечасно подгонял нас».

Не только их одних. Автором выявлено около 25 телеграмм, отправленных Мехлисом в Главное артиллерийское управление Наркомата обороны, ГУК, ГлавПУ, заместителю наркома обороны Щаденко и другим адресатам только за два дня — последний 1941 года и первый — 1942-го. Высокая интенсивность его контактов с Москвой отмечалась и в последующие дни. Главной заботой уполномоченного Ставки оставались обеспечение своевременного прибытия пополнений и снабжение войск. Так, проверив положение в 4-й армии, Мехлис телеграфирует 4 января начальнику Тыла Красной Армии генералу Хрулеву: «Положение с продфуражом нетерпимое. На 2-е января по данным управления тыла в частях и на складах армии мяса — 0, овощей — 0, сена — 0, консервов — 0, сухарей — 0... Кое-где хлеба выдают по 200 грамм... Что здесь — безрукость или сознательная вражеская работа?»

За такими телеграммами следовали и оргвыводы. В частности, пострадал начальник тыла соседнего, Северо-Западного фронта ге-

нерал Н.А. Кузнецов. Под нажимом Мехлиса он был приговорен к расстрелу, который, правда, был заменен разжалованием генерала в рядовые[1]. Можно сказать, легко отделался.

Урок кадровой работы уполномоченный Москвы преподал начальнику политуправления фронта П.И. Горохову: «Вы забрали из 4-й армии до двадцати политработников. Я говорил вам о двух типах руководителей — один разоряет подчиненные части и создает себе благополучие в бюрократическом аппарате, другой все лучшее отдает в полки и дивизии и создает полноценную армию. Вы поступили по типу первой группы руководителей. Немедленно откомандируйте в 4 армию всех взятых политработников. То же сделайте и по 52 армии»[2].

Напористость, с какой уполномоченный Ставки ВГК решал вопросы обеспечения Волховского фронта для предстоящего наступления, была, как считали Мерецков и член Военного совета Запорожец, в интересах дела. Они даже обратились 5 января 1942 года к Сталину с просьбой продлить командировку Льву Захаровичу. Согласие было получено. Но 13 января из Москвы поступила новая команда: срочно возвращаться.

Передавший приказ заместитель Мехлиса Кузнецов ссылался на звонок Маленкова, который разрешил средства передвижения до Москвы выбирать самостоятельно. «Но такие средства, при которых был бы невредим. Это было сказано из кабинета хозяина и безусловно его подсказ, — подчеркивал Кузнецов. — Ясно ли это вам?» Еще бы Мехлису не было ясно, что за его возвращением следит сам Сталин. Это наполняло ощущением редкой значимости. Отправившись поездом и наткнувшись на затор, Лев Захарович сразу же дал о себе знать: отбил «молнию» с упреками начальнику ВОСО Наркомата обороны генералу И.В. Ковалеву, арестовал начальника станции Бологое.

Его ждал новый участок приложения сил — Крым. Успешно начатое там с десантной операции в районе Керчи и Феодосии наступление советских войск захлебнулось. Повернуть ситуацию к лучшему Ставка доверила Мехлису. Вряд ли стоит сомневаться, что это решение стало следствием высокой оценки Верховным главно-

---

[1] *Грачев Л.П.* Дорога от Волхова. Л., 1983. С. 228.

[2] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 120, л. 304.

командующим его деятельности на тех фронтах, куда он направлялся в качестве уполномоченного Ставки ВГК.

Между тем такая деятельность была противоречивой. Если успешное решение конкретных задач по восстановлению состава и боеспособности существовавших частей и соединений и формированию новых, по мобилизации людских и материальных ресурсов заслуженно получило положительный резонанс, то импульсивные оценки Мехлисом ряда лиц командно-начальствующего состава Западного, Северо-Западного и других фронтов, проявленные им явный произвол и беззаконие заслуживают сурового осуждения.

Глава 7

КРЫМСКИЙ ФРОНТ: С МАНДАТОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ ВГК

«МЫ ЗАКАТИМ НЕМЦАМ БОЛЬШУЮ МУЗЫКУ»

На Мехлиса, продолжавшего оставаться заместителем наркома обороны и начальником Главного политического управления, была возложена задача «оказать помощь Кавказскому фронту в районе Крыма» в качестве уже не просто уполномоченного, а полноправного представителя Ставки Верховного главнокомандования.

Надо иметь в виду, что к началу 1942 года институт представительства Ставки ВГК только складывался, живой практикой — очень сложной, противоречивой — определялись степень ответственности ее представителей за дела на соответствующем фронте, выявлялся круг их конкретных обязанностей, вырабатывался механизм принятия и согласования решений с Москвой и т.п.

«При чрезвычайных обстоятельствах на том или ином фронте, при подготовке ответственных операций Ставка посылала на фронт своих представителей... — вспоминал Маршал Советского Союза А.М. Василевский. — Это была ответственная работа. Оценить на месте возможности войск, поработать совместно с военными советами фронтов, помочь им лучше подготовить войска к проведению

операций, наладить взаимодействие фронтов, оказать помощь в обеспечении войск поставками всего необходимого, быть действенным, связующим звеном с Верховным Главнокомандующим — таков лишь короткий перечень всяких забот, лежавших на представителе Ставки.

Верховный главнокомандующий очень требовательно относился к нашей работе. К исходу суток по телеграфу представитель Ставки обязан был доложить обстановку на фронте, сказать, что сделано за минувшие сутки»[1].

Еще не взошла в этом качестве звезда Жукова, Василевского, Воронова, Говорова, позднее во всем блеске проявивших способности к стратегическому управлению войсками и координации их действий в масштабе нескольких фронтов. С другой стороны, опыт первого полугодия войны показал: старые военные кадры в условиях современной войны уже давно не та палочка-выручалочка, с которой в предшествующие два десятилетия ассоциировались имена Буденного или Ворошилова.

Забегая вперед, скажем, что решение о направлении на южный фланг советско-германского фронта непрофессионального военного, каким был Мехлис, оказалось провальным. Оно отразило явную недооценку Верховным главнокомандующим остроты той обстановки, которая сложилась в регионе: куда целесообразнее было бы назначение сюда кого-то из способных военачальников новой формации. Урока из провала маршала Кулика здесь же, в Крыму, осенью 1941 года не извлекли.

Мехлис прибыл на Крымский (до 28 января 1942 года — Кавказский) фронт 20 января. Накануне в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции (25 декабря 1941 — 2 января 1942 года) наши войска захватили на Керченском полуострове важный оперативный плацдарм. Ставка ВГК дала командующему войсками фронта генерал-лейтенанту Д.Т. Козлову указание всемерно ускорить сосредоточение войск, разрешив дополнительно к 44-й и 51-й армиям перебросить на Керченский полуостров 47-ю армию, и не позднее 12 января перейти в общее наступление. Удар с плацдарма наши войска должны были наносить в направлении населенных пунктов Джанкой, Чонгар, Перекоп, знакомых Льву Захаровичу еще по Граж-

---

[1] Цит. по: *Песков В.М.* Война и люди. М., 1979. С. 134.

данской войне, а Приморской армии предписывалось наступать на Симферополь. Черноморский флот должен был поддерживать наступающие по суше войска огнем корабельной артиллерии и высадкой десантов.

К сожалению, советское командование недооценило силу и возможности врага. Осуществить подготовку наступления в установленный срок не удалось. Противник же, располагая, как видно, данными о планах командования Кавказским фронтом, 15 января нанес упреждающий удар. Прорвав слабо организованную оборону, он 18 января захватил Феодосию. Под угрозой потери оказался захваченный советскими войсками плацдарм, с которого по плану Ставки должно было начаться освобождение всего Крымского полуострова.

Основную причину срыва наступления наших войск бывший командующий 44-й армией генерал-майор А.Н. Первушин видел в отсутствии продуманного, четкого материально-технического и боевого обеспечения высаженных в Крыму войск. Не хватало транспортных судов для переброски с «большой земли» живой силы, артиллерии, специальных частей. С обеспечением войск боеприпасами и горючим, как вспоминал военачальник, «дело обстояло просто катастрофически». Наступившая оттепель привела в полную негодность полевые аэродромы. Отсутствовали нормальная связь, средства противовоздушной обороны[1].

В результате после овладения немцами Феодосии генерал Козлов вынужден был принять решение на отвод войск на Ак-Монайские позиции — оборонительный рубеж примерно в 80 км западнее Керчи.

В этих условиях для укрепления руководства фронтом Ставка ВГК направила сюда Мехлиса. Пожалуй, впервые он получил такую степень самостоятельности в принятии решений и влияния на события в масштабе целого фронта и, как оказалось впоследствии, на столь длительный, почти полугодовой срок. Зададимся вопросом: что, по мнению Ставки, должен был делать здесь армейский комиссар 1-го ранга? Каких-то дополнительных сил и средств ему для фронта не дали, уточнений к плану действий войск он не привез. Да и когда было этим заниматься: командировали-то его явно

---

[1] *Первушин А.Н.* Дороги, которые мы не выбирали. Изд. 2. М., 1974. С. 240.

в пожарном порядке, отводя ему привычную роль толкача, погонялы. Вместе с ним прибыли заместитель начальника оперативного управления Генерального штаба — начальник Южного направления генерал-майор П.П. Вечный и военный комиссар артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления дивизионный комиссар П.А. Дегтярев.

Чтобы составить представление о положении дел на фронте, самонадеянному Мехлису «хватило» двух дней. 22 января он докладывал Сталину: «Прилетели в Керчь 20.01.42 г... Застали самую неприглядную картину организации управления войсками... Комфронта Козлов не знает положения частей на фронте, их состояния, а также группировки противника. Ни по одной дивизии нет данных о численном составе людей, наличии артиллерии и минометов. Козлов оставляет впечатление растерявшегося и неуверенного в своих действиях командира. Никто из руководящих работников фронта с момента занятия Керченского полуострова в войсках не был...»[1]

Основные положения этой телеграммы были подробно раскрыты в приказе войскам фронта № 12 от 23 января 1942 года, анализировавшем итоги неудачных для Кавказского фронта боев 15—18 января и в копии отправленном Верховному. Приказ, подписанный командующим войсками фронта генерал-лейтенантом Козловым, членом Военного совета дивизионным комиссаром Ф.А. Шаманиным, а также представителем Ставки, констатировал, что были допущены «крупнейшие недочеты в организации боя и в управлении войсками». После успешного завершения десантной операции в районе Феодосии и выхода частей 44-й и 51-й армий на р. Чурук-Су войска не закрепились на достигнутом рубеже, не организовали соответствующей системы огня, бдительного боевого охранения, непрерывной разведки и наблюдения. Командиры дивизий не использовали всей мощи огня артиллерии, мелкими группами бросали танки на неподавленную противотанковую оборону. Плохо было организовано управление войсками от штаба армии и ниже. Штаб фронта не знал истинного положения в районе Феодосии. Основной рубеж обороны Керченского полуострова — Акмонайские позиции — был подготовлен неудовлетворительно.

В приказе назывались имена старших и высших командиров, допустивших потерю управления войсками и «позорное бегство в

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 139, л. 17.

тыл», арестованных и преданных суду военного трибунала по указанию Мехлиса. Это — командир 9-го стрелкового корпуса, временно исполнявший обязанности командующего 44-й армией, генерал-майор И.Ф. Дашичев (освобожденный из-под ареста, затем, повторно арестованный в июле 1942 года, находился в заключении до июля 1953 года. — *Ю.Р.*), командир 236-й стрелковой дивизии комбриг В.К. Мороз (в приказе названо прежнее воинское звание. За пять дней до этого Мороз стал генерал-майором. 18 февраля 1942 года был приговорен к расстрелу и 22 февраля казнен. — *Ю.Р.*), военный комиссар той же дивизии батальонный комиссар А.И. Кондрашов, командир 63-й горнострелковой дивизии подполковник П.Я. Циндзеневский (в приказе его фамилия названа неверно. Позднее он был освобожден из-под ареста и принимал участие в боях в качестве командира 77-й горнострелковой дивизии. — *Ю.Р.*), начальник политотдела 404-й стрелковой дивизии Н.П. Колобаев и некоторые другие. При этом констатировалось, что в отношении трусов и дезертиров репрессивные меры на поле боя, как того требовал приказ Ставки ВГК № 270, не применялись, а в войсковом и армейском тылу отсутствовал должный порядок.

Приказ предписывал:

«1. Командованию армий, дивизий, полков учесть опыт боев 15—18.01.42 г., немедленно навести порядок в частях... Полковую артиллерию и артиллерию ПТО иметь в боевых порядках пехоты...

2. Паникеров и дезертиров расстреливать на месте как предателей. Уличенных в умышленном ранении самострелов-леворучников расстреливать перед строем.

3. В трехдневный срок навести полный порядок в тылах...»[1]

Мехлис дал указание специально проверить состояние ВВС и артиллерии фронта, в решающей степени определявших его боеспособность. Вскрылись серьезнейшие недостатки. Из-за неудовлетворительного материально-технического обеспечения на Керченском полуострове скопилось 110 неисправных самолетов, в результате в день производилось менее одного самолето-вылета. Низкой оказалась боеготовность и артиллерии проверенных 51 и 44-й армий.

Чтобы привлечь внимание к вскрытым недостаткам, представитель Ставки, как и в первом случае, добился издания приказов по

---

[1] АПРФ, ф. 5, оп. 50, д. 441, л. 32—36.

фронту, в которых предлагалось в двухдневный срок недочеты исправить, дабы активно вести подготовку к новому наступлению.

Лев Захарович действовал с присущей ему энергией, напором; свои возможности заместителя наркома обороны и представителя Ставки ВГК стремился использовать сполна. С ходу невысоко оценив командующего фронтом Козлова, он взял все нити управления на себя. Вел почти непрерывные переговоры по телеграфу со Ставкой, Генеральным штабом, главными управлениями Наркомата обороны.

Уже 23 января заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант А.М. Василевский проинформировал Мехлиса, что в соответствии с его просьбой и по указанию члена ГКО Маленкова фронту отпускается 450 ручных пулеметов, 3 тыс. — ППШ, по 50 минометов калибра 120 мм и 82 мм. В пути уже находилось два дивизиона реактивных минометов М-8. Были обещаны также средние танки и танки КВ, противотанковые ружья и патроны к ним, другое вооружение и техника.

Стремясь к сосредоточению внимания на крымских делах, представитель Ставки поставил вопрос о реорганизации фронтового управления «с целью разгрузить Военсовет от забот по Закавказью». Это предложение получило поддержку Генштаба и через несколько дней было реализовано: с 28 января Крымский фронт получил самостоятельность.

Как обычно, предметом особой заботы были у Льва Захаровича кадры. От командующего ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта авиации П.Ф. Жигарева он уже 24 января добился назначения нового командующего авиацией фронта — генерал-майора авиации Е.М. Николаенко. Несколько позднее по его же настоянию были назначены: генерал-майор инженерных войск А.Ф. Хренов — заместителем командующего войсками фронта, бригадный комиссар С.С. Емельянов — начальником политуправления. Он получил согласие Маленкова на немедленное направление на Крымский фронт 15-тысячного пополнения из русских или украинцев («Здесь пополнение прибывает исключительно закавказских национальностей. Такой смешанный национальный состав дивизий создает огромные трудности», — пояснял Мехлис по «Бодо»). Добился указаний начальнику Главного управления кадров НКО генерал-майору Румянцеву о направлении генералов и офицеров на должности начальни-

ка штаба 51-й армии, командиров 236-й и 63-й дивизий, двух начальников штабов дивизий, пяти командиров стрелковых полков и 15 комбатов.

Разговорами с членом ГКО Маленковым и заместителем начальника Генштаба Василевским представитель не ограничивался, а связывался напрямую с теми должностными лицами, от которых непосредственно зависело обеспечение фронта. «Дано согласие отправить сюда пятнадцать тысяч русского пополнения, — в тот же день телеграфировал он начальнику Главного управления формирования и укомплектования Щаденко. — Прошу вас отправить его особой скоростью, дать пополнение именно русское и обученное, ибо оно пойдет немедленно в работу. Дайте личное указание Ковалеву (начальник ВОСО Наркомата обороны. — *Ю.Р.*) следить за продвижением пополнения. Меня прошу известить проводом, когда и откуда пополнение идет». Начальника артиллерии Красной Армии генерал-полковника артиллерии Н.Н. Воронова Мехлис настоятельно просил командировать 30 командиров батарей полковой и дивизионной артиллерии, 60 командиров минометных рот, начальника штаба артиллерии для 44-й армии, шесть начальников штабов артиллерии дивизии, двух начальников артснабжения для 44 и 51-й армий. Начальника ГУКа он обязал отобрать для 51-й армии четырех командиров минометных батарей с боевым опытом. Кроме того, потребовал немедленной переброски намеченных командиров авиацией.

Будучи начальником Главного политического управления, Мехлис, естественно, особое внимание уделял кадрам политработников. Судя по архивным документам, он связывался по этому вопросу со своим заместителем в Москве по несколько раз в неделю, особенно на первых порах, требуя быстрой реакции на свои запросы. Уже 24 января Кузнецов телеграфировал ему об отправке в соответствии с запросом 300 политруков из ВПУ имени М.В. Фрунзе и 1000 политбойцов из ПриВО. В дальнейшем только до 10 февраля он, выполняя указания своего начальника, направил на Крымский фронт двух кандидатов на должности комиссаров дивизий, 15 комиссаров полков, 45 — батальонов, 23 военкомов артдивизионов и батарей, 15 инструкторов по пропаганде, семь политработников коренной национальности для работы в армянских, грузинских и азербайджанских частях, четверых — знающих немецкий язык, 688 политбойцов. В предвидении нового наступления фронта (началось

27 февраля) по запросу Мехлиса были присланы еще 1030 политбойцов и 225 замполитруков.

Все усилия представителя Ставки подчинялись задачам предстоящего наступления. Внести решительный перелом в события в Крыму — именно для этого, как осознавал Лев Захарович, его командировал сюда Сталин. В этом русле и действовал. В успехе не сомневался: буквально сразу по прибытии в Крым заявил Василевскому, что «мы закатим немцам большую музыку».

Даже отмечая у него немалую самонадеянность в оценке возможностей своих и противника, нельзя не заметить, что его действия вначале были активны и по-своему целеустремленны. Достигалось действительное повышение боеспособности войск, командно-политические кадры, которым армейский комиссар 1-го ранга не давал покоя, словно встряхнулись, стали действовать оперативнее, динамичнее. Не заслуживает одобрения другое — грубое вмешательство представителя Ставки в оперативные дела, тотальный контроль над действиями командования фронтом.

«По распоряжению тов. Мехлиса все оперативные планы, директивы и иные распоряжения войскам фронта проверяются и санкционируются им, — информировал Козлов заместителя начальника Генштаба Василевского. И, явно дезориентированный таким оборотом событий, спрашивал: — Следует ли в данном случае представлять на утверждение Народному Комиссару оперативные планы, свои предложения о предстоящей деятельности войск или все указания по всем вопросам жизни и деятельности войск получать от него непосредственно на месте?»[1]

Москва, судя по тому, что Мехлис чувствовал себя на Крымском фронте полновластным хозяином, не возражала против такого стиля представителя Ставки. А он постоянно давил на командующего фронтом, стремясь к быстрым результатам. Например, уже через пять дней после своего прибытия добился издания приказа по фронту на проведение наступательной операции по освобождению Феодосии.

Прежде чем начинать ее, Ставка ВГК рекомендовала пополниться резервами, прежде всего танками, провести перегруппировку войск, введя 47-ю армию в стык 51-й и 44-й армий. Своей директивой от

[1] ЦАМО, ф. 16, оп. 1025, д. 30, л. 35.

28 января она уточнила: «Основной задачей предстоящей операции иметь помощь войскам Севастопольского района, для чего главный удар фронта направить на Карасубазар и выходом в этот район создать угрозу войскам противника, блокирующим Севастополь».

15 февраля Мехлис вместе с генералом Вечным были срочно вызваны к Сталину для доклада о степени готовности войск к наступлению. Верховный был не удовлетворен докладом и разрешил сроки наступления отодвинуть. Лев Захарович, пользуясь случаем, затребовал из СКВО на усиление фронта 271, 276 и 320-ю стрелковые дивизии. Характерно, что в разговоре с командующим войсками СКВО генералом В.Н. Курдюмовым 16 февраля он потребовал очистить дивизии от «кавказцев» (термин Мехлиса. — *Ю.Р.*) и заменить их военнослужащими русской национальности.

Наступление войск фронта началось 27 февраля. Несмотря на преимущество в живой силе (13 наших дивизий против 3 у врага), оно оказалось неудачным. Уже на следующий день противник вернул все из того немногого, что советским войскам удалось захватить накануне, прежде всего главный узел обороны — Кой-Асан.

В эти дни в боевых порядках частей 51-й армии находился военный корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов. «Наступление началось... очень неудачно, — писал он. — В феврале пошла метель вместе с дождем, все невероятно развезло, все буквально встало, танки не пошли, а плотность войск, подогнанных Мехлисом, который руководил этим наступлением, подменив собой фактически командующего фронтом безвольного генерала Козлова, была чудовищная. Все было придвинуто вплотную к передовой, и каждый немецкий снаряд, каждая мина, каждая бомба, разрываясь, наносили нам громадные потери... В километре—двух—трех—пяти—семи от передовой все было в трупах...

Словом, — с огромной горечью заключает писатель, — это была картина бездарного военного руководства и полного, чудовищного беспорядка. Плюс к этому — полное небрежение к людям, полное отсутствие заботы о том, чтобы сохранить живую силу, о том, чтобы уберечь людей от лишних потерь...»

2 марта перед лицом явной неудачи командование фронтом доложило в Ставку о решении из-за непроходимости дорог закрепиться и вновь предпринять наступление, когда подсохнет грунт. 5 марта

был получен приказ возобновить операцию, как только позволит состояние погоды и дорог, не дожидаясь дополнительных указаний.

Полагая, что многие беды идут от недостаточной партийно-политической работы в частях, представитель Ставки потребовал из ГлавПУ пополнения. В марте Крымский фронт получил двух военкомов дивизий, одного военкома танковой бригады, девять военкомов полков, 500 политруков, 750 замполитруков и 2307 политбойцов. А за первую неделю апреля — еще 400 замполитруков и 2 тысячи политбойцов. Симптоматична приписка Кузнецова к последней телеграмме Мехлису: «Больше политбойцов нет».

Пытаясь восполнить огромные потери в минувших боях, армейский комиссар 1-го ранга обязал командование взяться за «выкачку из тылов». При этом его рекомендации не были лишены реализма: «Здесь нужен не приказ, а практическая работа. Надо сократить также заградительный батальон человек на 60—75, сократить всякого рода команды, комендантские... Изъять из тылов все лучшее, зажать сопротивляющихся тыловых бюрократов так, чтобы они и пищать не посмели...»

Огонь направлялся не только против бюрократов. Получив сообщение секретаря горкома партии Новороссийска, через который шло основное снабжение фронта, о сильной засоренности города иностранными подданными и антисоветским элементом, Мехлис 2 апреля направил Сталину и Берии особой важности шифровку. Он просил произвести зачистку Новороссийска от подозрительных лиц и превратить его в закрытый город. Вывести оттуда, а также из Керчи лагеря НКВД, в которых содержались военнослужащие, бывшие в немецком плену: они имели возможность общаться с бойцами, отправлявшимися на фронт. Понимание, которое это предложение встретило у Верховного главнокомандующего, отразила сталинская резолюция: «Т-щу Берия. Правильно! Нужно прочистить также Тамань и Темрюк. В Новороссийске создать такую обстановку, чтобы ни одна сволочь и ни один негодяй не могли там дышать. О принятых мерах сообщите»[1].

Нашего героя и прежде отличали редкая энергия и работоспособность. Ощущая же высокую поддержку, он и вовсе не знал покоя сам и не давал его другим. Хотя, как сообщал Кузнецову в Москву бригадный комиссар П.А. Фисунов, начальник секретариата Мехлиса, его шеф железным здоровьем похвалиться уже не мог, «часто болеет».

---

[1] АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 441, л. 66—68.

«Много работаю, — писал Лев Захарович сыну. — Разъезжаю всеми видами транспорта до верховых коней включительно. Война идет вовсю. Полон веры, что разобьем немца».

Однако принятые меры не смогли коренным образом изменить ситуацию. Возобновив 13 марта наступление силами отдельных ударных групп, командование Крымским фронтом почти месяц пыталось прорвать Кой-Асанский узел вражеской обороны, но добилось лишь незначительных тактических успехов. С 11 апреля попытки наступательных действий прекратились.

Яркое представление об общих причинах неудач, на наш взгляд, дает доклад Мехлиса Верховному главнокомандующему о результатах боя 20 марта в полосе 51-й армии. Несмотря на оптимистичное утверждение, что «бой закончился в нашу пользу», из телеграммы, возможно, даже против воли ее автора, явствовало: отсутствовали меры скрытой подготовки наступления советских войск («противник упредил нашу атаку на 1—$^1/_2$ часа»), стрелковые части не отличались выучкой («над пехотой надо еще много работать»), в результате большие потери понесли 138, 390 и 398-я стрелковые дивизии и 12-я стрелковая бригада. Кроме этого, Мехлис просил у Сталина немедленного вмешательства в связи с крайней нуждой в боеприпасах, а также необходимостью усилить фронт полком боевых установок РС (боевые машины реактивной артиллерии — «катюши»), полком УСВ (76-мм пушек образца 1939 г.) и танками Т-34.

За два месяца пребывания на Крымском фронте ему как представителю Ставки так и не удалось внести в ход событий необходимый перелом. Он все больше полагался на количественный фактор, на энтузиазм людей. Тщательную же подготовку наступления (выучку штабов и войск, материальное и боевое обеспечение, разведку и т.п.) недооценивал, подменяя нажимом, голым приказом, массовой перетасовкой командных и политических кадров. То, что для компетентного военачальника было бы очевидным и значимым, начальнику ГлавПУ представлялось второстепенным. Вред от его пребывания на Крымском фронте явно превосходил пользу.

Маршал Советского Союза Н.И. Крылов, бывший в дни описываемых событий начальником штаба Приморской армии, которая обороняла Севастополь, вспоминал, что командование Крымским фронтом вело себя непонятным образом, будто два объединения решали разные задачи. Севастополь отделяли от Ак-Монайских пози-

ций какие-нибудь 160—170 километров, но со штабом фронта нельзя было связаться ни по телефону, ни по прямому телеграфному проводу. Штаб фронта не имел в Севастополе своих представителей. Зато не было недостатка в оптимистичных прогнозах. Провожая в марте 1942 года вновь назначенного членом Военного совета Приморской армии дивизионного комиссара И.Ф. Чухнова в Севастополь, Мехлис обещал ему вместе встретить 1 мая в Симферополе.

«Напутствуя нового члена военного совета нашей армии, — пишет Крылов, — Л.З. Мехлис и командующий фронтом Д.Т. Козлов подтвердили прежние задачи приморцев: стойко оборонять Севастополь, сковывать силы противника, не давая уводить их к Керчи, и в то же время быть готовыми к наступлению. Если же враг начнет отходить — преследовать его. Они почему-то беспокоились, как бы мы этот момент не упустили... Командующий фронтом передал устное указание: держать дивизию, а лучше — две, в резерве для будущих наступательных действий»[1].

Другим задачу ставили, а сами к ее выполнению должным образом не готовились. А ведь противник не собирался отсиживаться в обороне. Не случайно 6-й немецкий корпус, действовавший на Крымском полуострове, возглавлял один из талантливых стратегов фашистской Германии генерал-полковник Э. Манштейн. Но верно оценить обстановку Ставке ВГК и Верховному мешало головокружение от успешного контрнаступления под Москвой. Вопреки возражениям Генштаба и Жукова, Сталин принял решение о стратегическом наступлении Красной Армии весной — летом 1942 года на всем протяжении советско-германского фронта. При этом крымское направление было признано одним из важнейших, но по-настоящему к наступлению не готовилось. Ставка все больше полагалась на доклады своего представителя, а читатель уже убедился, каков был уровень компетентности Мехлиса-стратега.

ЧЕМ ОБОРАЧИВАЛАСЬ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА

Сам не умея воевать по-современному, пресловутую «соринку» он искал в «глазу» руководящего состава фронта, в первую очередь, командующего. Пользуясь возможностью прямого доклада Верхов-

[1] *Крылов Н.И.* Не померкнет никогда. Изд. 2. М., 1984. С. 449.

ному главнокомандующему, представитель Ставки неоднократно пытался убедить его в необходимости сменить Козлова.

Из телеграммы Мехлиса и Вечного на имя Сталина от 9 марта 1942 года: «...Вследствие того, что и сам командующий Козлов — человек невысокой военной и общей культуры, отягощать себя работой не любит, исходящие от командования документы редакционно неряшливы, расплывчаты, а иногда искажают смысл. Во избежание неприятностей их приходится часто задерживать для исправления...»[1] Вероятно, представитель Ставки пришел к выводу, что комфронтом, хоть и удобен своей податливостью, но очень уж зауряден. Рядом с ним победы не видать.

29 марта в Москву ушел новый доклад с просьбой сменить Козлова. Лев Захарович суммировал выводы о нем: ленив, неумен, «обожравшийся барин из мужиков». Кропотливой, повседневной работы не любит, оперативными вопросами не интересуется, поездки в войска для него «наказание». В войсках фронта неизвестен, авторитетом не пользуется. К тому же «опасно лжив». Рисуя в негативном свете командующего фронтом, московский эмиссар в то же время не удержался от комплимента самому себе: «Если фронтовая машина работает в конечном итоге сколько-нибудь удовлетворительно, то это объясняется тем, что фронт имеет сильный военный совет, нового начштаба (имеется в виду назначенный к тому времени генерал Вечный. — *Ю.Р.*), да и я не являюсь здесь американским наблюдателем, а в соответствии с Вашими указаниями вмешиваюсь в дела. Мне кажется, что дальше оставлять такое положение не следует, и Козлова надо снять»[2].

Последующий трагический исход Керченской оборонительной операции, в котором во многом повинен командующий фронтом, казалось бы, делает честь прозорливости представителя Ставки. Но ведь не сбросить со счетов и то обстоятельство, что многие ошибки и просчеты Козлова — следствие жесткого пресса и неквалифицированного вмешательства со стороны Мехлиса. Так что еще вопрос, кого из них следовало для пользы дела отзывать.

У генерал-лейтенанта Козлова были свои и плюсы, и минусы. Он не участвовал в оборонительной кампании 1941 года, будучи вплоть

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 139, л. 103.

[2] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 139, л. 174.

до декабря командующим Закавказским военным округом, а затем фронтом, который прикрывал госграницу с Ираном, поэтому имел приблизительное представление о вермахте. Но, с другой стороны, в его активе было руководство успешной высадкой большого десанта в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции. Поэтому Сталин полагал, что Козлов сумеет справиться с делом, и на предложение Мехлиса заменить командующего генералами Н.К. Клыковым или К.К. Рокоссовским согласием не ответил.

Большего Лев Захарович добился в отношении других руководящих лиц. Он послал в Ставку шифровку с предложением снять с должности начальника штаба генерал-майора Ф.И. Толбухина. 10 марта 1942 года генерал Василевский сообщил ему, что Сталин поддержал это предложение и исполнение обязанностей НШ фронта возложил на генерала Вечного. Мехлис воспротивился предложению Военного совета фронта оставить Толбухина на Крымском фронте в должности помощника командующего фронтом по укомплектованию и формированию или заместителя командующего 47-й армии. Он обратился к начальнику Генштаба маршалу Шапошникову с просьбой проследить, «чтобы Толбухин вновь не устроился в ЗакВО, ибо там собираются опять гнилые и никчемные работники, снимаемые здесь с работы».

По инициативе представителя Ставки полностью сменился и состав военных советов Крымского фронта и всех трех входивших в него армий. Постановлениями ГКО от 11 и 13 февраля 1942 года членами ВС фронта в дополнение к Шаманину были назначены секретарь Крымского обкома ВКП(б) В.С. Булатов и полковой комиссар Я.С. Колесов.

Сомнительная, с точки зрения конечного результата, перетасовка кадров коснулась и командующих армиями. Ее избежал лишь командарм-51 генерал-лейтенант В.Н. Львов, несомненные достоинства которого не мог не оценить даже весьма мнительный Мехлис. Он даже упомянул Львова в телеграмме Сталину в числе тех лиц, которые могли бы сменить Козлова.

А вот на командующего 47-й армией генерал-майора К.Ф. Баронова пало особое подозрение. К его «разработке» представитель Ставки ВГК подключил особый отдел НКВД фронта, откуда вскоре получил компромат на Баронова. Генерал — член ВКП(б) с 1918 года, в 1934 году «за белогвардейские замашки» (? — *Ю.Р.*)

был исключен при чистке, потом, правда, восстановлен. Родственники подозрительны: брат Михаил — участник кронштадтского мятежа, «врангелевец», живет в Париже. Другой брат, Сергей, в 1937 году был осужден за участие в контрреволюционной организации. Жена — «дочь егеря царской охоты». Сам Баронов изобличался в связях с лицами, «подозрительными по шпионажу». Сильно пьет. Штабом почти не руководит. Часто уезжает в части и связи со штабом не держит.

Участь генерала была решена. В феврале 1942 года он был переведен на Закавказский фронт заместителем командующего армией, где в следующем году умер. В командование 47-й армией вступил генерал-майор К.С. Колганов.

В 44-й армии после того, как получил тяжелое ранение командарм генерал-майор А.П. Первушин, его обязанности выполнял начальник штаба полковник С.Е. Рождественский. Мехлис резко возразил против утверждения его в этой должности, и командармом-44 стал генерал-лейтенант С.И. Черняк. Об истинной оценке обоих представителем Ставки свидетельствует сделанная им, правда, уже после эвакуации из Крыма запись: «Черняк. Безграмотный человек, неспособный руководить армией. Его начштаб Рождественский — мальчишка, а не организатор войск. Можно диву даваться, чья рука представила Черняка к званию генерал-лейтенант».

Очень многие факты говорят о том, что шедшая уже почти год война не научила Льва Захаровича верить людям. Скорее наоборот: неудачи первых месяцев явно обострили традиционную для него подозрительность. С тем же жаром, с каким в свое время он слушателем Института красной профессуры разоблачал скрытых троцкистов, а редактором «Правды» громил «правый уклон», представитель Ставки выявлял и выкорчевывал теперь «чуждые элементы», повинные, по его мнению, в неудачах Крымского фронта. Он насадил атмосферу самого настоящего сыска, наушничества и негласного надзора, о чем свидетельствует приводимый ниже документ — спецсообщение начальника особого отдела НКВД 44-й армии старшего батальонного комиссара Ковалева от 20 апреля 1942 года:

«Согласно вашего распоряжения мной изучены настроения командующего 44 армией — генерал-лейтенанта Черняка и члена военного совета 44 армии — бригадного комиссара Сердюкова в связи с состоявшимся заседанием военного совета Крымского фронта

18 апреля с.г. После заседания, возвратившись к себе в землянку, Черняк в беседе с начальником штаба Рождественским, высказывая свое недовольство, заявил так: "Как мальчишку гоняют при всех подчиненных. Если не ладно — научи, а зачем это делать на совещании". И далее: "Хоть иди ротой командовать. Засыпался, но ничего, в Москву отзовут"...

На второй день, днем в беседе с генерал-майором Нанейшвили Черняк жаловался на придирчивое к нему отношение со стороны тт. Мехлиса и Козлова...»[1]

Из текста специального сообщения ясно, что подслушивались разговоры и других должностных лиц, в том числе члена Военного совета армии, начальника политотдела. Слежка была тотальная. В результате под горячую руку представителя Ставки попали и были заменены начальник политуправления фронта бригадный комиссар П.М. Соломко, начальник отдела кадров фронта подполковник И.А. Локтионов и ряд других должностных лиц.

Сохранились записные книжки, в которые Лев Захарович заносил свои оценки командиров и политработников. Они интересны, прежде всего, тем, что дают представление о качествах, которые в первую очередь привлекали в людях внимание сталинского эмиссара. Бросается в глаза также, что здесь нет ни единой положительной оценки. Приведем несколько записей (подчеркивания и сокращения Мехлиса):

224-я стрелковая дивизия: «Интен[дант] 2-го ранга Домбровский плохой работник, поляк. Беспартийн[ый]». Во всех трех полках «штабы плохие».

160-й стрелковый полк: «Храмцов. Не соответ[ствует] назнач[ению], нет воли, инициативы. Растерялся. Комис[сар] Кущев А.А. — абсолютно непригоден. Надо снять».

143-я стрелковая бригада: «Полк[овник] Курашвили. Слабый, безвольный, нетребоват[ельный]. Может быть испол[ьзован] на штабных должностях».

320-я стрелковая дивизия: «Комиссара заменить. Начсостав паникует. Бегуны. Надо заменить часть начсостава».

224-я стрелковая дивизия: «Н[ачальни] к штаба дивизии — Сахарулидзе. Слабый... Зам. к[омандира] дивизии — Кантари! Два раза исключался за сокрытие и службу в меньшевистской армии».

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 139, л. 502—504.

Несомненно, с некоторых командиров и политработников представитель Ставки взыскивал справедливо, верно подмечая их профессиональную непригодность, отсутствие необходимых волевых качеств. Но, как мы уже видели, нередко просто не мог или не хотел видеть и несомненных достоинств, как это было, скажем, с блестящим полководцем Федором Ивановичем Толбухиным, всего через каких-то два года ставшим Маршалом Советского Союза. Все упиралось в то, что Мехлис вместо терпеливого воспитания кадров, сочетания доверия и спроса за порученное дело прибегал, по сути, к единственному рычагу в кадровой работе — замене, а то и расправе над вызывавшими его недовольство. Вряд ли в такой обстановке командиры и политработники действовали увереннее и надежнее, чего — по идее — Лев Захарович добивался. В результате трудности на фронте лишь усугублялись.

Начальник ГлавПУ не только активно «чистил» кадры. А и одновременно воевал... с пленными. И, не шутя, почитал это за доблесть. Иначе, наверное, не стал бы писать об этом сыну (хотя и оправдывая себя соображениями отмщения): «В городе Керчи до 7 тыс. трупов гражданского населения (до детей включительно), расстреляны все извергами фашистами (во время оккупации в 1941 г. — *Ю.Р.*). Кровь стынет от злости и жажды мстить. Фашистов пленных я приказываю кончать. И Фисунов (начальник секретариата, он же — адъютант Мехлиса. — *Ю.Р.*) тут орудует хорошо. С особым удовлетворением уничтожает разбойников»[1]. Представляется, что это очень важный штрих к подлинному нравственному облику сталинского эмиссара.

Свидетелем тяжелой моральной обстановки, созданной в Крыму во многом усилиями представителя Ставки ВГК, стал в апреле 1942 года нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов. Вот что пишет он в книге мемуаров «Накануне»: «И вот мы в штабе фронта. Там царила неразбериха. Командующий Крымским фронтом Д.Т. Козлов уже находился "в кармане" у Мехлиса, который вмешивался буквально во все оперативные дела. Начальник штаба П.П. Вечный не знал, чьи приказы выполнять — командующего или Мехлиса. Маршал С.М. Буденный (главком Северо-Кавказским направлением, в чьем подчинении находился Крымский фронт. — *Ю.Р.*) тоже ничего не смог сделать. Мехлис не желал ему подчиняться, ссылаясь на то, что

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 71, л. 9.

получает указания прямо из Ставки»[1]. Как же все это напоминает деятельность Мехлиса в период войны с Финляндией!

Для Льва Захаровича не стоило никакого труда безосновательно обвинить человека в трусости, на что обратил внимание только что прибывший в Крым на должность заместителя командующего фронтом генерал-майор инженерных войск Хренов. Точные, на наш взгляд, слова нашел для характеристики этой стороны его личности писатель Константин Симонов: «Это был человек, который в тот период войны не входя ни в какие обстоятельства, считал каждого, кто предпочел удобную позицию в ста метрах от врага неудобной в пятидесяти — трусом. Считал каждого, кто хотел элементарно обезопасить войска от возможной неудачи, — паникером; считал каждого, кто реально оценивал силы врага, — неуверенным в собственных силах. Мехлис, при всей своей личной готовности отдать жизнь за Родину, был ярко выраженным продуктом атмосферы 1937—1938 годов».

«...И ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРОКЛЯТЫ»

В конечном счете подобный стиль в работе с людьми обернулся огромными потерями, когда на Крымском фронте развернулись решающие и, к глубокому сожалению, трагические для советских войск события. В исторической литературе они определены как Керченская оборонительная операция 8—21 мая 1942 года.

Основы будущей неудачи закладывались загодя, хотя с наступлением весеннего тепла, казалось, возрождалась не только природа, но и надежда защитников Крыма на поворот событий на фронте. Эти настроения высказывал и сам Лев Захарович в личной переписке: «Идет упорная борьба. Враг защищает каждую сопку. Он все еще надеется на весну, а мы стараемся его разочаровать».

Но очень скоро выяснилось, что оснований для оптимизма не было. В апреле положение советских войск осложнилось. Местные ресурсы — продовольственные, энергетические и другие — были исчерпаны. Не удалось возместить потери, понесенные в ходе февральско-апрельских боев и составившие более 225 тыс. человек. Тем не менее соотношение сил и средств было в пользу наших

[1] *Кузнецов Н.Г.* Накануне. С. 268.

войск. Противник уступал: в живой силе — в 2, в танках — в 1,2, в артиллерии — в 1,8 раза. Немцы, правда, располагали большей по численности авиацией — в 1,7 раза.

Какие задачи ставились Верховным главнокомандованием в этот период перед фронтом? В многотомной «Истории Великой Отечественной войны 1941—1945» говорится, что «после нескольких неудачных попыток предпринять решительное наступление войска Крымского фронта по указанию Ставки прекратили активные действия и перешли к обороне». Если бы так. Всего за две недели до наступления немцев, 21 апреля, Верховный подтвердил задачу на продолжение действий по очистке полуострова от противника. И лишь 6 мая, то есть за сутки до вражеского наступления, Сталин приказал войскам Крымского фронта «прочно закрепиться на занимаемых рубежах, совершенствуя их оборонительные сооружения в инженерном отношении и улучшая тактическое положение войск на отдельных участках, в частности, путем захвата Кой-Асанского узла».

Сложилась противоречивая и очень опасная ситуация, когда группировка войск фронта оставалась наступательной, однако наступление все откладывалось, а оборона не укреплялась. Все три армии были развернуты в один эшелон, что сокращало глубину обороны и резко ограничивало возможности по отражению ударов противника в случае прорыва. Самым неудачным оказалось построение войск 44-й армии генерала Черняка, по которой и пришелся главный вражеский удар. Достаточно сказать, что второй эшелон армии располагался на глубину всего 3—4 км от переднего края, а это давало противнику возможность осуществить прорыв не только тактической, но и оперативной обороны даже без смены позиций своей артиллерии.

Явно недостаточной была авиационная поддержка. Из 17 авиационных полков, входивших в состав ВВС фронта, только 8 базировались на аэродромы Керченского полуострова. Тыловые оборонительные рубежи фронта — Турецкий вал и Керченские обводы — существовали лишь на оперативных картах.

Нет оснований обвинять Мехлиса в категоричном отрицании необходимости обороны вообще. Значение глубоко эшелонированных оборонительных порядков ему было хорошо известно хотя бы по боям на каховском плацдарме в 1920 году на Южном фронте. Тому же учил и свежий опыт его участия в организации обороны Москвы

на Резервном и Западном фронтах, в создании оборонительных рубежей на Северо-Западном и Волховском фронтах. То есть, повторимся, он не был противником обороны вообще. Но в конкретной обстановке апреля — начала мая 1942 года представитель Ставки уверовал в неспособность немцев к наступлению. «Не принимайте ложные маневры противника за истину», «надо смотреть вперед, готовить колонные пути и мосты, отрабатывать действия по разграждению» — на таких позициях, по воспоминаниям генерала Хренова, стоял Мехлис. Громя «оборонительную психологию некоторых генералов», он отрицательно влиял тем самым на командование фронтом.

«Всякие разговоры о возможности успешного наступления немцев и нашем вынужденном отходе Л.З. Мехлис считал вредными, а меры предосторожности — излишними», — вспоминал и адмирал Кузнецов, побывавший 28 апреля вместе с маршалом Буденным на командном пункте Крымского фронта в селе Ленинское. Будучи уверенным в «слепоте» немцев, Лев Захарович отвергал самые скромные предположения, что им известно, где размещается штаб фронта. Подобная самонадеянность обошлась очень дорого.

Пренебрегая законами современной войны, диктовавшими настойчиво крепить оборону в тех условиях, которые сложились в Крыму, Лев Захарович обращался к привычному рычагу — наращивал политаппарат. По его запросу буквально накануне немецкого наступления из Москвы были отправлены 199 политработников. 10 мая на фронт выехало дополнительно 600 человек, а через несколько дней еще 201.

Между тем события приобретали все более грозные очертания. 6 мая, в день получения распоряжения Сталина о переходе войск фронта к обороне, от начальника штаба Северо-Кавказского направления генерал-майора Г.Ф. Захарова поступила информация чрезвычайной важности. Перелетевший линию фронта летчик-хорват предупреждал: немцы готовятся наступать. Информацию подтверждали и другие источники. В ночь на 7 мая военный совет Крымского фронта направил в войска необходимые распоряжения, но сделано это было так неспешно, что к утру они дошли даже не до всех командующих армиями. Свою губительную роль явно играла уверенность, что не немцы нам, а мы им «закатим большую музыку».

Утром 7 мая на штабы, узлы и линии связи советских войск обрушилась лавина бомбардировщиков и штурмовиков. Связь КП фронта с КП всех трех армий была нарушена. А с рассветом следующего дня началась артиллерийская и авиационная подготовка немцев. В 5 час. 30 мин. их наземные войска при полном господстве авиации перешли на левом фланге фронта в наступление против 44-й армии. К исходу дня обе полосы обороны армии на участке 5 км по фронту и до 10 км в глубину были прорваны.

Донося об этом Верховному главнокомандующему, Мехлис сетовал на господство вражеской авиации, острый недостаток снарядов и мин, просил перебросить с Таманского полуострова стрелковую бригаду для занятия обороны на Керченском обводе. Вот когда стала доходить до его сознания вся пагубность пренебрежения мерами обороны! Представитель Ставки не мог не отдавать себе отчета, что события развиваются совершенно иначе, нежели он предполагал. Всю вину за это он попытался переложить на Козлова.

Из телеграммы Мехлиса Сталину от 8 мая 1942 года: «Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7-го мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указания армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании комфронт в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10—15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начсоставом, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Сопротивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии».

Телеграмма, однако, успеха не имела. Верховный был настолько раздосадован неудачей, что в ответной телеграмме не посчитал нужным сдержать гнев. А после того как 9 мая советскому командованию не удалось ликвидировать прорыв немцев и его глубина возросла до 30 км, причем в полосе не только 44-й, но и 51-й армии, представитель Ставки был вызван к прямому проводу.

Переговоры командования Крымским фронтом с Верховным главнокомандующим состоялись 10 мая в 2 часа 55 минут. Мехлис, Козлов и Колесов доложили, что левый фланг они отводят за Акмонайские позиции. Задержать противника надеются силами 12-й и 143-й стрелковых бригад и 72-й кавалерийской дивизии, 156-я стрелковая дивизия ставится в оборону на Турецкий вал. Они просили также присылки с Тамани 103-й стрелковой бригады, а также разрешения перенести КП фронта в связи с непрерывной бомбежкой в каменоломни на северную окраину Керчи.

Ответ был таков: «1) Всю 47 армию необходимо немедля начать отводить за Турецкий вал, организовав арьергард и прикрыв отход авиацией. Без этого будет риск попасть в плен. 2) 103 бригаду дать не можем. 3) Удар силами 51 армии можете организовать с тем, чтобы и эту армию постепенно отводить за Турецкий вал. 4) Остатки 44 армии тоже нужно отводить за Турецкий вал. 5) Мехлис и Козлов должны немедленно заняться организацией обороны на линии Турецкого вала. 6) Не возражаем против перевода штаба на указанное вами место. 7) Решительно возражаем против выезда Козлова и Мехлиса в группу Львова. 8) Примите все меры, чтобы вся артиллерия, в особенности крупная, была сосредоточена за Турецким валом, а также ряд противотанковых полков. 9) Если вы сумеете и успеете задержать противника перед Турецким валом, мы будем считать это достижением...»[1]

Итак, окончательно поняв, что ни Мехлис, ни Козлов пороха не изобретут, Верховный ставит им как задачу-максимум: отвести свои войска и задержать части противника на рубеже Турецкого вала. Напомним то, что в Москве, возможно, и не знали: как сам вал, так и Керченские обводы фактически не были оборудованы в инженерном отношении и серьезной преграды для противника не представляли.

Неразворотливость, растерянность командования фронтом и представителя Ставки служили врагу дополнительной подмогой. Приказ на отвод армий генералы Колганов и Львов получили из штаба фронта лишь к концу 10 мая, а начали его выполнять еще сутки спустя. Между тем уже к исходу 10-го передовые части немцев вышли к Турецкому валу. До Керчи им оставалось чуть более 30 км, частям же 47-й армии — в два с половиной раза больше.

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 140, л. 341—345.

Видя, что командование фронтом и представитель Ставки окончательно утратили нити управления и положение наших войск становится все более угрожающим, Ставка ВГК 11 мая в 23 часа 50 минут отдала по «Бодо» приказ главкому Северо-Кавказским направлением маршалу Буденному «в срочном порядке выехать в район штаба Крымского фронта (г. Керчь), навести порядок в Военном совете фронта, заставить Мехлиса и Козлова прекратить свою работу по формированию в тылу, передав это дело тыловым работникам, заставить их выехать немедленно на Турецкий вал, принять отходящие войска и материальную часть, привести их в порядок и организовать устойчивую оборону на линии Турецкого вала, разбив оборонительную линию на участки во главе с ответственными командирами. Главная задача — не пропускать противника к востоку от Турецкого вала, используя для этого все оборонительные средства, войсковые части, средства авиации и морского флота»[1].

Буденный выполнил это указание лишь спустя полутора суток: на КП фронта он вместе с членом Военного совета СКН адмиралом И.С. Исаковым прибыл в полдень 13 мая. Отданные им указания касались в основном эвакуации на Таманский полуостров тяжелой артиллерии и «катюш» и мер по восстановлению положения на левом фланге 44-й армии. Кардинальных изменений в обстановку они внести не могли, с чем маршал и отбыл назад в Краснодар.

Лично пообщаться с руководством фронтом Буденному не довелось: 12 мая Козлов и Мехлис, вняв, наконец, приказу Ставки, выехали на Турецкий вал в район Султановки, куда вышли части 44-й армии генерала Черняка. Представитель Ставки позднее докладывал Сталину, как штаб 44-й армии и представители штаба фронта останавливали отходящие в беспорядке разрозненные подразделения и отдельных бойцов. Очень похожая картина предстала перед Мехлисом и севернее, в районе железной дороги: «Части 47 армии беспорядочно отходят под жесточайшим воздействием авиации. Отход был неорганизованный. Ни одной части найти не удалось. Шли разрозненные группы»[2].

---

[1] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5—2). М., 1996. С. 201.

[2] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 140, л. 102.

При всей сложности, даже катастрофичности обстановки, отход наших войск отнюдь не представлял собой всеобщее паническое бегство. Подлинное мужество и стойкость проявил личный состав 72-й кавалерийской дивизии (командир — генерал-майор В.И. Книга). В течение целого дня кавалеристы совместно с подошедшими из резерва фронта 12-й и 143-й стрелковыми бригадами не пропускали врага в полосе более 10 км. Прикрывая отход других частей, мужественно сражались воины 77-й горнострелковой дивизии полковника П.Я. Циндзеневского (которого в январе, напомним, под горячую руку Мехлиса чуть было не расстреляли), и 55-й танковой бригады (командир — полковник П.П. Лебеденко). Однако так воевали далеко не все, очень неустойчивыми проявили себя армянская и азербайджанская дивизии.

Отсутствие нормальной связи, утрата управления войсками, беспорядочность, а то и паника усугублялись действиями представителя Ставки и других руководителей. Вот что писал по этому поводу адмирал Кузнецов: «...Мехлис во время боя носился на "газике" под огнем, пытаясь остановить отходящие войска, но все было напрасно. В такой момент решающее значение имеют не личная храбрость отдельного начальника, а заранее отработанная военная организация, твердый порядок и дисциплина»[1].

А они-то, как ни прискорбно, отсутствовали. Лишь 13 мая, то есть спустя почти трое суток после приказа Ставки, «основные оставшиеся части и соединения, — как доложил Мехлис Сталину, — сосредоточились на линии Турецкого вала и приступили к занятию обороны». Противник же не ждал, а навязывал свое развитие событий. Танками и пехотой при активной поддержке с воздуха он нанес удар на фронте Султановка — Ново-Николаевка. К исходу дня Турецкий вал был прорван. На следующий день положение наших войск усугубилось еще больше.

Из доклада Мехлиса Сталину: «В течение 14.5 бои на всем фронте Керченского обвода продолжались с неослабевающей силой. Противник танками и пехотой по-прежнему наносил удар по нашему центру в направлении Андреевка — Керчь и по левому флангу Чурбаш — Керчь, нанося одновременно непрерывные мощные бомбовые удары по нашим войскам, скоплениям обозов и разрушая все

---

[1] *Кузнецов Н.Г.* Накануне. С. 268—269.

пристани и причалы в порту Камыш-Бурун, Керчь, завод Войкова и на переправах в Еникале, Опасная и Жуковка. Части несли тяжелые потери, особенно в материальной части...Обозы и тылы трех армий, собравшиеся на узком пространстве восточной части Керченского полуострова, разбивались авиацией. Армии к этому времени (утро 15 мая. — *Ю.Р.*) в своем составе имели только отдельные организованные части и соединения».

Видя, что командование Крымским фронтом окончательно утратило нити управления, Ставка отдает приказания, которые были способны, к сожалению, лишь облегчить агонию. Но и они носили противоречивый характер. Так, на рассвете 14 мая из Москвы поступило распоряжение Сталина о начале отвода войск на Таманский полуостров. К вечеру (в 18 часов 10 минут) Верховному главнокомандующему доложили ответную телеграмму Мехлиса: «Бои идут на окраинах Керчи, с севера город обходится противником. Напрягаем последние усилия, чтобы задержать [его] к западу от Булганак. Части стихийно отходят. Эвакуация техники и людей будет незначительной. Командный пункт переходит [в] Еникале. Мы опозорили страну и должны быть прокляты. Будем биться до последнего. Авиация врага решила исход боя»[1].

Очевидно, панический тон телеграммы заставил Сталина принять решение, фактически отменявшее прежнее распоряжение о начале эвакуации. 15 мая в 1 час 10 минут он телеграфировал генерал-лейтенанту Козлову: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Керчь не сдавать, организовать оборону по типу Севастополя.

2. Перебросить к войскам, ведущим бой на западе, группу мужественных командиров с рациями с задачей взять войска в руки, организовать ударную группу, с тем, чтобы ликвидировать прорвавшегося к Керчи противника и восстановить оборону по одному из Керченских обводов. Если обстановка позволяет, необходимо там быть Вам лично.

3. Командуете фронтом Вы, а не Мехлис. Мехлис должен Вам помочь. Если не помогает, сообщите...»

Впервые Верховный главнокомандующий публично высказал сомнение в пользе пребывания армейского комиссара 1-го ранга на

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 140, л. 77.

Крымском фронте, в его способности обеспечить выполнение поставленной задачи. Жаль только, что трагическую ситуацию это уже не меняло.

15 мая пала Керчь. В этот день в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера появилась запись: «Керченскую операцию можно считать законченной. Город и порт в наших руках». Немецкий генерал торопился. Сопротивление наших войск было еще отнюдь не сломлено. Тот же Гальдер 17 и 18 мая вынужден был отметить в своем дневнике «ожесточенное сопротивление северо-восточнее Керчи». Тем не менее Крымский фронт был обречен.

Как в эти драматические дни и часы держался представитель Ставки ВГК? Что испытывал он, видя, какой катастрофой заканчивается его пребывание здесь? Чувствовал ли какую-то вину за собой?

«Я видел Мехлиса, когда нам было приказано эвакуировать то, что еще можно было эвакуировать с Керченского полуострова,— рассказывал Константину Симонову адмирал Исаков.— Он делал вид, что ищет смерти. У него был не то разбит, не то легко ранен лоб, но повязки не было, там была кровавая царапина с кровоподтеками; он был небрит несколько дней. Руки и ноги были в грязи, он, видимо, помогал шоферу вытаскивать машину и после этого не счел нужным привести себя в порядок. Вид был отчаянный. Машина у него тоже была какая-то имевшая совершенно отчаянный вид, и ездил он вдвоем с шофером, без всякой охраны. Несмотря на трагичность положения, было что-то в этом показное, — человек показывает, что он ищет смерти».

На замечание Симонова, что, по его наблюдениям, Мехлис — человек не робкого десятка, Исаков ответил: «Он там, под Керчью, лез все время вперед, вперед. Знаю также, что на финском фронте он бывал в боях, ходил в рядах батальона в атаку. Но... на мой взгляд, он не храбрый, он нервозный, взвинченный, фанатичный».

Судьба хранила Льва Захаровича. 14 мая, находясь на КП 44-й армии, вместе с сопровождающими он попал под артиллерийский обстрел. Тяжело ранило начальника политотдела армии, а также порученца Мехлиса, были разбиты автомашины, у представителя Ставки же — ни царапины. Надо отдать ему должное: в подобных ситуациях он не терял присутствия духа.

Мужества недоставало в другом — в признании собственной военно-профессиональной несостоятельности, как и порочности методов, которые он использовал в работе с людьми. Даже в эти последние, самые драматические для Крымского фронта дни представитель Ставки был не способен отрешиться от культивировавшейся десятилетиями подозрительности, способности везде и всюду видеть чьи-то происки, провокации, заговоры.

В 22 часа 14 мая, докладывал он Сталину, начальник особого отдела фронта комиссар госбезопасности 3-го ранга А.М. Беляков сообщил Военному совету, находившемуся на КП в Аджимушкайских каменоломнях, об имеющемся у него указании Ставки ВГК немедленно эвакуировать членов совета на Таманский полуостров. Когда же руководители прибыли в указанное Беляковым место — на пристань завода им. Войкова, «опросом контр-адмирала Фролова (командир Керченской военно-морской базы, старший морской начальник в Керчи. — *Ю.Р.*) выявилось недоразумение, — по словам Мехлиса, — весьма похожее на провокацию». Оказалось, что Военный совет на самом деле передислоцировался не на Тамань — противоположный берег Керченского пролива, а в Еникале. Дезинформация привела к тому, что переезд штаба фронта совершался в спешке, неорганизованно, в результате и без того слабое управление войсками было нарушено не менее чем на восемь часов.

Фролова, пытаясь в очередной раз переложить вину за провалы на других, Лев Захарович еще вспомнит. Вновь откроем книгу мемуаров адмирала Кузнецова: «Когда положение в Керчи стало катастрофическим, Мехлис пытался свалить ответственность за случившееся на командира Керченской базы А.С. Фролова (назначенного начальником переправы на Таманский полуостров. — *Ю.Р.*). Он позвонил мне и потребовал, чтобы я отдал Фролова под суд, иначе расстреляет его своим приказом.

— Этого вы не посмеете сделать, — ответил я»[1].

Конечно, Фролов несет определенную ответственность за существенные недостатки эвакуации, начатой в ночь на 15 мая и продолжавшейся пятеро суток. Но он ли один? По собственному признанию Мехлиса, вплоть до 16 мая штаб фронта плана эвакуации не имел. Добавим от себя, что, как показали последующие события, планового,

---

[1] *Кузнецов Н.Г.* Накануне. С. 269.

организующего начала, в том числе со стороны представителя Ставки, не было и в дальнейшем. Ряд руководящих работников поторопились перебраться на противоположный берег Керченского пролива: 13 мая с управлением 47-й армии убыл заместитель командующего войсками фронта генерал-полковник Я.Т. Черевиченко, в ночь на 15-е — помощник командующего генерал Крупников, 17-го — член Военного совета Шаманин. Контуженного Колесова, второго члена Военного совета, эвакуировали 16-го. 17 мая и командный пункт фронта переместился на Таманский полуостров в пос. Кордон Ильича.

Плавсредства подавались нерегулярно и несвоевременно. Командиры многих гражданских судов отказывались подходить к берегу под бомбежкой и артогнем, симулировали аварии. При потенциальной возможности переправлять в сутки 30—35 тысяч человек, только 17 мая смогли эвакуировать чуть больше 22 тысяч, в иные дни не было и того. Установленная очередность: раненые, материальная часть тяжелой артиллерии, РСы не соблюдалась. Под видом раненых толпы невооруженных, деморализованных бойцов силой захватывали суда и переправлялись на косу Чушка.

Полные трагизма картины нарисовала позднее в коллективном письме Верховному главнокомандующему группа политработников 51, 47 и 44-й армий: отсутствие хоть какого-то организующего начала при отходе, быстро переросшем в паническое бегство, страшная давка на переправах, массовые жертвы. «Это все произошло благодаря предательскому командованию Крымского фронта, иначе считать нельзя»,— заявляли доведенные до крайности авторы письма[1].

Сам Мехлис до вечера 19 мая находился на плацдарме и переправился с последними частями 51-й армии, войдя, таким образом, в число тех около 140 тысяч человек, которых все же удалось эвакуировать на Таманский полуостров. За спиной остались Крым, полностью (за исключением Севастополя) перешедший в руки врага, и огромные потери — более 176 тысяч человек, свыше 3,5 тыс. орудий и минометов, 400 самолетов, 347 танков. Всего же за 111 дней существования Крымского фронта безвозвратные потери достигли около 450 тысяч человек[2].

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 116, л. 223—224.

[2] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 332.

Что, по мнению Мехлиса, привело к такому поражению? На это отвечают документы, вышедшие из-под его пера, — доклад Сталину и черновые заметки к докладу. Здесь (особенно в тексте доклада) лукавить было опасно, зная, насколько болезненно отреагировал вождь на трагедию в Крыму. Это обстоятельство делает названные документы, на наш взгляд, наиболее объективными свидетельствами истинных представлений Мехлиса.

«Сил, чтобы держать Керченский полуостров, было достаточно, — признает он. — Не справились». «Не бойцы виноваты, а руководство в исходе операции 8—20.V.». Анализируя причины неудачного отхода наших частей, он обращается к опыту прошлого: «Самая серьезная часть военного искусства — уметь **отводить** войска. Вся гениальность Кутузова в **этом»** (выделено Мехлисом. — *Ю.Р.*).

А вот характерное признание, на которое в иной обстановке армейский комиссар 1-го ранга, вероятно, не решился бы: «400 с.д. К 11.IV. ничего не было, кроме винтовок. 12 сбр. (стрелковая бригада — *Ю.Р.*)». «Скорость плохая танков. Ползут как черепахи». «Войсковая разведка работает плохо». «398 с.д. Не было боевых порядков, стадом идут»[1].

В этом ряду нелицеприятных оценок стоят и цитировавшиеся выше фрагменты доклада Сталину о паническом бегстве многих деморализованных частей, о неустойчивости армянской и азербайджанской дивизий, о подавляющем превосходстве немецкой авиации, о беспорядочной эвакуации. Наконец — признание: «Точных данных о том, сколько... осталось бойцов на Керченском полуострове — нет».

Следует отдать должное Мехлису: он не делает попыток оправдаться, каким-то образом предвосхитить оценку Верховным главнокомандующим его деятельности. Тем более что в целом она была уже известна ему из телеграммы, полученной из Москвы 8 мая в ответ на доклад о начавшемся немецком наступлении и содержавшем очередное предложение сменить командующего фронтом Козлова. Тогда Верховный телеграфировал: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы — не посторонний наблюдатель, а

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 140, л. 249, 261, 267, 272, 275.

ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если "вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать", а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значит, вы еще не поняли, что вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки.

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и вы могли бы сами справиться с ними. Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте».

Телеграмма носит явные следы острой досады, резкого импульсивного недовольства. Именно за счет их следует отнести принципиально неверное замечание о «несложности» дел на Крымском фронте. Другое дело, что, невзирая на занимаемые им крупные посты, Лев Захарович в современной войне не был способен качественно решать ни «простых», ни сложных задач.

Наконец-то это стало ясно и на самом «верху». По указанию Сталина была подготовлена специальная директива Ставки ВГК военным советам фронтов и армий от 4 июня 1942 года, в которой определялись главные причины поражения наших войск в Крыму, и каждая из них напрямую связывалась с личностью представителя Ставки:

1) полное непонимание природы современной войны;

2) бюрократический и бумажный метод руководства войсками («Т.т. Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состояла в отдаче приказа и что изданием приказа заканчивается их обязанность по руководству войсками... Как показал разбор хода операции, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск...» «В критические дни операции командование Крымского фронта и т. Мехлис, вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воз-

действия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета»);

3) личная недисциплинированность (Козлов и Мехлис нарушили указание Ставки и не обеспечили своевременный отвод войск за Турецкий вал. Опоздание на два дня с отводом явилось гибельным для исхода всей операции).

Все верно, но явно недостаточно. Свою, и немалую, долю ответственности должны были взять на себя и главком СКН Буденный, и Генеральный штаб, да и сам Верховный главнокомандующий.

Решением Ставки Мехлис, как один из «прямых виновников неудачного исхода Керченской операции», был снят с постов заместителя наркома обороны СССР и начальника Главного политуправления Красной Армии и снижен в звании на две ступени — до корпусного комиссара. Был наказан и командно-начальствующий состав Крымского фронта: Козлов, Шаманин, Колганов, Черняк и Николаенко были отстранены от занимаемых должностей и снижены в воинском звании. Лишился должности, но остался в прежнем звании генерал-майор Вечный.

Что же касается персональной вины представителя Ставки, то есть необходимость сказать еще и о том, чего в директиве Ставки не было и быть могло. Ведь указанные там причины поражения производны, в сущности, от главного: Мехлис представлял из себя зловещий продукт репрессивной, террористической системы сталинизма в целом. Он, получивший в Крыму, по сути, абсолютную власть, поднялся к вершинам в военном ведомстве благодаря не полководческому или организаторскому таланту, а — близости к вождю, умению выявлять и искоренять «врагов народа». Постигнув законы классовой борьбы, такие люди убеждены, что уж законы вооруженного противоборства освоить им ничего не стоит. Главное — напор, партийная идейность, умение вовремя распознать оппозиционера, паникера, саботажника.

Не тут-то было. Как грубовато, но, в общем-то, точно отозвался писатель Виктор Астафьев: «Любимец Сталина Мехлис взялся командовать тремя армиями в Крыму, забыв, что редактировать “Правду” и подхалимничать перед Сталиным, писать доносы — одно, а воевать — совсем другое. Манштейн... так дал товарищу Мехлису, что от трех наших армий “каблуков не осталось”, как пишут мне

участники этой позорной и кровавой бойни. Мехлис-то ничего, облизался и жив остался. Удрапал, сука!»

Но таким же продуктом сталинской системы, как и Мехлис, только с обратным знаком, оказался другой главный участник крымской трагедии — командующий фронтом Козлов. Тот боялся Мехлиса сильнее, чем немцев, на что обратил внимание и Сталин, не отказавший себе в удовольствии позднее «побеседовать» с раздавленным поражением генералом. Да, боялся, потому что хорошо помнил, как расправлялся начальник Политуправления РККА с военными кадрами до войны, знал о его палаческой миссии в июле 1941 года на Западном фронте. И имел весьма веские основания полагать, что теперь пришла его очередь, коль скоро Мехлиса прислали к нему, вроде той «черной метки», которую в романе Стивенсона пираты отправляли отступнику в знак смерти. Все это породило у генерала Козлова (да только ли у него одного) страх перед стоящими за Мехлисом высокими инстанциями, боязнь ответственности, опасение противопоставить разумное с точки зрения военной науки решение безграмотному, но амбициозному напору представителя Ставки.

Дмитрия Тимофеевича Козлова поражение вверенного ему фронта подкосило основательно. Хотя уже в следующем, 1943 году ему было возвращено генерал-лейтенантское звание, к былым командным высотам он уже не поднялся. И всю жизнь ощущал себя в качестве опального, надо понимать — незаслуженно наказанного.

В 1966 году он писал бывшему сослуживцу генерал-лейтенанту инженерных войск А.И. Смирнову-Несвицкому, начальнику инженерных войск Крымского фронта: «Большое Вам спасибо за то, что не забыли старого опального генерала. Опала моя длится вот уже почти 25 лет. В моей памяти часто встают события тех дней. Тяжко их вспоминать, особенно потому, что вина за гибель всех наших полков лежит не только на нас, непосредственных участниках этих боев, но и на руководстве, которое осуществлялось над нами. Я имею в виду не профана в оперативном искусстве Мехлиса, а командующего Северо-Кавказским направлением и Ставку. Также я имею в виду Октябрьского (адмирал Ф.И. Октябрьский в годы войны командовал Черноморским флотом. — *Ю.Р.*), который по сути дела не воевал, а мешал воевать Петрову (генерал-майор И.Е. Петров командовал Приморской армией, оборонявшей Севастополь. — *Ю.Р.*) и строил каверзы Крымскому фронту. А теперь стал герой!.. Вылез-

ли они на шее Крымского фронта. Не было бы этого — не было бы Севастополя…

Я очень жалею, что не сложил там свою голову. Не слышал бы я несправедливостей и обид, ибо мертвые сраму не имут. Но не удалось мне, несмотря на то, что уходил из Еникале с арьергардными частями Волкова. Тогда уже никакого начальства, ни малого, ни большого, там не было, все перешло во власть Буденного и его заместителя Черевиченко…»[1]

Зная обстоятельства происшедшего в Крыму, читатель теперь может сам рассудить, насколько прав был в своей обиде генерал Козлов.

Что касается Мехлиса, то Крым поставил на его восхождении к вершинам военной карьеры крест. Даже Сталин, столько лет благоволивший к нему, вынужден был признать: безграмотность в военном деле, произвол, диктаторские замашки Льва Захаровича несли опасность той системе власти, которую олицетворял собой вождь. И потому предпочел хотя бы на время войны отодвинуть мехлисов на задний план, давая ход настоящим талантам в военном деле, раскрепощая командиров всех степеней.

Хотя, надо с горечью признать, и мехлисам работа находилась.

Глава 8

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА ФРОНТА

КАК ВЕРНУТЬ ДОВЕРИЕ ВОЖДЯ

4 июня 1942 года заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Василевский докладывал Верховному главнокомандующему проект директивы Ставки ВГК, обобщающей горькие уроки боевых действий в Крыму. Вопрос наказания первых лиц фронта он предусмотрительно обошел, полагая, что это — прерогатива Сталина. И не ошибся. «Все эти люди должны бы пойти под военный трибунал, — жестко бросил вождь. — Но с этим успеется...» Он продиктовал Василевскому заключительную часть директивы:

---

[1] Красная звезда, 2005, 12 апреля.

«Снять армейского комиссара 1-го ранга т. Мехлиса с постов заместителя народного комиссара обороны и начальника [Главного] Политического управления Красной Армии и снизить его в звании до корпусного комиссара...»

Можно только предполагать, почему позднее Сталин так и не вернулся к мысли предать виновников керченской катастрофы суду военного трибунала. Среди высшего комсостава ходили слухи, что Мехлис, возвратившись в Москву, сумел-таки добиться приема у вождя. Как только бывший начальник ГлавПУ появился на пороге сталинского кабинета, он тут же рухнул на колени и буквально пополз к стоявшему в дальнем углу у стола хозяину. Хватая его за мягкие кавказские сапоги, молил о прощении, а Сталин, брезгливо морщась, судорожно пытался высвободить ноги из объятий Мехлиса.

Кому как, но автору в эту сцену не верится: больно уж не соответствует она мехлисовскому характеру. Не случайно в опубликованных воспоминаниях генерала армии Хрулева, на которого подчас ссылаются, передавая этот эпизод в сталинском кабинете, ничего подобного нет. Много несправедливого претерпел Андрей Васильевич от бывшего начальника ГлавПУ, но напраслину возводить даже на старого недруга, тем более поверженного, не стал.

Сам же Мехлис признавался, что «после Керчи Сталин полгода со мной не разговаривал».

Так или иначе, с Львом Захаровичем вождь обошелся весьма милосердно. Как, впрочем, и со всем руководящим составом Крымского фронта, о чем читатель уже знает. Случись такое масштабное поражение в 1941 году, не сносить бы головы ни командующему фронтом, ни другим генералам.

Через неделю, 12 июня, ЦК ВКП(б) обсудил вопрос о состоянии партийно-политической работы в войсках действующей армии. Вскрыв в ней «существенные недостатки» — сухость, казенность, проведение без учета обстановки, времени, запросов различных категорий личного состава, конкретных боевых задач, устранение от повседневной кропотливой работы с личным составом многих членов военных советов, комиссаров частей и соединений, — ЦК потребовал коренным образом улучшить ее. В весьма резких тонах было выдержан и приказ наркома обороны, проект которого был выработан по результатам совещания членов военных советов нескольких фронтов, начальников политорганов и комиссаров соеди-

нений, состоявшегося в Москве 6 июля 1942 года. Этот документ содержит, на наш взгляд, наиболее выразительную оценку — «недопустимо плохо», данную высшим руководством деятельности Мехлиса на посту начальника Главного политического управления с июня 1941 по июнь 1942 года (хотя прямо его фамилия и не упоминалась). Основные причины недостатков в партийно-политической работе связывались все с тем же «канцелярско-бюрократическим стилем» руководства.

Зная нравы тогдашней власти, можно с уверенностью говорить: вернись Лев Захарович из Крыма не поверженным, а триумфатором, этих резких оценок состояния главпуровского хозяйства и в помине не было бы. А так события шли по народному присловью: на бедного Макара все шишки.

Вместо Мехлиса руководить ГлавПУ был поставлен кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК и Московского комитета партии А.С. Щербаков. Он же возглавил и Совет военно-политической пропаганды, созданный при Главном политуправлении для обобщения опыта партийно-политической работы в войсках и разработки рекомендаций по ее дальнейшему улучшению.

Как реагировал на эти решения Мехлис? Общавшийся с ним в те дни писатель Давид Ортенберг вспоминал, что таким подавленным он не видел Льва Захаровича даже в самые первые, наиболее тяжелые дни и недели войны. Оставшийся не у дел наш герой ходил по домашнему кабинету крайне расстроенный, повторяя: «Все, все кончено». Поначалу без особого восторга воспринял он и известие о решении Политбюро ЦК ВКП(б) включить его, явно по указанию Сталина, в состав Совета военно-политической пропаганды. Ему ли было не знать привычку вождя нередко возвышать свою жертву перед тем, как окончательно ее добить. А что, кроме заклания, надо было ждать после случившегося? Дальнейшие события показали, что Верховный дал ему шанс реабилитироваться, хотя к первым ролям в армии больше не допускал.

Постепенно к Льву Захаровичу стала возвращаться привычная уверенность в себе. Гроза, кажется, миновала стороной. Впервые после возвращения из Крыма мы встречаем его на заседании Совета военно-политической пропаганды, состоявшемся 27 июня. В его работе корпусной комиссар уже не просто участвовал, но и выступил по обсуждавшемуся вопросу — о работе среди войск противника.

В частности, предложил смелее привлекать к контрпропаганде немецких эмигрантов-коммунистов, военнопленных, переменить содержание газет на немецком языке, сделав их по преимуществу информационными.

Осмысление и переживание случившегося в Крыму не прошло для Льва Захаровича совершенно бесследно. В чем-то его суждения стали более гибкими и жизненными. Но они соседствовали с рецидивами прежней психологии, уходившими корнями в стремление чуть ли не в каждом недостатке видеть чьи-то вражеские происки. Например, на заседании 8 октября 1942 года задержки с выдачей личному составу гвардейских значков, а раненым — соответствующих нашивок, он расценил ни больше ни меньше, как «сознательный подрыв доверия к руководству, к Москве».

К слову, следов дальнейшего участия Мехлиса в работе Совета военно-политической пропаганды обнаружить не удалось. Очевидно, он, как единственный представитель фронтового звена руководителей, пребывая вне Москвы, перестал участвовать в заседаниях явочным порядком.

Его пребывание в столице не затянулось. 26 июня постановлением ГКО он был назначен членом Военного совета Северо-Западного фронта. Но отбыть к новому месту службы не успел, поскольку 3 июля в связи с ширившимся наступлением немецко-фашистских войск состоялось новое решение ГКО — о приведении в полную боевую готовность 3, 5 и 6-й резервных армий. Лев Захарович получил назначение на должность члена Военного совета последней из них.

После этого весь его путь до самого конца войны пролегал по фронтам действующей армии. Недолго, до сентября 1942 года, оставаясь членом ВС 6-й армии, в дальнейшем он занимал аналогичную должность последовательно на девяти фронтах: Воронежском (сентябрь — начало октября 1942 года), Волховском (октябрь 1942 — апрель 1943 года), Резервном (апрель 1943 года), Брянском (июль — октябрь 1943 года), сформированном на его базе Прибалтийском (10—20 октября 1943 года), 2-м Прибалтийском, переименованном из Прибалтийского (октябрь — декабрь 1943 года), Западном (декабрь 1943 — апрель 1944 года), 2-м Белорусском (апрель — июль 1944 года), 4-м Украинском (август 1944 — 11 мая 1945 года). Единственное исключение составила непродолжитель-

ная служба членом ВС Степного военного округа (18 апреля — 6 июля 1943 года).

Причиной столь частой перемены мест была не только служебная необходимость, но и, судя по архивным документам и свидетельствам сослуживцев, крайняя неуживчивость Мехлиса, интриганство, стремление подмять под себя очередного командующего, сделать его «ручным», «карманным».

Едва корпусной комиссар прибыл в 6-ю резервную армию, она почти сразу же вошла в состав образованного 7 июля 1942 года Воронежского фронта, который вел упорные оборонительные бои в среднем течении Дона, в районе Воронежа. Лев Захарович старался рутине и апатии, для многих естественной при таком понижении по службе, не поддаваться. «Поедает пыль и жара... В работе какой-то особый прилив бодрости, — написал он жене 13 июля. — Главное — побороть беспечность людей, настроения самотека, казенный оптимизм при бездеятельности. Победа сама не приходит, ее надо добиться напряженной умной работой, организацией людей»[1].

Напомним, что в ходе Великой Отечественной войны это был один из самых напряженных и критических моментов. С 7 июля советские войска Южного и Юго-Западного фронтов по приказу Ставки отходили к Дону, пытаясь избежать окружения многократно превосходящим противником. К середине июля прорыв стратегического фронта на юге достиг 150—400 км в глубину. Донбасс и правобережье Дона захватил враг. А когда ему удалось выйти в большую излучину Дона, оккупировать Ростов-на-Дону, возникла непосредственная угроза прорыва на Северный Кавказ и к Сталинграду. 28 июля Сталин как нарком обороны подписал знаменитый приказ № 227 «Ни шагу назад!». Отступление без приказа он объявлял тяжким преступлением, которое каралось по всей строгости военного времени. Кроме того, в качестве карательно-исправительной меры в соответствии с этим приказом в Красной Армии учреждались штрафные части и заградительные отряды.

При всей суровости приказ № 227 не смог остановить отхода наших войск в целом, однако на отдельных участках фронта они не только закрепились, но и предприняли контрнаступление. Это, в частности, произошло в полосе 6-й армии, которая 6—7 августа про-

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 74, л. 26.

вела наступательную операцию против 2-й венгерской армии. Наши войска форсировали Дон южнее Воронежа и захватили плацдармы на его западном берегу. «Дела не плохие, но положение напряженное, — сообщал Лев Захарович 14 сентября. — Врагов — венгров и немцев — перемалываем много, ежедневно».

Интересно понаблюдать за реакцией Мехлиса на упомянутый выше приказ наркома обороны № 227. По духу он очень близок приказу Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 года, для выполнения которого, как читатель помнит, Лев Захарович в свое время не пожалел сил, не останавливаясь перед расстрелом без суда офицеров и даже генералов. В данном же случае корпусной комиссар по какой-то причине не доработал. По крайней мере, к такому выводу пришли проверяющие из ГлавПУ РККА. 10 августа они доложили Щербакову, что формирование заградительных отрядов, как предписывал 227-й приказ, в 6-й армии «идет медленно и не соответствует требованиям наркома... В отряды попала часть бойцов слабых здоровьем — инвалиды, малограмотные, из оккупированных районов... В первом отряде соединения Мехлиса, — говорилось далее в донесении, — снова пришлось заменить 44 человека, как несоответствующих... Установлено, что этот отряд к боевым действиям не готов»[1].

Вероятнее всего, имел место недосмотр члена Военного совета и его подчиненных. Подозревать Льва Захаровича в саботировании приказа Сталина нет ни малейших оснований, он высоко ценил «мобилизующую роль» заградотрядов и штрафных частей. Так, не задумываясь, он отправил в штрафбат струсившего политрука роты 959-го стрелкового полка 309-й стрелковой дивизии В.П. Игнатьева.

Но опыт войны не пропал и для него даром: он стал постепенно склоняться к осознанию необходимости не только карательных мер, но также психологической закалки личного состава. Волю к стойкой борьбе на занимаемом рубеже, доверие к собственному мужеству бойцам могли и должны были вернуть командиры и политработники. Однако члену ВС армии пришлось констатировать, что выполнять эту ответственную миссию готовы не все. На одном из редких заседаний Совета военно-политической пропаганды, где ему

---

[1] ЦАМО, ф. 203, оп. 2847, д. 9, л. 127.

удалось побывать, Мехлис рассказал о случае, когда немецкая рота форсировала реку Воронеж без единого выстрела с нашей стороны. Оказывается, в это время даже бойцы охранения ушли в тыл, на собрание. Такой сложился стиль: если комиссару полка надо поработать с агитаторами, он вместо того, чтобы идти в роты, собирал их у себя. Так же действовал секретарь комсомольского бюро.

«Нужно воспитывать любовь не к тылу, а к фронту, к переднему краю», — резонно подчеркивал Мехлис, критикуя политработников армии. Между тем начальника политотдела 141-й стрелковой дивизии больше двух недель не видели в полку, на участке которого немцы форсировали реку. Начальник политотдела другой, 160-й стрелковой дивизии, также предпочитал работать в тыловых частях, неделями не появляясь на переднем крае. Могут ли подобные политработники воспитать у подчиненных стойкость в бою, вселить в них мужество — риторически вопрошал корпусной комиссар.

Несвойственную ранее гибкость проявил он и в пропаганде приказа № 227. 19 сентября, то есть почти через два месяца после выхода приказа в свет, член ВС так ориентировал агитколлектив при политотделе 6-й армии: «По-иному сейчас нужно освещать и приказ тов. Сталина... Если мы в первое время акцентировали на том, что мы много потеряли в войне (на этом, как говорил ниже Мехлис, немцы спекулировали. — *Ю.Р.*) и нам нужно решительно отбросить самоуспокоенность и зазнайство, то сейчас мы должны сделать ударение на том, что этот приказ есть приказ победы над врагом»[1].

Возможность реализовать на более широкой базе свои представления о новых приоритетах в партийно-политической работе с учетом изменившейся обстановки Мехлису выпала очень скоро: 25 сентября постановлением ГКО он был назначен членом ВС Воронежского фронта. Любопытно, что представление к его назначению на эту должность Щербаков направил Сталину еще 9 июля. Но Верховный главнокомандующий лишь через два с половиной месяца пришел к выводу, что бывшему начальнику ГлавПУ РККА довольно играть вторые роли. Немногословно сообщил Лев Захарович эту более чем радостную весть жене: «Я переехал на другое место — немного севернее, чем был. На новой работе... Знакомлюсь с обстановкой, людьми...»

---

[1] РГАСПИ, ф. 386, оп. 1, д. 14, л. 51.

Но уже через неделю последовало новое назначение — на Волховский фронт. Театр военных действий был Льву Захаровичу отчасти знаком по выездам в качестве уполномоченного Ставки осенью и зимой 1941—1942 годов. Знал он и командующего фронтом генерала Мерецкова. «Дел у меня много, — писал Мехлис 28 октября. — Непочатый край работы. Все новые места, и приходится начинать с азов. Расстояния большие, очень большие. Надо больше разъезжать... Много выступаю на собраниях и митингах...»[1] Несмотря на усложнение решаемых задач, он наконец-то вздохнул спокойно: направление его на один из важнейших фронтов, который вместе с Ленинградским фронтом готовил прорыв блокады города на Неве, означало, что Сталин окончательно простил его.

И новоиспеченный генерал-лейтенант (а именно это воинское звание получил Мехлис с упразднением в конце 1942 года военно-политических званий в Красной Армии) стремился оправдать доверие. Имя вождя не сходило с уст нового члена ВС фронта. Чуть ли не каждый абзац доклада «О политической работе в наступательной операции», с которым он выступил 9 января 1943 года перед политработниками 2-й Ударной и 8-й армий, начинался со славословий Верховного главнокомандующего. Панегириками в тот же адрес уснащены и другие его выступления: превозносить вождя давно стало обязательным ритуалом.

Однако одновременно обращает на себя внимание и бóльшая, нежели раньше, критичность, деловитость суждений Льва Захаровича. Он обоснованно критиковал партполитаппарат за шаблон. К концу 1942 года обстановка на фронте кардинально изменилась, а многие политработники по-прежнему твердили в духе приказа № 227, актуального для лета — начала осени. Точно так же лозунг, что судьба войны решалась на юге, под Сталинградом, был неверен для Волховского, Воронежского и других фронтов: там он людей расслаблял.

Именно в период пребывания на Волховском фронте бывший начальник ГлавПУ изучал и обдумывал проблемы воинского воспитания, политической работы, причем куда пристальнее, чем раньше. Настольными книгами при этом оставались, конечно, сталинские труды, документы ЦК ВКП(б), приказы и директивы наркома обо-

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 75, л. 2.

роны и начальника Главполитуправления. Но не только. «С присвоением командных званий остро стал вопрос о повышении военной квалификации. Имею богатейший опыт. Надо его обогатить нашей военной наукой», — писал Лев Захарович жене, обращаясь с просьбой разыскать ему книги по военной психологии, «которые меня очень интересуют».

Интересовали в такой мере, что Мехлис не ограничивался только изучением специальной литературы, но и сам пытался «теоретизировать». «На войне плоть находит выражение в животном инстинкте — самосохранении, страхе перед смертью. Дух находит выражение в патриотическом чувстве защитника Родины. Между духом и плотью происходит подсознательная, а иногда и сознательная борьба. Если плоть возьмет верх над духом — перед нами вырастет трус. И наоборот», — так рассуждал он, говоря о путях укрепления наступательного духа воинов[1].

Лев Захарович в своих выступлениях постоянно обращался к примерам из военной истории, причем не только отечественной, но и Древнего Рима, Османской империи, Пруссии, нередко цитировал, правда, несколько однообразно, К. Клаузевица, Ф. Энгельса. Особое внимание, это явственно видно, уделял наследию А.В. Суворова, боевым традициям дореволюционной русской армии. Вслед за Сталиным он понял, каким животворным источником национального самосознания, чести и достоинства выступает в условиях войны обращение к славным боевым страницам прошлого, как упоенно черпают современники уверенность в победе в патриотических деяниях Александра Суворова и Федора Ушакова, Александра Невского и Михаила Кутузова. Многое упрощал, но и это был несомненный прогресс для человека, до этого черпавшего героический пафос почти исключительно из истории Гражданской войны.

В телеграмме в Главное политическое управление, благодаря за помощь в присылке кинофильмов, он одновременно жаловался, что картина «Суворов» получена в одном экземпляре: «А ее надо иметь экземпляров двадцать, ибо для воспитания солдата она незаменима». А притчу о том, как императрица Елизавета Петровна хотела поощрить стоявшего на часах юного Суворова за усердие, но будущий великий полководец отказался получить награду даже

[1] РГАСПИ, ф. 386, оп. 2, д. 2, л. 70.

из монарших рук, сославшись на запрет «Караульного устава», Лев Захарович считал столь наглядной для воспитания дисциплинированного бойца, что не раз рассказывал ее слушателям и потом, на других фронтах.

Проблемы поддержания высокой воинской дисциплины, судя по всему, очень беспокоили его, свидетельство чему — многочисленные следы размышлений на эту тему в бумагах Мехлиса. Прибыв на Волховский фронт, он с горечью отметил рост преступности как в целом, так и по отдельным, наиболее опасным, ее видам — измене Родине, дезертирству, членовредительству. Выступая перед работниками особых отделов НКВД фронта, член Военного совета не смог скрыть изумления перед феноменом довольно массового перехода на сторону врага: «Поражает, что за время этой тяжелой войны оказалось много предателей, что на первых порах боевых операций боеспособность наших частей оказалась не на должной высоте. Поражает то, что и до сих пор предательство — широко распространенное явление»[1].

В чем дело, задавался он вопросом. В партии все оппозиции (он выражался круче — «вражеская агентура») разгромлены, кулачество, как класс, ликвидировано, пятилетки преобразили страну, а предатели все равно есть. Почему? В поисках ответа верх в данном случае взяла привычка не углубляться в анализ причин коллаборационизма. По Мехлису, их всего две: «недостатки и ошибки наших карательных органов» и просчеты в пропаганде — мол, молодежь слабо знает, как жил народ до революции, да и разоблачение истинных планов фашистов в отношении СССР поставлено плохо. Не слишком ли узок взгляд на эту в высшей степени сложную проблему у политработника такого масштаба?

Переход на сторону врага, служба врагу — это неоднозначное политическое и социальное явление захватило в нашей стране сотни тысяч человек. Оно явилось следствием, по меньшей мере, ряда причин — крупных неудач на фронтах, националистических проявлений, социальной неудовлетворенности иных представителей ранее привилегированных классов, желанием людей, оказавшихся в окружении, сохранить свою жизнь. Наконец, для части наших соотечественников — острое неприятие сталинизма и поиск (трагиче-

---

[1] РГАСПИ, ф. 386, оп. 1, д. 16, л. 14, 16.

ски ошибочный) союзников в борьбе с ним в стане врага. Мехлис же готов был свести весь этот спектр, по сути, к одному: не все потенциальные враги выявлены и распропагандированы, уничтожены.

Вчитываешься в написанное бывшим начальником Главного политуправления, анализируешь его действия и видишь: нет у него однозначного ответа на вопрос, как укрепить дисциплину. С одной стороны, Льву Захаровичу, давным-давно уверовавшему в универсальность насилия, нелегко отрешиться от привычных установок на карательные меры. А с другой, не может он не отдавать себе отчет, что Отечественная война, подняв попутно какую-то пену, в массе советских людей востребовала лучшие патриотические качества. И надо только найти такие формы политической работы, которые этим качествам позволят раскрыться в полной мере.

«Чем более дисциплина расшатана, тем к большим деспотичным мерам приходится прибегать для ее насаждения... которые не всегда (подчеркнуто Мехлисом. — *Ю.Р.*) дают положительные результаты», — как-то записал он. «Командира... надо обучать быть требовательным к подчиненным, быть властным. Тряпка-командир дисциплины держать не будет». «Но командир... должен быть справедливым отцом бойца. Не допускать незаконных репрессий, рукоприкладства, самосудов и сплошного мата». «Подчинять людей, не унижая их»[1], — добавил позднее. Очень знаменательное признание для человека, который долгое время иных средств наведения должного воинского порядка, кроме карательных, по сути, не признавал.

«ЕГО БОЯТСЯ, НЕ ЛЮБЯТ, БОЛЕЕ ТОГО — НЕНАВИДЯТ»

Выходит, правомерно видеть в его взглядах и деловом стиле определенную эволюцию? Не будем очень торопиться: учить других любым правилам легче, чем самому следовать им. Подлинный воспитатель людей — командир ли, политработник — непременно заботится об авторитете в глазах подчиненных. Настоящий, примером добросовестного исполнения своего долга заработанный авторитет, уважение людей — мощный фактор воздействия на них. Похоже, Мехлис это понимал, но на практике демонстрировал далеко не всегда.

---

[1] РГАСПИ, ф. 386, оп. 1, д. 15, л. 25, 26; д. 27, л. 18, 29.

В сентябре 1943 года в войсках Брянского фронта работал корреспондент «Красной звезды» майор В. Коротеев. Чего же надо было наслушаться рядовому журналисту, чему стать свидетелем, чтобы решиться на письмо в адрес секретарей ЦК партии Маленкова и Щербакова, полностью посвященное отношению в войсках фронта к Мехлису. «Его боятся, не любят, более того, ненавидят, — заявлял Коротеев. — Происхождение этой неприязни вызвано, видимо, крутыми расправами т. Мехлиса с командирами на юге, на Воронежском и Волховском фронтах, известия о которых распространились по-видимому в армии и о которых здесь, на Брянском фронте, тоже знают».

Корреспондент привел несколько фактов, подтверждающих, что крутой нрав, резкость, безапелляционность Мехлиса и здесь цвели пышным цветом. Некоторые из фактов для любого другого политработника такого уровня были бы просто убийственны. «Каждую смену в командном или политическом составе на Брянском фронте, наверное, не без оснований, приписывают новому члену Военсовета. В первые дни приезда т. Мехлиса сюда был заменен зам. начальника штаба фронта полковник Ермаков. Ермаков пользовался большим уважением у людей, как умный и опытный, по-настоящему обаятельный командир, который умел организовать порядок в штабе...

На место Ермакова был поставлен полковник Фисунов — бывш[ий] секретарь т. Мехлиса. По мнению командиров, которое надо разделить, после замены Ермакова порядка в штабе ничуть не прибавилось, т.к. заботы Фисунова главным образом касаются Военторга».

Такие примеры не единичны, люди запуганы, подчеркивал Коротеев, признаваясь, как нелегко было ему решиться на письмо и что он единственно стремился раскрыть глаза руководству, «чтобы ЦК нашей партии, тов. Сталин знали бы это настроение командиров и политработников по отношению к генералу Мехлису»[1]. Наивный корреспондент, будто для них это было тайной.

Насколько известно, никакой реакции на это письмо не последовало, а оно само, получив гриф «особая папка», осело в Кремлевском архиве. Такого рода сигналы в «верхах» воспринимали скорее как подтверждение правильности линии Мехлиса. Например,

[1] АПРФ, ф. 55, оп. 1, д. 29, л. 70—72.

П.А. Горчаков, после войны выросший в крупного политработника Вооруженных сил, а тогда начальник политотдела стрелковой дивизии, услышал о Льве Захаровиче от начальника ГлавПУ Щербакова буквально следующее: «Это строгий, требовательный, порой даже резкий партийный руководитель. О нем много говорят. Сами понимаете, не всем требовательность приходится по вкусу»[1].

Не зря говорят, что худая слава впереди человека бежит. И не зря на Брянском фронте говорили о расправах члена ВС с командно-политическими кадрами на прежнем месте службы. Преувеличений тут не было. Едва прибыв на Волховский фронт, он тут же снял с должности начальника политотдела тыла 2-й ударной армии старшего батальонного комиссара В.П. Попова: выяснилось, что тот вроде бы не доводит до личного состава приказы и директивы начальника ГлавПУ РККА. Та же участь постигла заместителей по политчасти командиров 310-й и 376-й стрелковых дивизий полковых комиссаров С.И. Шаманина и Д.П. Ланкова.

Бывали, конечно, и исключения. Когда Мехлис узнал о перебоях с хлебом в 37-й и 38-й лыжных бригадах, то дал начальнику тыла фронта генерал-майору интендантской службы Л.П. Грачеву указание виновных «немедленно снимать с постов и судить», а всех предупредить, «что любители играть на желудках солдат будут отвечать своей головой»[2]. Реакция столь быстрая и суровая, сколь необходимая. Таковой она была и тогда, когда в 54-й армии выявили серьезные нарушения постановления ГКО от 18 мая 1942 года о приеме, учете, хранении и распределении подарков трудящихся, за что многие должностные лица были привлечены к уголовной и дисциплинарной ответственности.

Но, увы, исключения не меняли правила. Периодически перетряхивать кадры без учета реальной пользы от этой меры — такой соблазн Мехлис никак не мог преодолеть. И здесь он руководствовался совсем не теми сентенциями, что отразились в его записях.

Для принятия решения о судьбе того или иного командира, политработника надо, по меньшей мере, иметь четкое представление о деловых, нравственных качествах человека. Что ж, Лев Захаро-

---

[1] *Горчаков П.А.* Время тревог и побед. М., 1977. С. 169.

[2] ЦАМО, ф. 204, оп. 83, д. 155, л. 77—77об.

вич тоже изучал кадры. Но как? Об уровне такого «изучения» дают представление пометки из его записной книжки.

Вот лишь несколько выдержек: «2-я Ударная. Визжелин — н[ачальни]к штаба. В такой обстановке работать не хочу, ком[андующий] не руководит, мне подставили негодн[ых] людей, я сегодня застрелюсь. Соколов (командарм. — *Ю.Р.*) назвал начшт[аба] сволочью. Поругались Соколов с начштабом... Н[ачальни]к штаба говорит, что С[еколо]в самодур. Н[ачальни]к оперативного отдела подпол[ковник] Лесков — никчем[ный] человек». И тому подобное.

Сведения, больше смахивающие на банальные слухи и сплетни, дополнялись политическими ярлыками, что делало их по-настоящему опасными для тех, кто стал объектом изучения. Например: «59 А. (армия. — *Ю.Р.*) Нач[альни]к политотдела Токарев — бывший эсер. Робко подходит ко всем вопросам. Не воевал...»[1] Нередки уточнения типа «сын духовного лица», «бывший меньшевик (эсер)», «семья на оккупированной территории» и т.п. И почти всегда служебную карьеру, а подчас и дальнейший жизненный путь человека решали они, а не деловые и личные качества.

Нередко бывший начальник Главного политуправления по укоренившейся привычке рубил сплеча. Будучи членом Военного совета 6-й армии, он заподозрил командира 19-й железнодорожной бригады полковника А.Н. Ткачева во вредительстве на том основании, что офицер, исходя из боевой обстановки, подорвал мосты через Дон. Его с трудом удалось убедить, что только эта мера и не позволила фашистам форсировать реку[2].

Выразительный случай привел в своих воспоминаниях командир 108-й стрелковой дивизии в годы войны генерал-майор П.А. Теремов, его свидетелем он стал на НП командующего 50-й армией генерал-полковника И.В. Болдина. Командарм вместе с членом ВС Брянского фронта Мехлисом наблюдали за нашими бомбардировщиками, двигавшимися к линии фронта. Обрушивая бомбовый груз на вражеские позиции, самолеты ложились в пике и скрывались из виду за верхушками деревьев. Неожиданно Мехлис заявил, что они бомбят свои части. Болдин возразил: дескать, наверняка

---

[1] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 116, л. 305, 307.

[2] *Кабанов П.А.* Стальные перегоны. М., 1973. С. 138.

утверждать нельзя, поля боя-то не видно. Нет, стоял на своем член Военного совета. И тут же приказал: ведущего судить, остальных летчиков отстранить от полетов.

По указанию Болдина автор воспоминаний быстро направился в 413-ю стрелковую дивизию, наступлению которой помогали авиаторы. Только оперативный доклад ее командира на НП командующего армией о том, что летчики отбомбились отлично, спас их от трибунала[1].

Было бы несправедливым скрыть от читателя, что в нашем распоряжении есть и иные мнения о личных и деловых качествах Мехлиса. В октябре того же 1943 года к нему обратился член Военного совета 63-й армии Запорожец с просьбой поддержать его ходатайство о переводе с Центрального фронта на Брянский, в непосредственное подчинение к Льву Захаровичу. В свое время, напомним, Запорожец сменил Мехлиса на посту начальника Главного управления политпропаганды, но потом пошел «на снижение» — стал членом Военного совета фронта, а позднее — уже и армии. Ностальгия по былой власти или какие-то другие мотивы водили рукой Александра Ивановича, но на елейные слова он не поскупился: «Стиль вашей работы, отношения к людям, умение спаять коллектив и на него опираться — крепко требовать и чутко относиться — это стиль сталинской работы, и у вас, Лев Захарович, я... многому научился...

Очень прошу вас, Лев Захарович, возьмите меня отсюда, потому что меня здесь будут еще раз гробить...»[2]

Высоко, как «умного, энциклопедически образованного, очень энергичного, но вспыльчивого и самолюбивого» человека, оценивал его начальник ПУ Волховского фронта К.Ф. Калашников[3].

Выходит, находились люди, верившие в покровительство нашего героя и довольные работой под его руководством.

Определенный отпечаток на кадровую политику Мехлиса наложило упразднение в Красной Армии института военных комиссаров и установление полного единоначалия. Конечно, Мехлису нелегко было переломить себя, пересмотреть укоренившиеся еще с времен

---

[1] *Теремов П.А.* Пылающие берега. М., 1965. С. 47.

[2] РГАСПИ, ф. 386, оп. 1, д. 51, л. 2.

[3] *Калашников К.Ф.* Право вести за собой. М., 1981. С. 78.

Гражданской войны представления о подавляющей роли комиссара. Он всеми силами противился ликвидации этого института.

Как вспоминал главный маршал артиллерии Воронов, Щербакову и Мехлису стало известно содержание донесения, которое он послал Сталину под впечатлением увиденного под Сталинградом в августе 1942 года. «Я докладывал Верховному, — писал Николай Николаевич, — что нужны весьма срочные меры для поднятия авторитета командиров, чтобы они могли полностью, единолично отвечать за все хорошее и плохое... Нужно признать, что разветвленный институт военных комиссаров в армии на данном этапе является простым переносом в современную армию давнишнего и устаревшего опыта гражданской войны 1918—1921 гг. Необходимо как можно скорее перейти к единоначалию». По свидетельству Воронова, настоящий и бывший начальники Главного политуправления решительно возражали против этого. А когда решение все же состоялось, Мехлис в кругу своих приближенных отзывался о Воронове не иначе, как о «ликвидаторе комиссаров».

В силу партийной дисциплины он, однако, вынужден был предстать поборником введения единоначалия. Оформивший это решение указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года он публично назвал «основной вехой» в той реорганизации Вооруженных сил, которую Ставка проводила по ходу войны. На совещании заместителей командиров полков по политчасти Волховского фронта в начале января 1943 года он даже призвал «несколько посторониться перед нашим командиром, дать ему ход, дать ему возможность быстрее и тверже почувствовать себя полновластным командиром-единоначальником»[1]. Несколько непривычно для него, но факт: член Военного совета фронта даже взял под защиту тех из командиров, кого «по самому пустяковому поводу, по случайной обмолвке» привлекали к партийной ответственности. «Разве мы так воспитаем единоначалие?» — сакраментально вопрошал он.

В отношении командных кадров у него со временем появилась характерная черта: он мог допустить снисхождение к офицеру ротного, полкового звена и за редким исключением ничего не спускал первым должностным лицам дивизий, корпусов, армий.

---

[1] РГАСПИ, ф. 386, оп. 2, д. 2, л. 90.

10 - 3181

На Волховском фронте, например, он вступился за бывшего командира полка Колесова, безосновательно привлеченного к партийной ответственности. А по ходатайству главного хирурга фронта профессора А.А. Вишневского добился ордена для майора медслужбы Берковского, которого незаслуженно обходили наградами. На Западном фронте он активно способствовал восстановлению в прежней должности заместителя командира 91-й гвардейской стрелковой дивизии по тылу подполковника интендантской службы И.В. Щукина.

С другой стороны, на том же Западном фронте за пьянство в 8-й гвардейской артиллерийской бригаде по настоянию Мехлиса были строго наказаны командир и начальник политотдела. Причем политработник — сильнее: его сняли с должности. Не погладили по голове и командира 222-й Смоленской стрелковой дивизии генерал-майора Ф.И. Грызлова, когда член Военного совета фронта узнал, что комдив злоупотребляет награждениями подчиненных, особенно женщин-медработников. Приказом по фронту Грызлову объявили выговор, при этом наркому обороны ушло ходатайство о снятии его с должности.

...А КОМАНДУЮЩЕГО — «В КАРМАН»

Чем выше пост — тем больший спрос. Это неплохой принцип действий для руководителя, если, конечно, при этом ему не изменяет объективность. А вот это утверждать в отношении Мехлиса едва ли возможно. В своих отношениях с руководящим составом фронтов, где Льву Захаровичу довелось служить, он явно не мог отрешиться от прежних привычек, появившихся вследствие огромной власти, которой был ранее наделен.

Правда, неудача в Крыму — эту точку зрения высказывал маршал Мерецков, — видимо, убедила Мехлиса в том, что военным искусством он не владеет, и потому он сосредоточился на политработе и организации снабжения фронта всем необходимым. Это у него получалось куда лучше, и, скажем, в подготовку операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда он внес немалый вклад.

На Брянском фронте перемены в нем отметил и генерал А.В. Горбатов, командующий 3-й армией. Их знакомство с Мехлисом началось с острого конфликта еще в Москве осенью 1941 года. Тем

впечатляюще прозвучало для Александра Васильевича признание члена Военного совета, о котором Горбатов пишет так: «Когда мы уже были за Орлом, он вдруг сказал:

— Я давно присматривался к вам и должен сказать, что вы мне нравитесь как командарм и как коммунист. Я следил за каждым вашим шагом после вашего отъезда из Москвы и тому, что слышал о вас хорошего, не совсем верил. Теперь вижу, что был не прав...

После этого разговора Л.З. Мехлис стал чаще бывать у нас в армии, — продолжал Горбатов, — задерживался за чаепитием и даже говорил мне и моей жене комплименты, что было совершенно не в его обычае»[1].

Членом ВС Брянского фронта летом 1943 года он участвовал в Курской битве, за что был удостоен первого для него за годы войны ордена Красного Знамени. 2-й Белорусский фронт остался ему памятным участием в операции «Багратион» и полководческим орденом Кутузова 1-й степени. С июля 1944 года на плечах Мехлиса появились погоны генерал-полковника, чем даже по окончании войны могли похвалиться лишь единицы из числа равных ему по служебному положению. Не будем забывать, что он продолжал оставаться членом Оргбюро ЦК коммунистической партии, до мая 1944 года — заместителем председателя Совнаркома СССР. Все это также выделяло его в кругу не только членов военных советов, но и командующих фронтами, высших военных чинов центрального аппарата.

Бывшему замнаркома и начальнику Главного политического управления было очень трудно склонять голову перед кем-либо, исключая разве что Сталина. Его властная, необузданная натура то и дело давала о себе знать. Из мемуаров Мерецкова известен, например, факт грубого скандала, устроенного Львом Захаровичем представителю Ставки ВГК на северо-западном направлении маршалу Ворошилову. О похожем случае вспоминал главный маршал артиллерии Воронов, как представитель Ставки бывший в июле 1943 года на Брянском фронте. В день начала наступления фронта 12 июля Мехлис «стремительно налетел» на него, обвиняя в чрезмерном расходе боеприпасов, в том, что артиллерия осталась без снарядов. «Мой переход в контрнаступление оказался более эффективным, —

[1] *Горбатов А.В.* Годы и войны. Изд. 2-е, М., 1989. С. 225.

вспоминал Воронов. — Я предложил навести порядок с доставкой боеприпасов, оставленных на старых огневых позициях».

Распекать, выражать недовольство, подчас вовсе без оснований для этого, было своего рода привычкой у Льва Захаровича. Весьма возможно, таким образом он подчеркивал свою принципиальность, взыскательность, пытался убедить окружающих, что эти качества присущи ему независимо от поворота его карьеры. Генерал армии Хрулев, начальник Тыла Красной Армии, немало повидавший со стороны Мехлиса несправедливости, вспоминал, как держали себя члены военных советов фронтов в случае каких-то недостатков в работе тыловых органов. Большинство из них, в том числе члены Политбюро ЦК партии Хрущев и Жданов, имевшие прямой выход на Сталина, не обращались к нему по каждому поводу, а стремились разобраться в ситуации сами. Но вот двое — Булганин и Мехлис — отличались иными «талантами»: зная, насколько болезненно Верховный реагирует на подобную информацию, не упускали случая первыми преподнести ему «сенсационную» весть. Правда, нередко попадали при этом впросак.

Хрулев приводит пример, когда на одном из совещаний с участием командующих и членов ВС фронтов Сталин задал вопрос, есть ли у кого претензии к материальному обеспечению. Промолчали все. «Только Мехлис сказал, — вспоминал мемуарист, — что тыл очень плохо работает, не обеспечивает войска полностью продуктами...» Гневный Сталин тут же вызвал на совещание Хрулева, предложил объясниться. Начальник тыла осмелился поинтересоваться, кто жалуется и на что. «А как вы сами думаете?», — последовал встречный вопрос.

Хрулев пишет далее: «Отвечаю: “Скорее всего, это Мехлис”. Как только я произнес эти слова, в кабинете раздался взрыв хохота». Он еще более усилился, когда по требованию Верховного главнокомандующего Мехлис изложил суть претензий: «Вы все время нам не отпускаете лавровый лист, уксус, перец, горчицу». Тут и Сталину стала ясна вздорность претензий Льва Захаровича[1].

Складывается впечатление, что Мехлису подчас нечем было заняться. «Я знал его давно, — пишет Давид Ортенберг, — человек с бешеной энергией, неутомимый. А здесь, на фронте, он был другим.

---

[1] *Хрулев А.В.* Испытание войной. С. 26.

Бывало, я заезжал на КП фронта, вижу, он отдыхает: заводит пластинку с одной и той же песней раз десять! Это ли Мехлис?!»[1]

Что действительно увлекало его, так это перетягивание каната власти с командующими и другими высокопоставленными должностными лицами фронтов. Это малодостойное занятие, словно своеобразная лакмусовая бумажка, показывает видение Мехлисом тех функций, которыми наделялся такой политический институт, как члены военных советов. При этом речь идет о функциях неписаных, в руководящих документах не зафиксированных, но на практике бытовавших при активной поддержке партийной верхушки.

Военные советы как коллегиальные органы военного руководства действовали в годы войны обычно в составе трех лиц: командующего войсками фронта (армии) — председатель, первого и второго членов совета. Первый член Военного совета — а именно на этом посту находился Мехлис — должен был заниматься оперативными вопросами, вместе с командующим подписывать все оперативные документы, приказы и донесения в Ставку. Он также непосредственно руководил политическим управлением (отделом), контролировал деятельность военных прокуратуры и трибунала. Второй член Военного совета курировал тыловые структуры.

На поверку выходит, что многие функции носили формальный характер. Подпись под оперативными документами была для членов военных советов скорее символическим актом, поскольку отсутствие должной военной квалификации (бывшие партийные функционеры, они не являлись профессионалами военного дела) не позволяло им плодотворно участвовать в отработке оперативных документов. В этих условиях наиболее реалистично мыслившие и самокритично оценивавшие себя члены ВС хотя бы не вмешивались в функции командующих. Самонадеянные же пытались самостоятельно управлять войсками и, в абсолютном большинстве случаев, неудачно.

Можно было бы сосредоточиться на руководстве политической работой. Но во фронтовом, армейском звене имелась самостоятельная должность начальника политуправления, политотдела, который на практике и возглавлял работу этого органа. На долю члена ВС оставался, таким образом, лишь общий надзор, необходимость

---

[1] *Ортенберг Д.И.* Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. С. 182.

которого чаще всего оказывалась сомнительной. На практике наблюдался вредный для дела параллелизм, дублирование функций (не случайно после войны член ВС военного округа стал одновременно и начальником политуправления). Военная прокуратура и трибунал также имели своих руководителей, и здесь роль члена ВС сводилась, по сути, к отдаче общих директив и политическому контролю.

Разумеется, любые положения, инструкции определяют лишь общую линию. Конкретное наполнение пунктов и параграфов дает живая практическая деятельность. На практике же, несмотря на то, что военными советами по положению руководили командующие, Лев Захарович пытался брать эту функцию на себя. Ему с трудом удавалось преодолевать соблазн, как еще после финской кампании метко выразился Сталин, класть командующего к себе в «карман» и распоряжаться им, как вздумается.

События войны, разумеется, не могли не изменить кое-что в Мехлисе. Но что-то в нем, наоборот, консервировалось, прочно закреплялось. Например, как до 1941 года, как в Крыму зимой и весной 1942 года, так и теперь в его отношениях с командующими фронтами обычными были неуживчивость, мнительность, интриги, стремление подмять, подчинить себе. Хотя оснований для лидерства, по общему признанию, у него было немного.

«Это был человек честный, смелый, но склонный к подозрительности и очень грубый». «Он воспринимал все весьма упрощенно и прямолинейно и того же требовал от других. Способностью быстро переориентироваться в часто меняющейся военной обстановке он не обладал и наличие этой способности у других рассматривал как недопустимое по его понятиям "применение к обстоятельствам"», — так характеризовал своего члена Военного совета командующий Волховским фронтом Мерецков[1].

Ему вторит генерал армии Горбатов: «Л.З. Мехлис... был неутомимым работником, но человеком суровым и мнительным, целеустремленным до фанатизма, человеком крайних мнений и негибким, — вот почему его энергия не всегда приносила хорошие результаты». Человеком крайне необъективным, не гнушающимся наветов на командующего, считал Мехлиса и генерал армии С.М. Штеменко,

---

[1] *Мерецков К.А.* На службе народу. С. 320—321.

говоря о еще более позднем периоде — бытности Льва Захаровича на 2-м Белорусском фронте.

Имеются и другие подобные свидетельства, заставляющие сделать один вывод: чему-чему, а нормальному стилю взаимоотношений с высшими должностными лицами фронтов Мехлиса даже Крым не научил. А поскольку на сей раз фронтовая судьба сводила его с людьми не чета безвольному генералу Козлову, то открытому, принципиальному разговору с ними член Военного совета, как правило, предпочитал приватный доклад Сталину.

Вот что рассказывал в 1965 году Маршал Советского Союза Конев писателю Константину Симонову. При назначении на Степной военный округ (который был стратегическим резервом Ставки в предвидении Курской битвы) Сталин вдруг заинтересовался, как Иван Степанович оценивает начальника штаба генерала М.В. Захарова. Конев положительно отозвался о Захарове, его поддержал и присутствовавший при разговоре маршал Жуков. «Тогда Сталин расхохотался, — продолжал рассказ И.С. Конев, — и говорит:

— Ну вот, видите, какие мнения — высоко оцениваете его, хороший начальник штаба, а Мехлис поставил вопрос о его снятии, о том, что он ему не доверяет.

Так... я узнал, — заметил маршал, — еще об одном очередном художестве Мехлиса».

Всего около трех месяцев пробыл Лев Захарович в Степном военном округе. Конев оказался ему явно не по зубам, ибо Иван Степанович и сам отличался железной волей, могучим характером, да и лезть в карман за крепким словом труда не испытывал.

Страсть Мехлиса к интригам это, однако, не остудило. Он широко пользовался доверительными отношениями с Верховным главнокомандующим. «От Сталина он никогда ничего не скрывал, — свидетельствовал Мерецков. — Сталин это знал и поэтому доверял ему. В результате, если Мехлис о чем-нибудь писал Верховному главнокомандующему, ответные меры принимались весьма быстро». Это действительно было так. Но если маршал в подтверждение своей мысли ссылается, в общем-то, на частный факт с быстрой присылкой на фронт офицерских погон после вмешательства члена ВС, то мы располагаем куда более выразительными примерами.

Именно по прямым личным посланиям Льва Захаровича в апреле 1944 года был снят с должности и назначен с понижением ко-

мандующий Западным фронтом генерал армии В.Д. Соколовский. А уже в июне того же года — его преемник командующий 2-м Белорусским фронтом генерал-полковник И.Е. Петров.

После письма Мехлиса в адрес Верховного главнокомандующего в войска Западного фронта прибыла чрезвычайная комиссия Ставки ВГК, которая выясняла причины неудач в наступательных операциях конца 1943-го — начала 1944 года. Здесь были действительно допущены серьезные провалы: ни одна из одиннадцати наступательных операций не принесла успеха, несмотря на большие потери. Тем не менее комиссия, которую возглавлял член ГКО Маленков, в основном разбиралась не в существе дела, а искала виновных в соответствии с готовыми установками Сталина. Последние же сформировались на материалах доклада Мехлиса.

И полетели головы, посыпались взыскания. За «неудовлетворительное руководство фронтом» должности лишился генерал Соколовский. Досталось и генерал-лейтенанту Булганину, к этому времени уже несколько месяцев, как покинувшему фронт. В приказе Ставки ВГК от 12 апреля 1944 года ему объявлялся выговор — обратим особое внимание — «за то, что он будучи длительное время членом военного совета Западного фронта, не докладывал Ставке о наличии крупных недостатков на фронте»[1].

Любопытно, что, очевидно, в обвинительном раже члены комиссии Маленкова в докладе Сталину, на основе которого были приняты постановление ГКО и процитированный выше приказ Ставки, такое же взыскание предлагали объявить Мехлису. И за ту же самую вину: мол, не докладывал Ставке. В тексте приказа от 12 апреля этого пункта, однако, уже нет: здесь, видимо, не обошлось без вмешательства вождя. Он-то знал, что доклад был и, вероятно, посчитал «негуманным» дать своему верному информатору на себе ощутить, что стоит за народной мудростью: доносчику — первый кнут.

Член Военного совета Западного (точнее — после упомянутого приказа Ставки — вновь образованного 2-го Белорусского) фронта Мехлис этот импульс воспринял должным образом. Выступая перед командно-политическим составом фронта, он подобострастно заявил буквально следующее: решение Ставки ВГК и ГКО «со сталинской прямотой вскрывает порочный стиль в руководстве войсками и

---

[1] АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 481, л. 67.

операциями», «командование Западным фронтом не любило вскрывать ошибки, замазывало их». Словно и не он сам больше четырех месяцев входил в это командование. Входить-то входил, но до поры до времени молчал, накапливая факты.

Крайне отрицательные отзывы дал член ВС начальнику артиллерии Западного фронта генерал-полковнику артиллерии И.П. Камере и командующему 33-й армией генерал-полковнику В.Н. Гордову. «Стиль работы — штаб по боку. Болтовня и разглашение тайны по телефону», «ненависть к политсоставу и чекистам» — после таких оценок оба генерала были отозваны с Западного фронта.

Получив явное одобрение вождя (иначе комиссия Ставки не сработала бы в точности по рецептам Мехлиса), Лев Захарович с новыми силами взялся надзирать за командующими. И докладывал, докладывал... Дважды за неполный год по его сигналам снимали с должности генерала Петрова.

Впервые это произошло всего спустя полтора месяца, как Иван Ефимович стал командующим 2-м Белорусским фронтом. Свет на обстоятельства дела проливает в своих мемуарах генерал Штеменко: «Замена И.Е. Петрова была произведена по личному распоряжению И.В. Сталина. Однажды, когда мы с Антоновым (первый заместитель начальника Генштаба. — *Ю.Р.*) приехали в Ставку с очередным докладом, Верховный Главнокомандующий сказал, что член Военного совета 2-го Белорусского фронта Л.З. Мехлис пишет ему о мягкотелости Петрова, о неспособности его обеспечить успех операции ("Багратион", по освобождению Белоруссии. — *Ю.Р.*). Мехлис доложил также, что Петров якобы болен и слишком много времени уделяет врачам. Для нас, — подчеркивает Штеменко, — это оказалось полной неожиданностью. Мы знали Ивана Ефимовича как самоотверженного боевого командира, целиком отдающегося делу, очень разумного военачальника и прекрасного человека»[1].

Насколько Петров оказался выше духом своего визави, он показал тут же. «Учитывая психологическое состояние И.Е. Петрова, можно было ожидать, — пишет далее Штеменко, — что он в своем докладе (во время процедуры его смены генералом Г.Ф. Захаровым. — *Ю.Р.*) не поскупится на мрачные краски, допустит преуве-

---

[1] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. Изд. 2-е. Кн. 1. М., 1985. С. 291—292.

личение трудностей... Но ничего подобного не случилось... Петров докладывал правдиво. Для него и в данном случае превыше всего были интересы дела, а личная обида отодвигалась на задний план».

Так случилось, что Мехлис с Петровым вновь встретились на 4-м Украинском фронте. Сталин не забывал, что в свое время тот немало наговорил ему плохого о бывшем командующем. Спрашивается, зачем же тогда надо было направлять Льва Захаровича именно на этот фронт, растравляя старый конфликт? Из принципа: разделяй и властвуй? Да, именно так. Время показало, что Сталин, определяя пригодность Петрова, как военачальника, больше прислушивался не к подлинным авторитетам, а к тому же Мехлису.

Во время наступления в Карпатах в сентябре 1944 года Верховный послал на действовавшие по соседству 1-й и 4-й Украинские фронты маршала Жукова, чтобы ускорить продвижение наших войск. Одновременно он поручил узнать, насколько сработались командующий 4-м Украинским фронтом и член Военного совета. Жуков высоко оценил профессиональные качества командующего. Доложил также: «С Мехлисом Петров работает дружно, и Петров никаких претензий к Мехлису не имеет». Штеменко добавляет от себя: «Эта приписка маршала была свидетельством величайшей личной чистоты и терпимости Ивана Ефимовича Петрова, который разобрался в Мехлисе, понял, если можно так сказать, особые черты его характера и нашел в себе силы сотрудничать с ним, как того требовали долг и совесть коммуниста».

За развитием отношений двух руководителей 4-го Украинского фронта имел возможность наблюдать такой тонкий психолог и проницательный человек, как Константин Симонов. Он сопровождал командующего фронтом и члена Военного совета при их совместных выездах в штабы 1-й гвардейской и 38-й армий, наблюдал их в быту. На первый взгляд, в их отношениях не было чего-то необычного, даже в мелочах.

Вот, например, идет обед в штабе генерала А.А. Гречко. «Мехлис с абсолютно неожиданной для меня ловкостью взял бутылку водки, обил о стену сургуч и, стукнув ладонью по дну, выбил пробку.

— По вашему методу, — сказал он Петрову.

— Но с нововведением, — сказал Петров, — о стенку сургуч — это уж вы сами.

Когда на столе появился обед, Мехлис сказал, что для экспромта это великолепно.

— У Гречко экспромтов не бывает, — усмехнувшись, сказал Петров».

Но тишь и гладь оказывалась только на поверхности. «Несмотря на внешнюю вежливость и корректность в их отношениях, несмотря на выдержку Мехлиса, я чувствовал, — вспоминал Симонов, — что где-то в глубине души эти люди не слишком хорошо относятся друг к другу, и причем по деловым причинам.

Петров, видимо, не хотел ни малейшего вмешательства Мехлиса в оперативные дела и, подчеркивая это, почти никогда, даже из вежливости, не обращался к нему за советами по этим вопросам. А Мехлис, как я это заметил еще раньше, кажется совершенно сознательно, подчеркнуто устранился от всякого участия в решении оперативных вопросов»[1].

Устраниться-то устранился, но компромат накапливал. И очень скоро пустил его в ход. Как и на 2-м Белорусском фронте, Петров не без участия «бдительного» члена Военного совета в марте 1945 года был от должности командующего освобожден. Причем в обоснование своей позиции Лев Захарович вновь напирал на «болезненность» генерала Петрова.

О технике действий члена Военного совета фронта рассказал в своих воспоминаниях бывший командующий 38-й армией, входившей в состав 4-го Украинского фронта, Маршал Советского Союза К.С. Москаленко. В середине марта 1945 года, когда обозначились затруднения с только что начавшейся Моравско-Остравской наступательной операцией, его вызвали на командный пункт фронта. В ходе беседы Петрова и Мехлиса с Москаленко о причинах заминки член Военного совета записал соображения командарма и через голову командующего передал их в Москву по телеграфу. Ставка срочно потребовала от Петрова доклад. В тот же день, 17 марта, на фронт пришла следующая телеграмма за подписью Сталина и начальника Генштаба генерала армии А.И. Антонова:

«Лично Петрову и Мехлису.

---

[1] *Симонов К.М.* Разные дни войны. В 2-х томах. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1978. С. 568, 711.

Ставка Верховного Главнокомандования считает объяснения генерала армии Петрова от 17.3.1945 г. неубедительными и указывает:

1. Командующий фронтом генерал армии Петров, установив неполную готовность войск фронта к наступлению, обязан был доложить об этом Ставке и просить дополнительное время на подготовку, в чем Ставка не отказала бы. Но генерал армии Петров не позаботился об этом или побоялся доложить прямо о неготовности войск.

Член Военного совета фронта генерал-полковник Мехлис сообщил в ЦК ВКП(б) о недочетах в подготовке и организации наступления только после срыва операции, вместо того, чтобы, зная о неполной готовности войск, своевременно предупредить об этом Ставку...»

Ставка «последний раз» предупредила командующего фронтом. А через неделю, хотя дела на 4-м Украинском пошли куда лучше, Петров отправился к новому месту службы — начальником штаба 1-го Украинского фронта. Симонов оставил запись разговора с членом ВС, состоявшегося у них в это время. На замечание писателя, что Иван Ефимович — очень хороший человек, последовало: «Да, — сказал Мехлис с какой-то особенно сухой нотой в голосе. И мне показалось по этой ноте в голосе, что он принуждает себя быть объективным. — Он добрый и общительный человек. Он, это безусловно, один из лучших у нас специалистов ведения горной войны. Это он знает лучше многих других. Может быть, даже лучше всех. Но он болезненный человек. Знаете вы это?

— То есть как — болезненный? — переспросил я.

— Так вот. Бывают болезненные люди, но... — Мехлис на секунду остановился. — Но мы об этом с вами поговорим при других обстоятельствах».

К этой теме собеседники не вернулись, иначе мы узнали бы более подробно об иезуитстве Льва Захаровича. Характерно, что он все же не утерпел и поинтересовался, какой именно разговор состоялся у Симонова с Петровым перед отъездом последнего с фронта. «В вопросе Мехлиса “что он вам говорил?” я почувствовал желание узнать, — вспоминал писатель, — какие чувства испытывает Петров после своего снятия и не считает ли, что обязан этим снятием ему, Мехлису». В народе по такому случаю говорят: знает кошка, чье мясо съела.

Что касается самого члена ВС, то о его освобождении от должности и речи не было, хотя, как видим, упрек в запоздалом докладе «наверх» он все же заработал.

Под напором таких фактов рушатся расхожие, благодаря усилиям официальной советской пропаганды, представления о предназначении членов военных советов. За велеречивыми формулировками о них, как «представителях партии в Вооруженных Силах», во многих случаев скрывалась практика негласного контроля командующих и других должностных лиц фронтов и армий. В сущности, сохранялась, правда, несколько видоизмененной, система, уходящая корнями в Гражданскую войну, когда к командиру-военспецу приставлялся комиссар для гласного надзора и контроля. Теперь такой надзор не афишировался, но даже переход к единоначалию в 1942 году не смог сломать этой системы. С точки зрения политической верхушки страны никакое должностное положение командира-единоначальника не освобождало его от политического надзора. И горе было тому члену Военного совета, который этой, неписано возложенной на него функцией, пренебрегал. Усердие же здесь весьма поощрялось. Так что у генерала армии М.А. Гареева есть немалые основания для высказанной им точки зрения, что членам военных советов ставились в вину не упущения в воспитании личного состава, не низкое состояние наступательного духа войск, не провалы операций и даже не большие потери, а *«несвоевременные доносы, что, оказывается, считалось их главной функцией»* (курсив Гареева. — *Ю.Р.*)[1].

Может, правда, возникнуть вопрос: а так ли уж заслуживает Мехлис порицания? Ведь право военнослужащего доложить свою точку зрения вышестоящему командованию прямо предусмотрено воинскими уставами. Информировать ЦК ВКП(б) Льва Захаровича обязывал и устав партии. Но в том-то и дело, что даже в обстановке того нелегкого времени, с 30-х годов пропитанной подозрительностью и недоверием, многие командиры и политработники, командующие и члены военных советов строили свои взаимоотношения на принципиальной основе, разногласия преодолевали в открытую, ответственность за вину — действительную или приписанную по воле руководства — делили поровну. Мехлис же предпочитал закулисную

[1] *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. М., 1995. С. 201.

игру, свою личную неприязнь к оппоненту умело драпировал показным беспокойством интересами дела. Будучи человеком негибким, к тому же уступая большинству военачальников в интеллектуальном отношении, не говоря уже об оперативно-стратегической подготовке, он не успевал за динамизмом боевых действий и о положении на фронте, о замыслах и действиях командующих и других должностных лиц судил прямолинейно, упрощенно. Усиленно нажимал на политическую сторону. И, что немаловажно, мастерски эксплуатировал известную ему еще с 20-х годов страсть Сталина к негласным, закулисным методам решения кадровых вопросов. За что и порицаем большинством тех, с кем Льва Захаровича сводили жизненные дороги.

По оценке Симонова, был он «насквозь, до самой глубины души холодно и принципиально беспощадный», «нечто вроде секиры, которая падает на чью-то шею потому, что она должна упасть, и даже если она сама не хочет упасть на чью-то голову, то она не может себе позволить остановиться в воздухе, потому что она должна упасть...»[1]

«ЭТО ВАМ НЕ 1812-Й ГОД»

Особый интерес представляет деятельность Мехлиса на заключительном этапе войны. В начале октября 1944 года войска 4-го Украинского фронта, где он к этому времени был членом ВС, перешли государственную границу СССР и вступили на территорию Чехословакии. Первостепенной для политаппарата стала работа с населением освобождаемой от фашистской оккупации страны. Общую установку, данную в постановлениях ГКО от 10 апреля и 27 октября 1944 года о линии поведения наших войск на территории зарубежных стран и заключавшуюся, в частности, в предоставлении освобождаемым народам полной свободы в решении вопроса о своем государственном устройстве и социальном строе, предстояло воплотить в конкретной работе. В первую очередь, на территории Закарпатской Украины. Она с 1919 года входила в состав Чехословакии, а после расчленения последней в 1939 году — в состав Венгрии, но население было настроено к Красной Армии в целом друже-

---

[1] *Симонов К.М.* Разные дни войны. Т. 2. С. 397, 712.

ственно. Многие высказывали пожелание соединиться с Украиной. Эти настроения встречали одобрительный отклик в Кремле, правда, до поры до времени негласный. С другой стороны, различные политические силы Закарпатья вели агитацию за сохранение статус-кво, а то и за переход в состав Венгрии.

Как было действовать спецпропагандистам фронта в этих условиях? Получаемые из Москвы инструкции и директивы Мехлис преломлял с учетом местных условий. От имени Военного совета он запретил при работе с населением касаться вопросов, связанных с возможным вхождением, или, как говорили тогда, воссоединением Закарпатья с советской Украиной. Ставилась задача всемерно разоблачать фашизм и его венгерскую разновидность — салашизм, широко рассказывать о жизни в СССР. Людям предстояло самим прийти к выводу о желательности воссоединения.

Учитывая, что братья-славяне региона были настроены к Красной Армии в большинстве дружественно, Военный совет фронта отпустил населению почти 7 тысяч тонн зерна, из них более одной тысячи бесплатно, а остальное по ценам, значительно сниженным по сравнению с действовавшими при немецко-венгерской оккупации; 9 тыс. пудов соли, 500 тысяч литров керосина. Армейские медпункты, специально устроенные в Мукачево, Ужгороде и других местах, обслужили почти 65 тысяч больных. С населением была развернута и политическая, культурно-просветительская работа. Это, конечно, стимулировало симпатии людей к Красной Армии и Советскому Союзу.

Однако не все шло так, как задумывалось. Если, к примеру, в Мукачево на встрече в городской управе общественные деятели заявили Льву Захаровичу: «Мы все же хотели бы быть в союзе с Москвой, а не Прагой», то в ряде других мест чешские офицеры и чиновники запугивали население, внушали, что с окончанием войны Закарпатская Украина останется в составе Чехословакии. В городе Берегово и округе даже местная парторганизация коммунистов, состоявшая в основном из мадьяр, выступала против вхождения в СССР. Чтобы выйти из положения, Мехлис готов был на многое, вплоть до чистки или совершенного роспуска местной парторганизации.

Силовыми методами преодолевались последствия вражеской пропаганды и при пополнении 1-го армейского чехословацкого корпуса, включенного в состав 4-го Украинского фронта. В Михаловце

националистические и профашистские элементы блокировали добровольный набор в корпус, причем и здесь местные коммунисты оказались в стороне. Добровольность временно пришлось заменить принудительной мобилизацией.

Поскольку вхождение Закарпатской Украины в состав СССР было в «верхах» предрешено, член Военного совета 4-го Украинского фронта, публично запрещая вести агитацию за такое вхождение, негласно стимулировал меры, работавшие на эту идею. По указанию Москвы он даже имел встречу с чехословацким президентом Э. Бенешем до того, как тот беседовал с наркомом иностранных дел Молотовым. Отсутствие дипломатического опыта не помешало справиться с задачей: Бенеш дал согласие на вхождение Закарпатья в состав СССР.

После пересечения госграницы, а помимо Чехословакии 4-й Украинский фронт участвовал и в освобождении Польши, работы хватало не только работникам 7-го отдела политуправления фронта. Мехлис и политаппарат фронта столкнулись с новой ситуацией и на «внутреннем» фронте. Ее суть Лев Захарович определял так: «Не только в истории Советского Союза, но в истории нашего Отечества — впервые (подчеркнуто Мехлисом. — *Ю.Р.*) миллионы побывали за границей. Разное оттуда принесли. Многое из виденного не ясно нашим людям...»

Что конкретно не ясно, он пояснил, выступая на совещании политработников 38-й армии 2 марта 1945 года: как живут за рубежом (и, как оказалось, не хуже, чем в Советском Союзе, несмотря на уверения официальной пропаганды. — *Ю.Р.*) при наличии частного хозяйства, буржуазной демократии, многопартийности? «А что сказали бы наши люди, побывав в Америке (небоскребы, промышленность)?», — высказывал он опасение. Льва Захаровича явно пугало, что миллионы солдат и офицеров невольно прорвались за «железный занавес», имели возможность сравнивать свою жизнь с увиденным на капиталистическом Западе, а также судить о степени правдивости и объективности советской пропаганды. Пугало и то, что информация из действующей армии, так или иначе, попадала в тыл. Если декабристы — участники Отечественной войны 1812 года принесли из Европы прогрессивные идеи, считал он, то сейчас посредством раненых, через письма в СССР просачиваются «реакция,

капиталистическая идеология». Надо принимать меры, реагировать усилением политработы — таков лейтмотив его выступления.

Как докладывали члену Военного совета фронта, вместо всемерного повышения бдительности иные военнослужащие вступают в брак с иностранками, в том числе немками, ходатайствуют за них и их родственников. Чтобы воспретить такие контакты, 12 апреля 1945 года Мехлис вместе с командующим фронтом генералом армии Еременко подписал постановление Военного совета с требованием применять к виновным все меры командирского и партийного воздействия.

Льву Захаровичу хотелось, чтобы люди отрешились от всего земного, кроме государственных интересов, забыли бы о доме, «презренном» быте, семейных узах. Эти настроения легко прочитываются в его последнем письме с войны от 4 мая 1945 года: «Вот-вот и наступит “капут” всем немцам. Смотришь словаков, чехов, поляков — их Европа с кичливой культурой выделяется рабским отношением к вещам и бытовизне. Наш человек в этом отношении несколькими головами выше так называемых европейцев и он, в первую очередь, государственный человек»[1].

Позиция члена Военного совета в связи с этим была бескомпромиссной. Всех, кто не вписывался в идеал «государственного человека», требовалось призвать к ответу. Но заставить людей окончательно поддаться социальной демагогии, закрыть глаза на мир, не думать, не сравнивать было не по силам даже такому опытному политработнику, как Мехлис. Выступая на совещании в 38-й армии 18 сентября 1945 года, он вынужден был признать, что из-за границы «с идеологическими вывихами пришла даже часть политработников... Некоторые попадают в болото оппортунизма или в лапы вражеской идеологии». На всякие «сомнительные» высказывания, на «нездоровые» настроения прибывающих из-за рубежа реагировать немедленно и остро — потребовал он.

Миллионы победителей фашизма возвращались из Европы к пусть разрушенным, но таким родным очагам, во многом раскрепощенными. После такого испытания, каким явилась война, ничего не страшило: ни перспектива тяжелого труда во имя возрождения дотла разрушенного хозяйства, ни заговоры, подобные тем, о которых чет-

---

[1] РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 76, л. 21.

верть века не переставала шуметь пропаганда. Да и кто бы теперь, попросту рассуждали люди, решился на какие-то заговоры, на какую-то оппозицию системе, жизнеспособность которой подтвердила Победа. Каким же должно было быть разочарование наших соотечественников, чьи ожидания перемен натыкались на охранительную позицию Мехлиса и ему подобных. Словно с заезженной пластинки, вновь звучали слова о «болоте оппортунизма», «контрреволюционных проявлениях», «нездоровых высказываниях», умело нагнеталась атмосфера недоверия, подозрительности, страха.

В этом отношении Лев Захарович за годы войны стал скорее еще мнительней, еще более чутко улавливал настроения «наверху». Несомненно, Сталин использовал плоды победы советского народа над фашизмом для консервации тоталитарной системы, крайне закрытого общества. Но столь же несомненно, что ответственность за это с ним должны разделить и его присные. В такой консервации близких их сердцу порядков они следовали указаниям вождя, но нередко и предвосхищали их.

...Великую Отечественную войну Мехлис завершал на гребне успехов своего 4-го Украинского фронта, освободителем Моравска-Остравы и Праги. Вместе с генералом армии Еременко он стал почетным гражданином чешского города Моравска-Острава. В его письме, датированном 13 апреля 1945 года, явственно звучит торжество победителя: «Видел и был уже на проклятой немецкой земле. Теперь немцы поняли, что такое война, что значит русская ненависть. Все они готовы объявить себя коммунистами и поляками. Не поможет».

После окончания войны на территории, занятой войсками фронта, нередко гремели выстрелы. Продолжались операции по вылавливанию групп и одиночных солдат и офицеров противника, отражались налеты бандеровцев. Вместе с тем войска переходили к нормальной боевой и политической учебе. Шел расчет с военными «долгами».

Одно из первых постановлений Военного совета фронта, под которым стоит и подпись Мехлиса, касалось судьбы бойцов штрафных формирований. Командирам предписывалось на всех осужденных военными трибуналами и искупивших вину в боях, а также не воевавших, но поведением заслуживших пересмотра приговоров, представить ходатайства об освобождении от наказания и снятии

судимости. Утверждение приговоров военных трибуналов в отношении осужденных к расстрелу Военный совет фронта изъял из компетенции военных советов армий, командиров корпусов и дивизий и взял его на себя. Было также дано указание без санкции ВС фронта рассмотрение дел в военно-полевых судах дивизий не производить.

Постепенно налаживалась жизнь в условиях мира. В мае 4-й Украинский фронт был расформирован, и его полевое управление обращено на формирование Прикарпатского военного округа с центром в Черновцах. Членом ВС ПрикВО был утвержден генерал-полковник Мехлис. О житье-бытье здесь помогает судить его письмо домой 28 сентября 1945 года: «Живу и работаю в г. Черновцы... Население отличается от нашего. Много-много спекулянтов, торгашей, людей, не любящих честного труда. Главная масса их — евреи, прежде жители Румынии. Лично живу в маленьком двухэтажном домике, на втором этаже — две комнаты, это и моя обитель. В первом кабинет и столовая. Квартира хорошая, но вас нет рядом, и одному временами грустно, тем более один я в доме... Очень часто я в разъездах, не близких... Переезды — на автомашинах, самолетами. Работы много, очень много, даже времени не хватает посидеть основательно над книгой». О том же — в письме давнему товарищу по работе сотруднику управления делами СНК СССР П.Г. Мишунину 7 января 1946 года: «Очень часто в разъездах. Сейчас добавляются поездки в избирательный округ».

Началась кампания по выборам в Верховный Совет СССР, и по канонам того времени военные деятели калибра Мехлиса выдвигались кандидатами в высший законодательный орган страны. И — безусловно избирались. Лев Захарович исключением не стал. «По моему округу голосовали “за” — 99,5 процента избирателей», — сообщал он в личном письме 12 февраля 1946 года. Предстояла поездка в Москву на первую сессию Верховного Совета нового созыва.

Позади осталась война. Когда задумываешься над тем, какой след оставил в ее истории Мехлис, лишний раз убеждаешься, что оценки не терпят однозначности. Его усилия в подчинении партийно-политической работы задачам мобилизации армии на отпор фашистским агрессорам, в формировании новых и восстановлении уже участвовавших в боях частей и соединений, в повышении боеспособности войск отрицать несправедливо. Однако, субъективно

желая приблизить победу над врагом, этот военно-политический деятель во многих случаях вольно или невольно затруднял путь к ней. Отсутствие необходимой военно-профессиональной подготовки, негативные личные качества — подозрительность, непомерное властолюбие, уверенность во вседозволенности, переоценка собственных способностей вели к тому, что ответственнейшие обязанности начальника ГлавПУ РККА, заместителя наркома обороны, члена Военного совета, а также конкретные поручения Ставки ВГК исполнялись им с большими издержками.

Мехлис нередко предавал забвению нравственные категории, как якобы несовместимые с реальной политикой, и рассматривал свою деятельность исключительно с утилитарных позиций: насколько она соответствует указаниям Сталина, интересам политической элиты, самому существованию которой впервые за много лет извне возникла реальная угроза.

В условиях неимоверно тяжелых испытаний войной все это оборачивалось нередкими внесудебными расправами, повышением и без того сильного напряжения в обществе, разочарованием значительной части соотечественников в святости тех лозунгов, которые от лица партии и Советского государства провозглашал наш герой.

Глава 9

СУД ЧЕСТИ

«КТО В ШЛЯПАХ — К МЕХЛИСУ НА РАСПРАВУ»

19 марта 1946 года на первой сессии Верховного Совета СССР 2-го созыва Мехлис был утвержден министром государственного контроля СССР. Завершился почти пятилетний период, начавшийся 21 июня 1941 года, в течение которого Лев Захарович лишь числился наркомом ГК, а трудился в военном ведомстве. И вот он вернулся на привычную стезю, в госконтроль. Что Сталин вновь включил его в обойму высших государственных чиновников, неопровержимо свидетельствовало: военные страницы, в том числе с «оттиском»

крымской катастрофы, перевернуты, прежнее доверие вождя возвращено.

В российской литературе послевоенное десятилетие рассматривается как время нараставшего кризиса сталинской модели тоталитарного государства, как период накопления объективных и субъективных предпосылок к последующему преодолению наследия сталинизма. Сформулированы основные, системообразующие параметры такого кризиса во всех сферах жизни — политической, экономической, социальной, духовной: непосильный для бюджета курс на сверхиндустриализацию, консервирование научно-технического прогресса, фактическое разорение деревни, голод 1946—1947 годов и значительные продовольственные затруднения в дальнейшем, сворачивание социальных программ, расширение мер репрессивного характера, идеологические кампании охранительного толка, рост социальной напряженности[1]. Все или почти все эти процессы так или иначе отражались в деятельности нашего героя.

Поле ответственности, закрепленное за Мехлисом, по сравнению с довоенным периодом выросло значительно: число министерств (бывших наркоматов) и центральных ведомств, курируемых МГК СССР, выросло с 46 в 1940-м до 76 в 1946 году. Повышенного внимания требовали процессы перевода экономики с военных на мирные рельсы, восстановления и дальнейшего развития хозяйства страны, сокращения Вооруженных сил с их громадной инфраструктурой.

О масштабах шедших в народном хозяйстве СССР процессов дает наглядное представление размер госбюджета в 4-й пятилетке — более 71 млрд рублей, в том числе капвложения в промышленность — 41,1, в сельское хозяйство — более 11,5, транспорт и связь — около 7,7 млрд рублей.

Серьезным препятствием на пути реализации поставленных перед Мингосконтроля задач встала нерешенность организационно-штатных вопросов, весьма запущенных за годы войны. Из запланированного на 1946 год штата в почти 3,3 тысячи человек в строю было меньше половины — 1478. Предстояло заново сформировать руководящее звено как в Центре, так и в союзных республиках.

---

[1] См.: XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991. С. 8; *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы 1945—1964. М., 1993. С. 100.

11 апреля 1946 года Совет Министров СССР утвердил представленные Мехлисом кандидатуры его заместителей — В.Ф. Попова (по общим вопросам), А.С. Гафарова, И.Е. Баранова, И.Т. Скиданенко, В.А. Леонтьева, А.Я. Ципко, С.Г. Емельянова, а чуть позднее — состав коллегии министерства.

Предметом особого внимания министра, как и всегда, на каком бы партийном или государственном посту он ни находился, были кадры. К этому его побуждали не только факторы общего характера, прежде всего, некомплект контролеров в краях и областях, на железных дорогах, крупных предприятиях, в военных округах, на флотах. У него была и личная причина уделять вопросам соблюдения штатной дисциплины, сокращения расходов на управленческие кадры немалую часть времени и сил — напомним, что по совместительству он занимал пост председателя Государственной штатной комиссии при Совете Министров СССР.

Ратуя за сокращение штатов других министерств и ведомств, Мехлис вместе с тем постоянно стремился к расширению собственного аппарата. В этих его действиях находил отражение нарастающий политический и хозяйственный кризис советской государственной системы. Почти полное отсутствие в экономике стимулов к качественному производительному труду, широкое применение властью административных, внеэкономических методов извлечения прибыли, практическое отсутствие самодеятельных форм демократического контроля придавали бесхозяйственности, хищениям и злоупотреблениям невиданный размах. В этих условиях действия министра госконтроля, чья информированность о масштабах экономической преступности, безусловно, выделяла его из ряда высших государственных чиновников, были направлены в идеале к тому, чтобы приставить надсмотрщика к каждому работающему. Между тем это было и невозможно, и бесполезно, ибо одним административным контролем ни предупредить, ни даже заметно сократить неэффективное использование государственной, а по сути, ничейной собственности еще никому не удавалось. К тому же — и Мехлису об этом было хорошо известно — коррупции не смогли избежать и сами госконтролеры, включая даже его собственных заместителей.

Сформировавшись как политик в условиях господства одной, тотально государственной, формы собственности, зная единственную

систему управления — командно-административную в ее наиболее жестких проявлениях, он видел пути решения поставленных перед ним задач лишь в постоянном наращивании контролерских сил. Этому нередко способствовала обстановка чрезвычайных условий, бывших, правда, во многих случаях производными той же расточительной сталинской системы управления экономикой.

В 1946—1947 годах большинство территорий Российской Федерации, Украины, Молдавии, некоторые области Белоруссии и Казахстана были охвачены голодом. Он, как установлено исследованиями последних лет, стал следствием не только засухи и послевоенных трудностей, но и недальновидных действий государственного руководства. Ссылаясь на крайне неблагоприятные погодные условия и опасность агрессии со стороны западных стран, правительство пошло на проведение продразверстки, формирование резервов хлеба в объемах, которые превышали даже те, что были в военное время, и продажу зерна за рубеж с целью получения валюты. В 1946 году в целом по стране из урожая зерновых культур государством было заготовлено 17,5 млн тонн, то есть 44 процента валового сбора. В ряде областей России удельный вес хлебозаготовок был существенно выше: например, в Сталинградской — 86 процентов валового сбора, в Саратовской — 77, в Пензенской — 74. В счет госпоставок сдавалось даже семенное зерно. Правительство пошло на введение более строгого, чем в войну, народного потребления хлеба и других видов продовольствия[1].

Голод вызвал небывалую волну преступности — краж общественной и личной собственности, спекуляции продуктами питания, хищений государственных запасов зерна, сырья и готовой продукции пищевой промышленности. В этих условиях Мехлис вошел в правительство с предложением о создании в рамках МГК СССР Государственного хлебного контроля. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 24 ноября 1946 года такое структурное подразделение со штатом в 1800 человек было создано[2].

Учитывая остроту ситуации, министру пришлось лично выезжать на места, правда, не столько для контроля, сколько для вы-

---

[1] *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 10—11, 29.

[2] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 93, л. 21.

колачивания из колхозов и совхозов хлеба. В частности, такую миссию он исполнял вместе с Берией в хозяйствах Краснодарского края.

Следующий, 1947 год, был не менее трудным для обеспечения страны продовольствием. Это отразилось на масштабах различных преступлений и злоупотреблений, добавив работы и госконтролерам. По заданию правительства МГК подвергло ревизии 17 территориальных управлений и 25 баз Министерства продовольственных резервов СССР. По итогам ревизии было издано совершенно секретное постановление Совета Министров СССР «О хищениях, скрытии от учета, порче и самовольном разбазаривании продрезервов», предписывавшее привлекать виновных к строгой, в том числе уголовной ответственности. К началу 1948 года в соответствии с требованиями этого постановления было осуждено более 10 тысяч материально-ответственных лиц[1].

Мехлис не только активно поддерживал курс высшего руководства страны на искусственное ограничение народного потребления, но и попытался использовать сложившуюся ситуацию для расширения своих полномочий, причем именно репрессивного характера. Он претендовал на право Министерства госконтроля проводить окончательное следствие по различным хозяйственным нарушениям, а затем сразу, минуя прокуратуру, передавать дела на виновных в суд. МГК, таким образом, превращалось бы в некий чрезвычайный орган. Это выглядело нонсенсом даже на фоне нарастания репрессивного характера послевоенного сталинского государства, и притязания Мехлиса были отвергнуты.

Отражением глубокой уверенности, что тотальный контроль может вполне компенсировать органические недостатки экономической системы, следует рассматривать и другие его предложения, воплощенные в постановлениях Совета Министров СССР «О Государственном контроле за приемкой и сохранностью хлопка» (от 11 июля 1947 года), «О Государственном контроле на железнодорожном транспорте» (от 17 мая 1948 года), «О Государственном контроле за сохранностью и расходованием спирта» (от 16 июля 1949 года) и других подобных мерах по наращиванию сети контролеров.

---

[1] *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. С. 126.

Но Льву Захаровичу и это казалось недостаточным. В январе 1949 года он заявил о необходимости иметь в системе МГК подобные структуры также в угольной, нефтяной промышленности, в отдельных экономических регионах, таких, как Донбасс, Кузбасс, на нефтяных промыслах в Азербайджане.

Было бы ошибкой упрощать проблему, сводить ее к прямолинейности во взглядах лишь одного руководителя МГК СССР. За массовыми хищениями и расточительством, за слабой действенностью контрольно-ревизионных органов скрывались явные признаки нараставшего политического и хозяйственного кризиса советской государственной системы.

Неэффективность предпринятых государством мер подтверждает и уголовная статистика тех лет. Число преступлений все время росло, несмотря даже на то, что в условиях послевоенного голода власти пошли на беспрецедентное ужесточение законов — по указу от 4 июня 1947 года максимальный срок заключения за хищение социалистической собственности составил 25 лет. Число осужденных к лишению свободы на срок свыше 10 лет в 1947 году выросло по сравнению с предыдущим годом в 100 (!) раз, а в 1948 году — еще в 3,8 раза. За хищение хлеба к концу 1947 года в тюрьмах и лагерях оказалось примерно 380 тысяч человек. Среди них очень большую долю составляли женщины и подростки, что прямо свидетельствует о том, что преступления совершались именно на почве голода. Сбить эту волну могла только разумная экономическая политика, но никак не уголовные и административные меры, включая ужесточение госконтроля.

Однако все более впадавший в кризис сталинский режим отвечал привычно — «закручиванием гаек». Обществу, пытавшемуся с победой над фашизмом стать хоть чуть свободнее, раскрепощеннее, власть недвусмысленно давала понять: надежды на либерализацию безосновательны.

Не случайно, придя к руководству министерством, Мехлис стал освобождаться от тех, чей политический облик вызывал хоть какое-то сомнение. За три года только из центрального аппарата по этим мотивам было уволено более 60 человек. Формулировки при объяснении причин увольнения воистину заставляют вспомнить печальной памяти 30-е годы: «скрыл пребывание в 20—23 гг. в молодежной анархистской организации», «сестра врага народа», «работал в

аппарате Ежова» и т.п. Охранительные тенденции, так проявившиеся у Льва Захаровича на заключительном этапе войны, получили дополнительный стимул в обстановке второй половины 40-х годов.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 28 марта 1947 года, подписанным Сталиным и Ждановым, в министерствах и центральных ведомствах создавались так называемые суды чести, которые должны были рассматривать «антипатриотические, антигосударственные и антиобщественные поступки» управленцев, если они не подпадали под уголовное преследование. Назначение судов чести, как объявлялось официально, состояло в содействии делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма, поддержания чести и достоинства советского работника. В действительности «патриотизм» в сталинско-ждановском понимании противопоставлялся «низкопоклонству перед Западом» и «космополитизму», и удар наносился по интеллигенции и части управленцев, попытавшихся мыслить и действовать шире десятилетиями навязываемой политической властью двухполюсной модели мира — «свои» и «чужие».

В стране развернулась шумная пропагандистская кампания. Люди старшего поколения хорошо помнят фильм «Суд чести», поставленный по пьесе Александра Штейна. Свой талант актеры Сухаревская и Переверзев, Чирков и Самойлов тратили на воплощение на экране фальшивой истории о том, как советская женщина — научный работник за флакон французских духов выдает секрет важнейшего изобретения. Константин Симонов откликнулся на тему продажности ученых пьесой «Чужая тень» (за что позднее порицал себя).

Суды чести оказались вовсе не безобидными. В Министерстве Вооруженных Сил СССР по вздорному обвинению в передаче вчерашним союзникам-англичанам чертежей торпеды была осуждена группа заслуженных адмиралов во главе с Н.Г. Кузнецовым, причем суд «чести» очень быстро трансформировался в суд уголовный, закончившийся для большинства подсудимых реальными сроками заключения. В Академии медицинских наук ученых Н.Г. Клюеву и Г.И. Роскина безосновательно обвинили в связи с американской агентурой и передаче ей открытого метода борьбы с раком и полученного в результате экспериментов лечебного препарата. Официальная пропаганда тут же избрала их в качестве показательного

объекта для широкой кампании осуждения (они-то и стали прототипами героев фильма «Суд чести» и пьесы «Чужая тень»).

Подобный орган «правосудия» Мехлис, не замедлив, учредил и в своем ведомстве. В письме, с которым в январе 1948 года он обратился к членам коллегии министерства, обращалось внимание на необходимость усиления воспитательной работы с контролерским составом, в политическом просвещении предлагалось «усилить вопросы истории международных отношений, темы по проискам иностранных разведок». 6 февраля он выступил с докладом на совещании членов коллегии и партийного комитета МГК СССР, обсудившем постановление Оргбюро ЦК, к подготовке которого Лев Захарович, как член ОБ, имел прямое отношение, — «О мероприятиях, проведенных министерствами авиапромышленности и электропромышленности в связи с закрытым письмом ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина». Моральная экзекуция ученых-медиков продолжилась и на общем собрании коллектива. Квалифицировав их поступок как прямое предательство, Мехлис недвусмысленно заявил: «Можно не сомневаться, что если в нашей среде найдется сорная трава, мы вырвем ее с корнем»[1].

Следует оговориться, что органы государственного контроля были неотъемлемым элементом утвердившейся в СССР политико-хозяйственной системы, отличавшейся тотальным влиянием идеологии на все стороны жизни страны и искаженными принципами «социалистического хозяйствования». И потому несли на себе все ущербные черты системы в целом с ее расточительностью, неэффективностью, упором не на экономические законы и стимулы, а на административный нажим. Но при всех оговорках они выполняли и объективно полезные для общества функции, поскольку ни одно общество, будь оно тоталитарным или демократическим, не может обойтись без той или иной формы контроля за производством и распределением.

В декабре 1946 года записками на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Берии и секретаря ЦК Кузнецова Мехлис доложил о грубых извращениях порядка выдачи продовольственных карточек населению. Представленные им проекты постановлений правительства включали предложения: ликвидировать множествен-

---

[1] РГАСПИ, ф. 386, оп. 2, д. 6, л. 25об.

ность карточек и талонов, сократить число категорий и видов основного и дополнительного снабжения, сократить категории служащих, приравненных в снабжении хлебом к рабочим, поручить специальной комиссии проработать вопрос упорядочения снабжения руководящих советско-партийных работников на местах.

Много злоупотреблений допускалось при оприходовании и использовании различных материальных ценностей, взятых Советским Союзом в качестве трофеев. Это подтвердила и проверка, проведенная Мингосконтроля в ноябре 1946 года в Комитете по делам искусств при СМ СССР. Совет Министров еще в июле обязал председателя комитета М.Б. Храпченко в месячный срок произвести инвентаризацию всего полученного трофейного имущества, в первую очередь, предметов искусства. Однако, как установили госконтролеры, эта работа, вопреки докладу Храпченко в правительство, не была завершена и к ноябрю. Огромные ценности — картины, ювелирные изделия, старинные книги, антикварная мебель — грузились в Германии и Венгрии «навалом», без осмотра и описей, в пути и по прибытии в Москву расхищались. Мехлис приводил вопиющий факт: из 16 эшелонов трофейного имущества, прибывших к 1 августа в адрес Комитета по делам искусств, семь не имели никаких сопроводительных документов.

В столице ценное имущество распределялось по личному усмотрению начальства. По указанию Храпченко больше 30 роялей было выдано лицам, не имевшим никакого отношения к музыкальным учреждениям, — министру высшего образования С.В. Кафтанову, министру материальных резервов М.В. Данченко, заведующему отделом печати ЦК ВКП(б) А.М. Еголину и другим. Информируя об этом заместителя председателя Совмина, министр госконтроля просил рассмотреть вопрос на заседании правительства. Хотя, пожалуй, за такие факты коррупции и предание суду не было бы чрезмерным.

Очень соблазнительным для большого числа должностных лиц оказался обмен денежных знаков, о котором было объявлено в ночь на 15 декабря 1947 года. 30 декабря Лев Захарович доложил заместителю председателя Совета Министров Молотову и — в копии — секретарю ЦК Жданову о массовых нарушениях установленного порядка, допущенных повсеместно — в Ташкенте и Минске, Москве и Риге, Киеве и Баку. По условиям реформы денежные знаки в

госсекторе обменивались 1 к 1, а личные средства граждан — в соотношении 10 к 1; вклады в сберкассах в сумме до 3 тыс. рублей — в пропорции 1 к 1, а свыше — 10 к 1. Госконтролеры выявили различные уловки, на которые шли нарушители: вместе с выручкой магазинов, торговых баз сдавались деньги частных лиц, задним числом вносились деньги на имеющиеся вклады и на вновь открытые, уже существовавшие большие вклады дробились, сберегательные кассы и выплатные пункты обслуживали «своих» и после завершения рабочего дня и т.п.

В числе тех, кто пошел на грубое нарушение постановления правительства, оказались председатель Совета министров Молдавии Г.Я. Рудь, группа партийных, советских и административных работников Ленинграда и Ленинградской области, многие другие должностные лица. Мехлис внес предложение поручить Министерству финансов силами собственного контрольного аппарата проверить законность всех финансовых операций, осуществленных 14 и 15 декабря 1947 года.

Самостоятельным направлением в деятельности Льва Захаровича была работа по сокращению штатов административного аппарата министерств и ведомств, который к середине 1946 года по самым скромным подсчетам составлял более 9,5 млн человек. Беспрерывный рост численности управленцев представлял собой одно из наиболее зримых проявлений кризиса сталинской модели государства, выступая обратной стороной сокращенной до минимума сферы действия экономических законов и стимулов к качественному, производительному труду. Не случайно руководители всех уровней пытались решать проблемы с обеспечением оборудованием, сырьем, рабочей силой, учетом трудозатрат, фонда заработной платы, с экономией и обеспечением сохранности имеющихся материальных ценностей и т.п. за счет расширения круга управленцев, разного рода контролеров, счетных работников, снабженцев.

Высшее руководство страны было озабочено этим явлением, но в рамках им же установленного хозяйственного порядка могло прибегнуть лишь к административным рычагам. 13 августа 1946 года было принято постановление Совета Министров СССР «О запрещении расширения штатов административно-управленческого аппарата советских, государственных, хозяйственных, кооперативных

и общественных организаций», которое вводило такой запрет уже с 15 августа.

В свою очередь Мехлис 19 августа дал указание министрам госконтроля союзных республик и главным контролерам провести широкую проверку на местах, как выполняется это постановление. Одновременно им были организованы проверки непосредственно в Москве, в центральных аппаратах министерств и ведомств. Они показали, что многие руководители, нарушая прямой запрет, сполна использовали в своих интересах единственный имевшийся в их распоряжении день 14 августа. Оформляя приказы задним числом, они зачислили на вакантные должности либо перевели с низкооплачиваемых должностей на более высокооплачиваемые немало людей случайных, неквалифицированных, своих родственников и т.п. В обзорной записке на имя заместителя председателя Совмина СССР Н.А. Вознесенского было доложено о вскрытии грубых нарушений в 43 министерствах и на 60 предприятиях[1].

Скрытое сопротивление встретили и попытки Совета Министров перейти от запрета расширять штаты к их сокращению. Как докладывал Мехлис Сталину 9 января 1947 года, в Министерстве Вооруженных Сил СССР штаты раздуты донельзя и превышали 30 тысяч человек, причем без учета сотрудников многочисленных НИИ, Центрального Дома Советской Армии, Краснознаменного ансамбля песни и пляски и других подобных структур. Это было особенно наглядно на фоне численности всех остальных министерств и ведомств страны, а также в сравнении с довоенной численностью центрального аппарата Наркомата обороны в 13,5 тысячи человек. Досталось от Мехлиса и его бывшим коллегам: он обратил особое внимание адресата на раздутость штатов политорганов.

Судя по всему, руководство МВС всячески оттягивало решение проблемы и не желало добровольно сбрасывать лишний жирок. По этому случаю предложения министра госконтроля носили радикальный характер: «Мне кажется, что центральный аппарат МВС... можно сократить в ближайшее время на 10000 человек»[2]. Заметим, что руководство военного ведомства в попытках сохранить прежние штаты не было оригинальным. Министру госконтроля пришлось

---

[1] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 109, л. 369.

[2] АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 4, л. 49—51.

столкнуться с массовым, хотя и незримым саботажем выполнения правительственных решений, и в других министерствах и ведомствах.

Как и до войны, в качестве весьма важной миссии Лев Захарович воспринимал (при одобрении и поощрении Сталиным) и исполнял функцию этакой дубинки вождя, обрушивавшейся на высшую управленческую элиту. Свою близость к хозяину он подчеркивал даже манерой поведения в среде высших управленцев. Бывший министр морского флота СССР А.А. Афанасьев делился с автором: «Приглашенные на заседание к Сталину руководители дожидались в приемной. Держались обычно по-товарищески, как равный с равным. А такой человек, как Вахрушев, министр угольной промышленности, непременно обойдет всех с рукопожатием и не одну шутку отпустит под смех окружающих. Но так вели себя не все. Мехлис, например, не скрывал, что пользуется особым расположением Сталина. Он даже не ждал приглашения пройти в зал заседаний, а просто молча пересекал приемную и скрывался за дверью».

Мелочь? Как посмотреть. В среде руководителей, окружавших вождя, подобные, ничего не значившие для рядовых людей детали оказывались подчас очень многозначительными. Лев Захарович по-прежнему славословил Сталина, причем заметно, что делал это не только в силу утвердившейся в стране цезаристской традиции, но и из убеждения в подлинном величии вождя, упоенно. Вот лишь один из образчиков вдохновения, свидетелями которого стали участники собрания в Министерстве госконтроля в 1947 году: провозглашая здравицу в честь Сталина, их руководитель не пожалел эпитетов — «всенародный герой, наш капитан, наша путеводная звезда, наш друг, учитель и отец».

Даже управленцы высшего звена не шутя боялись «Льва» в обличье министра госконтроля. Он был подлинной грозой особенно для любящих не по чину комфорт и развлечения руководителей. О нем по Москве ходили легенды. Вроде бы мелкий, но весьма выразительный эпизод по этому поводу привел автору упомянутый выше Александр Александрович Афанасьев: «Госконтроль размещался в здании Госплана СССР на проспекте Маркса (там, где ныне располагается Государственная дума. — *Ю.Р.*), на верхнем этаже. Бывать там приходилось не раз, причем лифтер, обычно не спрашивая, поднимал прямо туда. Однажды на мой вопрос, откуда ему из-

вестно, какой этаж мне со спутниками нужен, лифтер невозмутимо ответил:

— Кто в шляпах, тех всегда поднимаю в госконтроль, к Мехлису на расправу».

Дело, размышлял Александр Александрович, конечно, не в одних шляпах. Человека, которому предстояла «расправа» у министра госконтроля, действительно, было трудно спутать с обычным посетителем. Ведь вызов к нему «на ковер» мог запросто завершиться тем, что бедолага ехал «пить чай» к В.С. Абакумову, сменившему Берию на посту министра госбезопасности.

Афанасьев рассказал также о разговоре, состоявшемся у него с известным полярником Е.Ф. Федоровым. Того в 1947 году сняли с должности начальника Гидрометеослужбы страны. В связи с чем? Отвечая на этот вопрос, Федоров говорил буквально следующее: «Мехлис сфабриковал дело, которое яйца выеденного не стоит. Чепуху нагородил такую, за которую мой заместитель даже поплатился жизнью. Услыхал ночью звонок в дверь, испугался ареста, пыток, какие обычно следуют за арестом, и пустил себе пулю в лоб».

Но, надо признать, нередко госконтролеры попадали в цель. Вот лишь несколько фактов подобного рода. В сентябре 1946 года Мехлис доложил «наверх» о злоупотреблении служебным положением заместителей министра трудовых ресурсов СССР П.Г. Москатова и Г.И. Зеленко, израсходовавших при строительстве собственных дач более 80 тыс. рублей государственных средств и использовавших бесплатный труд учащихся ремесленных училищ.

Строительство персональных дач стало соблазном и для некоторых руководителей Министерства Вооруженных Сил. Госконтролеры выявили, а Мехлис сделал представление начальнику Тыла Красной Армии Хрулеву относительно злоупотреблений контр-адмирала И.Д. Папанина (размер госсредств, израсходованных на его загородный дом, составил около 250 тыс. рублей, не считая стоимость перевозки стройматериалов и рабочей силы) и маршала войск связи И.Т. Пересыпкина (более 330 тыс. рублей).

В Министерстве строительства топливных предприятий СССР с одобрения министра А.Н. Задемидко его заместитель Т.Т. Литвинов разрешил израсходовать на оборудование кабинетов для руководства более 1 млн рублей.

Министр угольной промышленности западных районов СССР Д.Г. Оника грубейшим образом нарушил постановление СНК СССР от 2 января 1945 года, запретившее расходовать государственные средства на устройство банкетов. Проведение с его участием совещания с передовиками производства Донбасса в мае 1946 года сопровождалось несколькими банкетами, для угощения гостей которых за счет угольных комбинатов было израсходовано более 350 тыс. рублей.

11 января 1947 года Мехлис доложил Сталину о расточительстве, допущенном сразу в двух союзных министерствах — пищевой промышленности и транспортного машиностроения. В первом из них министр В.П. Зотов разрешил содержать в системе Главсахара конюшню. Конно-спортивные увлечения руководства министерства только за неполных два года обошлись в 754 тыс. рублей.

Не отличался рачительностью и министр транспортного машиностроения СССР В.А. Малышев. Как установили госконтролеры, он охотно давал разрешения на устройство банкетов с выпивкой. Затраченные на эти цели госсредства только за полгода составили более 1,8 млн рублей. Проявлял министр и корыстную семейственность. На Кировском заводе в Челябинске в качестве художника подвизался его брат, у которого министерством были куплены картины на сумму 86 тыс. рублей.

Совет Министров СССР и его председатель реагировали на сигналы Мехлиса. Строгий выговор от Бюро Совмина получили Задемидко и Москатов, выговор — Оника. Были отстранены от должности Зеленко и Литвинов. На любителей развлечений за госсчет были произведены денежные начеты.

Мехлис постоянно требовал от подчиненных усиливать наказание виновных. Только за полтора года (1947-й и первую половину 1948 года) в доход государства было взыскано около 10 млн рублей — таким оказался выявленный ущерб, нанесенный в результате перерасхода фонда заработной платы, незаконных вознаграждений, устройства за казенный счет вечеров и банкетов и прочих излишеств. Это в 2 раза превышало сумму денежных начетов (4,95 млн рублей), произведенных органами госконтроля за 1945 и первую половину 1946 года.

Но вновь бросается в глаза двойной стандарт, с которым руководство страны подходило к оценке противоправных действий

представителей управленческой элиты, с одной стороны, и рядовых граждан, с другой. По существу, реакция главы правительства, его заместителей, министра госконтроля на факты коррупции и казнокрадства в высших эшелонах была вялой. Это тем более заметно на фоне обрушившихся в эти годы на представителей той же элиты репрессий, но продиктованных политическими мотивами (так называемое «дело авиапрома», «ленинградское дело»).

Сам Лев Захарович, по многочисленным свидетельствам, стяжательством заражен не был, за рамки привилегий, установленных для руководителей министерств, не выходил. Но жил, как и многие другие руководители, по стандартам двойной морали. Руководствовался ими не только в служебных, но и личных делах. Жесткий законник для других, он, когда касалось его самого, нередко позволял себе скидку.

В январе 1947 года ему, чтобы попасть на известный чешский курорт Карлсбад (Карловы Вары), довелось лететь самолетом до Берлина. На аэродроме в спокойное течение событий неожиданно вмешались пограничники. Поскольку у отпускника не было заграничного паспорта или хотя бы разового пропуска для пересечения границы, вылет задержали. Невозможно представить, чтобы министру госконтроля не выдали бы паспорт заранее. Выходит, он и не думал своевременно запасаться документом, ему, похоже, и в голову не приходило, что Польша, Восточная Германия, Чехословакия, хоть там и стояли советские войска, — это все же заграница, куда для проезда установлен особый порядок. Как же поступил Мехлис? «Пограничники не давали разрешения, — сообщал он жене. — Тогда летчики взлетели без разрешения». Хотелось бы видеть тех летчиков, которые осмелились самовольничать, имея на борту такого всесильного пассажира. Ясно, что без его прямой команды махнуть рукой на установленный порядок не обошлось. Торжествовал пресловутый принцип: что положено Юпитеру — не разрешено быку.

Мехлис с комфортом расположился на курорте, кстати, столь популярном у дореволюционной российской знати. Прохаживаясь по тенистым аллеям Карлсбада, истоптанным князьями и графами, вспоминал ли он свои давние застенчивые сентенции о «барской обстановке» в Серебряном Бору и «Марьино», в которой впервые оказался четверть века назад? Теперь он прочно ощущал себя в среде избранных.

ПРАВИЛО: ЭЛИТУ САМОСТОЯТЕЛЬНО НЕ ТРОГАТЬ

Хорошо понимая, кому он всем обязан, Лев Захарович исправно служил «сталинской секирой» (напомним выражение Симонова), трудился, как и в былые годы, много, можно сказать, беззаветно. Настолько, что даже сам однажды не выдержал, посетовал на слабую помощь подчиненных: «Незачем создавать центр и писать Мехлису, Мехлису, Мехлису... не считаясь с тем, что я от зари до зари работаю и имею 15—20 минут в сутки на перерыв». При таком отношении к делу он, казалось, мог рассчитывать на полное расположение вождя. Тем неожиданней — насколько можно судить по документам — оказался для него резонанс проведенной весной — летом 1948 года государственной комплексной ревизии финансово-хозяйственной деятельности Совета министров Азербайджанской ССР.

С самого начала она была задумана с размахом, хотя потом, задним числом, министр госконтроля и пытался обвинить подчиненных в том, что они, якобы вопреки его установке, вышли за строго предписанные рамки «провести ревизию тихо, провести скромно, не создавать шумихи, ни прямо, ни косвенно не допускать проверки партработников и партийных органов»[1].

Обширная и, надо сказать, весьма тщательная подготовка к государственной ревизии опровергает упреки Мехлиса. Разумеется, проверки дел в партийных органах сводный план не предусматривал. Но все, что относилось к компетенции органов госконтроля, содержал. И, утвержденный министром, ориентировал вовсе не на то, чтобы ревизию «провести тихо, провести скромно». Наоборот, требование «скромности», некоей локальности было бы по меньшей мере странным, поскольку данная государственная ревизия осуществлялась в соответствии с прямым постановлением Совета Министров СССР.

Правительственное поручение уже на следующий день рассмотрела коллегия МГК. Она определила сроки ревизии — с 23 мая по 20 июня, назначила лиц, на которых было возложено ее проведение во главе с заместителем министра С.Г. Емельяновым, утвердила основные вопросы. Их подробный перечень едва уложился в

---

[1] РГАСПИ, ф. 386, оп. 2, д. 7, л. 22.

25 страниц плана и охватывал: бюджет республики и строительный комплекс, здравоохранение и социальное обеспечение, торговлю и кооперацию, снабжение и сбыт. Особо было намечено проверить управлением делами Совмина Азербайджана, разобраться с многочисленными жалобами трудящихся. Были сформированы десять бригад, с руководителями которых накануне выезда в Баку Емельянов провел подробный инструктаж. Каждая из бригад в свою очередь получила утвержденную руководством программу действий. Так что ни о какой импульсивности действий, придании уже в ходе ревизии некоего излишнего размаха, к тому же по инициативе самих ревизоров, речи быть не может.

Да и сам Мехлис на первых порах не видел никаких оснований для беспокойства. Емельянов постоянно связывался с Москвой, докладывал о завершенных той или иной бригадой ревизиях и проверках. И, судя по резолюциям министра, он воспринимал эти доклады как должно. Так, на докладе «О массовых приписках тракторных работ в Али-Байрамлинской МТС АзССР», 18 июня он сделал помету: «Тов. Емельянову. Полагаю, что вопрос следует решить в Совмине республики по вашему представлению. Директора МТС и агронома следует привлечь к судебной ответственности. То же быв[шего] главбуха». Следуя указанию начальника, Емельянов представил акт ревизии МТС председателю Совета министров республики Т.И. Кулиеву, в соответствии с которым правительство Азербайджана наказало виновных в приписках, о чем Мехлис был тут же проинформирован.

С одобрением встретил министр и другие сообщения о принятых мерах по крупным нарушениям государственной дисциплины в совхозах и винзаводах Азсовхозтреста, фактам перерасхода заработной платы и порочной практики планирования в Министерстве вкусовой промышленности республики и другие.

Однако чем более глубокими и масштабными становились проверки по конкретным вопросам, тем явственнее вырисовывалась картина массовых злоупотреблений и преступлений со стороны управленцев всех уровней. Конечно же, не стремление «подорвать авторитет» партийного руководства, в чем потом обвинили контролеров, двигало ими: сам ход ревизии затягивал, заставлял, затронув верхушку «айсберга», копать глубже и глубже. Они, можно сказать, стали жертвами собственной добросовестности.

Тем более что развернуться было где. Представители госконтроля выявили многочисленные факты незаконного снабжения продуктами через комиссионные магазины обитателей правительственных дач, обеспечения руководителей промышленными товарами по специальным ордерам. Они обнаружили, что под вывеской госдачи существует личная дача председателя Совмина Кулиева, под которую у местного колхоза было отчуждено 8 гектаров земли, — роскошный двухэтажный дворец с огромным подсобным хозяйством. Руководителям поменьше за первыми лицами, естественно, было не угнаться. Хотя, как установили ревизоры из Москвы, себя они тоже не обижали. К примеру, сметная стоимость дачи управляющего трестом «Азнефтехснаб» А.З. Зиманова составила более 20 тысяч рублей[1].

Всевластие и роскошный образ жизни местной элиты, процветавшее взяточничество и кумовство настолько возмущали население, что за несколько дней на прием к Емельянову записалось до 2 тысяч человек, было зарегистрировано почти 1 тысяча письменных жалоб.

Здесь-то местные руководители, охотно выносившие постановления о наказании виновных в приписках нескольких десятков гектаров пахоты или разбазаривании сотни-другой литров топлива, почувствовали опасность уже для себя и забили тревогу. Партийная элита пустила в ход откровенную демагогию: первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана М.-Д.А. Багиров прислал телеграмму Сталину с жалобой на то, что ревизоры «дискредитируют» руководство республики.

Судя по всему, Мир-Джафар Аббасович подозревал, что ревизия — это результат кремлевских интриг со стороны тех, кто хотел бы его «подсидеть». Заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС в 70—80-е годы К.Н. Брутенц, работавший в 1948 году в Бакинском горкоме, вспоминал о слухах такого рода, а также о том, что московская комиссия накопила достаточно фактов, «способных поставить нашего первого в затруднительное положение».

Но Багирову удалось скомпрометировать Емельянова. Тот поехал на несколько дней в Кисловодск «проветриться», думая, что там будет вне досягаемости первого секретаря ЦК компартии Азербайд-

---

[1] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 269, л. 109.

жана. Но у Мир-Джафара, бывшего в 20—30-х годах председателем Азербайджанского ГПУ и наркомом внутренних дел, в органах безопасности везде были дружки. Они и сфабриковали порочащие Емельянова фотографии, которые были направлены Сталину. «И комиссия вместе с ее выводами почила в бозе»[1].

В 1956 году Багиров, объявленный сообщником Берии, по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР будет расстрелян. Но тогда, в 48-м, азербайджанские руководители нашли в Москве полную поддержку. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия во главе с Маленковым. В принятых 30 июля и 26 августа 1948 года по итогам ее работы постановлениях ЦК партии указывалось на нарушение «большевистского принципа подбора кадров», в результате чего в аппарате МГК СССР «оказалась группа работников, в политическом и деловом отношении непригодных для работы в госконтроле», «извращение понятия независимости контролеров в работе», зазнайство, отрыв от местных партийных и советских органов. Непосредственных участников ревизии в Азербайджане, в первую очередь заместителя министра Емельянова, ЦК обвинил в тенденциозности, преднамеренном недоверии к руководителям республики, применении «политически вредных» методов. Емельянов постановлением Совмина СССР был снят с должности (ему вообще запретили впредь работать в органах госконтроля), от обязанностей заместителя министра был также освобожден М.И. Старостин.

Попало и Мехлису: ему инкриминировали неправильное реагирование на сигналы азербайджанских руководителей, введение в заблуждение ЦК ВКП(б). Выступая перед подчиненными с изложением решений ЦК, он вынужден был каяться в ошибках, «допущенных мною лично, как министром». Своего бывшего заместителя и других участников ревизии в Азербайджане он обвинил в игнорировании ЦК компартии республики, зазнайстве, склонности к «арапистым», умозрительным обвинениям, тенденциозности и даже в связях с «сомнительными женщинами». «По удалению из МГК СССР неподходящих для контрольной работы мы провели явно недостаточную работу», — закончил он угрожающе[2]. И все это

---

[1] *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. М., 1998. С. 82.

[2] РГАСПИ, ф. 386, оп. 2, д. 7, л. 40.

под рефрен заклинаний о необходимости развивать в ведомстве критику, а ревизии и проверки проводить «в духе партийности, принципиальности и правдивости», о том, что «интересы государства для контролерского состава превыше всего». Прискорбно, что министр демонстрировал «двойной» стандарт в понимании этих категорий.

Впрочем, здесь он следовал высшему руководству страны. Ведь за обвинениями в адрес государственных контролеров, будто они взяли на себя несвойственную функцию по проверке партработников и партийных органов, крылось недовольство совсем иным — тем, что контролеры, пусть и невольно, привлекли общественное внимание к алчности и самому настоящему моральному разложению партийно-советско-хозяйственной верхушки Азербайджана. А это создавало прецедент, опасный для политической элиты всей страны.

За решениями ЦК ВКП(б) в полном соответствии с многолетней политической традицией последовали документы советской власти — постановление Совета Министров СССР «Об уточнении прав Министерства Государственного контроля СССР и его представителей на местах» (26 августа 1948 года) и соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР. Права госконтролеров, закрепленные за ними с момента образования наркомата в 1940 году, существенно урезались. Отныне все результаты ревизий и проверок должны были предварительно докладываться в правительство. Отстранение от должности и привлечение виновных к судебной ответственности, ранее входившие в компетенцию министра госконтроля, могли теперь производиться только с разрешения СМ СССР, а на наложение дисциплинарных взысканий требовалось согласие одного из членов Бюро (заместителей председателя) Совета Министров. Было также запрещено производить ревизии министерств, главных управлений и комитетов при правительствах СССР и союзных республик, а также исполкомов областных, краевых советов в целом, допускалось ревизовать деятельность лишь их структурных подразделений[1].

Удар по самолюбию Мехлиса был, безусловно, болезненным. Но отреагировал он на решение высших инстанций беспрекословно и без промедления. Уже 2 августа коллегия МГК СССР заслушала его

---

[1] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 212, л. 7—8.

доклад о сути постановлений ЦК ВКП(б) (в августе, особенно во второй его половине, коллегия министерства проходила буквально через день). 3 августа с той же повесткой дня прошел партийно-хозяйственный актив министерства. 23—27 августа в Москве состоялось совещание с министрами госконтроля союзных республик. В первую декаду сентября совещания состоялись на местах — непосредственно в министерствах госконтроля всех союзных республик.

Были основательно почищены кадры. С июля 1948 по январь 1949 года отчислили из центрального аппарата 47 человек, из состава МГК союзных республик — 99 человек.

Обращает на себя внимание противоречивость ряда требований Мехлиса к своим подчиненным. Так, самым категоричным образом он запретил включать в акты ревизий фамилии должностных лиц вышестоящих организаций, деятельность которых при этом прямо не проверялась. Официально это обосновывалось необходимостью уберечь руководящие кадры от «шельмования». На практике же проверки и ревизии выливались в таком случае в поиски пресловутых стрелочников — низовых работников, которые, как показала та же государственная ревизия в Азербайджане, сплошь и рядом были вынуждены идти на нарушения закона по требованиям «сверху». Надо ли доказывать, что при соблюдении контролерским составом этого требования «пар уходил в свисток»: искусственно загоняя проверки и ревизии в своеобразное прокрустово ложе, обрубая по формальным соображениям преступные нити, соединявшие нарушителей закона на проверяемом объекте с их сообщниками и покровителями, дозорные объективно не могли вскрыть подлинных масштабов злоупотреблений и хищений, не докапывались до их корней, не имели возможности добиться устранения их причин.

Ограничения, наложенные на сферу деятельности государственных контролеров директивными органами и их собственным министром — выводы по каждой ревизии и проверке предварительно согласовывать «наверху», ни в коем случае не охватывать министерств, главков в целом, исключить упоминания в актах каких бы то ни было фамилий руководителей, хотя бы и имеющих отношение к вскрытым злоупотреблениям, но прямо не подвергавшихся проверке или ревизии в данном конкретном случае, — давали простор местничеству, начальственному произволу и по сути ликвидиро-

вали главное преимущество госконтролеров перед ведомственным контролем, а именно — независимость от местных властей и руководителей министерств и ведомств, отстаивание общегосударственных интересов.

Лев Захарович вязал руки своим подчиненным, но серьезные ограничения он ощутил и на себе самом. Если ранее данными ему полномочиями он действительно был приподнят над руководителями других министерств и центральных ведомств, мог своей властью привлечь к ответственности абсолютное большинство должностных лиц, вплоть до союзного министра, то теперь принужден был испрашивать разрешение в Совете Министров СССР даже на наказание бригадира рыболовецкого колхоза или счетовода артели инвалидов.

Все это немедленно сказалось на результативности действий МГК. Если предметом постоянных забот послевоенных лет, но и одновременно законной гордости Мехлиса было целенаправленное укрупнение масштабов ревизий и проверок, их концентрация на наиболее важных, ключевых участках экономики, то после августа 1948 года в качестве ревизуемых объектов в подавляющем большинстве выступали уже не отрасли, не главки, не группы однотипных производств в нескольких регионах одновременно, а отдельные заводы, колхозы, элеваторы, железнодорожные участки, судостроительные верфи. Соответственно и выводы контролеров касались вопросов частных, во многом нетипичных.

Диаметрально противоположными стали и установки, даваемые Мехлисом подчиненным. Он, который раньше упрекал контролеров за мелкотемье, бескрылость, узость проверок, теперь ставил им в вину стремление к «проблемным вопросам». На заседании коллегии 14 декабря 1948 года министр прямо заявил: «Появилась опасность, я это заключаю по ряду материалов, вместо того, чтобы поставить вопрос по данному заводу, по данным 2—3 заводам в отдельности или вместе, попытка добиваться постановки проблемных вопросов так, как, раз идешь в правительство, значит, должен быть проблемный вопрос. Это неправильно... Сейчас мы должны идти в правительство с каждым вопросом»[1].

На практике такие противоречивые, дезориентирующие установки вполне закономерно обернулись участившимся возвратом из

---

[1] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 232, л. 105.

Совета Министров представляемых туда материалов по частным нарушениям и злоупотреблениям, спадом активности контролерского состава, что позднее вынужден был признать и сам министр.

Менее масштабно и результативно трудились все основные подразделения МГК — хлебный, хлопковый, железнодорожный, военный контроль. В цифрах этот спад выглядел следующим образом: в сентябре 1948 — январе 1949 года почти в 1,5 раза по сравнению с январем — августом 1948 года уменьшилось число итоговых докладов правительству (соответственно 165 и 235), почти в 3 раза — изданных на их основе постановлений Совета Министров СССР (38 и 103), более чем в 7 раз — число приказов министра о наложении взысканий на виновных (130 и 926) [1].

Тем самым делу надведомственного, осуществляемого от лица государственной власти контроля (при всех его недостатках и слабостях) был нанесен заметный ущерб. Партийная элита, защищая свои узкокорыстные интересы, оберегая право на безнаказанность в распоряжении национальными богатствами, пожертвовала и без того скупыми возможностями Министерства госконтроля.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы не содержат, тем не менее, ни единого факта проявления несогласия Мехлиса с таким курсом, хотя он не мог не понимать его вреда для дела. В ответ на обвинения со стороны ЦК в бесплановости работы коллегия МГК СССР по инициативе министра уже в августе приняла решение о немедленном составлении плана на 1949 год. Лев Захарович потребовал обратить при этом наибольшее внимание на сокращение числа намечаемых для ревизий объектов, работать динамично, не затягивая «безбожно» сроки, намечать такие вопросы, по которым следовало ожидать правительственных решений.

Следующим «узким местом», которое в МГК СССР попытались «расшить», стали сроки реализации материалов ревизий и проверок. Если до августа 1948 года только 76 процентов материалов удалось воплотить в постановления правительства и приказы министра в срок от 20 до 50 дней, то, начиная с сентября, таковыми были все материалы без исключения. Мехлис примерно наказал волокитчиков в лице главного контролера Государственного контроля на же-

---

[1] ГАРФ, ф. 8300, оп. 2, д. 320, л. 40.

лезнодорожном транспорте А.Д. Гущина и заместителя министра Е.В. Анисимова. По вине первого доклад в правительство об итогах одной из проверок готовился более трех месяцев, Анисимов же не принял своевременных мер к прекращению волокиты. Министр приказом от 28 января 1949 года наказал обоих, потребовав навести должный порядок, а обо всех случаях нарушения установленных сроков подготовки материалов к их реализации докладывать немедленно. Эти меры, однако, не имели большого резонанса, поскольку процесс ограничения полномочий МГК СССР продолжал сохранять динамику.

Обращает на себя внимание, что Совет Министров СССР и его руководитель Сталин неоднократно критиковали Министерство госконтроля и после того, как оно успешно отчиталось о выполнении постановлений ЦК и Совмина, принятых летом 1948 года. Так, в феврале 1949 года, отметив недостачу на хлопковых заводах и заготовительных пунктах крупных партий хлопка-сырца, СМ СССР предъявил контролерам большие претензии и обязал Мехлиса принять меры по кардинальному исправлению положения[1].

Чтобы сбить критическую волну, Лев Захарович, за три десятка лет хорошо изучивший законы аппаратной борьбы, попытался воспользоваться подходящим поводом — исполнявшимся в апреле 1949 года 30-летием социалистического государственного контроля. Он не упустил возможности напомнить стране, что у истоков министерства, которое ныне вверено ему, стоял сам Сталин. Полагаем, что это была попытка не просто спрятаться в тени вождя, но и публично выразить ему свою полнейшую лояльность в расчете на возврат прежнего благоволения.

«С новой силой, — писал Мехлис в "Правде" 9 апреля 1949 года, — встают поставленные товарищем Сталиным вопросы о необходимости беречь народную копейку для дальнейшего роста хозяйства, осуществлять зверский режим экономии, вытравлять все и всякие излишества, беззакония и хищения государственных денежных средств и материальных ценностей».

Эти же мысли прозвучали из его уст в тот же день на торжественном собрании коллектива МГК СССР. Характерно, что это не была привычная речь по случаю юбилея с рапортом о достиг-

---

[1] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 356, л. 19, 25.

нутом и перечислением фамилий отличившихся. Лев Захарович, учитывая, очевидно, недавние серьезные претензии со стороны ЦК, об успехах не говорил вовсе. Обратившись к истории и определяя этапы становления социалистического государственного контроля, он особенно акцентировал внимание на роли Сталина в этом процессе, неоднократно цитировал его, перемежал речь славословиями и здравицами в адрес вождя, вроде такой: «Слава, слава, вечная слава величайшему полководцу, мудрому и прозорливому вождю, Генералиссимусу Сталину, под руководством которого одержана всемирно-историческая победа!»

Судя по дальнейшим событиям, линия поведения Мехлисом была выбрана правильно. Ему удалось переломить ситуацию и вернуть доверие к себе и своему ведомству. К тому же, как свидетельствуют имеющиеся архивные документы, директивные органы и сами по прошествии некоторого времени осознали поспешность лишения Министерства госконтроля СССР прежних полномочий и пусть не полностью, но восстановили статус-кво.

МГК СССР в мае 1949 года произвело проверку правильности списания материальных ценностей на семи железных дорогах страны, показавшую, что соответствующее постановление правительства о ежегодной инвентаризации на железнодорожном транспорте грубо нарушалось, при этом инвентаризация использовалась как ширма для списания и сокрытия недостач оборудования, техники и материальных средств.

В июне того же года в соответствии с поручением правительства в 35 областях, краях и республиках было проверено выполнение плана капитального строительства и ремонта складов и элеваторов для приемки нового урожая. Выявленная картина требовала скорейшего принятия мер: на 1 июня из 16 элеваторов в строй вступил лишь один, план капитального ремонта был выполнен всего на 51,5 процента. Убытки составили десятки миллионов рублей.

Несколько проверок и ревизий касалось производства и сохранности спирта. Был установлен факт искусственного завышения плановой себестоимости продукции в системе Главспирта Министерства пищевой промышленности СССР, благодаря чему главком была незаконно получена дотация в размере 81,6 млн рублей. Массовые приписки были выявлены и при проверке подведомственного

Главспирту Ульяновского треста[1]. О значимости результатов, полученных подчиненными Мехлиса в ходе этих проверок, говорит тот факт, что они послужили побудительным мотивом для принятия правительством страны решения о создании в структуре МГК СССР в июле 1949 года Государственного контроля за сохранностью и расходованием спирта.

К этому моменту Мехлис уже около девяти лет находился у руля Госконтроля. Он был ярким представителем того типа руководителей, которых принято называть сталинскими наркомами. Под его руководством Госконтроль стал важнейшим элементом командно-административной системы.

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Год 1949-й оказался в жизни Льва Захаровича переломным, давшим возможность испытать и взлет, и крах надежд. В январе он принимал поздравления в связи с 60-летием со дня рождения. В министерство, по домашнему адресу потоком шли поздравления. Из Днепропетровска пришла почтительная телеграмма от четы Брежневых (будущий генеральный секретарь ЦК КПСС, а тогда — первый секретарь Днепропетровского обкома, был в подчинении у Мехлиса на фронте, как начальник политотдела 18-й армии, входившей в состав 4-го Украинского фронта). Из Берлина — от маршала В.Д. Соколовского, из Каменец-Подольского — от местных властей как депутату, избранному по их округу. Поздравила «доброго друга, любимого товарища, превосходного большевика» семья поэта Александра Безыменского. Не остались в стороне композиторы-песенники братья Покрасс.

Витиеватостью слога и претенциозностью всех превзошел Климент Ефремович Ворошилов, написавший: «Дорогой Лев Захарович! Разрешаю себе (с запозданием, к сожалению) приветствовать Вас и поздравить с героическим подвигом шестидесятилетним пребыванием на одной из планет нашей солн[ечной] системы. Желаю Вам долгих и столь же успешных преуспеваний в д[альнейшей] работе и подвижного, преуспеянного (*? — Ю.Р.*) большевистского здоровья. Жму крепко руку».

---

[1] ГАРФ, ф. 8300, оп. 1, д. 368, л. 127—128, 259, 319—320, 351—352.

Поздравления шли и от рядовых людей. Доставили письмо старшего надзирателя Ногинлага МВД СССР А.А. Шишулина с поздравлением и благодарностью за помощь в установлении пенсии сироте, которая воспитывалась в его семье. Напомнили о себе бывший красноармеец 46-й стрелковой дивизии в годы Гражданской войны Л. Фрайман, семья Алхимовых из Воронежской области, в доме которых в 1942 году некоторое время жил юбиляр, тогда — член Военного совета 6-й армии. А вот группа старых большевиков за поздравлениями не смогла спрятать обиду: по новому пенсионному законодательству у них отнимали льготы, закрепленные еще в 1930 году. Просим не допустить этого, молили члены партии с дореволюционным стажем. Когда были помоложе и здоровее, нужны были, а теперь...

По случаю своего юбилея Лев Захарович удостоился ордена Ленина. А еще через три месяца он прикрепил к своему полувоенному френчу еще один орден с тем же профилем. Теперь уже в связи с юбилеем своего ведомства.

И в этом же 1949 году произошли события, поставившие точку на политической карьере нашего героя. Летом стали беспокоить загрудинные боли. Это было новым и неприятным. Поехал отдохнуть в Барвиху, а потом по знакомому маршруту в Мисхор. Много купался, прогуливался в горах, катался на лодке, ловил рыбу — и недомогание отступило. Но, как оказалось, ненадолго и чтобы зимой ударить еще больнее. 4 декабря его сразил инсульт: отнялись правая нога и рука, нарушилась речь. К инсульту добавился инфаркт. Мехлис вновь оказался в Барвихе.

Выздоровление шло тяжело и медленно. Лев Захарович, возможно, впервые в жизни имел столько свободного времени, чтобы поразмыслить над пройденным и пережитым. Не мог он не задуматься, почему былая близость со Сталиным стала заметно ослабевать, с чем связана острая критика его ведомства, начиная с 1948 года. Все чаще приходила мысль, которую он гнал от себя, но та все возвращалась и саднила душу, так преданную вождю...

Прервем повествование, чтобы остановиться на вопросе, который прежде в нашей литературе стыдливо обходили, но который в реальной политике при Сталине, да и позже, играл существенную роль. Мы говорим о явственном антисемитизме, который исповедовала большая часть правящей верхушки, включая вождя (нали-

чие там отдельных евреев вроде Кагановича или Мехлиса картину принципиально не меняло).

Что Сталин — антисемит, подтверждают наблюдения многих его современников в широком временном диапазоне от 20-х (Борис Бажанов) до 50-х годов (Константин Симонов). Иные сегодняшние авторы даже возводят это качество вождя в несомненное достоинство, например, Владимир Карпов в «Генералиссимусе».

Антисемитизмом диктовалась и реальная политика позднего сталинизма, достаточно вспомнить кампанию против «безродных космополитов», дело Еврейского антифашистского комитета, «дело врачей». В первые послевоенные годы антиеврейская чистка госаппарата, сферы производства, науки и культуры, идеологически подготовленная еще во второй половине 30-х годов и исподволь начавшаяся в период Великой Отечественной войны, стала заметно расти вширь и ужесточаться по характеру. В ее сферу была вовлечена даже высшая номенклатура из числа евреев.

Есть основание полагать, что чаша сия не миновала и Льва Захаровича, правда, не в открытую, не в самой острой форме. Да, он не погиб «случайно» под колесами автомобиля, как народный артист Соломон Михоэлс. Не был расстрелян, как Соломон Лозовский, бывший заместитель министра иностранных дел. Не попал в заключение по вздорному обвинению, как академик Лина Штерн. Но между болезнью Мехлиса и его вынужденным уходом из политической элиты, с одной стороны, и антисемитской кампанией, с другой, прослеживается определенная связь. Эту точку зрения разделяет, например, историк Г.В. Костырченко[1].

Лев Захарович тридцать лет работал рядом с «отцом народов». Сомнительно, чтобы даже при всей жестокости, крайней сухости и черствости ему удавалось равнодушно воспринимать сталинский антисемитизм. И тем не менее нет ни одного свидетельства, что он хотя бы раз возвысил свой голос против преследования единокровников.

Его линия поведения еще с 20-х годов, по свидетельству уже известного читателю Бориса Бажанова, сводилась к незамысловатой формуле: «Я не еврей, я — коммунист». Именно так, дословно,

---

[1] *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 516.

Лев Захарович прокомментировал антисемитский выпад Сталина, свидетелями которого невольно стали помощники генерального секретаря. «Это удобная позиция, — резюмировал Бажанов. — Она позволит Мехлису до конца его дней быть верным и преданным сталинцем, и оказывать Сталину незаменимые услуги»[1].

Он отрабатывал доверие хозяина, как только мог. Во время учебы в Институте красной профессуры громил троцкистов и бухаринцев с характерными фамилиями Айхенвальд, Эльвов, Цетлин, Деборин (Иоффе). Работая в «Правде», бестрепетно выставлял за редакционный порог всех, кто, по образному выражению художника-карикатуриста Бориса Ефимова, в пятой графе анкеты мог лаконично писать: «Да». Будучи начальником ПУ РККА, соглашался с тем, чтобы процент репрессированных не великороссов, в том числе евреев, был выше, чем доля их представительства в командно-политическом составе армии.

Все это, безусловно, импонировало вождю. Полная самоотрешенность, демонстративный отказ от национальной самоидентификации, личная преданность Сталину, достигавшая крайних пределов, в глазах последнего многое искупали в личности Мехлиса. В том числе, очевидно, и «неудобную» национальность.

И все же тяжелое дыхание репрессий Лев Захарович подчас ощущал и на своей спине. Никто не мог в той погромной обстановке считать себя в полной безопасности. Некие силы попытались бросить тень и на него, верного Санчо Пансу вождя.

Осенью 1938 года в Особый отдел НКВД попало письмо с почтовым штемпелем Нью-Йорка и адресованное Мехлису. Его содержание, стиль и орфография достойны того, чтобы письмо привести полностью.

«2-го июля

Дорогой Лева!!

Твою лавку на 34-й улице закрывают, и все продают за бесценок. Напрастно ты послал всю партию в распоряжение Когана. Эта партия полотна лучше, нежели прежняя. Только ее лучше можно было продать через Мосельпром — Рабиновича.

Амторг только занимается интригами и думает, что его дядя в Москве через Лазаря сумеет скрыть его проделки. Только напраст-

---

[1] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 82.

но ты позволяешь им всем наживаться, рискуя своей шкурой. Пакеты от Розы и Моисея пришли из Сан-Франциско и выручка кредитирована там на месте.

Подробности получишь с почтой из Вашингтона. Это письмо шлю на адрес Кагановича, чтобы оно не попалось в лапы твоей Маньки.

Борис и Броня — здоровы, у них родился сын 15-го июня. Муж Этель умир от разрыва сердца. Мать ее мужа хочет, чтобы она жила с нею в Чикаго. Мы все здесь здоровы и мечтаем как-бы скорее с тобой увидеться.

Прости мою мазню. Ты знаешь, мне трудно писать по-русски.

Ну, цилую, тебя, твой брат — Соломон».

Нет сомнения, что это письмо, попав в руки Мехлиса, не на шутку его встревожило. Недруги получили против него отличное оружие для интриг — преступные связи с заграницей, незаконная коммерция, да мало ли что еще. А если в это письмо поверит хозяин, которого «органы» проинформируют непременно? Нет уж, лучше доложить все самому и в выгодном для себя свете.

28 ноября 1938 года под грифом «Сов. секретно. экз. № 1» Лев Захарович отправил это письмо Сталину со следующей сопроводиловкой: «Во время моей командировки в июле месяце в адрес Кремля на мое имя прибыло провокационное, сумасбродное письмо с печатью из Нью-Йорка. Это письмо комендатура Кремля переслала в Политуправление РККА, а оттуда оно было передано Особому отделу НКВД в лице бывшего его начальника Федорова, оказавшегося врагом народа. Сейчас из Особого отдела это провокационное письмо, видимо состряпанное в московских посольских кругах, возвращено в ПУРККА.

Посылаю Вам это письмо. Полагал бы, что НКВД стоит заняться розыском провокаторов письма»[1].

Насколько известно, неприятных последствий эта «цидуля» для Льва Захаровича не имела. Но, зная нравы кремлевского двора, он вряд ли мог быть спокоен на перспективу. В любой момент, который вождь посчитал бы подходящим, письмо из Нью-Йорка было бы востребовано. В конце концов, донос небезызвестной Лидии Тимашук на своих коллег по кремлевской больнице тоже родился

[1] Военно-исторический журнал, 1993, № 1. С. 96.

не в 1952 году, а пролежал в архиве почти четыре года, прежде чем органы госбезопасности, раскручивая дело «врачей-вредителей», дали ему ход...

Но вернемся к больному, оставшемуся не у дел Льву Захаровичу. Надо отдать должное его характеру: болезни он старался не поддаваться. Когда состояние стабилизировалось, стал учиться писать левой рукой — архив хранит несколько тетрадей, где в каракулях лишь угадывается его характерный до болезни крупный и твердый почерк. В качестве образца для письма использовал газетные статьи, биографию Сталина.

Появилось много свободного времени — стал что-то читать, смотреть кинофильмы, оценки их тоже записывал. Они по-своему ценны для характеристики внутреннего мира Льва Захаровича. Посмотрев фильм «Кубанские казаки», он посчитал необходимым «поздравить коллектив артистов... с выдающимся успехом». А вот его оценки книг: «Плавучая станица» Виталия Закруткина — «Книга читается с захватывающим интересом»; «Кочубей» Аркадия Первенцева — «яркая страница из истории гражданской войны»; «Как закалялась сталь» Николая Островского — «Роман страдает некоторыми шероховатостями, недоделками. Но они в стократ компенсируются революционной страстностью».

Нельзя не обратить внимания на то, что круг чтения у больного весьма специфичен — произведения о Гражданской войне и строительстве социализма, причем далеко не лучшие из тех, что дала советская литература. Он и прежде в многочисленных статьях и выступлениях никогда не обращался к художественной литературе, не ссылался на ес образы. Вот в этом он оказался совершенно не похожим на Сталина.

Такое впечатление, что Лев Захарович, хотя в свое время редактировал крупнейшую в стране газету, по долгу службы «курировал» писателей и журналистов, но никогда серьезно не знакомился с русской и мировой классикой — будь то литература, музыка, театр, не испытывал потребности в Пушкине, Толстом, Тургеневе, Чехове, и остался глух к культуре. Впрочем, в этом он не отличался от абсолютного большинства высокопоставленных советских чиновников. Несмотря на наличие докторской степени, был он, пожалуй, и недостаточно образован. Скудный духовный мир, невежество в куль-

турной сфере много способствовали развитию худших сторон его личности.

Упущенное ранее было уже не наверстать. Не было для этого ни желания, ни сил. Лев Захарович старался не сидеть на месте, хотя без отдыха мог сделать лишь несколько шагов. Характер стал у него помягче. Так часто бывает, стоит человеку услышать первый «звоночек», осознать, что он не из стали выкован и не вечен. Стал чаще шутить. С близкими нередко вспоминал, какой номер «отмочил», отдыхая в Карлсбаде: «Чехи составляли санаторный листок на меня. Спрашивают фамилию. Решил — какое им дело? Назвался Ивановым, а по отчеству Иваном Ивановичем. Немного и самому смешно стало от шуточки».

Заметно тяготило одиночество. Болезнь и вынужденное безделье обострили потребность в человеческом общении. Однако в свое время друзей по душе так и не завел, исключая, может быть, только Ортенберга. Радовался каждому его приезду на дачу, где Лев Захарович теперь находился фактически безвылазно, разговору, шахматной партии. В письмах делился с ним впечатлениями от прочитанного. Беспокоился: был бы только хороший урожай, «остальное нам нипочем. Тогда и США, и всякие блоки нам не страшны, положим их на обе лопатки. Не так ли?»

Больше всего его тяготила выключенность из политической жизни. Другого занятия у него не было, многие годы он привык быть в центре определявших жизнь страны событий, вершить чужие судьбы, а тут неожиданно остался с опасным недугом один на один. Не оставлявшие его надежды на возвращение к работе постепенно таяли. В августе 1950 года, когда Совет Министров СССР на 6 месяцев продлил ему отпуск на лечение, Лев Захарович еще надеялся, что место за ним сохранится. Но уже в октябре Политбюро ЦК приняло следующее решение: «Ввиду того, что по состоянию здоровья тов. Мехлису Л.З. трудно исполнять обязанности Министра государственного контроля — освободить тов. Мехлиса Л.З. от [этих] обязанностей... имея в виду, что после выздоровления тов. Мехлиса он будет направлен на партийно-политическую работу». Освободившийся кабинет в Министерстве госконтроля занял ставленник Берии — мрачно известный В.Н. Меркулов.

Смириться с мыслью, что он теперь не у дел, было для Льва Захаровича невыносимо. Приближался XIX съезд партии, а его впер-

вые за двадцать лет не выбрали делегатом. Мехлис обратился к Сталину с письмом, в котором просил разрешения, как члену ЦК, присутствовать на съезде хотя бы с правом совещательного голоса. Пока ждал ответ, писал Ортенбергу из Мисхора: «Где будет съезд, не спрашиваю, это секрет. Что касается Московской конференции, то другое дело. Когда она состоится? И деталь. Есть ли лестницы в оба конца в Колонном зале? Деталь для меня представляет интерес».

«Не зря он это выяснял, — комментировал Ортенберг в беседе с автором. — Несмотря на ограниченную подвижность, Лев Захарович все-таки надеялся получить разрешение Сталина и быть на съезде. Но Сталин отказал. Мехлис был страшно расстроен. Я приезжал к нему на дачу в Петрово-Дальнее и видел это своими глазами. Прошел один день работы съезда, второй, третий... Лев Захарович места себе не находил. Я его успокаивал, говорил, что неудобно в таком состоянии чего-то требовать: что могут подумать люди, увидев среди делегатов инвалида?

Съезд закончился, — продолжал рассказ Ортенберг. — Получаем "Правду" со списком членов ЦК. И вдруг читаем: "Мехлис Лев Захарович". Я ему и говорю:

— Видите, Сталин вас не забыл, напрасно волновались.

Он был доволен ужасно».

Правда, этот факт мало что изменил в повседневной жизни. Дача сменялась кремлевской клиникой, больничная палата — номером санатория «Коммунист» в полюбившемся еще с 20-х годов Мисхоре. Мехлис очень беспокоился о сыне, чья душевная болезнь прогрессировала.

...Зная, по судьбам скольких людей Лев Захарович проехал безжалостным катком, невольно задумываешься, а способен ли он был на проявление привязанности, сострадания, жалости? Оказывается, способен — к своим жене и сыну. Они были для него настоящей любовью и болью.

Елизавета Абрамовна с началом войны надела погоны офицера медслужбы, работала в госпитале в Москве. Когда Лев Захарович стал членом Военного совета Волховского фронта, жена приехала к нему. К ее чести, не прохлаждалась, а работала по специальности в одном из госпиталей. Долго были рядом, вместе перебрались на 4-й Украинский фронт. Оттуда майор медслужбы Млынарчик вы-

нуждена была вернуться в Москву — повышенного внимания потребовал Леонид.

Сколько надежд возлагали они в свое время на сына! Оказался он слабым здоровьем. И все же Мехлис-старший не искал для него судьбы, отличной от судьбы миллионов ровесников. Он одобрил желание Леонида учиться на авиаинженера в военной академии. 4 октября 1941 года, на один день попав в Москву, он спешил написать сыну в Энгельс, куда была эвакуирована Военно-воздушная инженерная академия: «На днях тебе будет 19 лет. Поздравляю... Ты вскормлен и вспоен советской властью, нашей большевистской партией. Учись, набирай знания, чтобы сумел на отлично бороться с проклятым фашизмом. Целую. Твой отец».

Академия не была закончена: Леонид досрочно из-за болезни вернулся в Москву. Колебался, как поступить, был вроде бы не прочь воевать рядом с отцом. Тот настоятельно советовал поскорее определяться и идти в артиллеристы — при выявленном плоскостопии будет проще, чем в пехоте: «Зайди к Ефиму Афанасьевичу Щаденко — поможет».

28 августа 1942 года, получив от сына сообщение, что тот учится на артиллерийских курсах, Мехлис-старший наставляет его, обращаясь к своему опыту бомбардира времен Первой мировой войны. Знай, мол, что орудие — словно дитя, его надо холить, беречь в бою и лучше умереть рядом с ним, нежели оставить врагу. В следующем письме — новое наставление, прямо скажем, достойное любого родителя: «Люби, родной сын, свою родину больше, чем свою мать и отца, больше, чем самую жизнь».

Он просит Леонида сообщить, когда закончится учеба: «Хочу, чтобы воевали вместе». Не получилось. Сын, ссылаясь на нездоровье, вернулся в Москву. Отец настаивал: заканчивай училище, «пойдешь в действующую армию и окрепнешь физически». В мае 43-го вновь побуждает: «Не забудь свои годы — надо окрепнуть и идти в армию, защищать родину».

Болезнь, в конце концов, оказалась сильнее желания Льва Захаровича увидеть сына на фронте. Но и теперь, когда он сам вынужден был бороться с недугом, не было возможности все время находиться рядом с Леонидом. Когда с Елизаветой Абрамовной они уезжали в Барвиху или на юг, сына приходилось оставлять в специальной кли-

нике. Туда, в больницу «Стрешнево», и адресовал Мехлис письма, не будучи даже твердо уверенным, что их не перехватят санитары.

1 июня 1951 года в Крыму легли на бумагу неровные строчки: «Живу на той же даче, что и в 1949 году. Но как этот, 1951 год, отличается от 1949 года. Мне тогда было все нипочем, купался в море, катался на лодке, стрелял по кефали и довольно удачно. А теперь... Безвыходно сижу в комнате, а точнее — больше лежу». Болезнь, видимо, так изнурила, что Мехлис-старший уже не пытался, как прежде, бодриться и обещать сыну когда-нибудь приехать сюда, на юг, вместе.

На самочувствии и настроении, конечно, не могла не сказаться та истерия, которая поднялась в 1952 году вокруг врачей «кремлевки». Речь, конечно, не о «вредительстве», не о сознательном умерщвлении сановных пациентов: обвинения в этом с врачей кремлевской клиники были официально сняты еще в 1953 году. А вот то, что в знаменитой «кремлевке» витал мертвящий дух чиновной иерархичности, корпоративности, круговой поруки, сомнения нет. На попечении каждого из обремененных многочисленными должностями профессоров ЛСУК — лечебно-санитарного управления Кремля — одновременно находились десятки высокопоставленных больных. В результате лечение подчас превращалось в свою противоположность.

Как пишет Г.В. Костырченко, «например, начальник ЛУСК профессор П.И. Егоров, который пользовал Г.М. Димитрова, маршалов А.М. Василевского, С.М. Штеменко (последний — для точности — был не маршалом, а генералом армии. — *Ю.Р.*), академика С.И. Вавилова и многих других, направил летом 1952 года бывшего министра госконтроля СССР Л.З. Мехлиса, страдавшего сердечной недостаточностью, на лечение в Крым, что было ему противопоказано»[1].

Зимой 1953-го в состоянии здоровья Мехлиса наступило заметное ухудшение. Он умер 13 февраля, за три недели до кончины Сталина, и ему «успели» оказать почести, положенные партийно-государственному деятелю его масштаба. Правительственная комиссия по организации похорон во главе с секретарем ЦК КПСС М.А. Сусловым, «представители трудящихся» у гроба в Колонном зале Дома союзов, траурный митинг на Красной площади,

---

[1] *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. М., 1994. С. 310.

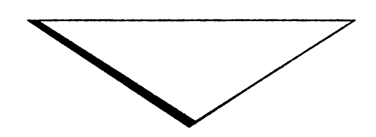
урна с прахом, замурованная в Кремлевскую стену... Переживи Лев Захарович хозяина, ручаться за подобные почести было бы трудно, и лишнее свидетельство тому — практически полное посмертное забвение имени Мехлиса.

Прижизненная иерархия в партийно-советском истеблишменте неукоснительно соблюдалась и после смерти тех, кто к нему принадлежал. Мехлис был к тому же ко дню кончины пенсионером, и глупо было бы ожидать, что соболезнование, кроме коллективного — от ЦК КПСС — персонально выскажет кто-то из высшей элиты. На траурном митинге первых лиц страны тоже не было. Выступили лишь Суслов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкин, начальник Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-полковник Кузнецов, надежный заместитель Льва Захаровича в конце 30-х годов и в первый год войны. Из наиболее заметных деятелей, приславших телеграммы соболезнования, можно назвать маршалов Мерецкова и Баграмяна, старую большевичку Е.Д. Стасову.

О скорби тех, кто учился с Мехлисом на курсах марксизма и в Институте красной профессуры, написала его вдове А.А. Залкинд, сестра Землячки: «Навсегда в нашей памяти останется светлый облик Льва Захаровича, настоящего ленинца-сталинца, непримиримого борца против всякой троцкистско-зиновьевско-бухаринской нечисти, борьбу с которой он возглавлял и на курсах марксизма, и в Институте красной профессуры». О том же писали старые большевички Т. Людвинская и Л. Левинсон.

Примета, многое говорящая и о времени, и о людях, окружавших бывшего министра госконтроля. В час скорби не о человеческих, душевных качествах покойного вспоминают они, но о силе «кулаков» непримиримого политбойца.

О времена, о нравы!



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Между исторической оценкой любой личности и ее реальным вкладом в общественное развитие существует строгая диалектическая зависимость. Лев Мехлис, несомненно, оставил свой след в истории нашей страны, но след этот — главным образом негативный. Даже его положительные качества — высокая работоспособность, деловитость, личная смелость, умение отстоять свою точку зрения — подчинялись чаще всего злой воле, воплощая ортодоксальность взглядов и жестокость натуры. В своей практической деятельности он без колебаний предавал забвению нравственные категории, как якобы несовместимые с реальной политикой, и рассматривал результаты этой деятельности исключительно с утилитарных позиций: насколько они соответствовали указаниям вождя, интересам сконцентрировавшей в своих руках всю политическую власть в СССР партийно-государственной верхушки. Воистину он был *alter ego* Сталина.

Вполне вероятно, что у добравшегося до последних страниц читателя возникает вопрос: а не злоупотребил ли автор черной краской? Неужто и в самом деле Мехлис был эдаким монстром, раболепствовавшим перед тираном, но не знавшим милосердия и сострадания к тем, кому был предопределен удел жертвы?

Автор настроен к своему герою без предубеждения. К нелестным но, смеем надеяться, близким к истине выводам побудили выявленные архивные материалы и неоднократно приводимые в книге свидетельства людей, хорошо знавших Мехлиса, сталкивавшихся с ним на жизненных дорогах. Бездна нравственного падения этого человека открывалась не сразу. Исподволь, постепенно, но какой же зияющей оказалась она!

Лет пятнадцать — двадцать назад оценки этой личности были бы, безусловно, не столь жесткими. Не потому, конечно, что автор отличается повышенным конформизмом. Просто все мы за эти по-

следние годы выросли, раздвинули горизонты знания о прошлом. Невозможно не ощутить благотворное влияние заметного роста политической культуры общества, приобщения к демократическим ценностям — свободе выражения мысли, отсутствию идеологического пресса, разномыслию в противовес бытовавшему у нас единогласию, единодушию и единомыслию.

До середины 80-х годов мы и думать не могли, чтобы публично ставить вопрос, например, об ответственности политического режима за раскрестьянивание страны или за тяжкие поражения начального периода Великой Отечественной войны, о бессудных расправах над генералами и рядовыми солдатами, о проблеме коллаборационизма и плена. Точка зрения, что «война все списала», что без миллионных жертв невозможно победить, была настолько распространена, что казалась незыблемой. Но миновали годы, и теперь не только на научном, но и обыденном уровне вопрос о цене Победы ставится и решается без лишней сенсационности, как насущный. И понятие гуманизма, некогда довольно абстрактно звучавшее в нашем обществе, получило конкретное наполнение.

Наиболее уязвимое место у Мехлиса, как политика, как раз и заключается в пренебрежении принципами гуманизма. Его редко заботила цена, которую требовалось заплатить для выполнения того или иного указания Сталина, собственного приказа. Готовность не считаться ни с какими жертвами, глубокая уверенность в личном превосходстве, в своем праве определять, нередко произвольно, по капризу, беззаконно, участь других людей — вот наиболее ущербные черты его личности.

Он представлял собой один из наиболее ярких типов, порожденных властью, которую никто и никогда не выбирал. Став во главе страны в результате вооруженного восстания, отторгнув любых политических союзников, развязав войну против собственного крестьянства, подавив в 20—30-е годы даже видимость оппозиции, эта власть, чтобы выжить, неизбежно должна была прибегать к политической и социальной мимикрии, реализовывать свои потенции в обстановке строжайшей тайны, обеспечивать существование за счет постоянного воспроизводства образа врага.

Такой властью были востребованы и люди особой психологии и морали — властолюбивые, жестокие, с пониженным нравственным порогом, уверенные в способности решать за других, в каком обще-

стве тем жить. При этом люди мехлисовской породы предпочитали управлять, находясь преимущественно в политической тени лидера, вождя и лишь изредка показываясь из-за его спины.

Безусловно, таким Мехлис стал в определенной исторической обстановке. Но ведь в той же самой обстановке рождались не только негодяи, но и герои. Он же выбрал свой путь — путь верного слуги тирана, путь инквизитора. За что и отвергнут теми, для кого понятия совесть, нравственность — не химера, нс «интеллигентщина» и свидетельство не слабости, а силы.

Давать оценку книге — удел читателя. У автора же в любом случае есть твердое убеждение в необходимости обращаться к жизни и политической деятельности лиц из сталинского окружения, вооружившись инструментарием науки. Ведь точно представлять, кто и в какой степени способствовал формированию сталинщины, как репрессивного, антинародного режима — не только законное желание соотечественников, но и прямая потребность. В противном случае оказывается, что за преступления тоталитарного политического режима 20—50-х годов несет ответственность один Сталин. Не забудем: подобный подход уже был продемонстрирован в широко известном закрытом докладе Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Возвращение к такой оценке не только отбрасывает нас, как минимум, к уровню знаний полувековой давности, но и затрудняет усвоение уроков прошлого.

А такое усвоение жизненно необходимо. Ни для кого не секрет сохранение в современных условиях многих элементов прежней номенклатурно-бюрократической системы формирования органов государственной власти. А ведь это угрожает обществу рецидивами тоталитаризма, откатом от основных демократических ценностей, разочарованием и гражданской апатией населения страны.

Что же касается Мехлиса, то нас не должно смущать то обстоятельство, что он не претендовал, по крайней мере, публично, на первые роли в партии и государстве и не входил в сталинский ареопаг — узкий круг Политбюро ЦК. Но и из-за спины вождя, на своем не таком уж скромном месте во «втором ряду» высшей партийной номенклатуры он много сделал для утверждения в СССР режима личной власти. Мехлис был тенью Сталина, его глазами и ушами. В обществе, где демократия была лишь декорацией и деклараци-

ей, это давало не меньше прав и возможностей, нежели формальное пребывание на ключевых постах.

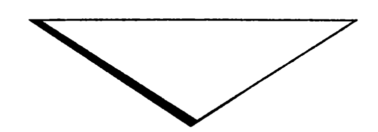
К своей цели он шел, ломая людские судьбы и жизни. Хотя и сегодня кое-кто уверен: в пору репрессий этот человек не только карал. На кого-то он вроде бы не пустил в ход компромат, кого-то прямо взял под защиту. Один из собеседников автора, чье имя прозвучало в книге, убеждал, что Мехлис просто «поддался обстановке всеобщих репрессий, погряз в неверии к людям, не возражал Сталину...»

Это — весьма распространенный и весьма небезобидный взгляд, тем более что нет-нет, да услышишь сегодня ностальгически-тоскливый вздох по «железной руке», по сталинскому «порядку».

Что значит «поддался обстановке»? Жестокая кадровая селекция, осуществлявшаяся вождем, оставляла к концу 30-х годов в его окружении только тех, кто готов был выполнить любую палаческую миссию, самый кровожадный приказ. Да, выбор в большинстве случаев был небогат: стать жертвой или палачом, возвысить свой голос против диктатора, тем самым подписав себе приговор, или взять на душу грех войны с собственным народом.

Свой шанс совести Мехлис не использовал, да, представляется, и не собирался этого делать. Избрав удел опричника, он не только следовал глубоко аморальной логике выживания в сталинском окружении, но и, без сомнения, реализовывал свои, может быть, глубоко в подкорке скрытые комплексы — упоение властью над людьми, чаще всего несравненно более одаренными природой по сравнению с ним. И не жалость, не желание разобраться, действительно ли есть вина за человеком, заставляли Мехлиса кое от кого отводить «секиру». Сталин ведь тоже не только казнил. Кому-то прозрачно намекал на свои подозрения, у кого-то арестовывал близких родственников. Держал людей в страхе, в напряжении, лишая тем самым воли, подчиняя себе. По рецептам учителя орудовал и ученик.

Нравственная деградация героя книги шла по нарастающей: от шомпольных расправ в годы комиссарской молодости и изощренного избиения кадров в пору массовых репрессий — к расстрелам генералов и офицеров без суда и следствия в годы Великой Отечественной и подавления ростков свободомыслия в сознании победителей фашизма после нее. И привела его, в конечном счете, к фиаско — как политика и забвению — как человека.



ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ Л.З. МЕХЛИСА

1889 г., 13 января — родился в г. Одесса

1903—1911 гг. — окончил 6-классное, по курсу реального, училище, служил конторщиком, давал частные уроки

1905—1907 гг. — в годы Первой российской революции посещал митинги, участвовал в действиях отряда еврейской рабочей самообороны

1907 г. — вступил в Еврейскую социал-демократическую рабочую партию «Поалей-Цион» (формально состоял до 1918 г.)

1911 г. — призван на военную службу во 2-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду XI армии

1914—1917 гг. — на Юго-Западном фронте, сведений об участии в боевых действиях нет

1917 г., февраль — в г. Белая Церковь избран в совет рабочих депутатов

1918 г., январь — в Одессе избран членом Румчерода — ЦИК советов депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа. Участвовал в установлении в городе советской власти

1918 г., март — вступил в РКП(б)

1918 г., вторая половина — 1919 г., март — на хозяйственной работе в Курске, Нижнем Новгороде, Харькове

1919 г., апрель — Харьковским губкомом РКП(б) мобилизован на фронт в распоряжение РВС группы Харьковского направления. Назначен политическим комиссаром запасной маршевой бригады в Екатеринославе

1919 г., июль — назначен политкомиссаром 46-й стрелковой дивизии на Южном фронте

1920 г., апрель — в бою против врангелевского десанта в районе Мелитополя получил тяжелое ранение

1920 г., май — июль — состоял для поручений при РВС Юго-Западного фронта, где познакомился с членом РВС И.В. Сталиным

1920 г., июль — сентябрь — в должности военкома Правобережной группы войск 13-й армии, врид члена РВС 6-й армии, участвовал в захвате и обороне каховского плацдарма

1920 г., октябрь — декабрь — как военком 46-й стрелковой дивизии участвовал в обороне Екатеринослава, в штурме Чонгарских укреплений и форсировании Сиваша, в очищении Крыма от врангелевских войск

1920 г., конец декабря — избран на 8-й съезд Советов. Уволен из армии и откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б)

1921 г., январь — ноябрь — работал заведующим канцелярией управления делами Совнаркома РСФСР

1921 г., ноябрь — 1922 г., октябрь — в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции РСФСР в должности заместителя управляющего делами, а затем — заместителя, и.о. управляющего административной инспекцией

1922 г., ноябрь — 1926 г., январь — в ЦК РКП(б). Работал помощником, первым помощником генерального секретаря ЦК Сталина, заведующим бюро Секретариата ЦК

1926 г. — 1927 г., первая половина — учился на курсах марксизма при Коммунистической академии

1927 г., вторая половина — 1930 г., первая половина — слушатель Института красной профессуры по экономическому отделению. Был одним из лидеров борьбы со «школой» Н.И. Бухарина

1930 г., май — 1937 г., декабрь — член редколлегии, секретарь редакции, главный редактор газеты «Правда»

1937 г., сентябрь — декабрь — одновременно заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б)

1934 г., февраль — на XVII съезде ВКП(б) избран кандидатом в члены Центрального комитета ВКП(б)

1935 г., ноябрь — решением бюро президиума Коммунистической академии при ЦИК СССР присвоена ученая степень доктора экономических наук

1937 г., октябрь — на пленуме ЦК ВКП(б) избран членом Центрального комитета

1937 г., декабрь — избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва

1937 г., 30 декабря — 1940 г., 6 сентября — назначен начальником Политического управления РККА, заместителем наркома обороны СССР. Присвоено воинское звание армейский комиссар 2-го ранга

1938 г. — 1952 г. — член Оргбюро ЦК ВКП(б)

1938 — 1940 гг. — участие в событиях в районе оз. Хасан, р. Халхин-Гол, «освободительном походе» в Западную Украину, Западную Белоруссию и Бессарабию, в советско-финляндской войне

1939 г., 8 февраля — присвоено воинское звание армейский комиссар 1-го ранга

1939 г., март — на XVIII съезде ВКП(б) вновь избран членом ЦК и Оргбюро ЦК

1940 г., 6 сентября — назначен наркомом государственного контроля СССР

1941 г., май — одновременно назначен заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР, членом Бюро СНК

1941 г., 21 июня — получил назначение на должность начальника Главного управления политической пропаганды (с 16 июля 1941 г. — Главное политическое управление) РККА

1941 г., 10 июля — одновременно назначен заместителем наркома обороны СССР

1941 г., конец июня — 12 июля — одновременно выполнял обязанности члена военного совета Западного фронта

1941 г., вторая половина — по уполномочию Ставки ВГК выезжал на Западный, Резервный, Центральный, Северо-Западный, Волховский фронты

1942 г., январь — май — выполнял обязанности представителя Ставки ВГК на Крымском фронте

1942 г., 4 июня — приказом Ставки ВГК освобожден от обязанностей начальника Главного политического управления РККА, заместителя наркома обороны СССР, снижен в воинском звании до корпусного комиссара

1942 г., июль — сентябрь — был членом Военного совета 6-й армии Воронежского фронта

1942 г., сентябрь — 1946 г., февраль — член Военного совета Воронежского, Волховского, Резервного, Брянского, Прибалтийского, 2-го Прибалтийского, Западного, 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов, Степного, Прикарпатского военных округов

1942 г., 6 декабря — присвоено воинское звание генерал-лейтенант

1944 г., 29 июня — присвоено воинское звание генерал-полковник

1944 г., май — освобожден от обязанностей заместителя председателя СНК СССР

1946 г., февраль — избран депутатом Верховного Совета СССР второго созыва

1946 г., март — 1950 г., октябрь — работал в должности министра государственного контроля СССР

1949 г., конец декабря — тяжело заболел, к активной служебной и политической деятельности больше не возвратился

1952 г., октябрь — на XIX съезде КПСС заочно избран членом Центрального комитета

1953 г., 13 февраля — скончался после тяжелой болезни, урна с прахом захоронена на Красной площади в Кремлевской стене

Государственные награды:

четыре ордена Ленина (апрель 1937 г., февраль 1938 г., январь 1949 г., апрель 1949 г.), орден Суворова 1-й ст. (май 1945 г.), орден Кутузова 1-й ст. (июль 1944 г.), орден Красного Знамени РСФСР (1929 г.), орден Красного Знамени (август 1943 г.), орден Красной Звезды (март 1940 г.), польский орден «Виртути милитари» IV класса (июнь 1946 г.), медали.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ПИСАТЕЛЕМ Д.И. ОРТЕНБЕРГОМ[1]

Автор: Давид Иосифович, с Мехлисом Вас многие годы связывали тесные и служебные, и дружеские контакты. При каких обстоятельствах Вы познакомились с ним?

[1] Запись сделана 17 октября 1992 г.

Ортенберг: Впервые с Мехлисом мы встретились в «Правде». Был он, к слову, неплохим редактором. Газетное дело знал, в политике хорошо разбирался, был смелым, не боялся ничего и никого, даже Сталина. Был случай: Сталин обругал Мехлиса матом. Так тот тоже в долгу не остался. Рядом оказался Каганович, написал Льву Захаровичу записку (он мне эту записку потом показывал): «Ты что — с ума сошел?» Но это — к слову.

Что же касается наших отношений, то поначалу, как это всегда бывает, мы присматривались друг к другу. Доверие, а тем более дружба возникли позднее, постепенно. С 1936 года я работал собкором газеты на Украине. В 1937 году в одной из корреспонденций раскритиковал партийный актив в Днепропетровске. Он был посвящен состоянию критики и самокритики, но речь секретаря обкома Хатаевича, а вслед за нею и другие выступления были такие прилизанные, комплиментарные. После выхода корреспонденции в свет получаю от Хатаевича записку: буду, мол, требовать в ЦК, чтобы вас из области убрали.

Я помчался на машине (можно было на поезде, но «загорелся», не выдержал) в Москву. Пошел сразу к Мехлису, показал ему записку Хатаевича. Как раз во время нашего разговора принесли телеграфную ленту с сообщением, что Днепропетровский обком, рассмотрев статью Ортенберга, признал: она, статья, верная, правильная. Мехлис тут же дал команду поставить информацию в очередной номер, а по поводу записки пошел прямо к Сталину. Чем закончился их разговор — не знаю, говорили, что Хатаевич получил выговор. Но главное, как мне кажется, в другом: Мехлис смело встал на защиту своего корреспондента, он верил людям.

Автор: Верил? Многие неопровержимые факты говорят как раз об обратном...

Ортенберг: Понимаю, Вы имеете в виду репрессии и прочее. Об участии Мехлиса в репрессиях, в т. ч. военных кадров, пишут, действительно, много. Может, факты такие и есть. Я же лично знаю и твердо знаю: он никого не предавал, а иногда и прямо брал под защиту.

Взять историю моего перехода из собственных корреспондентов в аппарат «Правды». К этому времени Мехлис, оставаясь главным редактором, был назначен заведующим отделом печати ЦК партии. Подбирая кадры, он решил взять в отдел меня и корреспондента

по Саратовской области Боева. Запросил местные органы о нас, не уточнив, для чего такая информация. Через месяц вызывают нас в ЦК и показывают кучу материалов: мы, оказывается, плотно связаны с врагами народа. Потребовали от нас объяснения. Написали, но, в общем-то, что объяснять: на местах, не зная истинных причин запроса из ЦК, решили, что требуется компромат, и постарались вовсю. Время-то было какое — 1937 год! А сразу сообщили бы им, что характеристики нужны для выдвижения, так были бы они такие, хоть к герою соцтруда представляй.

Мехлис тем не менее наши объяснения прочитал, вызвал к себе и сказал: я вам верю. И стали мы работать: Боев — в ПУРе, я — в «Красной звезде». А ведь могло быть совершенно иначе. Пошли он эту кипу материалов в НКВД, и я не знаю, хватило бы у меня силы воли выдержать побои и издевательства.

Вспоминается и еще один случай. Будучи замредактора «Звездочки», я пришел к нему уже как начальнику Политуправления Красной Армии. Он мне доверительно показал папку с материалами на Ф.Ф. Кузнецова, который незадолго до этого стал его заместителем. А там чего только нет: он-де и с теми врагами связан, и с этими. Я и смотреть не стал: клевета, говорю, не верю, что Кузнецов — враг (я его до этого неплохо знал). Мехлис опять мне поверил.

— Ну ее к черту! — сказал, кладя папку подальше в сейф. Так это «дело» и умерло.

Его вина, что он не всегда брал людей под защиту. Некоторых, кого просто обязан был, не защитил. Его прямая вина, что не защитил Михаила Кольцова, которого высоко ценил. Очевидно, к этому времени он тоже погряз в недоверии к людям, поддался репрессивному потоку, не возражал Сталину. Времена изменились. Матом уж покрыть Сталина не решился бы. Боялся его? Вряд ли, но противоречить уже не решался, особенно по большим вопросам.

Возьмите Киевскую оборонительную операцию летом сорок первого года. Жуков предлагал отвести войска, Сталин воспротивился, а Мехлис поддержал Верховного. В таких вопросах Лев Захарович себя достойно не проявил.

Автор: Мы плавно подошли к вопросу, каким был Мехлис на войне. Каково Ваше мнение?

Ортенберг: Скажу прежде всего о положительном в Мехлисе, что я сам видел, чему был свидетелем. Он был человеком безуслов-

ной храбрости, смелости. Сколько раз я приезжал туда, где он находился, ни разу в тылу его не видел. Он, приезжая в дивизию, полк, сидел не только на НП, но и непременно шел в окопы, к бойцам.

Помню, случай был на Воронежском фронте. Выехали мы с ним на передовую. Обстановка неясная, так и попали на ничейную землю. Немцы оказались в нескольких десятках метров. Не теряя присутствия духа, Мехлис скомандовал водителю: «Назад!» Растеряйся он, неизвестно, чем кончилось бы...

От пуль он был словно заговоренный. Ни разу его не ранили, хотя в разных переделках оказывался.

Еще пример, но уже с Курской дуги. На НП командующего Брянским фронтом находился Г.К. Жуков. Все это километрах в полутора-двух от передовой. Хорошо было видно, как наши наступавшие танки вдруг встали. Жуков пальцем показывает — застряли, застряли танки. Мехлис вызвал машину — и туда. Мне было неудобно отставать, я — за ним. Передовая сильно обстреливалась, я заскочил в траншею. А Мехлис подхватил какую-то палку, подошел к танку и застучал по броне. Оттуда танкист выглянул. Мехлис к нему: почему стоите? Кто командир? Тот показал на танк метрах в тридцати. Лев Захарович подошел к командирскому танку, опять постучал. Выглянул офицер, оказавшийся командиром батальона. На тот же вопрос Мехлиса ответил: не имеем, мол, никаких указаний. «Так вот вам указание — давайте вперед!». Танки пошли дальше, а мы вернулись на НП.

Автор: Есть много свидетельств, что Мехлис был жестоким, грубым. Как происходил этот разговор?

Ортенберг: Абсолютно нормально, спокойно. Прямо скажу, мне, как редактору «Красной звезды», а позднее начальнику политотдела 38-й армии довелось видеть Мехлиса почти на всех фронтах, где он был членом Военного совета. И ни разу не пришлось быть свидетелем того, что он отругал кого-нибудь из командиров или солдат, не встречал такого. Возможно, потому, что в опасности он, насколько я могу судить по личным впечатлениям, никогда не терялся.

Вот вам случай из финской войны. Мы вместе были в 11-й армии, где я редактировал газету «Героический поход». Как-то выехали в одну из дивизий. Туда проехали нормально, а назад финны путь отрезали. Мехлис дал мне машину — бывшее ленинградское такси, грузовичок с несколькими бойцами в качестве охраны: «Прорывай-

тесь!» Нам удалось проскочить по еще непрочному льду только что замерзшего озера. А сам Мехлис с командиром дивизии возглавил ее выход из окружения.

Он всегда рвался на фронт и во время Великой Отечественной войны. Другое дело, что не всегда находил там дело по себе. В начале войны его посылали на некоторые фронты представителем Ставки. В это время ГлавПУР фактически оставался без руководства. Я лично считаю, что это было неправильно. В ГлавПУРе было что делать, а там, на фронте, Мехлис хватался за все, хотя ни в тактике, ни в оперативном искусстве не разбирался, что подтвердил Крым весной 1942 года.

Автор: Вы долго работали с Мехлисом и в «Правде», и в госконтроле, и в ПУРе, тесно общались с ним, будучи главным редактором «Красной звезды». Что вы можете сказать о его взаимоотношениях с И.В. Сталиным?

Ортенберг: Сталин доверял ему. Когда Льва Захаровича после Крыма сняли с должности, понизили в звании, он некоторое время находился дома. Я как раз зашел к нему. Он ходил по кабинету крайне расстроенный, сказал мне: «Все, все кончено». Я стал его успокаивать. В это время заходит фельдъегерь с пакетом. А там постановление ЦК о включении Мехлиса в состав совета по военно-политической пропаганде при ГлавПУРе. Совет имел совещательные полномочия, но все же...

— Вот видите, — говорю Мехлису, — Сталин вас не забыл.

Еще более интересный факт относится к 1952 году и связан с XIX съездом партии. Мехлис жил тогда на даче в Петрово-Дальнем. К тому времени он давно болел, правая рука не работала, мог сделать не больше нескольких шагов. И все же, узнав о подготовке к съезду, написал Сталину письмо с просьбой разрешить присутствовать, как члену ЦК, на заседаниях хотя бы с правом совещательного голоса. Я его отговаривал: куда, мол, вам такому беспомощному. По этой причине, наверное, и Сталин отказал Льву Захаровичу. Тот переживал страшно. Один день съезда проходит, второй, третий... Мехлис места себе не находил. Я его успокаивал, говорил: неудобно ведь в таком физическом состоянии присутствовать среди делегатов, что люди могут подумать? Но вот съезд закончился. Получаем «Правду» с результатами выборов в ЦК. В списке избранных читаем — Лев Захарович Мехлис. Не припомню другого такого случая в

истории партии. Конечно, это Сталин вспомнил о Мехлисе. Доволен он был ужасно.

Автор: Каким он был в качестве наркома, а потом и министра госконтроля?

Ортенберг: По линии госконтроля мне довелось работать с ним только до войны. Когда Льва Захаровича назначили наркомом, он получил согласие Сталина на перевод из военного ведомства некоторых работников. Взял и меня начальником орготдела, своего рода начальником штаба. В те полгода мы виделись почти ежедневно. С аппаратом он вел себя хорошо, ровно. Чтобы кого-то отругал, мерзостей наговорил — не было такого. Другое дело — разгильдяи, нарушители законов, транжиры государственных средств. Приказы в отношении их были действительно резкие, суровые, непримиримые. Потому и боялись его.

Автор: О работоспособности Мехлиса ходили легенды...

Ортенберг: Не без оснований. Как редактор «Правды» он привык трудиться до утра. Газету печатали до 3—4 часов, и пока не подпишет ее в свет — из редакции не уходил. Уедет домой, а через пару часов уже звонок: интересуется, как рассылается тираж. И так практически ежедневно.

К материалам проявлял большую строгость. Бывало, потребует передовую. Принесешь ему стопу, он посмотрит одну — не нравится, в корзину! Вторую — не нравится, в корзину! Третью — в корзину! Требует:

— Давайте еще.

— А больше нет...

Тогда достает из корзины текст назад и давай править. Правил очень тщательно. Первое время, когда я, как заместитель главного редактора «Красной звезды», приносил ему полосы в ПУР, он не жалел час-два, чтобы выправить передовую, теоретическую или постановочную статью, заголовок придумать. Также тщательно учил работать и нас.

Он был способным и знающим редактором. Язык у него был неплохой, чем он выгодно отличался от других партработников.

Автор: Так он держался с подчиненными. А с высшими руководителями?

Ортенберг: Об отношениях со Сталиным я уже говорил. С членами же Политбюро Мехлис держал себя на равных. Сталин его

крепко поддерживал, и Лев Захарович учитывал это во взаимоотношениях с другими высшими руководителями, не боялся с ними спорить, возражать.

Автор: Дружил он с кем-нибудь из членов Политбюро?

Ортенберг: Нет, ни с кем. У него близких друзей вообще не было. Если после войны и был кто, так это я. Когда он заболел, никто из Политбюро не приезжал навестить его.

Автор: Коснулась ли его каким-то образом послевоенная кампания против космополитов?

Ортенберг: Нет, абсолютно. Но он здесь шел строго за Сталиным.

Автор: Каким Мехлис был в быту?

Ортенберг: Он был очень скромным, скажу даже — щепетильным. Характерна такая мелочь: как наркому ему бесплатно были положены папиросы, он не брал, платил деньги. С фронта ничего не привез, хотя это не считалось зазорным, и можно было сделать на вполне законных основаниях.

В конце 1945 года я встречал его по возвращении из-за границы в Москву. Вижу — выходит из вагона с пылесосом: знаете, были тогда такие небольшие, примитивные. Видимо, заметив мое удивление, он поспешил тут же пояснить, что вещь купил у проводника, и в доказательство расписку предъявил. Помню, я аж засмеялся: до какого умопомрачения доходила его скромность! Такой же была и его супруга.

Мехлис очень переживал за сына, страдавшего психическим заболеванием. Надеялся, что, может, с годами перерастет, взял его с собой на фронт, но в связи с болезнью был вынужден вернуть сына в Москву. После войны тот какое-то время жил с родителями на даче. Бывало, зимой раскроет настежь все окна — что с ним делать? Лев Захарович сильно переживал. Ну а уж когда сам тяжело заболел, вынужден был поместить сына в специальную клинику. Тоже трагедия человеческая...

Автор: Были ли у Мехлиса какие-то увлечения, интересы вне службы?

Ортенберг: Охота, рыбалка или что-то в этом роде? Нет. С утра и до ночи был поглощен работой. Трудился он, мало сказать, усердно, трудился беззаветно.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

«ЛИЧНАЯ КАРТА КОММУНИСТА», ЗАПОЛНЕННАЯ Л.З. МЕХЛИСОМ 31 ДЕКАБРЯ 1920 г. ПРИ УВОЛЬНЕНИИ ИЗ КРАСНОЙ АРМИИ[1]

Мобилизационная часть ПУР

Форма № 1

ЛИЧНАЯ КАРТА КОММУНИСТА №...

1.	Фамилия, имя и отчество	Мехлис Лев Захарович
2.	Возраст	32 г.
3.	Родной язык	русский
4.	На каких других языках говорит	понимаю еврейский
5.	Образование (какое окончил или проходил учеб. заведение)	среднее
6.	Семейное положение и состав семьи	женат
7.	Адрес семьи и личный	Екатеринослав, жена
8.	Кем командируется на фронт	на фронт был ком[андирован] Хар[ьковской] орган[изацией] в апреле 1919 г.
9.	Который раз едет на фронт	был все время с апреля 1919 г.
10.	К какой организации принадлежит (город, район, № членского билета)	Р К П
11.	Время вступления в РКП (год и месяц)	Март—апрель [19] 18 г.
12.	Состоял ли в др. партиях, каких именно и когда	в Е.С.Д.Р.П. в Одесской орг[анизации] с 1907 г.
13.	Когда, где и какие обязанности выполнял в парт. организации до 1917 г.	——
14.	Выступал ли на митингах, на собраниях, перед кем	——

[1] Извлечено из: РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 2, л. 5—6.

15.	Принимал ли непосред. участие и какое именно в переворотах мартовском и октябрьском	в г. Одессе против гайдамаков в январе [19] 18 г. в г. Белая Церковь в мартовском
16.	Какую парт. работу несет в наст. время и где	военкомдив 46
17.	Когда и какие обязанности выполнял в профессиональной организации	——
18.	Был ли на военной службе до революции, сколько лет и в какой части войск	был
19.	Род оружия, которым владеет	——
20.	Был ли в учебной команде, сколько времени	——
21.	Какие занимал военные командные должности до революции	——
22.	Был ли где в сражениях во время империалистической войны	——
23.	Какие обязанности выполнял в Красной гвардии	——
24.	Когда вступил в Красную Армию и какие обязанности в ней выполнял	с апр[еля] [19] 19 г.
25.	В каких боях участвовал	очень многих с апрел[я] [19] 19 г. до ликв[идации] Врангеля
26.	Был ли и когда ранен	17 апреля [19] 20 г.
27.	Состояние здоровья в настоящее время	плохое
28.	Главное занятие в дорев. период (в каких предприятиях, когда и в качестве кого)	——
29.	Побочное занятие	——
30.	Должность занимаемая в настоящее время и где	——
31.	Какие выборные должности занимал в Советской республике	——

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ПИСЬМО Л.З. МЕХЛИСА СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) Л.М. КАГАНОВИЧУ ОТ 20 ИЮЛЯ 1925 г. О ПОРЯДКЕ ПОДГОТОВКИ ЗАСЕДАНИЙ ПОЛИТБЮРО ЦК[1]

Дорогой Лазарь Моисеевич!

На Ваше письмо не мог своевременно ответить ввиду исключительной загруженности неотложной работой. Я чувствую все же себя виноватым и хочу пополнить пробел хотя бы второпях — за пару часов до отъезда в отпуск.

Перехожу к существу затронутых вопросов.

1. Какие из вопросов включаются в повестку ПБ

Как практика установлено (так в письме. — *Ю.Р.*), что ни один из вопросов, главным образом хозяйственных и финансовых, не включается в повестку ПБ без предварительного рассмотрения его в советском порядке, т.е. финансовые и хозяйственные вопросы поступают на рассмотрение ЦК лишь в порядке апелляции на решение советских органов или, если вопрос сам по себе имеет *особо* (здесь и далее подчеркнуто Л.З. Мехлисом. — *Ю.Р.*) важное значение (бюджет, экспортно-импортный план, валютный баланс и проч.).

В отношении же политических вопросов, имеющих международное значение (НКИД, ИККИ и пр.) установлено, что они рассматриваются *непосредственно* в ПБ.

2. Порядок подработки вопросов к заседанию ПБ

Поступившие в ЦК материалы по вопросам международным, хозяйственным и проч., подлежащим рассмотрению ПБ, передаются одному из помощников Генсека для ознакомления и разработки. Разработка заключается в: 1) выяснении, должен ли вообще вопрос ставиться на ПБ, 2) какие решения приняты ЦК (Политбюро, Оргбюро или Секретариатом) прежде по этому или аналогичному вопросу, 3) в посылке материалов на заключение заинтересованных ведомств.

Когда вся эта «процедура» закончена, обязательно заполняется карточка для включения вопроса в первую предварительную повестку Политбюро (карточка прилагается).

---

[1] Извлечено из: РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 75, л. 166—167.

Эта карточка с материалами (кроме особо конспиративных) передается в технический секретариат Политбюро, где она заносится в особую книгу вопросов, включаемых в повестку ПБ (форма книги прилагается). Кроме того, в первую предварительную повестку включаются вопросы в порядке контроля решений Политбюро.

По понедельникам в 7 час. вечера нами рассматривается первая предварительная повестка ПБ. При рассмотрении повестки (присутствуют: зав. Бюро Секретариата, помощники Генсека, секретарь ПБ, пом. зав. Бюро Секретариата и дежурный секретарь Политбюро, ведающий контролем) заслушиваются кратко вопросы, выясняется, какие из вопросов остаются для предварительной повестки ПБ, которая и представляется на утверждение Генсека с участием секретарей (эта часть порядка утверждения повестки Вам в достаточной мере известна).

3) Остальные моменты прохождения вопросов в Политбюро

За краткостью времени и возможной неполноты точного освещения вопроса остальные моменты прохождения вопросов не затрагиваю. Было бы в значительной мере целесообразно, если бы т. Ильинский побывал у нас в течение недели (или около этого) и провел бы это время у нас на практической работе. Он тогда уловил бы все основные моменты и взял бы с собой материалы.

Я очень извиняюсь вторично, т. Каганович, что не мог достаточно полно и вовремя ответить на Ваши вопросы, несмотря на то, что по накопленному опыту ответ сам по себе, хотя и частного характера, не представлял трудностей.

Л. Мехлис.

20 июля 1925 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

СТАТЬЯ ИЗ ПАРИЖСКОГО ЭМИГРАНТСКОГО ЖУРНАЛА «ЧАСОВОЙ» В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ Л.З. МЕХЛИСА НАЧАЛЬНИКОМ ПУ РККА[1]

По неписаной сов[етской] табели о рангах должность н[ачальни]ка Полит[ического] Упр[авле]ния РККА одна из важнейших в Сов[етском] Союзе. ПУР, работающий на правах военного отдела

[1] Часовой, 1938, № 217—218. С. 6—7.

ЦК ВКПб, наряду с Особым отделом НКВД следит за благонадежностью армии, за настроением бойцов и к[оманди]ров, за степенью их преданности диктатору, стараясь воспитать в них слепую покорность сталинскому режиму. От аттестации ПУРа и подчиненных ему комиссаров и политотделов воин[ских] частей зависит и судьба, и карьера каждого к[оманди] ра.

Поэтому нач[альник] ПУРа, в сущности, как второй НК Обороны, с мнением к[ото]рого считаются больше, чем с мнением официального главы вооруженных сил СССР Ворошилова.

После самоубийства в мае [19]37 г. долголетнего руководителя ПУРа — Гамарника и перевода в НК флота заменившего его Смирнова на этом посту появилось лицо, не имевшее никаких связей с прежним руководством Кр[асной] Армии — редактор «Правды» Лев Захарович Мехлис.

Наряду с Ежовым и еще несколькими «выдвиженцами» 37 г., Мехлис принадлежит к непосредственному окружению Сталина. Уже в течении многих лет рука диктатора заботливо расставляла их на внешне малозаметных и невидных должностях, полных, однако, скрытого влияния и значения. За семилетнее редакторство Мехлиса ни одна статья, подписанная его именем, не появилась в «Правде», зато именно с его легкой руки началось печатание бесчисленных изображений Сталина и заполнение газетных страниц бессмысленно-восторженными дифирамбами в честь «гениального» вождя.

Прошлое М[ехлиса] не сложно — коренной одессит, родившийся в 1889 г. Мелкий конторский служащий с незаконченным начальным образованием, подобно большинству еврейской молодежи, захваченный революционной волной 1905 г. Демонстрации, митинги, арест за хранение оружие и избиение в полицейском участке, вежливо именуемое теперь «ранением». Член (1907—10) евр[ейской] раб[очей] с. д. партии, перешедший в большевистские ряды только в марте [19] 18 г. Во время войны — рядовой IX армии, не выдвинувшийся даже после октябр[ьского] переворота дальше члена коллегии совнархоза Украины. С [19]19 г. — комиссар 46 с[трелковой] дивизии на польском фронте и под Каховкой. Легкая рана под Геническом.

Только с [19] 22 г. начинается неторопливое возвышение М[ехлиса], попавшего на работу в секретариат ЦК ВКПб. Здесь происходит первая встреча со Сталиным. И в то время, как головка компартии после смерти Ленина колеблется между Троцким, Зиновьевым, Бухариным, М[ехлис] угадывает верный курс — он ставит на Сталина, помогает ему скрывать выступления оппозиции, фаль-

сифицирует результаты голосований и выборов в парторганизациях, подбирает данные и документы, компрометирующие оппозиционеров. По слухам, даже к сокрытию истинного завещания Ленина, направленного против Сталина и хранившегося в секретариате, причастны проворные и ловкие руки Мехлиса. Обеспечив себе доверие утвердившегося «вождя», М[ехлис] садится за учебу — проходит курсы марксизма при Комакадемии и в [19]30 г. оканчивает Ин[ститу]т кр[асной] профессуры.

Далее — редакция «Правды», 2 ордена и должность н[ачальни] ка ПУР.

Давно оторвавшийся от армии, возведенный, минуя все пред[шествующие] чины, сразу в арм[ейские] комиссары 2 р. М[ехлис] при вступлении в должность наталкивается на завистливое недоброжелательство сослуживцев, к[оторо]е он разрубает посталински — обвинив в фашизме 2 своих заместителей — Булина и Осепяна и отправив их со мн[огими] др[угими] работниками ПУР в НКВД, где для арестованных армейцев существует только одна резолюция — расстрелять.

Чистка армии, начатая М[ехлисом] в январе, не закончена до сих пор. Старательный исполнитель предначертаний Сталина пытается сломать бунтующую армию. Пока победа на стороне Мехлиса — в его «активе» головы маршала Егорова, командармов Дыбенко, Белова, Куйбышева. Новый орден, как капля крови, на плохо сшитом мундире. Новые милости Сталина, депутатское место в сов[етском] «парламенте».

А впереди — либо стремительный переход в разряд «бешеных собак», либо жадная пуля мстителя.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

ФРАГМЕНТЫ ДОКЛАДА Л.З. МЕХЛИСА О ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ НА СОВЕЩАНИИ ВЫСШЕГО РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА РККА 13 мая 1940 г.[1]

В вопросах военной идеологии мы оказались достаточно беззаботными. В работе давила повседневная текучка, процветал эмпиризм.

Товарищ СТАЛИН в своей речи на военном совещании в Кремле поставил перед нами во всю ширь вопросы военной идеологии и вскрыл ряд вопиющих ошибок и промахов.

[1] Исторический архив, 1997, № 5—6. С. 82—99.

На основе указаний товарища СТАЛИНА нам необходимо сделать серьезный поворот в сторону военной идеологии. Самая революционная партия в мире должна иметь самую передовую военную идеологию. Нам, военному отряду партии большевиков, не к лицу больше терпеть то отставание в области военной идеологии, которое имеет место.

<…>

Вопросы военной идеологии, если их грубо расчленить, складываются из двух частей диалектически единого целого: а) это вопросы нашей военной доктрины и б) вопросы воспитания армии в широком смысле этого слова.

Товарищ СТАЛИН выставил тезис — не возводить в культ опыта гражданской войны, покончить с этим культом. Из этого тезиса вытекает очень многое.

1. Современная большая война, которая может быть навязана капиталистическим миром Советскому Союзу, потребует максимального напряжения всех людских сил и материальных средств нашей страны. Эту будущую войну вплоть до последних лет многие командиры Красной Армии представляли себе, как сумму чисто маневренных операций, характеризующихся высокой подвижностью, действиями на флангах и в тылу противника, организацией оперативного охвата, обхода и окружения. Такие товарищи исходили из *механического* (курсив Л.З. Мехлиса. — *Ю.Р.*) перенесения на будущее опыта гражданской войны в СССР...

2. Война с Финляндией была первым после гражданской войны 1918—1920 гг. боевым столкновением, в котором наша еще молодая и по существу необстрелянная армия столкнулась с современными средствами и условиями ведения операции и позиционного боя...

Война с Финляндией со всей очевидностью вскрыла ряд существенных недочетов в области воспитания нашей Красной Армии. Уровень подготовки командного состава, уровень представлений командиров и бойцов о войне и бое оказался не вполне отвечающим действительным требованиям и реальным условиям современности. Это привело к отдельным неудачам и излишним потерям, вскрыло в ряде случаев низкую тактическую и стрелковую подготовку войск, неподготовленность некоторых командиров и начальников к управлению войсками в современном сложном бою и их неумение правильно использовать технические средства борьбы. Обнаружил-

ся также ряд вопиющих недочетов и промахов в содержании пропаганды и агитации...

3. Красная Армия, как и всякая армия, есть инструмент войны. Весь личный состав Красной Армии должен воспитываться в мирное время исходя из общей цели — подготовка к войне. Наша война с капиталистическим миром будет войной справедливой, прогрессивной. Красная Армия будет действовать активно, добиваясь полного разгрома и сокрушения врага, перенося боевые действия на территорию противника. В соответствии с этим надо воспитывать весь личный состав армии и всю нашу страну в том духе. Что всякая война, которую поведет армия социализма, будет самой справедливой из всех войн, которые когда-либо были...

Речь [также] идет об активном действии победившего пролетариата и трудящихся капиталистических стран против буржуазии, о таком активном действии, когда инициатором справедливой войны выступит наше государство и его Рабоче-Крестьянская Красная Армия. В этом духе нам нужно воспитывать нашу Красную Армию и весь пролетариат, чтобы все знали, что всякая наша война, где бы она ни происходила, является войной прогрессивной и справедливой.

<...>

Если можно говорить о главной опасности сегодня в вопросах военной доктрины, то главной нашей опасностью является недооценка трудностей маневренной войны...

Очевидно, что с теорией огульного наступления надо решительно и быстро покончить, ибо она ведет к зазнайству, шапкозакидательству и однобокости в подготовке армии.

<...>

6. У нас широко пропагандировался тезис о непобедимости нашей Красной Армии, но история не знает непобедимых армий... Армию, безусловно, необходимо воспитывать, чтобы она была уверена в своих силах. Армии надо прививать дух *уверенности* (курсив Л.З. Мехлиса. — *Ю.Р.*) в свою мощь, но не в смысле хвастовства... Разговоры о непобедимости ведут людей к зазнайству, верхоглядству и пренебрежению военным искусством, а также отдельным поражениям и временным неудачам.

7. Неправильно освещаются также интернациональные задачи Красной Армии. В печатной и устной пропаганде на первый план

выдвигается тезис об освободительной роли нашей армии... Конечно, во всех случаях мы, вступив на территорию противника, будем в роли освободителей трудящихся от эксплуататорских классов. Но в практической работе нельзя швыряться лозунгами вообще... Между тем, лозунг об интернациональных задачах Красной Армии сплошь да рядом дается вне времени, без учета условий и без учета того, к кому апеллируют.

На первом этапе боевых операций на Халхин-Голе в основу пропаганды был положен лозунг выполнения договора о взаимопомощи с МНР и помощи дружественному монгольском народу. Этот лозунг оказался малопонятным для красноармейцев, особенно призванных из запаса. Многие не понимали, почему мы заключили договор с МНР. В ходе боев была внесена поправка. Было широко разъяснено, что МНР — это ключ к нашим границам, и что «защищая границы МНР, Красная Армия обороняет территорию Советского Союза от Байкала до Владивостока, препятствует Японии превратить МНР в плацдарм для войны против СССР»...

Аналогичная ошибка была допущена и в первый период войны с белофиннами, в особенности с правительством Куусинена. Незадачливые политработники механически усвоили лозунг об интернациональных задачах Красной Армии, об освобождении финского народа и обращались с этим лозунгом одинаково как к финскому населению и солдатам, так и к своим войскам. Не учитывали того, что если финскому солдату можно и нужно говорить о том, что Красная Армия несет ему освобождение, то для наших красноармейцев этот лозунг не всегда будет понятен и близок...

В речи товарища МОЛОТОВА было сказано о том, что Красная Армия ведет войну за безопасность города Ленинграда и наших северо-западных границ, ведет войну за то, чтобы уничтожить военный плацдарм, который готовили противники Советского Союза. Когда этот правильный лозунг, данный ЦК и правительством, вновь был подтвержден нашими политработниками, он придал гораздо больший смысл и действенность нашей пропаганде. Этот лозунг был понятным для всего личного состава.

<...>

Военно-научная работа в Красной Армии резко отстает от требований, предъявляемых к передовой советской науке. Военная мысль скована, ее развитие не поощряется и потому она костенеет... Слабо

изучается военная история, в особенности русская. У нас проводится неправильное охаивание старой армии, а между тем, мы имели таких замечательных генералов царской армии, как СУВОРОВ, КУТУЗОВ, БАГРАТИОН (выделено Л.З. Мехлисом. — *Ю.Р.*), которые останутся всегда в памяти народа как великие русские полководцы и которых чтит Красная Армия, унаследовавшая лучшие боевые традиции русского солдата...

Военно-исторический отдел Генштаба работает совершенно неудовлетворительно и не выполняет задач организатора пропаганды военно-исторических знаний в толще армии. Все это приводит к игнорированию конкретного исторического опыта, а между тем самый лучший учитель — это история.

Вступая в войну с Финляндией, наш основной командный состав не знал, что Россия в 18—19 вв. четыре раза воевала на этом театре, в том числе и зимой… Мы имеем, пусть небольшой, опыт войны у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, а также опыт похода на Западную Украину и Западную Белоруссию, но он неизвестен нашему начальствующему составу. Материалы об этих боях лежат под спудом в Генеральном штабе…

12. Совершенно неудовлетворительно поставлено изучение армий вероятных противников и возможных театров военных действий…

Глубоко вкоренился вредный предрассудок, что, якобы, население стран, вступающих в войну с СССР, неизбежно и, чуть ли не поголовно, восстанет и будет переходить на сторону Красной Армии, что рабочие и крестьяне будут нас встречать с цветами. Это ложное убеждение вырастает из незнания действительной обстановки в сопредельных странах. Война в Финляндии показала, что мы не вели политической разведки в северных районах и поэтому не знали, с какими лозунгами идти к этому населению и как вести работу среди него.

<…>

Что нам необходимо для поднятия военной идеологии и военной науки на уровень требований современной войны?

Для этого нужно, прежде всего, ликвидировать болтовню о непобедимости Красной Армии, ликвидировать зазнайство, верхоглядство и шапкозакидательство… Нужно гибче, быстрее делать выводы из того нового, что вносит в военное дело современность

и немедленно претворять эти выводы в жизнь, как в области усовершенствования техники, так и развития тактики и оперативного искусства.

Необходимо по-новому подходить к подбору кадров на руководящие посты в армии. Мерилом для выдвижения кадров надо сделать степень понимания командиром условий современной войны...

Надо повысить военную культуру наших командных кадров... Вся учеба и жизнь Красной Армии должна быть построена применительно к условиям боевой обстановки...

Всеми мерами прививать личному составу Красной Армии воинский дух, воспитывать его на положительных примерах истории русской армии, ее традициях и стойкости ее солдат.

Изжить широко развитый в армии либерализм в отношении к людям, нарушающим уставные положения и воинскую дисциплину.

Не вводить в степень культа положение, что Красная Армия должна всегда и всюду только наступать...

Ликвидировать упрощенчество в воспитании командного состава армии... Для того, чтобы иметь грамотного и культурного командира, необходимо обучение и воспитание направить на то, чтобы воспитывать у начальствующего состава командирскую этику и мораль, честь и достоинство, любовь к военному делу и своей части...

Основой основ воспитания командного состава должно быть глубокое изучение истории ВКП(б), военной истории, широкое освоение военной литературы... Пропаганда в Красной Армии не должна ограничиваться только теорией и историей большевистской партии. Было ошибкой то, что мы увлеклись только пропагандой «Краткого курса истории ВКП(б)» и забыли пропаганду, обязывающую реагировать на все. Пропаганда военной культуры и знаний еще не стала неотъемлемой частью всей воспитательной работы в Красной Армии...

Надо прекратить неправильное освещение интернациональных задач Красной Армии и разъяснить личному составу, что наша главная и основная задача — это активная защита Советского Союза.

Создать в системе Генерального штаба авторитетный отдел по исследованию опыта войн; передать ему функции соответствующего военно-исторического отдела и разведывательного управления РККА (последнего — в части разработки опыта современных войн),

а также руководство научно-исследовательской работой Академии Генерального штаба и Военной академии имени Фрунзе, ведение военными архивами, музеями, центральной военной библиотекой…

<…>

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

ФРАГМЕНТЫ ДИРЕКТИВЫ НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР И.В. СТАЛИНА И НАЧАЛЬНИКА ГЛАВПУ РККА Л.З. МЕХЛИСА В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ ИНСТИТУТА ВОЕННЫХ КОМИССАРОВ 20 июля 1941 г.[1]

Секретно

Военным Советам фронтов, армий, округов,
начальникам политорганов,
военным комиссарам дивизий и полков

Над нашей Родиной нависла серьезная опасность. Враг приближается к нашим важнейшим политическим и экономическим центрам, создавая угрозу Москве, Ленинграду и Киеву. На полях сражений с немецко-фашистскими интервентами решаются судьбы советской власти, решается вопрос о жизни и смерти народов Советского Союза, вопрос о том — быть трудящимся нашей Родины свободными и независимыми или впасть в рабство, быть онемеченными.

Сейчас, как никогда, необходимы воля к победе, идейная сплоченность, железная дисциплина, организованность, беспощадная борьба с предателями и изменниками, с благодушием и беспечностью, с трусами, паникерами и дезертирами, величайшая самоотверженность, готовность идти на любые жертвы во имя победы над врагом, готовность каждого красноармейца, командира и политработника до последней капли крови драться, не щадя своей жизни, за каждую пядь советской земли.

<...>

[1] Извлечено из: АПРФ, ф. 3, оп. 50, д. 23, л. 64—69.

Народный комиссариат обороны требует от всех военных комиссаров и политработников:

1. Быть подлинными представителями Партии и Правительства, большевистскими комиссарами Ленинско-Сталинской закалки, воинствующими большевиками, боевыми носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости, самоотверженности, мужества и непоколебимой воли к победе в борьбе с врагами социалистической Родины. Хранить и умножать боевые традиции комиссаров времен гражданской войны, Халхин-Гола и войны с финской белогвардейщиной.

2. Быть на деле глазами и ушами большевистской партии и Советского правительства, самыми бдительными и осведомленными людьми в частях. Детально знать оперативную обстановку, помогать командиру разрабатывать боевой приказ, строго контролировать проведение в жизнь всех приказов высшего командования.

3. Своевременно сигнализировать Верховному командованию и Правительству о командирах и политработниках, недостойных звания командира и политработника и своим поведением порочащих честь Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

<...>

5. Воодушевлять и ободрять личный состав частей, влить в него непоколебимую веру в силу советского оружия, в победу красной армии над гитлеровскими ордами. В наиболее серьезные моменты боя военный комиссар обязан примером личной храбрости и отваги поднять боевой дух и добиться безусловного выполнения частью боевого приказа.

6. Железной рукой насаждать революционный порядок, дисциплину и беспощадно карать паникеров, трусов, пораженцев, дезертиров и всех, самовольно оставляющих позиции без приказа высшего командования. Помнить, что военные комиссары, наряду с командирами, несут всю полноту ответственности за случаи измены и предательства в части, за ее отступление без приказа.

<...>

8. Очистить все части от сомнительных людей, учтя при этом, что среди призванных в западных областях Украины, Белоруссии, а также среди призванных в Молдавии, Буковине и Прибалтике оказалось значительное число изменников.

Выходящих из окружения в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтики одиночками и группами командиров, политработников и красноармейцев тщательно проверять совместно с особыми отделами с тем, чтобы в наши ряды не мог пробраться ни один шпион.

<...>

11. Повседневно руководить политорганами, партийными и комсомольскими организациями. Добиться, чтобы они не отсиживались в канцеляриях и перешли от абстрактной пропаганды к боевым делам, проявили максимум гибкости и оперативности, быстро и правильно реагировали на все явления жизни частей и подразделений.

<...>

14. Объединить и координировать работу военных трибуналов, военные прокуратуры и особых отделов. Добиться, чтобы все предатели и изменники, все дезорганизаторы, трусы, паникеры и дезертиры, невзирая на лица, немедленно несли самую суровую кару.

<...>

Народный Комиссар Обороны
И. Сталин
Заместитель Народного Комиссара Обороны,
Начальник Главного Политического Управления
армейский комиссар 1-го ранга Л. Мехлис.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

ТЕКСТ ЛИСТОВКИ С ОБРАЩЕНИЕМ К ПОПАВШИМ В ПЛЕН КРАСНОАРМЕЙЦАМ, НАПИСАННОЙ Л.З. МЕХЛИСОМ (осень 1941 г.) [1]

Пленные красноармейцы!

К вам, товарищи-братья, попавшим в плен фашистских захватчиков, к вам, сыны Великой Советской страны, обращаемся мы, ваши соотечественники, земляки (дописано и затем зачеркнуто: «красноармейцы и командиры». — *Ю.Р.*).

[1] Извлечено из: ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 21, л. 117.

Вы попали в лапы коварных врагов немецких извергов (зачеркнуто: «У вас выпытывают сведения о наших частях, обещая за это хорошую жизнь». — *Ю.Р.*). Вас мучают голодом и холодом, заставляют рыть окопы, подносить врагу снаряды, помогать немцам в их захватнической, подлой войне против нашей родины, ваших братьев красноармейцев, против ваших жен, детей, отцов и матерей.

Братья-товарищи! Помните, что вы сыны советского народа, помните свою воинскую присягу.

Не давайте себя обмануть (последние два слова вписаны вместо вычеркнутого: «никаких сведений врагу». — *Ю.Р.*). Не верьте лживым обещаниям фашистских обманщиков. Помните, что немец хочет уничтожить славянские народы, превратить их в своих рабов. Знайте, в плену вас в конечном счете ожидает мучительная смерть. Знайте, что оставаясь в плену, вы обрекаете свои семьи на позор и презрение. Ваши же родные и близкие будут с отвращением произносить ваши имена, ненавидеть вас.

Не теряйте же ни одной минуты, используйте все способы, все пути, уничтожайте своих охранников, бегите из фашистского плена. Бегите группами и в одиночку, пробирайтесь к своей братской родной семье — Красной армии. Не бойтесь угроз фашистских собак.

Наши силы крепнут не по дням, а по часам. Коричневая чума германского фашизма будет уничтожена. Переходите скорей в свою родную семью. Противник не имеет сплошного фронта. Лесом всегда проберетесь к своим, чтобы выполнить свой долг перед Родиной. Мы встретим вас как братьев, вырвавшихся из фашистского плена.

Командование N-ской части

Красной Армии.

(Последний абзац вписан Л.З. Мехлисом вместо ранее вычеркнутых фраз:

«Не бойтесь опасностей. Лучше погибнуть в схватке с врагом, чем стать рабом фашистских извергов, предателем родины.

Мы уверены, что вы вырветесь из лап немецко-фашистских собак. Честно и до конца выполните свой долг перед Родиной, перед советским народом.

Военный совет армии». — *Ю.Р.*)

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

ФРАГМЕНТЫ ДИРЕКТИВЫ СТАВКИ ВГК № 155452 ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ФРОНТОВ И АРМИЙ О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ КРЫМСКОГО ФРОНТА В КЕРЧЕНСКОЙ ОПЕРАЦИИ от 4 июня 1942 г.[1]

В период с 8 по 20 мая войска Крымского фронта вели неудачные бои с наступающим противником на Керченском полуострове и потерпели поражение...

Изучение хода всей Керченской операции вскрыло несостоятельность руководства войсками фронта со стороны командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Козлова, члена Военного совета дивизионного комиссара Шаманина, начальника штаба генерал-майора Вечного и представителя Ставки Верховного Главнокомандования армейского комиссара 1 ранга Мехлиса.

I

Основная причина провала Керченской операции заключается в том, что командование фронта — Козлов, Шаманин, Вечный, представитель Ставки Мехлис... обнаружили *полное непонимание природы современной войны,* что нашло свое выражение в следующих фактах.

1. Опыт современной войны, где танки и авиация играют большую роль, показывает, что исход боя и судьбу войск нельзя ставить в зависимость только лишь от полевых укреплений и линейно растянутых по переднему краю сил боевого порядка...

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта растянуло свои дивизии в одну линию, не считаясь с открытым равнинным характером местности, вплотную пододвинуло всю пехоту и артиллерию к противнику и резервов в глубине не создало... Вследствие этого, после прорыва противником линии фронта, командование оказалось не в силах противопоставить достаточные силы наступающему противнику...

2. Опыт войны показывает далее, что организованное и твердое управление войсками в бою играет решающую роль и что потеря

[1] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5—2). М., 1996. С. 236—239.

связи командования с войсками гибельно отражается на исходе боевой операции…

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта в первые же часы наступления противника выпустило из рук управление войсками…

3. Опыт войны показывает, что успех боевой операции немыслим без четко организованного взаимодействия всех родов войск в бою…

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта не организовало взаимодействия армий между собой и совершенно не обеспечило взаимодействия наземных сил с авиацией фронта…

4. Опыт войны показывает, что наряду с умением организовать наступательный бой, командование должно уметь, когда этого требует обстановка, вывести свои силы из-под удара противника…

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта не организовало отвод войск… Когда же на второй день после начала наступления противника, учитывая обстановку, сложившуюся на Крымском фронте, и видя беспомощность командования фронта, Ставка приказала планомерно отвести армии фронта на позиции Турецкого вала, командование фронта и тов. Мехлис своевременно не обеспечили выполнение приказа Ставки, начали отвод с опозданием на двое суток, причем овод происходил неорганизованно и беспорядочно…

II

Вторая причина неудач наших войск на Керченском полуострове заключается в *бюрократическом и бумажном методе руководства войсками* со стороны командования фронта и тов. Мехлиса.

Тт. Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состоит в отдаче приказа и что изданием приказа заканчивается их обязанность по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования.

…В критические дни операции командование Крымского фронта и тов. Мехлис, вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета.

III

Третья причина неуспехов на Керченском полуострове заключается в *недисциплинированности* тт. Козлова и Мехлиса. Как уже отмечалось выше, тт. Козлов и Мехлис нарушили указание Ставки и не обеспечили его выполнения, не обеспечили своевременный отвод войск за Турецкий вал. Опоздание на два дня с отводом войск явилось гибельным для исхода всей операции.

* * *

Учитывая, что тт. Мехлис, Козлов, Шаманин, Вечный, Черняк, Колганов, Николаенко (начальник авиации фронта) показали свою несостоятельность в руководстве войсками и являются прямыми виновниками неудачного исхода Керченской операции, Ставка Верховного Главнокомандования р е ш и л а:

1. Снять армейского комиссара 1-го ранга т. Мехлиса с постов заместителя Народного комиссара обороны и начальника [Главного] политического управления Красной Армии и снизить его в звании до корпусного комиссара.

<...>

Ставка считает необходимым, чтобы командующие и военные советы всех фронтов и армий извлекли уроки из этих ошибок и недостатков в руководстве командования бывшего Крымского фронта.

Задача заключается в том, чтобы наш командный состав по-настоящему усвоил природу современной войны, понял необходимость глубокого эшелонирования войск и выделения резервов, понял значение организации взаимодействия всех родов войск, и особенно взаимодействия наземных сил с авиацией.

Задача заключается в том, чтобы наш командный состав решительно покончил с порочными методами бюрократическо-бумажного руководства и управления войсками, не ограничивался отдачей приказов, а бывал почаще в войсках, в армиях, дивизиях и помогал своим подчиненным в деле выполнения приказов командования.

Задача заключается в том, чтобы наш командный состав, комиссары и политработники до конца выкорчевали элементы недисциплинированности в среде больших и малых командиров.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

ПИСЬМО КОРРЕСПОНДЕНТА ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» В. КОРОТЕЕВА В ЦК ВКП(б) ОБ ОТНОШЕНИИ В ВОЙСКАХ К Л.З. МЕХЛИСУ[1]

СЕКРЕТАРЯМ ЦК ВКП(б)
тов. Г.М. МАЛЕНКОВУ
тов. А.С. ЩЕРБАКОВУ

Находясь продолжительное время на Брянском фронте, мне не раз приходилось в дивизиях, армиях и в штабе фронта слышать резкие суждения о тов. Мехлисе, говорящие, что многие командиры и политработники с глубокой неприязнью относятся к тов. Мехлису, прибывшему на Брянский фронт в начале июля с. г. в качестве члена Военного Совета. Это неприязненное выражение можно определить более или менее точно: его боятся, не любят, более того, ненавидят.

Происхождение этой неприязни вызвано, видимо, весьма крутыми расправами т. Мехлиса с командирами на юге, на Воронежском и Волховском фронтах, известия о которых распространились по-видимому в армии и о которых здесь, на Брянском фронте, тоже знают.

«Конечно, — говорят о нем многие (например, генерал Антропов — нач[альник] оперативного отдела штаба фронта, подполковник Шитов — зам[еститель] начальника разведки), — Мехлис человек большой, умный, с широким государственным кругозором. Но и с этими качествами все-таки было бы лучше, если бы он работал не в армии. В армии самые талантливые, большие люди даже тогда, когда Мехлис не прав, не решаются оспаривать его мнение, т.к. находятся под влиянием его бывшего положения и авторитета. Поэтому он подминает всех и вся, считает, что ему все можно».

В подтверждение этого приводят, помимо всего прочего, такой факт: недавно т. Мехлис приказал вызвать к себе на 8 ч[часов] начальников всех управлений и служб тыла, но занялся другими делами, и все тыловое начальство — генералы, полковники — ровно сутки лежали в лесу, ожидая начала совещания.

---

[1] Извлечено из: АПРФ, ф. 55, оп. 1, д. 29, л. 70—72.

Люди здесь хорошо знают крутой нрав т. Мехлиса, его резкость, безапелляционность в отношении ко всем. Говорят о нем также, что он не пытается искать, завоевывать любовь своих подчиненных. По словам члена Военсовета 66 армии т. Кривулина, на Степном фронте люди были настолько запуганы его резкими телеграммами, телефонными звонками, выговорами, что не знали покоя ни днем, ни ночью, а когда он уехал со Степного фронта, все там с облегчением вздохнули.

Каждую смену в командном или политическом составе на Брянском фронте, наверное, не без оснований, приписывают новому члену Военсовета. В первые дни приезда т. Мехлиса сюда был заменен зам[еститель] начальника штаба фронта полковник Ермаков. Ермаков пользовался большим уважением у людей, как умный и опытный, по-настоящему обаятельный командир, который умел организовывать порядок в штабе — охрану штаба, политработу среди командиров и т.д.

На место Ермакова был поставлен полковник Фисунов — бывш[ий] секретарь т. Мехлиса. По мнению командиров, которое надо разделить, после замены Ермакова порядка в штабе ничуть не прибавилось, т.к. заботы Фисунова главным образом касаются Военторга.

Совершенно неожиданно и, по мнению всех неосновательно, был также сменен начальник разведки фронта старый полковник Хлебов, один из деятельных участников двух операций фронта — касторненской и орловской. В первые же дни приезда на Брянский фронт новый член Военсовета заявил ему: «Ваша работа меня не устраивает». Вскоре Хлебов был откомандирован в Москву и заменен полковником Масловым, приехавшим с Волховского фронта.

Ряд командиров и политработников в известной мере напуганы подобными фактами и потому не уверены в том, что они также не будут сменены. Например, редактор фронтовой газеты полковник Воловец, почти каждый день получающий резкие замечания т. Мехлиса по газете, боится ходить к нему и, как он признается, ожидает дня, когда т. Мехлис снимет его. Ошибкой газеты были несколько передовых и аншлагов в июле — «Устроим немцам под Орлом второй Сталинград». Но редакция печатала эти аншлаги и передовые половину месяца, исходя из указания Военсовета фронта.

Не стану перечислять другие известные факты. Вполне понимаю, что разбираться в них — не мое дело. Я написал это письмо после раздумья и колебаний, откровенно и прямо, желая одного: чтобы ЦК нашей партии, тов. Сталин знали бы это настроение командиров и политработников по отношению к генералу Мехлису.

15.IX.43 г.
Майор В. Коротеев
член ВКП(б), корреспондент
ЦО НКО «Красная звезда».

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

ФРАГМЕНТЫ СТАТЬИ Л.З. МЕХЛИСА «ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ»[1]

Тридцатилетие социалистического Государственного Контроля — знаменательная дата для нашей страны. История социалистического контроля является яркой иллюстрацией того, как партия Ленина—Сталина гибко руководит органами государственного управления, учитывая изменяющуюся обстановку и особенности того или другого периода социалистического строительства.

<...>

Состояние контроля в Советской республике было предметом обсуждения VIII съезда РКП(б), который в своих решениях потребовал «создать подлинный фактический контроль социалистического характера». Встал вопрос — кому поручить эту гигантскую работу, кто в сложной военной обстановке, в условиях хозяйственной разрухи справится с задачами контроля и организации советской работы, кто возглавит перестройку советских учреждений от бюрократической скверны...

Великий вождь и основатель советского государства Ленин считал, что нет лучшей кандидатуры, чем товарищ Сталин, и ему следует поручить реорганизацию и руководство Государственным Контролем.

---

[1] Правда, 1949, 9 апреля.

<...>

На посту Наркома РКИ товарищ Сталин работал в течение трех лет, до избрания его, по предложению В.И. Ленина, в апреле 1922 г. Генеральным секретарем Центрального Комитета партии. За эти годы социалистический контроль был верным помощником партии, проделал огромную работу по проверке различных отраслей народного хозяйства, по борьбе с бесхозяйственностью и расточительным расходованием материальных ресурсов, в особенности продовольствия, по усовершенствованию механизма власти. РКИ была превращена в своеобразный центр накопления опыта социалистического строительства.

<...>

В 1940 году, по инициативе товарища Сталина, на базе Комиссии Советского Контроля и Главного Военного Контроля, был создан Народный Комиссариат Государственного Контроля СССР. В его задачу входит контроль над учетом и расходованием государственных средств и материальных ценностей и проверка исполнения решений Правительства. Основным методом работы Государственного контроля являются **документальные ревизии и проверки** (выделено Л.З. Мехлисом. — *Ю.Р.*) хозяйственной и финансовой деятельности предприятий, организаций и различных ведомств...

Социалистический Государственный Контроль за свое тридцатилетнее существование претерпел различные организационные изменения, вытекавшие из особенностей развития и состояния народного хозяйства на различных этапах, оставаясь неизменно верным и сильным орудием в руках Партии и Правительства для проверки выполнения их решений. Повседневная связь с Центральным Комитетом ВКП(б) и Правительством, работа под их непосредственным руководством придают Государственному Контролю силу и уверенность в работе, правильную ориентировку в решении очередных задач.

В условиях борьбы за построение коммунистического общества роль государства, его хозяйственно-организаторские функции всемерно возрастают. Крепить и совершенствовать государственный аппарат, повышать государственную дисциплину во всех звеньях, **повышать личную ответственность каждого должностного лица за доверенный ему участок работы** (выделено Л.З. Мехлисом. — *Ю.Р.*) — вот над чем обязаны работать мы, контролеры, свойствен-

ными социалистическому контролю методами. С новой силой встают поставленные товарищем Сталиным вопросы о необходимости беречь народную копейку для дальнейшего роста хозяйства, осуществлять зверский режим экономии, вытравлять всякие излишества, беззакония и хищения государственных денежных средств и материальных ценностей.

<...>

Органы Государственного Контроля в целом и каждый контролер в отдельности должны всегда и везде проводить линию нашей партии, быть безусловно правдивыми, партийно принципиальными, на сто процентов объективными и честными в выводах по итогам ревизий и проверок, не допускать тенденциозности, фальши и неискренности, не допускать сращивания с контролируемыми учреждениями и лицами. Контролерский состав должен быть свободным от какого бы то ни было предвзятого мнения и всегда помнить указание товарища Сталина о том, что «попытка подогнать цифру под то или другое предвзятое мнение есть преступление уголовного характера»...

Государственным контролерам доверено проверять советский аппарат, советских работников, невзирая на лица. Это многократно увеличивает ответственность контролерского состава за свою деятельность. Наша особая постоянная забота — оправдать доверие народа, доверие Центрального Комитета партии и Правительства, доверие великого Сталина.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

РУБЦОВ ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ

Окончил исторический факультет Ростовского-на-Дону государственного университета. Доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук. Полковник запаса.

Член исполнительного совета Ассоциации историков Второй мировой войны при Национальном комитете историков России, член редакционной коллегии журнала для ученых «Клио» (г. Санкт-Петербург). Лауреат премии АВН им. А.В. Суворова.

Автор ряда книг по отечественной истории, в том числе вышедших в издательстве «Вече», — «Маршалы Сталина: от Буденного до Булганина» (2006), «Штрафники Великой Отечественной в жизни и на экране» (2008).

Содержание

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Рубцов Юрий Викторович

МЕХЛИС. ТЕНЬ ВОЖДЯ

Выпускающий редактор *Г.Ю. Пернавский*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Верстка *И.В. Левченко*
Дизайн обложки *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 01.07.2011. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 12. Тираж 3000 экз. Заказ № 3181.

Отпечатано в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЪ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:
127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
Тел.: (499) 948-40-71, (499) 948-40-72, 948-40-73.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

МЕХЛИС. ТЕНЬ ВОЖДЯ

Одно только появление на фронте или в тылу Льва Мехлиса вызывало ужас у многих храбрых и заслуженных военачальников и руководителей. К 1941 году этот человек считался тенью Сталина, его «вторым я» и был главным комиссаром Красной Армии. Он был настолько фанатично предан своему вождю и стране, что ради выполнения поставленной задачи не останавливался ни перед чем.

Мехлиса обвиняют в том, что на его руках кровь сотен невинных командиров Красной Армии, часть из которых он якобы расстрелял лично. Однако его уважали простые солдаты, о которых он неизменно заботился. С одной стороны, Мехлис считается одним из главных виновников поражений первых месяцев Великой Отечественной войны и краха Крымского фронта весной 1942 года. С другой стороны, его несгибаемость и твердость не раз спасали войска в самых отчаянных ситуациях.

ISBN 978-5-9533-5781-4